

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

1
2018

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН
2018 №1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2018

1

Журнал выходит шесть раз в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Серийное издание

К 200-летию Института востоковедения РАН

To the 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Журнал учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Дизайн обложки – *С. В. Ветохов*; макет и верстка – *С. Е. Малых*

На обложке: комплекс предметов, обнаруженных Российской археологической экспедицией ИВ РАН в Гизе (Египет) в 2017 г. (*фото С. В. Малых*)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2018

1

Published bimonthly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

The Journal was founded by the Academic Council
of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Вестник Института востоковедения РАН. № 1. – М.: ИВ РАН, 2018. – 206 с.

ISSN 2618-7302

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала.
Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

КАВКАЗ. РЕЛИГИЯ

ЛИТЕРАТУРА СТРАН ВОСТОКА

ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРЕВОДЫ

CONTENTS

POLITICAL CONFLICT STUDIES

CAUCASUS. RELIGION

LITERATURE OF ORIENTAL COUNTRIES

ORIENTAL LANGUAGES

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

TRANSLATIONS

ПРИВЕТСТВИЕ «ВЕСТНИКУ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН»

В октябре 2018 года исполняется 200 лет Институту востоковедения Российской академии наук. В этот год, помимо международного конгресса, призванного отметить это важнейшее для отечественной востоковедной и всей гуманитарной науки событие, Институт запустил новый научный журнал, позволяющий всем его сотрудникам встретиться на его страницах и узнать, чем живет институт. Подобная концепция имеет двойную ценность: давая самим сотрудникам возможность «заглянуть в гости» в соседние отделы и, возможно, спланировать какие-либо совместные научные мероприятия, «Вестник» представляет собой показательный срез интересов и свершений Института. Структурная гибкость, обширный рубрикатор и высокий уровень научной требовательности издания внушают надежду на то, что новому институтскому журналу суждено долгое и плодотворное существование.

Что же касается юбилея, то новый журнал открывается постоянной рубрикой, посвященной истории нашего института и ведущихся в нем исследований: ученые ИВ РАН всегда помнят о своих истоках.

Я желаю «Вестнику» талантливых авторов, интересных статей и скорейшего выхода в свет второго номера.

Научный руководитель института,
академик РАН,
доктор исторических наук,
профессор
В. В. НАУМКИН

ОТ РЕДАКЦИИ

Первый «Вестник Института востоковедения РАН» появился на свет благодаря трудам людей, предоставивших для него свои самые последние научные разработки. Коллектив редакции благодарит всех авторов за материалы, готовность обсуждать тексты и идеи, прекрасные иллюстрации, тщательное соблюдение правил оформления и, конечно, за будущие статьи.

Уже в первом номере статья культуролога-японоведа соседствует с материалом культуролога-египтолога, тюркологи – литературовед и лингвист – обсуждают филологические тонкости источников от огузских легенд византийского извода до Орхана Памука, а блестящий перевод мемуарного эссе с языка маратхи демонстрирует нам поучительную изнанку научной жизни в Индии.

Профессор-индолог вызывает на теоретический поединок поклонников и противников понимания ориентализма по Эдварду Саиду, политологи и конфликтологи анализируют сложнейшие клубки проблем, возникающие в отношениях КНР и США, археологи рассказывают о нетленных сюжетах, связанных с Древним Египтом, где, как выясняется, в додинастический период находилось гигантское озеро, а тема ранних контактов между Западом и Востоком разрабатывается в статье, посвященной итальянскому художнику с китайским именем.

«Вестник Института востоковедения РАН» принес хорошие новости с Востока, приветствуйте его.

Редакция журнала «Вестник Института востоковедения РАН»

ПАКИСТАНОВЕДЕНИЕ В ИВ РАН
ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко*

Статья представляет собой исторический обзор исследований Пакистана в Институте востоковедения РАН с 1940-х гг. Дана характеристика основным публикациям Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, описана история его создания, перечислены руководители, сотрудники, направления работы.

Ключевые слова: пакистановедение, Институт востоковедения РАН, история науки, Индия, Пакистан, ИВ РАН.

PAKISTANI STUDIES IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES (RAS).
DEPARTMENT FOR NEAR AND MIDDLE EASTERN STUDIES

Vyacheslav Y. Belokrenitsky, Vladimir N. Moskalenko

The article gives a historical outline of Pakistani Studies in the Institute of Oriental Studies (RAS) since 1940s. It reviews principal publications of the Department for Near and Middle Eastern Studies, looks at the history of its foundation, lists its chairmen and researchers and analyses their main research topics.

Keywords: Pakistani studies, Institute of Oriental Studies (RAS), science history, Pakistan, India, IOS RAS.

Проблему Пакистана стали изучать в Институте (точнее в среде тех, кто впоследствии составил его коллектив) еще до появления пакистанского государства. Видные индологи Алексей Михайлович Дьяков и Владимир Васильевич Балабушевич, следя за событиями последнего периода существования Британской Индии, держали в поле зрения историю борьбы за создание мусульманского государства на Индийском субконтиненте (Индостане). Первой работой, посвященной Пакистану, была опубликованная в 1943 г., т. е. за четыре года до образования государства, брошюра В. В. Балабушевича «К вопросу о Пакистане» [Балабушевич, 1943]. Причем опубликована она была в Ташкенте, куда эвакуировались в годы войны многие востоковеды, и в ней автор в целом одобрительно отзывался об идее создания нового полусамостоятельного или вполне самостоятельного государства мусульман, учитывая критическое отношение в то время в СССР к руководству Индийского национального конгресса, не поддержавшего правительство Великобритании, союзника СССР, по мировой войне.

Однако долгое время после появления 14 августа 1947 г. независимого доминиона Пакистан и его принятия в состав Организации Объединенных Наций научные круги в СССР, в том числе, специалисты, работавшие в Московском институте востоковедения – высшем учебном заведении, откуда потом перешли на работу в Институт востоковедения

* Вячеслав Яковлевич БЕЛОКРЕНИЦКИЙ, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Ya. BELOKRENITSKY, DSc (History), Head of the Department for Near and Middle Eastern Countries' Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; enitsky@yandex.ru

Владимир Николаевич МОСКАЛЕНКО, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; vlamos30@yandex.ru

Vladimir N. MOSKALENKO, DSc, Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; vlamos30@yandex.ru

многие его сотрудники, не обращали большого внимания на фактический раскол Индии и формирование в Индостане двух самостоятельных государственных структур. Отношение к независимой Индии было сложным, связанным со столкновением государственных и партийных подходов как к ней, так и к другим освободившимся от колониальной зависимости странам. Только после 1956 г. и начала современного этапа развития советской востоковедной науки Пакистан привлек к себе внимание ученых, занимавшихся современностью и работавших теперь главным образом в Институте востоковедения АН СССР. Среди них выделялись две группы специалистов по своим исходным страновым интересам и специальностям – индологи и афганисты.

Кроме того, большое внимание сразу привлекли проблемы экономического и социального развития молодого государства, его аграрной истории и структуры, модернизации сельского хозяйства и зачатков промышленной эволюции. Названные явления были отмечены печатью борьбы за определение генерального внешнеполитического курса нового государства в условиях весьма острого первого этапа «холодной войны». Все это в значительной степени совпадало с важнейшими направлениями и задачами, стоявшими перед исследователями и других стран и регионов Востока. В рамках созданного в Институте большого отдела Индии, Пакистана, Шри Ланки и Непала сложились группы историков и экономистов, которые занимались разработкой проблем новой и новейшей истории Индии, других стран субконтинента, а также особенностями современного этапа их социально-экономического развития. Особняком стояли исследования по литературе и языкам народов Южной Азии, в том числе Пакистана. Ими занимались филологи и литературоведы в других подразделениях Института, в отделах языков и литературы.

Современное отечественное пакистановедение сложилось в основном на базе историко-экономической школы. Большой вклад в его организацию внесли Юрий Владимирович Ганковский и Людмила Рафаиловна Гордон-Полонская. В течение нескольких лет в конце 1950-х – начале 1960-х гг. они и ряд других, более молодых коллег, успешно занимались изучением истории и первых шагов независимого Пакистана. Л. Р. Гордон принадлежит замечательная по глубине и детальной проработанности книга «Аграрные отношения в Северо-Западной Пограничной провинции Индии» [Гордон-Полонская, 1952]. СЗПП после 1947 г. вошла в состав Пакистана, сохранив свое колониальное название вплоть до 2010 г. (ныне это хайберско-пуштунская провинция Хайбер-Пахтунхва).

Особо следует сказать о Ю. В. Ганковском. Блестяще закончив в 1940 г. Исторический факультет МГУ, он в годы Великой Отечественной войны воевал на передовой, был командиром взвода автоматчиков, пехотной роты, награжден боевыми наградами, прошел весь путь до Германии. Его рассказы о войне и о последующих перипетиях жизни (годах, проведенных в тюремных лагерях по ложному обвинению) запомнились своей яркой эмоциональной формой, горьким юмором и бескромиссностью оценок. Кроме того, он был человеком широкой исторической эрудиции – богатству его познаний можно было по-хорошему позавидовать, а над пополнением знаний и фактов (в его домашнем кабинете стояли два больших картотечных ящика) он работал всю жизнь, вплоть до кончины в 80-летнем возрасте в сентябре 2001 г. Ю. В. Ганковский стал подлинным «отцом» отечественного пакистановедения, превратив возглавляемое им в Институте направление в средоточие научной мысли, безусловный центр притяжения для всех, кто хотел посвятить жизнь в науке тем или иным сторонам изучения Пакистана.

Защитив кандидатскую диссертацию на тему образования в середине XVIII в. первого афганского государства и издав в 1958 г. книгу на эту тему [Ганковский, 1958], Ю. В. Ганковский уже в 1960 г. публикует первую монографию о Пакистане – «Политическое развитие Пакистана». [Ганковский, Москаленко, 1960] Его соавтором был молодой тогда историк Владимир Николаевич Москаленко, незадолго до этого приступивший к работе в Институте. Книга оказалась одной из самых цитируемых в

специальной пакистановедческой литературе, отражая события первой декады лет существования страны, вплоть до военного переворота 1958 г.

Нужно заметить, что сектор Пакистана возник в структуре большого «индийского» отдела еще в 1956 г., когда Ю. В. Ганковский был только принят в Институт после освобождения из мест заключения. После защиты диссертации он стал ученым секретарем Института, а сектор Пакистана возглавляла сначала Л. Р. Гордон-Полонская, а с 1959 по 1963 г. – А. М. Дьяков. С 1964 г. заведующий сектором был Ю. В. Ганковский, по инициативе которого в конце 1969 г. сектор был преобразован в Отдел Пакистана, а с 1972 г., после распада страны на Исламскую Республику Пакистан и Народную Республику Бангладеш, возглавляемое им подразделение стало называться Отделом Бангладеш и Пакистана.

Исследование политических и социально-экономических проблем Пакистана в советский период велось в проблемно-историческом плане. Изучались причины, приведшие к созданию молодого государства, общие закономерности его развития, воздействие внешних факторов, которым придавали важное значение в условиях мировой идейно-политической борьбы. К крупным достижениям того периода следует, без сомнения, отнести выход в свет книги Ю. В. Ганковского и Л. Р. Гордон-Полонской «История Пакистана» в 1961 г. Книга в 1964 г. была издана в Москве в переводе на английский язык [Gankovsky, Gordon-Polonskaya, 1964], получила высокую оценку в зарубежных академических кругах и была переиздана в Пакистане. Написанная во многом на первоисточниках, на пакистанской прессе, которую получала библиотека Института, она долгое время служила ценным источником первичной научной информации не только для отечественных, но и для зарубежных историков. При этом западные авторы находили определенные сходства и в подходах к проблематике политического и экономического развития страны двух ученых: Ю. В. Ганковский был автором глав по истории и политике, а Л. Р. Гордон-Полонская – по экономике и идеологии.

Капитальный характер носила вышедшая в 1964 г. монография Ю. В. Ганковского «Народы Пакистана. Основные этапы этнической истории» [Ганковский, 1964]. Надо подчеркнуть, что ее автор к тому времени сделал акцент в своих научных занятиях именно на национальном вопросе, который приобрел для Пакистана первостепенное политическое значение. Книга была переведена на английский, издана в Пакистане и стала там весьма популярной. Защитив докторскую диссертацию, Ю. В. Ганковский в 1967 г. опубликовал подготовленную на ее основе монографию «Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане» [Ганковский, 1967].

В 1966 г. вышел в свет первый справочник по Пакистану под его редакцией [Ганковский, 1966] и с участием большой группы специалистов, работавших в секторе Пакистана и в других подразделениях Института, а также коллег из академических и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда и Ташкента.

В 1960–1980-х гг. вокруг Ю. В. Ганковского сложилась сплоченная группа исследователей истории, политики, экономики и социальной структуры Пакистана. Помимо В. Н. Москаленко, в нее входили Римма Ивановна Шерковина, Сергей Фридрихович Левин, Михаил Аркадьевич Сидоров, Вячеслав Яковлевич Белокреницкий, Ирина Викторовна Жмуйда, Сергей Наумович Каменев, Марина Юрьевна Морозова, Александр Владимирович Заболотский, Игорь Михайлович Компанцев и др.

В. Н. Москаленко продолжил изучение политических вопросов и экономической политики Пакистана, уделяя главное внимание военному режиму Айюб Хана, особенно первому периоду прямого правления генералитета в 1958–1962 гг. Эти подходы нашли отражение в его книге «Проблемы современного Пакистана», увидевшей свет в 1970 г. [Москаленко, 1970] Критикуя авторитаризм военных, автор отдавал должное прогрессивности ряда их реформистских начинаний.

О сложной и жесткой политической борьбе в Пакистане в 1960–1970-х гг. писала Р. И. Шерковина. Обобщающей работой стала ее монография «Политические партии и политическая борьба в Пакистане», вышедшая из печати в 1983 г. [Шерковина, 1983]

Большое внимание в книге уделено кризису военных режимов в 1969–1972 гг. и последовавшему за ним этапу нахождения у власти Партии пакистанского народа во главе с З. А. Бхутто.

В 1970 г. было опубликовано исследование С. Ф. Левина «Формирование крупной буржуазии Пакистана» [Левин, 1970]. По фундированности и глубине проникновения в предмет она стояла на уровне мировой науки того времени. Особенно детально С. Ф. Левин исследовал складывание крупной буржуазии из представителей мусульманских торговых общин богра, ходжа-исмаилитов и менонов. Исходя из господствовавших тогда теоретических постулатов, автор явно завышал степень зрелости пакистанского крупного капитала, экономическую и политическую роль «монополий», которые позднее назвали бы олигархическими группами. Особое внимание в книге уделено формированию буржуазии на этнонациональных окраинах государства.

Развивая тему буржуазного развития Пакистана, В. Я. Белокреницкий исследовал ставшую в то время «модной» в индологии и востоковедении в целом проблему мелкого производства и противоречий между мелкой и крупной буржуазии. В 1972 г. вышла в свет его книга «Мелкое производство в экономике Пакистана» [Белокреницкий, 1972), а затем ряд статей о налоговой политике пакистанского государства и сопротивлении, которую оказывали низшие предпринимательские слои давлению сверху.

Развитию аграрных отношений и аграрным реформам уделил главное внимание в своей исследовательской работе М. А. Сидоров. Опираясь на труды индолога-аграрника В. Г. Растянникова, он исследовал процесс технологической модернизации в сельском хозяйстве Пакистана, получившей название «зеленая революция». Вышедшая в 1968 г. небольшая книга «Аграрный Пакистан» (псевдоним – М. Яковлев) [Яковлев (Сидоров), 1968] осталась, к сожалению, единственной его монографической работой, хотя он написал впоследствии немалое число содержательных статей.

Эстафету изучения сельской экономики и социальной структуры подхватила М. А. Морозова, выпустившая в 1986 г. монографию «Современная пакистанская деревня. Особенности социально-экономической эволюции» [Морозова, 1986]. К социальным вопросам города, изучению урбанизации обратился В. Я. Белокреницкий. Его книга «Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации» была одним из немногих монографических исследований, выполненных в Институте на эту тему [Белокриницкий, 1982]. Значительное внимание в книге было уделено демографическим проблемам, специально изучавшимся А. В. Заболотским. Его монография «Трудовые ресурсы Пакистана. Демографо-экономические основы формирования» была издана в 1984 г. [Заболотский, 1984]

Ведущие позиции в изучении пакистанской экономики заняли И. В. Жмуйда и С. Н. Каменев. Первая написала и издала три книги – «Промышленность Пакистана» [Жмуйда, 1976], «Внешнеэкономические связи Пакистана» [Жмуйда, 1981 г.], «Пакистан. Внутренние и внешние факторы экономического развития» [Жмуйда, 1988 г.]. Перу второго экономиста принадлежат вышедшая в 1977 г. монография по макроэкономике «Экономический рост Пакистана», а также «Пакистан. Государственные финансы и экономическое развитие» [Каменев, 1982 г.].

Помимо индивидуальных монографий, пакистановеды опубликовали много научных статей в сборниках «Экономическое развитие Пакистана» (1974 г.), «Пакистан. Проблемы политики и экономики» (1978 г.), «Пакистан. История и экономика» (1980 г.) и др. Определенной вехой можно считать коллективную монографию, изданную в 1987 г. под ред. Ю. В. Ганковского «Пакистанское общество. Экономическое развитие и социальная структура» [Ганковский (ред.), 1987]. В 1988 г. вышла в свет монография В. Я. Белокреницкого «Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития» [Белокреницкий, 1988], ставшая основой для защиты им в следующем году диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Несколькими годами раньше (в 1984 г.) степень доктора исторических наук была присуждена В. Н. Москаленко. Основные положения его диссертации нашли отражение в вышедшей в том году монографии «Внешняя политика Пакистана. Основные этапы формирования». Перейдя с изучения проблем внутренней политики на исследование внешнеполитического курса страны, В. Н. Москаленко существенно усилил это направление в пакистанистике, имевшее не только академическое, но и практическое значение в связи с ростом интереса в СССР к политике Пакистана в регионе, в первую очередь на афганском направлении.

Прежде чем продолжить рассказ о научных трудах по пакистановедению, следует отметить, что в 1978 г. после прихода к руководству Институтом Е. М. Примакова и в связи с кризисными событиями в Афганистане была проведена реорганизация, в результате которой Отдел Ближнего и Среднего Востока пополнился сектором Пакистана (изучение Бангладеш было передано в Центр индийских исследований). Во главе Отдела БСВ был поставлен Ю. В. Ганковский, а сектора Пакистана – В. Н. Москаленко.

Из Отдела международных проблем на работу в сектор Пакистана перешла доктор исторических наук Раиля Мухсиновна Мукимджанова, специалист по региональным международным проблемам. В 1984 г. вышла в свет ее книга «Пакистан и империалистические державы». В том же году появилась коллективная монография «СССР и Пакистан». Она явилась продолжением и развитием индивидуальной монографии И. М. Компанцева «Пакистан и Советский Союз», изданной в 1970 г. и освещавшей становление двусторонних отношений и первые этапы их развития.

Завершить рассказ о советском периоде изучения Пакистана в Институте востоковедения стоит, наверное, указав, что вслед за первым вышеупомянутым изданием академического справочника по Пакистану коллективом авторов во главе с Ю. В. Ганковским были изданы два других – в 1977 и 1991 гг. [Ганковский, 1977; 1991]. Кроме того, из печати в 1983 г. вышла вторая фундированная монография С. Ф. Левина «Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане», подведшая итог его научной деятельности.

Отметим также, что в 1987 г. произошли кадровые преобразования в Отделе. Вместо Ю. В. Ганковского, перешагнувшего «роковую» тогда для должности заведующего черту в 65 лет, руководителем был назначен В. Я. Белокреницкий. Следует заметить, что еще долго после перевода на должность заведующего сектором «Энциклопедия Азии» Ю. В. Ганковский оставался «душой» пакистановедения в Институте. В рамках своей новой должности он подготовил к изданию коллективный труд «Энциклопедия Пакистана», увидевший свет в 1998 г.

Несколько слов стоит сказать о значении пакистановедческого центра в Институте востоковедения Академии наук с позиции международных связей и положения в мировой науке. Пакистану, можно сказать, «повезло» с руководителем направления по его изучению. Ю. В. Ганковский был не только крупным ученым, но и деятелем практического плана, внесшим реальный вклад в формулирование целей и задач политики СССР в отношении Пакистана и соседнего Афганистана. Нужно подчеркнуть, что к советской науке о Пакистане и в первую очередь к работам Ю. В. Ганковского за рубежом относились с большим вниманием и уважением. Ему удалось установить тесные рабочие контакты с рядом ведущих американских специалистов по Пакистану, прежде всего с пакистанцем по происхождению Хафизом Маликом. По приглашению последнего в 1991 г. он стал приглашенным иностранным профессором Университета г. Вилланова в Пенсильвании. Рабочие контакты с иностранными пакистановедами установили и другие его коллеги. Статьи и монографии В. Н. Москаленко, Р. М. Мукимджановой, В. Я. Белокреницкого, С. Н. Каменева и др. были изданы на английском языке в США, Пакистане, Индии. Школа советского пакистановедения завоевала прочную репутацию, поддержать которую на новом историческом витке оказалось нелегким делом.

Постсоветский этап характеризовался сокращением расходов на науку, в частности, востоковедную, и негативно отразился на процессе изучения Пакистана и других стран и регионов, входящих в сферу деятельности Отдела Ближнего и Среднего Востока. С 2010 г. Отдел получил нынешнее название – Центр изучения стран БСВ (сокращенно – ЦИСБСВ). Сектор Пакистана сохранил ядро ведущих сотрудников. Его, к тому же, пополнили Олег Васильевич Плешов, Владимир Иванович Сотников, Наталья Алексеевна Замараева, Ирина Николаевна Серенко. В 2003 г. В. Н. Москаленко, успешно руководивший сектором на протяжении более 20 лет, передал эстафету заведующего С. Н. Каменеву. С 2009 по 2017 гг. В. Я. Белокреницкий совмещал исполнение обязанностей заведующего Центром с работой в должности заместителя директора ИВ РАН по науке.

Среди индивидуальных работ, изданных на новом этапе, следует выделить две книги О. В. Плешова «Ислам и демократия. Опыт Пакистана» (1996 г.) и «Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане» (2003 г.), а также посмертно вышедшую его монографию «Ислам и политическая культура в Пакистане» (2005 г.).

Развернувшаяся в Пакистане с 1970–1980-х гг. кампания по исламизации привлекала к себе внимание и других пакистановедов. Экономические ее аспекты были тщательно проанализированы в книгах и статьях И. В. Жмуйда [Жмуйда, 1976; 1981; 1988], в том числе в последней ее монографии, написанной в соавторстве с М. А. Морозовой и Шах Навазом – «Пакистан. Экономические диспропорции и региональная политика государства» (2007 г.) [Жмуйда, Морозова, Шах Наваз, 2007]. С исламизацией связана и разработка темы просвещения, в том числе религиозного, которая привела к изданию двух книг И. Н. Серенко «Система образования в Пакистане» (2006 г.) [Серенко, 2006] и «Женское образование в Исламской Республике Пакистан» (2016 г.) [Серенко, 2016].

Обострение обстановки в Южной Азии в связи с нуклеаризацией региона нашла отражение в книге В. И. Сотникова «Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях» (2003 г.) [Сотников, 2003]. Эти и другие аспекты истории международных отношений в южноазиатском регионе, которую по большей части детерминируют споры и конфликты между Индией и Пакистаном, были всесторонне охарактеризованы в монографии В. Я. Белокреницкого, В. Н. Москаленко и Т. Л. Шаумян «Южная Азия в мировой политике», выпущенной издательством «Международные отношения» в 2003 г. [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003]

Кроме того, пакистанисты Центра подготовили ряд других коллективных работ, в частности, сборники «Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока», посвященный памяти Ю. В. Ганковского (2004), «Пакистан в современном мире» (2005). Большое число статей опубликованы ими в серии книг, подготовленных Отделом БСВ, а затем Центром изучения стран БСВ на базе докладов, прочитанных на регулярно раз в два года проводящихся с 1999 г. общероссийских научных конференциях по проблемам региона. Всего из печати вышло 10 тематических сборников, в том числе, «Нация и национализм на мусульманском Востоке» (2015) и «Мусульманский мир на исторических рубежах России» (2017).

Итак, с начала текущего столетия работа по изучению Пакистана оживилась вновь. Сектор Пакистана ныне фактически выполняет функцию организатора и координатора работы, ведущейся по пакистанской проблематике в учреждениях Москвы и других российских городов. Под руководством сотрудников Института в последнее время были защищены две кандидатские и одна докторская диссертация по Пакистану. Под грифом Института вышли монография доктора исторических наук из Рязани Ю. Н. Паничкина «Образование Пакистана и пуштунский вопрос» [Паничкин, 2005 г.] и кандидата исторических наук, сотрудника МИД О. П. Чекризовой «Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX – начале XXI в.» (2016 г.).

К несомненным достижениям нужно отнести выход в свет в 2014 г. новой монографии С. Н. Каменева «Экономическое развитие Пакистана. Макроэкономический

анализ». В ней рассмотрены как успехи, так и проблемы экономики страны, прослежены исторические этапы, которые она проделала с колониальных времен, разобрана историография зарубежных макроэкономических исследований.

В заключение стоит коснуться международной репутации пакистанистов Центра. В 2013 г. крупнейшее пакистанское издательство "Oxford University Press" выпустило книгу В. Я. Белокреницкого и В. Н. Москаленко «Политическая история Пакистана (1947–2007)» [Belokrenitsky, Moskalenko, 2013]. Работая над книгой, авторы опирались на текст своей монографии «История Пакистана. XX век», изданной в 2008 г. в серии книг по истории стран Востока, которую Институт выпускал с 1999 г. Издание российской интерпретации истории Пакистана вызвало у пакистанской общественности значительный интерес. В. Я. Белокреницкий и С. Н. Каменев были приглашены на престижный книжный фестиваль в Карачи, где они представили эту и другие работы российских пакистановедов. С докладами на научных конференциях за рубежом (прежде всего, в Пакистане и Англии) выступали в последнее время Н. А. Замараева, И. Н. Серенко и другие сотрудники сектора.

Литература / References

Балабушевич В. В. *К вопросу о Пакистане*. Ташкент, 1943 [Balabushebich V. V. *K voprosu o Pakistane*. Tashkent, 1943].

Белокреницкий В. Я. *Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития*. М., 1988 [Belokrenitsky V. Y. *Kapitalizm v Pakistane. Istoriya sotsial'no-'economicheskogo razvitiya*. Moscow, 1988].

Белокреницкий В. Я. *Мелкое производство в экономике Пакистана*. М., 1972 [Belokrenitsky V. Y. *Melkoe proizvodstvo v 'economike Pakistana*. Moscow, 1972].

Белокреницкий В. Я. *Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации*. М., 1982. [Belokrenitsky V. Y. *Pakistan. Osobennosti i problemy urbanizatsii*. Moscow, 1982].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *История Пакистана. XX век*. М., 2008 [Belokrenitsky V. Y., Moscalenko B. N. *Istoriya Pakistana. XX vek*. Moscow, 2008].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. *Южная Азия в мировой политике*. М., 2003 [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N., Shaumyan T. L. *Yuzhnaya Aziya v mirovoi politike*. Moscow, 2003].

Ганковский Ю. В. *Империя Дуррани. Очерки административной и военной системы*. М., 1958 [Gankovsky Y. V. *Imperiya Durrani. Ocherki administrativnoy i voennoy sistemy*. Moscow, 1958].

Ганковский Ю. В. *Народы Пакистана. Основные этапы этнической истории*. М., 1964 [Gankovsky Y. V. *Narody Pakistana. Osnovnye 'etapy 'etnicheskoy istorii*. Moscow, 1964].

Ганковский Ю. В. *Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане*. М., 1967 [Gankovsky Y. V. *Natsional'nyi vopros i natsional'nye dvizheniya v Pakistane*. Moscow, 1967].

Ганковский Ю. В. (ред.). *Пакистан. Справочник*. М., 1966 [Gankovskyi Y. V. (red.). Pakistan. Spravochnik. Moscow, 1966].

Ганковский Ю. В. (ред.). *Пакистан. Справочник*. М., 1991 [Gankovskyi Y. V. (red.). *Pakistan. Spravochnik*. Moscow, 1991].

Ганковский Ю. В. (ред.) *Энциклопедия Пакистана*. М., 1998 [Gankovskyi Y. V. (red.). *'Entsiklopediya Pakistana*. Moscow, 1998].

Ганковский Ю. В. (ред.). *Пакистанское общество. Экономическое развитие и социальная структура*. М., 1987 [Gankovsky Y. V. (red.). *Pakistanskoe obschestvo. 'Economicheskoe razvitie i social'naya struktura*. Moscow, 1987].

Ганковский Ю. В., Гордон-Полонская Л. Р. *История Пакистана*. М., 1961 [Gankovsky Y. V., Gordon-Polonskaya L. R. *Istoriya Pakistana*. Moscow, 1961].

Ганковский Ю. В. (ред.). *Пакистан. Справочник*. М., 1977 [Gankovsky Y. V. (red.). *Pakistan. Spravochnik*. Moscow, 1977].

Ганковский Ю. В., Москаленко В. Н. *Политическое развитие Пакистана*. М., 1960 [Gankovsky Y. V., Moskalenko V. N. *Politicheskoe razvitie Pakistana*. Moscow, 1960].

Гордон Л. Р. *Аграрные отношения в Северо-Западной Пограничной провинции Индии*. М., 1952 [Gordon L. R. *Agrarnye otnosheniya v Severo-Zapadnoy Pogranichnoy provintsii Indii*. Moscow, 1952].

Жмуйда И. В. *Внешнеэкономические связи Пакистана*. М., 1981 [Zhmuida I. V. *Vneshne'economicheskie svyazi Pakistana*. Moscow, 1981].

Жмуйда И. В. *Пакистан. Внутренние и внешние факторы экономического развития.* М., 1988 [Zhmuida I. V. *Pakistan. Vnutrennie I vneshnie factory 'economicheskogo razvitiya.* Moscow, 1988].

Жмуйда И. В. *Промышленность Пакистана.* М., 1976 [Zhmuida I. V. *Promyshlennost' Pakistana.* Moscow, 1976].

Жмуйда И. В., Морозова М. А., Шах Наваз. *Пакистан. Экономические диспропорции и региональная политика государства.* М., 2007 [Zhmuida I. V., Morozova M. A., Shah Navaz. *Pakistan. 'Economicheskie disproportsii i regional'naya politika gosudarstva.* Moscow, 2007].

Заболотский А. В. *Трудовые ресурсы Пакистана. Демографо-экономические основы формирования.* М., 1984 [Zabolotsky A. V. *Trudovye resursy Pakistana. Demografo-'economicheskie osnovy formirovaniya.* Moscow, 1984].

Каменев С. Н. *Пакистан. Государственные финансы и экономическое развитие.* М., 1982. [Kamenev S. N. *Pakistan. Gosudarstvennye finansy i 'economicheskoe razvitie.* Moscow, 1982].

Каменев С. Н. *Экономический рост Пакистана.* М., 1977 [Kamenev S. N. *'Economicheskyi rost Pakistana.* Moscow, 1977].

Каменев С.Н. Экономическое развитие Пакистана: макроэкономический анализ. М.,2014 [Kamenev S. N. *'Ekonomicheskoe razvitie Pakistana: makroekonomicheskiy analiz.* Moscow, 2014].

Компанцев И. М. *Пакистан и Советский Союз.* М., 1970 [Kompantsev I. M. *Pakistan i Sovetskiy Soyuz.* Moscow, 1970].

Левин С. Ф. *Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане.* М., 1983 [Levin S. F. *Gosudarstvo i monopolisticheskaya burzhuaziya v Pakistane.* Moscow, 1983].

Левин С. Ф. *Формирование крупной буржуазии Пакистана.* М., 1970 [Levin S. F. *Formirovanie krupnoi burzhuazii Pakistana.* Moscow, 1970].

Морозова М. А. *Современная пакистанская деревня. Особенности социально-экономической эволюции.* М., 1986 [Morozova M. A. *Sovremennaya pakistanskaya derevnya. Osobennosti social'no-'economicheskoi 'evolyutsii.* Moscow, 1986].

Москаленко В. Н. *Внешняя политика Пакистана. Основные этапы формирования.* М., 1984 [Moscalenko V. N. *Vneshnyaya politika Pakistana. Osnovnye 'etapy formirovaniya.* Moscow, 1984].

Мукимджанова Р. М. *Пакистан и империалистические державы.* М., 1984 [Mukimdzhanova R. M. *Pakistan i imperialisticheskie derzhavy.* Moscow, 1984].

Мусульманский мир на исторических рубежах России. Сборник статей. М., 2017 [*Musul'manskyi mir na istoricheskih rubezhah Rossii. Sbornik statei.* Moscow, 2017].

Нация и национализм на мусульманском Востоке. Сборник статей. М., 2015 [*Natsiya i natsionalizm na musul'manskom Vostoke. Sbonik statei.* Moscow, 2015].

Пакистан в современном мире. Сборник статей. М., 2005 [*Pakistan v sovremennom mire. Sbornik statei.* Moscow, 2005].

Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока. Сборник статей, посвященных памяти Ю. В. Ганковского. М., 2004 [*Pakistan, strany Yuzhnoi Azii i Srednego Vostoka. Sbornik statei, posvyaschennyi pamyati Y. V. Gankovskogo.* Moscow, 2004].

Пакистан. История и экономика. Сборник статей. М., 1980 [*Pakistan. Istoriya i 'economika. Sbornik statei.* Moscow, 1980].

Пакистан. Проблемы политики и экономики. Сборник статей. М., 1978 [*Pakistan problemy politiki I 'economiki. Sbornik statei.* Moscow, 1978].

Паничкин Ю. Н. *Образование Пакистана и пуштунский вопрос.* М., 2005 [Panichkin Y. N. *Obrazovanie Pakistana i pushtunskiy vopros.* Moscow, 2005].

Плешов О. В. *Ислам и демократия. Опыт Пакистана.* М., 1996 [Pleshov O. V. *Islam i demokratiya. Opyt Pakistana.* Moscow, 1996].

Плешов О. В. *Ислам и политическая культура в Пакистане.* М., 2005 [Pleshov O. V. *Islam i politicheskaya kul'tura v Pakistane.* Moscow, 2005].

Плешов О. В. *Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане.* М., 2003 [Pleshov O. V. *Islam, islamizm i nomimal'naya demokratiya v Pakistane.* Moscow, 2003].

Проблемы современного Пакистана. М., 1970 [*Problemy sovremennogo Pakistana.* Moscow, 1970].

Серенко И. Н. *Женское образование в Исламской Республике Пакистан.* М., 2016 [Serenko I. N. *Zhenskoe obrazovanie v Islamskoi Respublike Pakistan.* Moscow, 2016].

Серенко И. Н. *Система образования в Пакистане.* М., 2006 [Serenko I. N. *Sistema obrazovaniya v Pakistane.* Moscow, 2006].

Сотников В. И. *Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях*. М., 2003 [Sotnikov V. I. *Yadernaya problema v indiisko-pakistanskih otnosheniyah*. Moscow, 2003].
Чекризова О. П. *Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX – начале XXI вв.* М., 2016 [Chekrizova O. P. *Islamskiy radikalizm i 'ekstremizm v Pakistane v kontse XX vv*. Moscow, 2016].
Шерковина Р. И. *Политические партии и политическая борьба в Пакистане*. М., 1983 [Sherkovina R. I. *Politicheskie partii i politicheskaya bor'ba v Pakistane*. Moscow, 1983].
Экономическое развитие Пакистана. Сборник статей. М., 1974 [*'Economicheskoe razvitie Pakistana. Sbornik statei.* Moscow, 1974].
Яковлев М. (Сидоров М. А.) *Аграрный Пакистан*. М., 1968 [Yakovlev M. (Sidorov M. A.) *Agrarnyi Pakistan*. Moscow, 1968].
Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *Political History of Pakistan. 1947–2007*. Karachi, 2013.
Gankovsky Y.V., Gordon-Polonskaya L. R. *A History of Pakistan. 1847–1958*. Moscow, 1964.

ИНДОЛОГИЯ В РОССИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ. ЦЕНТР ИНДИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯ ИВ РАН

Т. Л. Шаумян*

Статья представляет собой исторический обзор индологических исследований в России со второй половины XVIII в. и в отечественной востоковедной науке: в ИВ РАН до настоящего времени. Дана характеристика основным публикациям, конференциям и общественно-научной деятельности Центра индийских исследований ИВ РАН, перечислены ведущие индологи, сотрудники Центра, указаны направления работы.

Ключевые слова: индология, история науки, Индия, Институт востоковедения РАН, ИВ РАН, ЦИИ ИВ РАН.

RUSSIAN INDIAN STUDIES IN THE PAST AND IN PRESENT. CENTRE FOR INDIAN STUDIES IOS RAS

Tatiana L. Shaumyan

The article gives historical outline of Indological Studies in Russia since the second half of the 18th century with a particular look at Indological research in IOS RAS. Principal publications, conferences, public and research activities of the Center for Indian Studies IOS RAS are reviewed, prominent indologists, researchers, and main research topics listed and analysed.

Keywords: Indian studies, science history, India, Institute of Oriental Studies (RAS), IOS RAS.

Изучение Индии в России имеет давнюю, почти двухсотлетнюю традицию. Интерес российских исследователей к Индии не в последнюю очередь определялся стремлением к установлению торговых и дипломатических отношений с далекой, расположенной «за три моря» страной. Еще в XVIII – начале XIX вв. в Астрахани, расположенной на торговом пути из России в Индию, существовали колонии индийских купцов.

Основоположником российской индологии считается Герасим Лебедев (1749–1817 гг.) – талантливый музыкант, который в своем стремлении «увидеть мир» в 1789 г. прибыл в Мадрас, а через два года оказался в Калькутте, где выступал с концертами, преподавал музыку, изучал санскрит, бенгали и хинди. Подружившись с представителями индийской интеллигенции, Лебедев основал первый европейский драматический театр в Калькутте. После возвращения он служил в министерстве иностранных дел России и организовал собственное издательство для публикации текстов на бенгальском языке и шрифтом деванагари. Его «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагминов, священных обрядов и их народных обычаев» [Лебедев, 1805] оценивается как первое российское исследование индийского общества, истории и культуры. Г. Лебедев описал современную ему Индию как динамичное общество с успешно развивающейся экономикой, активной общественной жизнью, высоким уровнем культуры и морали.

После Г. Лебедева в изучение индийского общества и культуры внесли существенный вклад такие известные ученые, как К. А. Коссович, И. П. Минаев, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской и др., чье отношение к Индии и индийцам всегда отличалось глубоким уважением и никогда не находилось под влиянием расовых или религиозных предрассудков.

* Татьяна Львовна ШАУМЯН, кандидат исторических наук, руководитель Центра Индийских исследований Института востоковедения РАН, Москва; tshaumyan@gmai.com

Tatiana L. SHAUMYAN, PhD (History), Institute of Oriental Studies, Head of the Department for Indian Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tshaumyan@gmail.com

Начиная с XIX в. российское общественное мнение всегда отличалось симпатией к Индии и ее борьбе за независимость. Таким подходом отмечены работы выдающегося русского исследователя буддизма и джайнизма П. И. Минаева (1840–1890 гг.). Подполковник И. Серебренников, который после изучения языка хиндустани в Ташкенте на курсах, созданных специально для военных, был направлен в Индию на пятимесячную практику, в высшей степени доброжелательно писал об индийцах, об их великой стране с древнейшей культурой и великим историческим прошлым, и выражал надежду, что эту страну ждет лучшее будущее [Отчеты о поездке.., 1905].

Первые переводы работ индийских литературных классиков на русский язык были опубликованы во второй половине XVIII в.: после нескольких отрывков из «Панчатантры» и «Хитопадеши» (1762 г.) в 1788 г. была опубликована «Бхагават Гита», а затем «Шакунтала» (1792 г.). Эти первые переводы осуществлялись не прямо с санскрита, а с английского, французского и немецкого языков. Первые прямые русские переводы появились в начале 1840-х гг. и публиковались не только в узко академических, но и в популярных литературных изданиях.

Первым российским индологическим центром стал Санкт-Петербургский университет, выпускниками которого были многие выдающиеся ученые. Институт востоковедения в Санкт-Петербурге был организован на базе Азиатского музея, после 1730 г. ставшего хранилищем рукописей на индийских языках. И сегодня Институт располагает коллекцией из приблизительно 600 рукописей на санскрите, тамильском и других индийских языках, содержащей ведические гимны, эпические поэмы, лирику, драматические произведения, философские и теологические трактаты, труды по астрономии, медицине, сельскому хозяйству и др.

Постепенно в России создавались новые индологические центры, в том числе в Московском университете и Институте востоковедения РАН, а также в Казани и Ташкенте, в 1990-х гг. – в ряде провинциальных российских городов, например в Липецке, Рязани, Томске, Пензе, Самаре, Уфе и Улан-Удэ. О том, что в этих, а также ряде других регионов России, исследования Индии постепенно расширяются, свидетельствуют 16 семинаров, проведенных в течение 2000–2002 гг. совместно Институтом востоковедения РАН и Посольством Индии в РФ на базе региональных университетов и других исследовательских центров. По материалам региональных семинаров публикуются брошюры под общим заголовком «Россия-Индия: перспективы регионального сотрудничества», которые могут служить еще одним подтверждением того, что интерес к исследованию самых различных аспектов истории, экономики, культуры, философии, современного положения Индии сохраняется и расширяется не только в научных центрах Москвы и Петербурга, но во многих регионах России. Деятельность региональных центров координируется Институтом востоковедения РАН, одним из важнейших подразделений которого является Центр индийских исследований (ЦИИ).

Сам Институт востоковедения – один из крупнейших научных гуманитарных центров страны – был основан в 1818 г., и индология всегда занимала одно из ведущих мест в его исследовательской деятельности. Учителями сегодняшнего поколения индологов были такие выдающиеся ученые, как И. М. Рейснер и А. М. Дьяков, В. В. Балабушевич и С. М. Мельман, Н. М. Гольдберг, К. А. Антонова и А. М. Осипов, А. П. Баранников и др. Им на смену пришли В. И. Павлов, А. И. Левковский, Ю. В. Ганковский, Л. Р. Гордон-Полонская, А. И. Чичеров, Л. И. Рейснер, И. Д. Серебряков, А. Д. Литман, Э. Н. Комаров, В. Г. Растянников, Т. Ф. Девяткина, Г. К. Широков, Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян и Г. Г. Котовский. Последний внес огромный личный вклад не только в научные исследования экономической истории и аграрных отношений в Индии, но и в организацию научных исследований, создание и укрепление Отдела Индии, Пакистана, Шри Ланки и Непала, и в научное сотрудничество с индийскими учеными. Лауреат премии Дж. Неру Г. Г. Котовский в течение почти трех десятилетий и до последних минут своей жизни фактически

координировал деятельность российской части Советско/российско-индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук[1].

Во второй половине XX в., после важнейших перемен в общественно-политической жизни страны, начался и новый период в развитии отечественной индологии. Выходили в свет исследования К. А. Антоновой, К. З. Ашрафян, Л. Б. Алаева, А. И. Чичерова, В. И. Павлова, В. Н. Москаленко, П. М. Шаститко, Л. Р. Гордон-Полонской, А. И. Левковского, Р. Б. Рыбакова, А. Е. Грановского, которые отражали новые подходы к изучению истории, экономики, процессов политического и экономического развития Индии. Благодаря этим исследованиям стало возможным опубликовать такие обобщающие работы, как «Новейшая история Индии» (1959 г.), «Новая история Индии» (1961 г.), «История Индии в средние века» (1968 г.), «Древняя Индия. Исторический очерк» (1969 г.). Г. М. Бонгард-Левин, К. А. Антонова и Г. Г. Котовский сумели изложить в одном томе «Историю Индии. Краткий очерк», которая не только использовалась в качестве учебника для студентов – историков и востоковедов, но и была переведена на основные европейские языки и на некоторые языки Индии. Нельзя не вспомнить В. В. Балабушевича, который руководил Отделом Индии с 1956 г. и до конца своих дней (1970 г.).

Отдел Индии инициировал широкие научные дискуссии по проблемам истории, социально-политического и экономического развития Индии. Так, широкий резонанс имела дискуссия по проблемам отношения к национальной буржуазии и ее роли в развитии индийского общества; древней, средневековой и новой истории Индии, колониальной политики и экономических отношений метрополии и колонии; национально-освободительного движения; духовных и политических процессов в независимой Индии, ее экономического развития, сельской общины и собственности на землю в Индии.

В конце 1969 г. сектор Пакистана Отдела Индии был преобразован в Отдел Пакистана, ядро которого составили Ю. В. Ганковский, В. Н. Москаленко, С. Ф. Левин, М. Ю. Морозова, М. А. Сидоров, В. Я. Белокреницкий, С. Н. Каменев, С. Ф. Левин и многие другие. После событий 1971 г. и образования Республики Бангладеш подразделение получило название Отдел Бангладеш и Пакистана[2].

В 1987 г. Отдел Индии и Южной Азии ИВ РАН был реорганизован в Центр индийских исследований, который возглавил проф. А. А. Куценков, известный своими работами по социально-политическим проблемам и кастовой системе Индии.

Начало 1990-х гг. было не совсем простым как для всей нашей страны, так и для развития индологической науки. К сожалению, в силу объективных причин контакты с индийскими учеными были ограничены, мы чувствовали нехватку информации, литературы, периодических изданий. За последние годы ушли из жизни такие известные индологи, как Т. Я. Елизаренкова, А. И. Чичеров, К. З. Ашрафян, Б. И. Клюев, Л. В. Митрохин, Г. К. Широков, Г. Г. Котовский, А. Д. Литман, О. В. Маляров, В. Г. Растянников, М. А. Плешова и др. В настоящее время ситуация меняется в лучшую сторону, и огромную поддержку оказывает нам индийская сторона. Так, в присутствии премьер-министра Индии А. Б. Ваджпаи в ноябре 2001 г. в Санкт-Петербурге Посол Индии в РФ С. Ламба и директор Института востоковедения Р. Б. Рыбаков подписали Меморандум о развитии индологических исследований в России и поддержке их посольством Индии в Москве.

В центре внимания индологов продолжают оставаться исторические, культурные, социально-экономические и политические проблемы Индии и ряда соседних стран Южной Азии; информирование российских государственных органов и общественности об истории, политике и культуре Индии, ее позитивном и негативном опыте в решении таких проблем, как осуществление экономических реформ, развитие демократии и федерализма, противостояние сепаратизму и терроризму, что представляет немалый научный и практический интерес для нашей страны. В последнее время определенную остроту

[1] Подробнее см. [Алаев, 2018].
[2] Подробнее о работе сектора Пакистана см.: [Белокреницкий, Москаленко, 2018].

приобретают проблемы интерпретации индийских исторических, философских и религиозных классических произведений, о чем свидетельствовал недавний судебный процесс в Томске, связанный с обвинениями священной книги одного из направлений индуизма «Бхагавад Гиты» в призывах к экстремизму и терроризму[3].

В настоящее время в Центре, разделенном на два сектора – истории и культуры и современных социально-политических и экономических проблем, работает 18 научных сотрудников. Кроме того, индологические исследования ведутся и в других подразделениях Института – в отделе литературы, в отделе языков, в отделе общетеоретических проблем, в отделе истории и др. (Л. Васильева, Н. Пригарина и др.) Из ученых, которые сегодня продолжают свои исследования Индии, следует назвать Ф. Н. Юрлова и Е. С. Юрлову, Р. Б. Рыбакова, Е. Ю. Ванину, И. П. Глушкову, А. А. Суворову, имена и работы которых хорошо известны в Индии.

ЦИИ играет ведущую роль в Российско-индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук, созданной в 1975 г. У истоков ее создания стояли видные ученые и общественные деятели СССР и Индии. Российскую часть возглавляли академики Б. Г. Гафуров, Е. М. Примаков и Е. П. Челышев, Р. Б. Рыбаков. Активное участие в ее деятельности принимал академик Г. М. Бонгард-Левин, автор многих работ по истории и культуре Индии, лауреат премии Дж. Неру. Индийскую сторону возглавляли известные ученые и политики – посол и советник премьер-министра по международным проблемам Дж. Партхасаратхи, Мунис Раза, Андре Бетей – известный социолог, руководитель Индийского совета по исследованиям в области общественных наук (далее – Индийский совет) – головной организации в сфере нашего сотрудничества. В июне 2005 г. делегация Индийского совета во главе с А. Бетеем посетила Москву для обсуждения перспектив сотрудничества в области общественных наук. В настоящее время Совет возглавляется известным этнографом и антропологом Брадж Бихари Кумаром.

В рамках работы комиссии, заседания которой проходят раз в два года поочередно в Москве и Дели, проходят семинары по истории, экономике, философии, этнологии, культурологии и международным отношениям, осуществляется обмен учеными, литературой и публикациями. Координация деятельности комиссии осуществляется Институтом востоковедения РАН.

В рамках комиссии организовались научные командировки в Индию российских индологов; Центр регулярно принимает ученых из Индии, прибывающих в рамках научного обмена; являлся ведущей организацией в разработке совместного российско-индийского научного проекта «План и рынок» («Государственное регулирование и рыночные силы в переходной экономике»), осуществление которого началось еще в 1992 г. по инициативе О. В. Малярова в рамках Программы российско-индийского научного сотрудничества между Российской Академией наук и Индийским советом по общественным наукам.

Индологи ИВ РАН активно участвуют в международных научных проектах, конференциях и симпозиумах в Индии, США, Швеции, Великобритании, Швейцарии, Китае, Пакистане, Израиле, Норвегии, Германии, Португалии и др. В 2006 г. в ИВ РАН состоялась Конференция индологов России и стран СНГ, на которой удалось собрать специалистов не только из Москвы и Петербурга, но и из Липецка, Иркутска, Кисловодска, Пензы, а также из Казахстана, Украины, Таджикистана, Узбекистана. По итогам конференции был опубликован сборник статей.

ЦИИ инициировал проведение серии конференций по проблемам социально-экономического, политического и внешнеполитического развития Индии. Первая конференция состоялась в мае 2012 г., а через год конференция была посвящена обеспечению энергетической безопасности Индии, в 2014 г. – водным ресурсам Индии, в

[3] См., напр.: Прокуратура Томска настаивает на экстремистском характере «Бхагавад-гиты» и подала апелляцию // *Газета.ru*. 26.01.2012. URL: https://www.gazeta.ru/news/lenta/2012/01/26/n_2180377.shtml (дата обращения: 18.03.2018).

2015 г. – пришествию Индийской народной партии к власти, в 2016 г. – продовольственной безопасности Индии и в мае 2017 г. – перспективам современного развития Индии.

В 2011 г. началось осуществление еще одного проекта – серия конференций междисциплинарного характера «Под небом Южной Азии». Инициатором и организатором этого проекта является И. П. Глушкова [4] . 12–13 октября 2011 г. состоялась первая конференция – «Портрет и скульптура», в которой выступили ученые, а также студенты и аспиранты из московских и российских научных и университетских центров. С 2012 г. проведено уже пять конференции этого проекта.

По итогам этих конференций публикуются серийные издания под общим названием «Под небом Южной Азии». Так, в 2014 г. опубликована первая работа этой серии – «Портрет и скульптура», где рассматриваются визуальные объекты исторической повседневности, их место в истории, общественной жизни и политике стран Южной Азии. Исследования иллюстрируют фрагменты произведений индийской художественной литературы.

Вторая книга – «Движение и пространство. Парадигмы мобильности и поиски смыслов за пределами статичности», увидела свет в 2015 г. В ней изучается динамичный кругооборот людей, вещей и идей, скрепляющий пространство, в котором расположены современные Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланка и Мальдивы. Впервые в отечественной науке движение исследуется как один из определяющих факторов исторического, этнокультурного и социально-политического развития.

В 2016 г. опубликован очередной том – «Территория и принадлежность». Непростые взаимоотношения между людьми, социумами и территориями легли в основу разножанровых сюжетов, представленных в научных статьях, архивных документах, эссе, прозаических и поэтических произведениях, которые вошли в эту книгу.

Отметим особо продолжение исследований в области культуры и литературы Индии. Особого внимания заслуживают работы выдающегося санскритолога Т. Я. Елизаренковой, осуществившей поистине титаническую работу: полный перевод «Ригведы». Этот труд, как и другие работы Т. Я. Елизаренковой, широко известны индийской и мировой науке. Переведены и другие ведические санскритские эпические произведения, кавийа, проза, лирика, драматические произведения и др.

В последнее время активно продолжается работа над изучением индуизма и индийской классической литературы. По инициативе уже ушедшего от нас А. Д. Литмана была подготовлена серия сборников «Общественная мысль Индии». В 1999 г. опубликовано коллективное исследование «Древо индуизма», вышли в свет работы, посвященные таким фигурам, как Раджа Рам Мохан Рой, Свами Вивеканада и Ауробиндо Гхош, сборник статей «Межконфессиональные отношения в Южной Азии. Прошлое и настоящее» (1998 г.). Отдавая долг памяти Б. И. Клюеву, была подготовлена к печати и опубликована его посмертная работа «Религия и конфликт в Индии».

Известный индолог И. П. Глушкова опубликовала основанную на личном опыте монографию «Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры». Она принимает активное участие в изучении Махараштры и маратхов, которым посвящены международные конференции, материалы которых публикуются в виде монографий. Сейчас И. П. Глушкова работает над монографией «Эмоции и способы их выражения в индийской культуре». Опубликован первый том и готовится к публикации второй том антологии «Голоса индийского средневековья» (перевод и комментарии Е. Ю. Ваниной и И. П. Глушковой). Е. Ю. Ванина пишет работу «Мир индийского средневековья». Продолжает исследование общества и политики в Индии А. А. Куценков. Е. С. Юрлова опубликовала монографию «От неприкасаемых к далитам». С большим интересом как в России, так и в Индии, была воспринята опубликованная еще в 1996 г. работа «Индийская жена». Первым в отечественной науке комплексным исследованием региональных факторов в истории, культуре, экономике и политике Индии, индийского федерализма, взаимоотношений «центр-регион», механизма

[4] О проекте «Под небом Южной Азии» см.: [Глушкова, 2018].

защиты территориальной целостности страны и т. д., стал сборник «Индия: страна и ее регионы», вышедший в свет в 2000 г. В 2005 г. было опубликовано справочно-аналитическое издание «Индия сегодня», а в 2009 г. – коллективная монография под редакцией Б. Н. Кузыка и Т. Л. Шаумян «Индия-Россия: стратегическое партнерство в XXI веке». Вышло в свет фундаментальное исследование Ф. Н. Юрлова и Е. С. Юрловой «История Индии. XX век», двухтомное исследование О. В. Малярова «Независимая Индия. Эволюция социально-экономической модели».

За последние годы сотрудники ЦИИ опубликовали целый ряд индивидуальных и коллективных монографий, среди которых такие, как «Индия-Россия: стратегия партнерства в XXI веке»; «История Индии. XX век» Ф. Н. Юрлова и Е. С. Юрловой; «Подвижность и подвижничество. Теория и практика тиртха-ятры» И. П. Глушковой; «Аграрная Индия: парадоксы экономического роста» В. Г. Растянникова; «Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее» Т. Н. Загородниковой, В. П. Кашина и Т. Л. Шаумян; «Смерть в Махараштре: воображение, восприятие, воплощение» [Глушкова, 2012]; «История Непала. XX век». А. А. Ледкова, С. И. Лунева; «Русские на Цейлоне в XIX – начале XX в. [Загородникова, 2010]; сборник статей «Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми: политические символы и реалии Южной Азии» [Ванина, Сидорова, Устенко, 2010]. Ряд индивидуальных монографий, сборников статей, десятки статей были за последние годы опубликованы в отечественных и иностранных научных журналах и сборниках, а также в Индии и странах Запада.

Вышло из печати коллективное исследование «Выдающиеся женщины Индии XX века» [Юрлова, Шаумян, 2002], в котором содержатся очерки о Сарада Деви и Сароджини Найду, В. Л. Пандит и Индире Ганди, Кастурба Ганди, Аруна Асаф Али и «две» Рамабаи. В Индии была опубликована коллективная работа “Indian history: a Russian viewpoint” [Vanina, 2003].

В Туле была защищена кандидатская диссертация Е. Петровой (Тула, Ясная Поляна), посвященная роли Ясной Поляны в российско-индийских культурных отношениях. Автор детально изучила материалы, хранящиеся в библиотеке и архиве яснополянского музея писателя Л. Н. Толстого, из которых видно, что Толстой проявлял огромный интерес к Индии, буддизму и индуизму. Е. Петрова исследовала переписку Л. Толстого с Баба Бхарати и Гопалом Четти, У. К. Даттом и П. М. Дас Шармой, А. Рамасешаном и М. К. Ганди, и в Приложении приводит тексты писем Л. Толстого и его корреспондентов, часть которых ранее не публиковалась. Работы индийских философов, индийские газеты и журналы оставались на рабочем столе великого русского мыслителя, когда он навсегда покинул Ясную Поляну. Т. Н. Загородникова опубликовала сборник переписки Л. Н. Толстого с индийскими философами и мыслителями.

В последние годы сотрудниками Центра опубликован ряд индивидуальных и коллективных монографий. Среди них следует отметить работу Е. Ю. Ваниной «Индия: история в истории». В работе анализируется развитие исторических воззрений и исторической культуры Индии на протяжении всей ее многовековой истории. Продолжает исследовательскую деятельность Р. Б. Рыбаков, в течение пятнадцати лет возглавлявший ИВ РАН. В 2014 г. он опубликовал работу «Индия. 33 незабываемые встречи», посвященную истории и современности Индии, ее людям, своеобразию ее общественной, религиозной и культурной жизни.

В 2014 г. была опубликована монография, к сожалению, ушедшего из жизни О. В. Малярова «Государственный сектор экономики Индии», посвященная экономическим и социально-политическим аспектам его развития, современному состоянию основных отраслей промышленности, перспективам на будущее. Ф. Н. Юрлов, общепризнанный специалист по внутренним и внешнеполитическим проблемам Индии, опубликовал в 2015 г. монографию «От восхода до заката. Династия Неру – Ганди. Книга первая», где автор анализирует деятельность политической династии Неру-Ганди. В первой книге серии

рассказывается о том, как складывалась эта династия от крупного деятеля периода борьбы за независимость Индии Мотилала Неру до его сына – первого премьер-министра страны Джавахарлала Неру. В 2014 г. Е. С. Юрлова, в течение многих лет занимающаяся изучением социальной структуры индийского общества, опубликовала монографию «Индийские женщины: традиции и современность». Книга посвящена одной из ключевых проблем развития Индии – изменениям в положении женщины с древности до настоящего времени.

С. Е. Сидорова является автором оригинального исследования «Индийский хлопок и британский интерес. Овеществленная политика в колониальную эпоху», опубликованного в 2016 г. Монография посвящена столетней истории индийско-британских отношений на территории, лежащей в центре Индии (1760–1870). Процесс ее колонизации – от первых контактов англичан с Нагпурским княжеством до включения в состав Британской Индии – рассматривается через категорию материальности.

В 2017 г. Т. Л. Шаумян опубликовала монографию «Россия, Великобритания и Тибет в "Большой игре"», где анализируются малоизвестные страницы истории международных отношений в Центральной Азии в конце XIX – начале XX в. Перу того же автора принадлежит учебное пособие «Политические системы стран Южной Азии», опубликованное в 2013 г. В работе показан процесс формирования и развития современных государств Южной Азии: Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала, Бутана, Шри Ланки и Мальдивской республики; рассматривается воздействие на эти процессы внешних и внутренних факторов.

ЦИИ проводит круглые столы и конференции, посвященные актуальным проблемам экономики и политики Индии и стран региона. По итогам этих научных дискуссий публикуются их материалы в электронном и печатном виде. Так, в 2014 г. по материалам конференции «Современная Индия: энергетика и энергетическая безопасность», состоявшейся в ЦИИ в мае 2013 г., было осуществлении электронное издание [Шаумян, Горячева, Рабей, Свинарчук, 2014]. Статьи сборника посвящены международным и внутренним аспектам энергетической проблемы Индии.

Еще одно электронное издание – «Водные ресурсы Индии: экономические, политические, социальные аспекты», выпущенное в 2015 г. [Шаумян, Рабей, Свинарчук, 2015]. В статьях сборника анализируются различные проблемы водопользования и водообеспечения в Индии – как внутренние, так и внешние. Сборник включает материалы конференции, состоявшейся в ЦИИ в мае 2014 г.

Сборник статей «Россия – Индия: 70 лет дипломатических отношений» издан по материалам круглого стола, посвященного 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Индией и памяти известного дипломата и индолога А. М. Кадакина, проведенного ЦИИ в феврале 2017 г. при участии Посольства Индии в РФ. Сборник делится на две части: историческую («Из истории установления дипломатических отношений») и современную («Привилегированное стратегическое партнерство России и Индии»).

По материалам научной конференции, проведенной ЦИИ в мае 2017 г. и посвященной 70-летию независимости Индии, подготовлен сборник статей «Независимая Индия – 70. Достижения и проблемы» [Кашин, Шаумян, 2017]. Наряду с опытом и достижениями современной Индии, авторы сборника анализируют актуальные проблемы, стоящие перед страной, и определяют перспективы ее развития в обозримом будущем.

В 2004, 2009 и 2013 гг. вышли три авторских сборника научных и научно-познавательных статей В. П. Кашина «Слона для махараджи», «Колосс Чандрагупты» и «Бхарат ятра» (последний выполнен в соавторстве с И. А. Лаптевой), объединенных в одну серию. Книги знакомят читателей с культурой и традициями, прошлым и настоящим, достижениями и проблемами Индии, ее великой цивилизацией. Перу автора принадлежат также многочисленные статьи в энциклопедических и справочных изданиях, посвященных Индии.

И еще. В 2017–2018 гг. увидели свет три части фундаментальной и в высшей степени актуальной монографии А. А. Куценкова «Очерки гражданского общества Индии». Автор детально рассматривает различные формы самоорганизации населения, функционирование общественных организаций (НПО), роль гражданского общества в развитии индийской демократии. Изучение индийского гражданского общества, как справедливо пишет А. А. Куценков, представляет интерес и для России, которая, несмотря на огромные социокультурные различия с Индией, сталкивается с аналогичными проблемами. Может быть, знакомство с индийским опытом поможет гражданскому обществу России избежать многих ошибок?

Литература / References

Алаев Л. Б. *Историография истории Индии*. М. 2018 [Alaev L. B. *Istoriografiya istorii Indii*. Moscow, 2018].

Алаев Л. Б., Антонова К. А., Ашрафян К. З. (ред.). *История Индии в средние века*. М., 1968. [Alaev L. B., Antonova K. A., Ashrafyan K. Z. (red.). *Istoriya Indii v Srednie Veka*. Moscow, 1968].

Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. *История Индии (краткий очерк)*. М., 1973 [Antonova K. A., Bongard-Levin G. M., Kotovsky G. G. *Istoriya Indii (kratkiy ocherk)*. Moscow, 1973].

Антонова К. А., Гольдберг Н. М., Осипов А. М. (ред.). *Новая история Индии*. М., 1961 [Antonova K. A., Gol'dberg N. M., Osipov A. M. (red.). *Novaya istoriya Indii*. Moscow, 1961].

Багуат-Гета, или Беседы Кришны с Аржуном, Переведенные с подлинника писаннаго на древнем Браминском языке, называемом Санскритта, на Английской, и с сего на Российской язык. М., 1788 [*Bagaut-Geta, ili Besedy Krishny s Arzhunom perevedennye s canskrita na angliyskiy, b s sego na rossiyskyi yazyk, nazyvaemom Sanskritta, na Angliyskiy, i s sego na Rossiyskyi yazyk*. Moscow, 1788].

Балабушевич В. В., Дьяков А. М. (ред.). *Новейшая история Индии*. М., 1959 [Balabushevich V. V., Diakov A. M. (red.). *Noveishaya istoriya Indii*. Moscow, 1959].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. Изучение Пакистана в Институте востоковедения РАН. Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. №1 [Belokrenitsky V. Y., Moscalenko V. N. Izuchenie Pakistana v Institute vostokovedeniya RAN. Tsentr izucheniya stran Blizhnego i Srednego Vostoka // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018. 1].

Ванина Е. Ю. *Индия. История в истории*. М., 2014 [Vanina E. Y. *Indiya. Istoriya v istorii*. Moscow, 2014].

Ванина Е. Ю. (ред.). *Индия: страна и ее регионы*. М., 2000 [Vanina E. Y. (red.). *Indiya: strana i eyo regiony*. Moscow, 2000].

Ванина Е. Ю., Сидорова С. Е., Устенко А. В. (ред.). *Разговор с Мариной и Олегом Плешовыми: политические символы и реалии Южной Азии*. М., 2010 [Vanina E. Y., Sidorova S. E., Ustenko A. B. (red.). *Razgovor s Marinoi i Olegom Pleshovymi: politicheskie simvoly I ralii Yuzhnoi Azii*. Moscow, 2010].

Глушкова И. П. (ред.). *Древо индуизма*. М., 1999 [Glushkova I. P. (red.). *Drevo Induizma*. Moscow, 1999].

Глушкова И. П. (ред.). *Смерть в Махараштре: воображение, восприятие, воплощение*. М., 2012 [Glushkova I. P. (red.). *Smert' v Maharashtre: voobrazhenie, vospriyatie, voploschenie*. Moscow, 2012].

Глушкова И. П. Дурга Бхагват «Иравати Карве» (Видовая борьба в академической среде под небом Южной Азии) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 1 [Glushkova I. P. Durga Bhagvat "Iravati Karve" (Vidovaya bor'ba v academixheskoy srede pod nebom Yuzhnoi Azii) // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2018. 1].

Глушкова И. П. *Индийское паломничество: метафора движения и движение метафоры*. М., 2000 [Glushkova I. P. *Indiyskoe palomnichestvo: metafora dvizheniya i dvizhenie metafory*. Moscow, 2000].

Глушкова И. П. *Подвижность и подвижничество. Теория и практика тиртха-ятры*. М., 2008 [Glushkova I. P. Podvizhnost' i podvizhnichestvo. Teoriya i praktika tirtha-yatry. Moscow, 2008].

Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969 [*Drevnyaya Indiya. Istoricheskiy ocherk*. Moscow, 1969].

Загородникова Т. Н. (ред.). *Русские на Цейлоне в XIX – начале XX в. Сборник архивных документов и материалов*. М., 2010. [Zagorodnikova T. N. (red.). *Russkie na Tseilone v XIX – nachale XX v. Sbornik arhivnyh dokumentov i materialov*. Moscow, 2010].

Загородникова Т. Н., Бочковская А. В. (ред.). *Л. Н. Толстой и Индия. Переписка*. М., 2013 [Zagorodnikova T. N., Bochkovskaya A. V. (red.). *L. N. Tolstoy i Indiya. Perepiska*. Moscow, 2013].

Загородникова Т. Н., Кашин В. П., Шаумян Т. Л. (ред.). *Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее*. М., 2011 [Zagorodnikova T. N., Kashina V. P., Shaumyan T. L. (red.). *Obraz Rossii v obschestvennom soznanii Indii: proshloe i nastoyaschee*. Moscow, 2011].

Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. М., 2005 [*Indiya segodnya. Spravochno-analiticheskoe izdanie.* Moscow, 2005].

Индия-Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009 [*Indiya-Rossiya: stratefiya partnerstva v XXI veke.* Moscow, 2009].

Калидаса. Сцены из «Саконталы», индийской драмы. Пер. Н. М. Карамзина с немецкого перевода Г. Форстера, выполненного с английского, сделанного В. Джонсом с языка санскритского // *Московский журнал.* 1792. VI (см. Карамзин Н. М. *Полное собрание сочинений.* Т. 17. М., 2008. С. 466–478, 526) [Kalidasa. Sceny iz "Sakontaly", indiyskoy dramy. Perevod N. M. Karamzina s nemetskogo perevoda G. Forstera, vypolnennogo s angliyskogo, sdelannogo V. Dzhonsonom s yazyka sanskritskogo // *Moskovskiy zhurnal.* 1792. VI (sm. Karamzin N. M. *Polnoe sobranie sochineniy.* Tom 17. Moscow, 2008. Pp. 466–478, 526)].

Кашин В. П. *Колосс Чандрагупты.* М., 2009 [Kashin V. P. *Koloss Chandragupty.* Moscow, 2009].

Кашин В. П. *Слона для махараджи.* М., 2004 [Kashin V. P. *Slona dlya maharadzhi.* Moscow, 2004].

Кашин В. П., Лаптева И. А. *Бхарат ятра.* М., 2013 [Kashin V. P., Lapteva I. A. *Bharat Yatra.* Moscow, 2013].

Кашин В. П., Шаумян Т. Л. (ред.). *Независимая Индия – 70. Достижения и проблемы.* М., 2017 [Kashin V. P., Shaumyan T. L. (red.). *Nezavisimaya Indiya – 70. Dostizheniya i problemy.* Moscow, 2017].

Кашин В. П., Шаумян Т. Л. (ред.). *Россия – Индия: 70 лет дипломатических отношений.* М., 2017 [Kashin V. P., Shaumyan T. L. (red.). *Rossiya – Indiya: 70 let diplomaticheskih otnosheniy.* Moscow, 2017].

Клюев Б. И. *Религия и конфликт в Индии.* М., 2002 [Klyuev B. I. *Religiya i konflikt v Indii.* Moscow, 2002].

Кузык Б. Н., Шаумян Т. Л. *Индия – Россия: стратегическое партнерство в XXI веке.* М., 2009 [Kuzyk B. N., Shaumyan T. L. *Indiya – Rossiya: strategicheskoe partnerstvo v XXI veke.* Moscow, 2009].

Куценков А. А. *Очерки гражданского общества Индии.* Ч. I. М., 2017 [Kutsenkov A. A. *Ocherki grazhdanskogo obschestva Indii.* Vol. I. Moscow, 2017].

Лебедев Герасим. *Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов и их народных обычаев.* СПб., 1805 [Lebedev Gerasim. *Bespristrastnoe sozertsanie sistem Vostochnoi Indii bragmenov, svyaschennyh obryadov i ih narodnyh obychaev.* Saint-Petersburg, 1805].

Ледков А. А., Лунев С. И. *История Непала. XX век.* М., 2011 [Ledkov A. A. Lunyov S. I. *Istoriya Nepala. XX vek.* Moscow, 2011].

Маляров О. В. *Государственный сектор экономики Индии.* М., 2014 [Malyarov O. V. *Gosudarstvennyi sektor 'economiki Indii.* Moscow, 2014].

Маляров О. В. *Независимая Индия. Эволюция социально-экономической модели.* М., 2010 [Malyarov O. V. *Nezavisimaya Indiya. 'Evolyutsiya coysial'no-'economicheskoi modeli.* Moscow, 2010].

Межконфессиональные отношения в Южной Азии. Прошлое и настоящее. Материалы научной конференции. М., 1998 [*Mezhconfessional'nye otnosheniya v Yuzhnoi Azii. Proshloe i nastoyaschee. Materialy nauchnoi konferentsii.* Moscow, 1998].

Общественная мысль Индии: прошлое и настоящее. М., 1989 [*Obschestvennaya mysl' Indii: Proshloe i nastoyaschee.* Moscow, 1989].

Орлов М. И. Хитопадеша. Полезное наставление: собрание древнеиндийских нравоучительных рассказов. Пер. с санскрита с примечаниями // *Христианское чтение.* 1910. № 10. С. 1218–1232 [Orlov M. I. Hitopadesha. Poleznoe nastavlenie: Sobranie drevneindiyskih nravouchitel'nyh rasskazov. Perevod s sanskrita s primechaniyami // *Hristianskoe chtenie.* 1910. 10. Pp. 1218–1232].

Отчеты о поездке по Индии. Составители Генерального штаба подполковник Корнилов и Генерального штаба подполковник Серебренников. СПб., 1905 [*Otchyoty o poezdke po Indii. Sostaviteli General'nogo shtaba podpolkovnik Kornilov I General'nogo shtaba podpolkovnik Serebrennikov.* Saint Petersburg, 1905].

Под небом Южной Азии. Движение и пространство. Парадигмы мобильности и поиски смыслов за пределами статичности. М., 2015 [*Pod Nebom Yuzhnoi Azii. Dizhenie i prostranstvo. Paradigmy mobil'nosti i poiski smyslov za predelami statichnosti.* Moscow, 2015].

Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация идеологий, территорий и этносов через материальные объекты. М., 2014 [*Pod nebom Yuzhnoi Azii. Portret i sculptura. Vizualizatsiya ideologiy, territoriy i 'etnosov cherez material'nye ob'ekty.* Moscow, 2014].

Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность. М., 2016 [*Pod nebom Yuzhnoi Azii. Territoriya i prinadlezhnost'.* Moscow, 2016].

Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индийского (Панчатантра). Пер. с фр. Б. Волкова, М., 1762 [*Politicheskie i nravouchitel'nye basni Pil'paya, filisofa indiyskogo (Panchatantra).* Perevod s frantsuzskogo B. Volkova. Moscow, 1762].

Полонская Л. Р. (ред.). *Общественная мысль Индии: проблемы человека и общества*. М, 1992 [Polonskaya L. R. (red.). *Obschestvennaya mysl' Indii: problem cheloveka I obschestva*. Moscow, 1992].

Растянников В. Г. *Аграрная Индия: парадоксы экономического роста. Вторая половина XX в. – начало XXI в.* М., 2010 [Rastyannikov V. G. *Agrarnaya Indiya: Paradoksy 'ecomonicheskogo rosta. Vtoraya polovina XX v. – nachalo XXI v.* Moscow, 2010].

Ригведа. Перевод Т. Я. Елизаренковой. М., 1989–1999 [*Rigveda*. Perevod T. Y. Elizarenkovoi. Moscow, 1989–1999].

Россия – Индия: перспективы регионального сотрудничества. Брошюры. М., 2000, 2001, 2002 [*Rossiya-Indiya: perspektivy regional'nogo sotrudnichestva*. Brochyury. Moscow, 2000, 2001, 2002].

Рыбаков Р. Б. *Индия. 33 незабываемые встречи*. М., 2014 [Rybakov R. B. *Indiya. 33 nezabyvaemye vstrechi*. Moscow, 2014].

Серебряков И. Д., Ванина Е. Ю. (ред.). *Голоса индийского средневековья*. М., 2002 [Serebryakov I. D., Vanina E. Y. (red.). *Golosa indiyskogo srednevekoviya*. Moscow, 2002].

Сидорова С. Е. *Индийский хлопок и британский интерес. Овеществленная политика в колониальную эпоху*. М., 2016 [Sidorova S. E. *Indiyskiy hlopok i britanskiy interes. Oveschestvlennaya politika v kolonial'nuyu 'epohu*. Moscow, 2016].

Шаумян Т. Л. *Политические системы стран Южной Азии*. М., 2013 [Shaumyan T. L. *Politicheskie sistemy stran Yuzhnoi Azii*. Moscow, 2013].

Шаумян Т. Л. *Россия, Великобритания и Тибет в «Большой игре»*. М., 2017 [Shaumyan T. L. *Rossiya, Velikobritaniya i Tibet v "Bol'shoi igre"*. Moscow, 2017].

Юрлов Ф. Н. *От восхода до заката. Династия Неру – Ганди. Книга первая*. М., 2015 [Yurlov F. N. *Ot voshoda do zakata. Dinastiya Neru – Gandi. Kniga pervaya*. Moscow, 2015].

Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. *История Индии. XX век*. М., 2010 [Yurlov F. N., Yurlova E. S. *Istoriya Indii. XX vek*. Moscow, 2010].

Юрлова Е. С. *Индийские женщины: традиции и современность*. М., 2014 [Yurlova E. S. *Indiyskie zhenschiny: traditsii ii sovrmennost'*. Moscow, 2014].

Юрлова Е. С. *Индия от неприкасаемых к далитам. Очерки истории, идеологии и политики*. М., 2003 [Yurlova E. S. *Indiya ot neprikasaevyh k dalitam. Ocherki istorii, ideologii I politiki*. Moscow, 2003].

Юрлова Е. С., Шаумян Т. Л. (ред.). *Выдающиеся женщины Индии XX века*. М., 2002 [Yurlova E. S., Shaumyan T. L. *Vydayuschiesya zhenschiny Indii XX veka*. Moscow, 2002].

Vanina E. Y. (ed.). *Indian history: a Russian viewpoint*. Moscow, New Delhi, 2003.

Электронные ресурсы

Шаумян Т. Л., Горячева А. М., Рабей С. Л., Свинарчук Т. О. *Современная Индия: энергетика и энергетическая безопасность*. М., 2014. Электронное издание. URL: https://book.ivran.ru/f/energetika-i-energobezopasnost.pdf (дата обращения: 18.03.2018).

Шаумян Т. Л., Рабей С. Л., Свинарчук Т. О. (ред.). *Водные ресурсы Индии: экономические, политические, социальные аспекты*. М., 2015 г. Электронное издание. URL: https://book.ivran.ru/f/indiya-vodnye-problemy.pdf (дата обращения: 18.03.2018).

Прокуратура Томска настаивает на экстремистском характере «Бхагавад-гиты» и подала апелляцию // *Газета.ru*. 26.01.2012. URL: https://www.gazeta.ru /news/lenta/2012/01/26/n_2180377.shtml (дата обращения: 18.03.2018).

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ, ЕВРОПОЦЕНТРИЗМ, ОРИЕНТАЛИЗМ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

Л. Б. Алаев*

Автор соглашается с Э. Саидом, что методика изучения неевропейских стран пронизана европоцентризмом, и в этом смысле востоковедение как комплекс наук нуждается в переосмыслении. Материал стран Востока должен стать непременной составляющей таких наук, как политология, история, экономика, как он уже стал в лингвистике, религиоведении и ряде других наук.

Ключевые слова: ориентализм, востоковедение, цивилизации, марксизм, альтернативные пути эволюции.

ORIENTAL STUDIES, EURO-CENTRISM, ORIENTALISM AND CIVILIZATIONAL VALUES

Leonid B. Alayev

The author agrees with E. Said's idea that studies of non-European societies are transpierced with Euro-centrism, and thus Orientalism as a scholarly complex is in need of new approaches. Oriental phenomena should become indispensably constituent parts of global political studies, history, economics and other research fields, as it has already happened in linguistics, religious studies and some other branches of knowledge.

Keywords: orientalism, oriental studies, civilizations, Marxism, alternative paths of evolution.

Востоковедение занимает неустойчивое положение между основными направлениями науки. Постоянно возникает вопрос о его статусе и идентичности. С одной стороны, оно распадается на страновые дисциплины: арабистику, индологию, синологию и т.п. Специалисты по крупным азиатским цивилизациям, можно сказать, говорят «на разных языках». С другой стороны, историки, экономисты, филологи и религиоведы, изучая одну страну, часто весьма далеки друг от друга по своим интересам. В этих условиях настаивать на том, что существует *востоковедение* как некая сущность и *востоковеды* как группа коллег, весьма затруднительно.

Ко всему этому расчленению *по горизонтали* и *по вертикали* добавляется то, что востоковедение возникло как **европейская** наука о Востоке, как удовлетворение интереса европейцев к экзотическим странам и народам, каковыми для европейца были все народы, восточнее Вислы и южнее Дуная[1].

Но при всех этих географических и хронологических неопределенностях и расплывчатости понятий, все же основной тезис остается незыблемым: востоковедение есть наука Запада о Востоке. Однако в последние двести или меньше лет нашими коллегами становятся ученые из тех самых – изучаемых нами – стран. Для них это наука не о дальних экзотических странах, а о собственной стране. Они – **коллеги востоковедов, но не востоковеды!**

---

* Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alaev_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAYEV, DSc, Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alaev_leonid@mail.ru

[1] Конечно, восточная граница «Европы» постепенно двигалась на восток (можно считать, что она продвинулась вплоть до Тихого океана) и немного на юг (по-моему, так и не переварив Балканский полуостров). Постоянно возникает вопрос о месте России: западная это страна или восточная.

Настало время востоковедам осознать сущность того, чем они занимаются, и постараться понять, что нас, востоковедов, ждет. Побудительными факторами для этих размышлений послужили, во-первых, книга Э. Саида [Said, 1980; Саид, 2006], а во-вторых, двухтомник [Введение, 2011; Концепции, 2013], подготовленный, в основном, силами востоковедов из Санкт-Петербургского университета под руководством Е. И. Зеленева и В. Б. Касевича[2].

Понятие «Восток» для обозначения неевропейских народов Евразии появилось в Древней Греции и носило с самого начала негативный оттенок, являясь синонимом деспотизма, всеобщего рабства и угнетения. В Средние века отчуждение «Запада» (Западной Европы) от «Востока» усугубилось религиозными различиями и стало восприниматься как противостояние христианства и ислама. К началу Нового времени «Запад» вырвался вперед в своем социально-экономическом развитии, а затем стал подчинять себе экономически, а иногда и политически, неевропейские, в том числе восточные народы. Возник *колониализм*, который добавил к прежним противоречиям новые: на Западе Восток стал пониматься как отсталый, косный, нуждающийся в цивилизующем влиянии; сам же Восток стал вести счет «историческим обидам», нанесенным ему Западом.

Интерес к Востоку возник до появления востоковедения как науки. В Средние века загадочность Востока порождала его мифологизацию, сказочные сюжеты, противоречивые, нередко фантастические представления о нем. С началом проникновения на Восток европейских купцов и путешественников облик Востока становился все более достоверным и рациональным, но одновременно закреплялся стереотип извечной неподвижности Востока, господстве там деспотизма и фанатизма, или же, напротив, его исключительной «*духовности*», противостоящей «*материалистичности*» Запада. Эти стереотипы вырабатывались в европейском сознании не столько для понимания особенностей Востока, сколько для идентичности самого Запада и для использования в идеологической внутриевропейской борьбе [Ванина, 2010].

Еще одна проблема связана с огромностью объекта изучения. Можно ли называть *востоковедом* человека, специализирующегося на истории (филологии, экономике) одной страны или группы стран (например, арабских)? Это все равно, что называть специалиста по истории Франции *европоведом*. Пожалуй, даже еще с меньшим основанием, потому что специалист по Франции обычно знает языки окружающих стран и знаком с их историей и культурой, а индолог, например, чаще всего не знает ни арабского, ни китайского.

Привычные обороты типа «Например, на Востоке …» часто не только бессодержательны, но и дезинформационны. Например, под *духовностью Востока* обычно понимают либо учения типа даосизма, либо идеи *Упанишад*. Под *общинностью* – индийское *джаджмани*. И то, и другое не характерно для других районов или времен. Уверен, что слово «Восток» в мыслях китаиста и индолога имеет разное содержание.

Очередная встроенная черта востоковедения состоит в том, что оно постоянно использует Западную Европу в качестве эталона и объекта сравнения. Изучение истории Востока многими понимается как нахождение в прошлом Востока форм, аналогичных западным. Сначала такой подход действительно был оправдан историографически: ведь для познания нового нужно отталкиваться от чего-то более знакомого. Но подведение стадий развития Востока под этапы, пережитые Западной Европой, перенесение европейских категорий (*крестьянство*, *дворянство*, *помещики*) на Восток стало основным исследовательским приемом и своего рода правилом хорошего тона для историка-востоковеда. Некоторые коллеги и сейчас убеждены, что в назывании азиатских **реалий** европейскими **словами** заключен смысл нашей работы.

Мы испытываем синдром «окраины» Европы, второстепенности всего того, чем востоковед занимается. Поскольку Наука (с прописной буквы Н) создавалась «*для Европы*», а затем развивалась как наука «*для Европы и ее окрестностей*», то она оказалась *усеченной.*

[2] Подробнее концепции упомянутых авторов рассмотрены в [Алаев, 2013; Алаев, 2016].

Отбрасывая многотысячелетнее бытие восточных цивилизаций в *доисторию*, в *доевропейскость*, сама история как наука оказывалась *кастрированной*, неспособной выполнить ту задачу, которую она перед собой, зарождаясь, ставила: объяснить ход человеческой истории. Можно только удивляться, сколько теорий истории возникло, начиная с античности до XX века, которые строили схемы истории **человечества**, опираясь только на Библию или на европейский материал и не принимая во внимание Восток, который определял эту историю в течение нескольких тысячелетий *до Европы*, и, очень может быть, станет определять этот ход «*после Европы*». Плохо это или хорошо, но такая перспектива вполне реальна.

А пока что все вопросы истории и культуры той или иной страны Азии и Африки приходится решать «через Европу». Есть широко мыслящие индологи, китаисты, арабисты и т.п., которые в своих рассуждениях выходят за пределы *своих* стран. Но «выходят» они непременно *в западном направлении*. Т. е. если некий ученый хочет провести сравнительный анализ того или иного события, процесса или института, он будет сравнивать не Индию, скажем, с Китаем, а Индию с Европой, Китай – с Европой и т. п. С этой точки зрения «востоковедов» просто нет! Ну а если среди восточных ученых нет, как говорилось, востоковедов, то нет и «*азиеведов*»[3]. Они тоже либо изучают только свою страну, либо, в лучшем случае, подходят к ней путем сравнения с Европой.

Однако по зрелом размышлении ясно, что такое положение заключает в себе просторы для развития именно **нашей** науки. Науки – история, экономика, филология – станут действительно мировыми науками, станут *полными,* только когда они охватят и Восток.

Это уже произошло в **лингвистике**. Неевропейские языки стали сейчас главным объектом исследования теоретической (т. е. именно мировой) лингвистики. Процесс вырастания *науки для Европы* в мировую наглядно виден на примере **религиоведения**. Здесь особенно отчетлива тенденция, которой, по-видимому, будут следовать и другие гуманитарные науки: **возникновение** дисциплины (в данном случае – религиоведения) на базе фактически одной религии; затем **насыщение** ее неевропейским материалом, который первоначально анализируется по аналогии с христианством; далее – **преобразование** дисциплины в глобальную науку, в которой христианство занимает заметное, но в то же время скромное место. Знакомство с неевропейскими религиями породило одно время концепцию **стадий** развития религий, фактически понимание христианства как высшей стадии развития религии. Но тенденция подчеркивать единство всех религиозных воззрений, уравнивать все религии по их значимости или истинности все более укрепляется.

Поиски в **литературах** Востока реализма, критического реализма, романтизма и т. п. тоже являлись проявлениями европоцентризма, но этот этап в литературоведении, кажется, преодолен. Нельзя сказать, что западное и восточное **искусство** не имеют никаких общих позиций, но неверно было бы считать, что развитие западного и восточного искусств составляет единый поток истории мирового искусства [Концепции, 2013 с. 207].

В результате многих исследований выяснилось принципиальное отличие того, что называется **философией** на Западе и Востоке. В XVIII–XIX вв. высказывалось даже мнение, что философии на Востоке вообще нет (Г. В. Ф. Гегель, Э. Гуссерль), что незападной философии *не может быть*. Некоторые находили в арабском (или мусульманском) мире нечто, примерно соответствующее европейскому понятию «философия», в комплексе школ из *калама, фальсафы и суфизма*. С нигилистическим подходом к восточной философской мысли боролись многие видные специалисты. Но они считали, что задача заключается в том, чтобы **перевести** восточные термины на европейский язык, найти в восточной философии **соответствия** европейским философским понятиям. Р. В. Светлов, рассматривая возможности взаимообогащения философских дискурсов Запада и Востока, подчеркивает их разное содержание, выражая это при помощи дихотомии: «западная теоретическая **мысль**» и

[3] Исключение – Япония, где есть, например, развитая индологическая школа. Но Япония давно рассматривается по нескольким параметрам как часть «Запада». Само наличие интереса к другим странам Востока служит дополнительным знаком *западности*, или просто *развитости* этой страны, *зрелости* ее культуры.

«восточная **мудрость**» [Концепции, 2013, с. 146, 147, 149, 154]. Проблему наполнения этих слов содержанием еще предстоит решить.

Политология возникла на Западе и стала развивать свой понятийный аппарат на материале государств новейшего времени, а затем применять его к незападным странам, считая свои понятия универсальными. Некоторые востоковеды-политологи понимают ущербность такого положения и сетуют: «*базовая слабость теории международных отношений, как и общественных наук вообще, состоит в недоучете тех явлений и социальных процессов, которые протекают в незападной части мира и задают специфику мировосприятия незападных стран и их поведения в мировой политике*» [Концепции, 2013, с. 262]. Но они же, стремясь учесть «*особенности*» восточной системы ценностей, отмечают: «*Такой тип мышления был присущ, вероятно, европейцу в Средние века, и позднее был почти изжит в евро-американской традиции*» [Концепции, 2013, с. 265]. Но если это мышление характерно для средневековья, если это архаика, то, следовательно, это не врожденные особенности (раз их можно «изжить»!), а стадиальные признаки? И тогда получается, что правы те на Западе и на Востоке, кто ставит своей целью максимальную вестернизацию всего мира?

Что касается изучения современности, оно затруднено дополнительным фактором: изменением **объекта** изучения. Когда-то деление человечества на *Запад* и *Восток* представлялось само собой разумеющимся и единственно значимым. Сейчас сложилась ситуация, когда для решения многих политических, экономических и культурных проблем более значимым становится противопоставление *Севера* и *Юга*. Взаимодействие между *востоковедением* и *третьемироведением* стало одной из науковедческих задач.

Есть тенденция ограничить понятие *востоковедение* только изучением *традиционного* или *классического* Востока [Введение, 2011, с. 16; Концепции, 2013, с. 21, 110].

При таком понимании из объекта изучения востоковедов изымаются **современные институты** гражданского общества в странах Востока, **индустриальные формы** производства, **международные отношения** и многое другое. Это бы еще ладно. Трагедии не будет, если выделить, например, из востоковедения изучение современности и навесить на это направление уже привычный лейбл *третьемироведение*. Но никто нам не простит забвение того, что современный восточный человек живет как бы в двух мирах: и в современном, и в традиционном. Считают ли наши петербургские коллеги, что востоковед может изучать только «половину» современного человека в странах Азии и Африки?

Авторы двухтомника призывают изучать *цивилизационные особенности* восточных обществ, определяя их как «*консервативность, охранительность*», «*аперсонализм (коллективизм, эгалитаризм)*» [Введение, 2011, с. 17]. Но затем эти же черты они называют свидетельствами «*архаических культур*», «*средневековыми представлениями»*, которые «*мы встречаем в разных обличьях на протяжении тысячелетий, имея дело с архаическими обществами*» [Введение, 2011, с. 18]. Повторю уже прозвучавший выше вопрос: то ли это *цивилизационные черты*, и потому изменять их не следует, к тому же это бесполезно, то ли это *архаика* и, таким образом, черты, исчезающие и достойные только того, чтобы исчезать?

Что касается **истории**, то здесь европоцентризм господствует в полной мере. Привязка истории в целом к христианской мифологии, и, тем самым, ее *европеизация*, началась, наверное, с Блаженного Августина (354–430 гг.). Крупнейшим «*присвоением»* Европой всемирной истории стало введение Исидором Севильским в VII в. н. э. *универсальной хронологии* (BC, AD, то, что мы называем «до н. э.» и «н. э.»). А далее исторические концепции Иоахима Флорского (1130–1202 гг.), Флавио Бьондо (1392–1463 гг.), Кристофа Келлера (1634–1706 гг.), К. А. де Сен-Симона (1760–1825 гг.), Г. В. Ф. Гегеля (1770–1831 гг.) и др. продолжали рассматривать Западную Европу как единственный объект исследования для историка.

В русле развития этих теорий выкристаллизовалась схема трех периодов истории (Древность, Средние века, Новое время), которые вскоре стали пониматься как периоды рабовладения, феодализма и рыночных отношений. Так что Маркс *не виноват*, что его концепция также насквозь европоцентрична. Уже при создании теории исторического

материализма в нее была заложена концептуальная мина: она предлагала **как бы** концепцию **мировой** истории, на самом деле имея в виду одну только Западную Европу.

Восток изучался и в некоторой степени и сейчас изучается как **отклонение** от Запада: либо как **недоразвитый** Запад, либо как **ухудшенный вариант** Запада. Дело даже не в том, что мы переносили на Восток упомянутую выше **схему**, а в том, что весь аналитический аппарат, система понятий, применявшиеся при изучении Востока, носили на себе печать европоцентризма.

Преодоление европоцентризма в исторической науке необходимо не только нам, но и всей этой науке. То, что в нашей стране (и во многих других странах) называется «всеобщей историей», представляет собой историю Европы или западного мира. Она не включает в себя даже историю России, не только стран Азии и Африки. Преподавание «всемирной» или «всеобщей» истории в таком виде делает ущербным понимание исторического процесса – как в среде населения, так и у специалистов.

Но раз уж нам суждено идти к нашим проблемам «от Европы», то нужно, по крайней мере, стараться нащупать ту твердь, от которой можно было бы оттолкнуться. Желательно при этих сравнениях иметь в качестве *эталона*, или *оселка* не убеленный сединами образ Европы, почерпнутый нами из учебников, а общество, как оно выглядит в свете современных исследований. Но пока что подобно тому, как Восток присутствует в трудах специалистов по европейской истории в виде набора догм и стереотипов, так и Запад в трудах востоковедов выступает в форме модели, сконструированной и закрепившейся в позапрошлом и позапозапрошлом веках.

Конечно, кардинальным вопросом всей истории остается вопрос о причинах того, что Запад и Восток с какого-то момента (здесь не место уточнять дату) избрали *разные пути* дальнейшего существования (не пишу *развития*, поскольку это слово имеет разные значения). Надо отдать должное Востоку как колыбели человеческой цивилизации (в Моргановски-Энгельсовском смысле), а также его вкладу в возникновение западноевропейской цивилизации (уже в другом смысле, применяемом в так называемом цивилизационном подходе). Но признано, что Восток и Запад играли **разные роли** в формировании поступи человечества, и эту разницу необходимо объяснить. Это одна из тех задач востоковедения (в данном случае как комплекса дисциплин: истории, филологии, экономики и т.п.), в решении которой не будет лишней ни одна деталь из наших знаний о Востоке.

Осознание особенностей Востока иногда выливается не в соединение наук о Востоке и Западе в единый поток, а, напротив, в их размежевание. Обосновывается понятие «восточной души», которая требует особых методик изучения. При этом совершенно некритично используются как размышления некоторых восточных мудрецов о сущности *человека* или *души*, так и данные современных социопсихологов (или этнопсихологов) [Концепции, 2011, с. 156–168]. Эти два типа источников относятся к разным плоскостям. Современные данные социопсихологии – это наука, как бы ни были ненадежны ее выводы. А «*структура психики*» по *санкхье*, *упанишадам* или *Нэй-цзин* – это спекулятивное философствование, не имеющее основания в опыте.

Однако такого рода построения легко подхватываются азиатской и африканской общественностью. На смену европоцентризму зачастую приходит «востокоцентризм»: *негритюд, хиндутва,* апологетика всего индийского, китайского, японского и т.д. **Знание** родной культуры подменяется **сознанием** ее превосходства.

Суммирую содержание вышесказанного: **изживание европоцентризма – есть повышение научности** нашей науки. Востоковедение – трудная наука (как и всякая наука, если она настоящая). Востоковед должен вжиться в предмет своего изучения, увидеть его **изнутри**, и в то же время постоянно находиться **вне** своего предмета, видеть его со стороны. Надо иметь в виду, что наши знания могут сослужить службу нашему обществу и государству. Правда, при этом возникает еще одна проблема, нерешаемая уже несколько столетий – несклонность властей учитывать чье-либо мнение, кроме своего. В петербургском сборнике,

который я здесь постоянно цитирую, содержится фраза, претендующая на крылатое слово: «*В России наука никогда не рассматривалась властью серьезно в качестве важного ресурса по оптимизации социально-управленческих практик*» [Введение, 2011, с. 171].

Вопрос о статусе востоковедения обострился после выхода в 1978 г. книги Э. Саида «Ориентализм» [Said, 1980; Саид, 2006]. Американец арабского (палестинского) происхождения Эдвард Саид (1935–2003 гг.), преуспевающий по всем западным меркам профессор-филолог, вдруг вспомнил о своей палестинской родине и заклеймил лейблом *ориентализма* практически все, что сделано западными учеными, писателями, журналистами, политиками в изучении неевропейских стран. Все европейское востоковедение было обвинено в том, что оно – наука колониальная, обслуживающая интересы западных колонизаторов, работающая вовсе не для изучаемых народов, а для европейцев, пронизанная европоцентризмом и презрением к туземцам, т.е. и не наука вообще. Кратко говоря, «*это распространение геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты*». Хотя ориентализм и «*не состоит в непосредственных отношениях с политической властью как таковой*», но он «*производится и существует в неравном обмене с различными видами власти*» [Саид, 2006, с. 23–24].

Саид временами признает, что востоковедение не сводится к идеологии покорения Востока, что оно содержит позитивное знание (однажды я даже встретил у него выражение «*гуманистические ценности* ***ориентализма***» [Саид, 2006, с. 172]), но нигде он не формулирует прямо, что так называемые *ориенталисты* (как бы ни относиться к такому их *званию*) много сделали, для того чтобы изучить историю и культуру восточных цивилизаций и **опубликовать** знание о Востоке не только для европейского потребителя, но и для самих восточных народов. Что касается Европы, ориенталисты «обслуживали» не только колонизаторов (военных, чиновников, бизнесменов), но и широкие массы общественности, раскрывая перед ними неевропейский мир. Изучение неевропейского мира, востоковедение, не только выполняло свою *титульную* задачу – давало европейцам **знание** о других странах, но и способствовало развитию прочих наук, науки в целом: географии, этнографии (антропологии, социологии), ботаники, зоологии, геологии. Ламарк и Дарвин не смогли бы появиться без роста знаний о мире и его населении.

Саид не ставил перед собой задачу дать объективный историографический анализ востоковедных исследований. Его книга – это мастерски выполненный пропагандистский **памфлет,** заточенный на **разоблачение** «истинных» европейских интересов. Раскритиковав *ориентализм*, Саид не предложил ничего взамен. Не принимая обобщений типа «*восточная ментальность*», Саид всю западную мысль обобщает понятием *ориентализм* и не стремится разобраться в разных ее направлениях. «*В задачи данной книги,* – заявляет он, – *не входит обсуждение того, существует ли нечто такое, как реальный или подлинный Восток*» [Саид, 2006, с. 499]. И далее: «*Моя задача состояла в том, чтобы описать определенную систему идей, но ни в коем случае не заменить ее другой системой*» [Саид, 2006, с. 505]. Остается только согласиться, что он не предложил иного способа изучения Востока вместо *ориентального.*

В формулировках Саида много справедливого. Верно, что существует как явный *ориентализм* (научный подход к Востоку с европейскими мерками), так и скрытый («бытовой») *ориентализм*, пронизывающий ментальность каждого (или почти каждого) европейца (жителя Западного мира) в виде снисходительного или менторского отношения к жителям иных стран. Верно, что наличие Востока питало «*идею европейской идентичности как превосходства над всеми другими неевропейскими народами и культурами*» [Саид, 2006, с. 16]. Справедливо замечание, что «*Европейская культура выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному "Я"*» [Саид, 2006, с. 11]. Но европейцев нельзя обвинять в том, что они *смотрели* и мотали на ус, а азиаты не смотрели и ничему не учились.

В значительной мере справедливы слова Саида: в трудах западных ученых «*восточный человек изображен как тот, кого судят (как в суде), кого изучают и описывают (как в учебном плане), кого дисциплинируют (как в школе или тюрьме), кого необходимо проиллюстрировать (как в зоологическом*

справочнике)» [Саид, 2006, с. 63]. Возникает вопрос: а какова во всем этом роль самого *восточного человека*? Почему он позволяет себя постоянно судить, воспитывать и т. п.?

Книга Саида в течение нескольких лет была переведена на многие языки и стала бестселлером. Ее успех в странах Востока понятен. Она отвечала глубокому убеждению, взлелеянному еще в колониальный период, что во всех бедах Востока виноват Запад. Но ее успех в бывших метрополиях вызывает раздумье. Оказалось, что западные ученые несколько веков пребывали в счастливой уверенности, что они занимаются чистой наукой, не имеющей никакого отношения к политике, и что отношение к Востоку как подопытному существу — это совершенно безобидная позиция. Оказалось, что научная общественность Европы и Америки (не только востоковедная) не привыкла анализировать свое собственное существование, характер своей работы. Реакция западной общественности на книгу Э. Саида показала, что в Европе и Америке много людей, с детской доверчивостью верящие в свою объективность и свободу от стереотипов, бытующих в обществе.

Интересно проанализировать, почему книга Саида не встретила взрыва интереса в советском и постсоветском обществе. Она была переведена на русский язык только спустя 28 лет, да и после этого не стала предметом серьезных дискуссий. У меня есть два дополняющих друг друга объяснения. Во-первых, книга Саида была *не про нас*. Саид в своей книге анализирует только английскую, французскую и американскую литературу. Просто потому, что не знает иных языков. Не заметили книги Саида в СССР еще и потому, что культивировалась идея, что Россия никогда не была колониальной державой, что в Российской империи все нации и конфессии мирно уживались, а в Советской державе вообще процветала «*дружба народов*», одна сплошная «*Свинарка и пастух*».

А во-вторых, мы воспитывались в атмосфере всеобщего служения государству. Для нас *практическая значимость* научных работ считается главным оправданием того, что на гуманитарные науки вообще «*отпускают*» деньги. Советские ученые-гуманитарии не просто работали в тиши кабинетов (или *в поле*), но находились «*на переднем крае идеологической борьбы*». Мы не только осознавали нашу ангажированность, но гордились ею.

Но и в постсоветскую эпоху мыслям Саида не отдано должное (я имею в виду как **принятие** его критики в адрес европейской науки, так и спокойное **отторжение** его несправедливых наскоков). Некоторые коллеги поняли идеи, высказанные Саидом так, что всю западную гуманитарную науку можно записать в *ориентализм*, представить ее как орудие империализма и либо сдать ее в архив, либо начать с ней бороться. Слова *ориентализм* и *ориенталисты* заменили собой прежние *империализм* и *империалисты*, а актуальность выводов Саида и для отечественной науки не была осознана [4]. Другие увидели в книге Саида серьезную атаку на науку, которую (атаку) надо отбить, разоблачив содержащиеся в книге Саида натяжки и передержки [Панарин, 2015]. Между тем, труд Саида не заслуживает ни серьезной критики по существу, ни использования в роли знамени при наступлении на врагов. Его просто надо учитывать.

Советские историки попытались «расширить» марксизм, «натянуть» его (как резину) на Восток. Тут было и элементарное именование Древнего Востока рабовладельческим, а Средневекового – феодальным; и апелляция к одной из второстепенных и неудачных идей Маркса – об «азиатском способе производства»; и концепция *многоукладности*, т.е. практически отрицание марксистской схемы формаций под видом ее «усовершенствования».

Главное, к чему мы должны будем прийти – понимание того, что в Азии и Африке существовали (и существуют?) особые общества со своей системой понятий. Нет смысла отрицать реальность всемирно-исторического процесса. История всегда была всемирной. Событие, произошедшее на одном конце света, отражается в истории всех стран. Но в то же время у каждого народа **свои** этапы развития, **свои** хронологические рубежи перехода с этапа на этап. У каждой из великих цивилизаций Востока были **своя** древность и **свои Средние века,** они каждая переживают свое **Новое время.** Всемирно-исторический процесс слагается

[4] См., например, [Ванина, 2014].

из **разнонаправленных** и разновременных движений отдельных обществ и групп обществ («цивилизаций», если хотите), и вкладывать все их в единую схему неверно. Однако вопрос о соотношении всемирной истории и локальных историй пока совершенно не разработан.

Литература / References

Алаев Л. Б. Востоковедам о востоковедении // *Восток*. 2013. № 6. С. 162–174 [Alaev L. B. Vostokovedam o vostokovedenii // *Vostok*. 2013. 6. Pp. 162–174].

Алаев Л. Б. Ориенталистика и ориентализм. Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России // *Ориентализм vs. Ориенталистика*. М., 2016. С. 8–13 [Alaev L. B. Orientalistika i Orientalism. Pochemu kniga Edvarda Saida ne imela uspeha v Rossii // *Orientalizm vs. orientalistika*. Moscow, 2016. Pp. 8–13].

Ванина Е. Ю. Индийское средневековье: рождение образа // *«В России надо жить долго…»: памяти К. А. Антоновой (1910–2007)*. М., 2010. С. 307–337 [Vanina E. Y. Indiyskoye srednevekovye: Rozhdeniye obraza // *"V Rossii nado zhit' dolgo…": Pamyati K. A. Antonovoy (1910–2007*. Moscow, 2010. Pp. 307–337].

Ванина Е. Ю. *Индия: История в истории*. М., 2014 [Vanina E. Y. *Indiya: Istoriya v istorii*. Moscow, 2014].

Введение в востоковедение. Общий курс. СПб., 2011 [*Vvedeniye v vostokovedeniye. Obschiy kurs*. Saint Petersburg, 2011].

Концепции современного востоковедения. СПб., 2013 [*Kontseptsii sovremennogo vostokovedeniya*. Saint Petersburg, 2013].

Панарин С. А. Эдвард Саид: книга софизмов // *Историческая экспертиза*. 2015. № 2 (3). С. 78–105 [Panarin S. A. Edvard Said: kniga sofizmov // *Istoricheskaya perspektiva*. 2015. 2(3). Pp. 78–105].

Саид Э. В. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб., 2006 [Said, Edvard V. Saint Petersburg, 2006].

Said E. W. *Orientalism*. London, 1980.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ИВ РАН В ЕГИПТЕ И СУДАНЕ (СЕЗОН 2017)

Э. Е. Кормышева*

В статье изложены результаты археологических работ, которые были проведены в течение полевого сезона 2017 г. экспедициями Института востоковедения РАН в Египте и Судане. Цель работ экспедиций – исследование древних цивилизаций долины Нила.

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, Гиза, археология Египта, археология Судана, раскопки

ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS OF IOS RAS IN EGYPT AND SUDAN (SEASON 2017)

Eleonora E. Kormysheva

The article provides archaeological results of the IOS RAS 2017 field expeditions in Egypt and Sudan. Their goal was to expand the existing body of research into the ancient civilizations of the Nile Valley.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, Giza, archaeology of Egypt, archaeology of Sudan, excavations

Российская археологическая экспедиция в Гизе (Египет)

Археологические раскопки ИВ РАН проводятся с 1996 г. на территории концессии на Восточном плато в Гизе (*илл. 1*) на основании лицензии, выданной Высшим Советом по археологии Министерства культуры Арабской Республики Египет[1]. Руководитель экспедиции Э. Е. Кормышева; члены экспедиции – сотрудники Института востоковедения РАН С. В. Ветохов, М. А. Лебедев, С. Е. Малых, Е. Б. Смагина, В. З. Куватова. В экспедиции принимают участие также сотрудники Института археологии РАН – антрополог М. Б. Медникова, археозоолог Е. В. Добровольская, археоботаники А. Ю. Сергеев и А. А. Трошина, работавшие по гранту РФФИ.

В течение сезона 2017 г. экспедиция планировала начало раскопок в гробнице Кахерптаха (G 7721), одного из крупных чиновников древнеегипетской администрации эпохи Древнего царства. Подходы к ней были блокированы большим количеством наносов. Раскопки территории, непосредственно прилегающей к гробнице Кахерптаха, выявили наличие детского кладбища Позднего периода (*илл. 2, 3*). В течение сезона 2017 г. было раскопано 19 захоронений.

Погребения были ориентированы головой на запад; по следам сохранившегося дерева можно заключить, что скелеты лежали в прямоугольных ящиках или саркофагах. Одно из захоронений находилось в сырцовом антропоидном гробу, внешняя поверхность которого была покрыта тонким слоем белил. Гроб использовался как оссуарий и содержал тщательно уложенные кости двух особей; погребального оборудования здесь обнаружено не было. Другой вариант погребения представлял собой скелет, обернутый в льняные ткани с

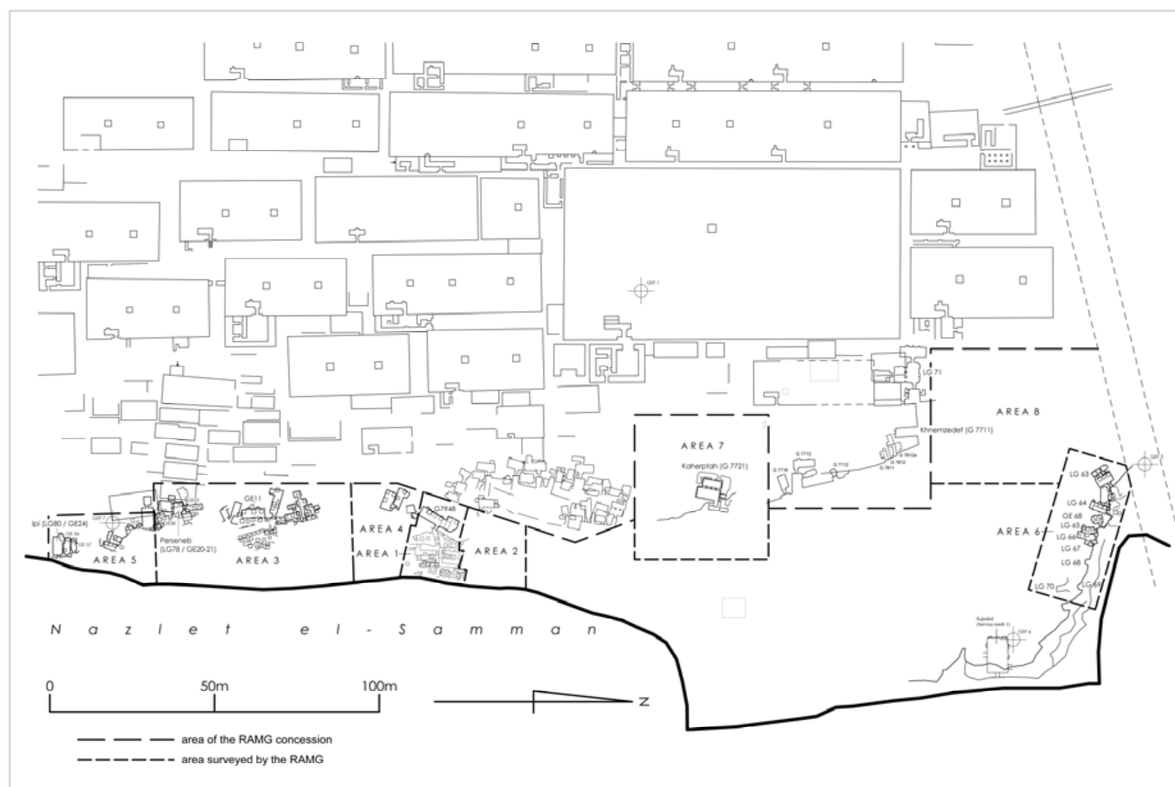
---

* Элеонора Ефимовна КОРМЫШЕВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; egypto@mail.ru

Eleonora E. KORMYSHEVA, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; egypto@mail.ru

[1] Три тома Трудов Российской археологической экспедиции в Гизе опубликованы на английском языке в 2010, 2012, 2015 гг. В настоящее время подготовлен к изданию 4 том.

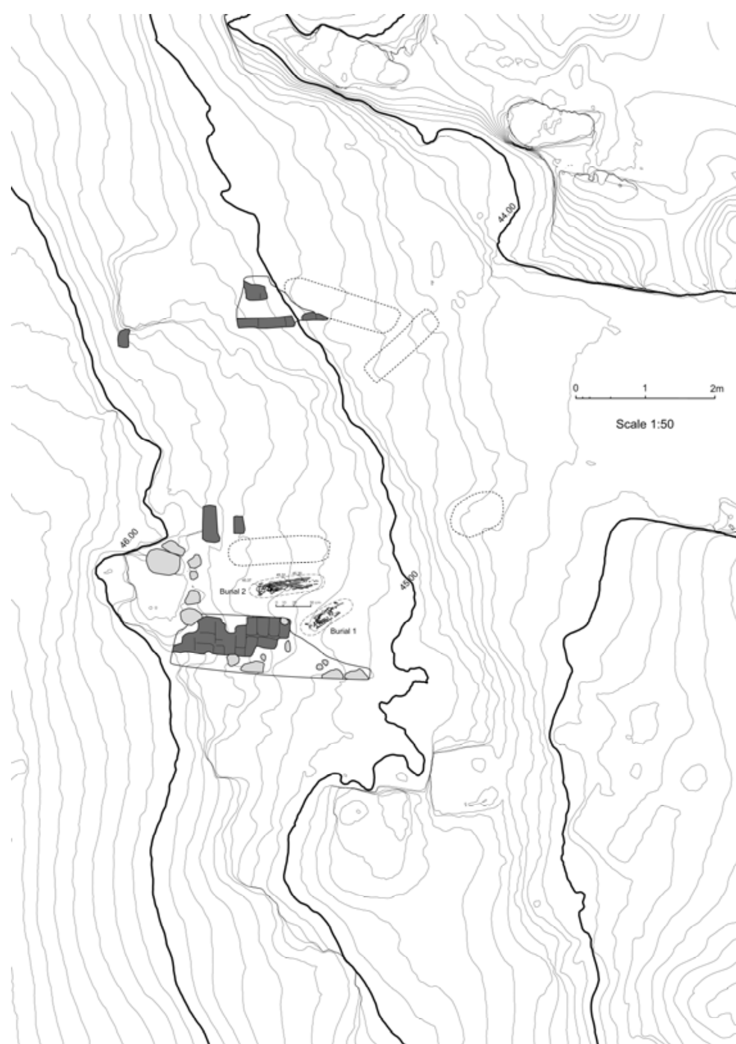
последующим прикреплением дополнительными бинтами к каркасу из тростника или пальмовых ветвей. Почти все скелеты имели гомогенный погребальный инвентарь, состоявший из различных украшений – бусы, амулеты в виде глаза-*уджат*, скарабеев, фрагмента короны Исиды (*илл. 4*).

Илл. 1. Территория Российской концессии в Гизе (*рис. С. В. Ветохова*)

Илл. 2. Детское кладбище (*фото С. В. Ветохова*)

Илл. 3. Детское кладбище (*рис. С. В. Ветохова*)

Аналогичное детское кладбище в Гизе было раскопано в некрополе Саисского и Римского времени в восточной части «Стены Ворона». Деревянные и глиняные гробы, найденные на кладбище, имеют многочисленные прямые параллели на кладбищах Позднего периода и в других местах в Египте [Kaiser, 2011, p. 190–193; Marshall, 2018].

Статистика показала, что детские погребения Позднего периода отличались от взрослых погребений того же времени расположением на кладбище, погребальным инвентарем и обработкой тела. Выделение отдельных пространств в пределах кладбища для детских погребений было известно в Древнем Египте. Детские погребения часто были снабжены более сложным погребальным инвентарем, чем погребения взрослых, что подтверждается обилием бус, амулетов, раковин-каури, присутствующих на кладбище над гробницей G 7721, которые связаны с представлениями о защите и жизни в другом мире.

В сезоне 2017 г. в ходе работ в гробнице Кахерптаха (G 7721) было установлено, что первоначальное культовое помещение гробницы состояло из двух комнат, обозначаемых нами как G 7721A и G7721B. Первая была отделена от комнаты для жертвоприношений тремя квадратными пилларами, которые создавали четыре прохода с барабанами над каждым из них. В комнате G 7721A насчитывается 17 статуй, вырезанных из скалы: шесть статуй в нише, высеченной вдоль южной стены; три статуи в нише в южной части западной стены; одна статуя в нише на южном пилларе; две статуи (предположительно, хозяина гробницы с женой) в нише в центральной колонне; одна статуя в нише северного пиллара; четыре статуи в нише на северной стене.

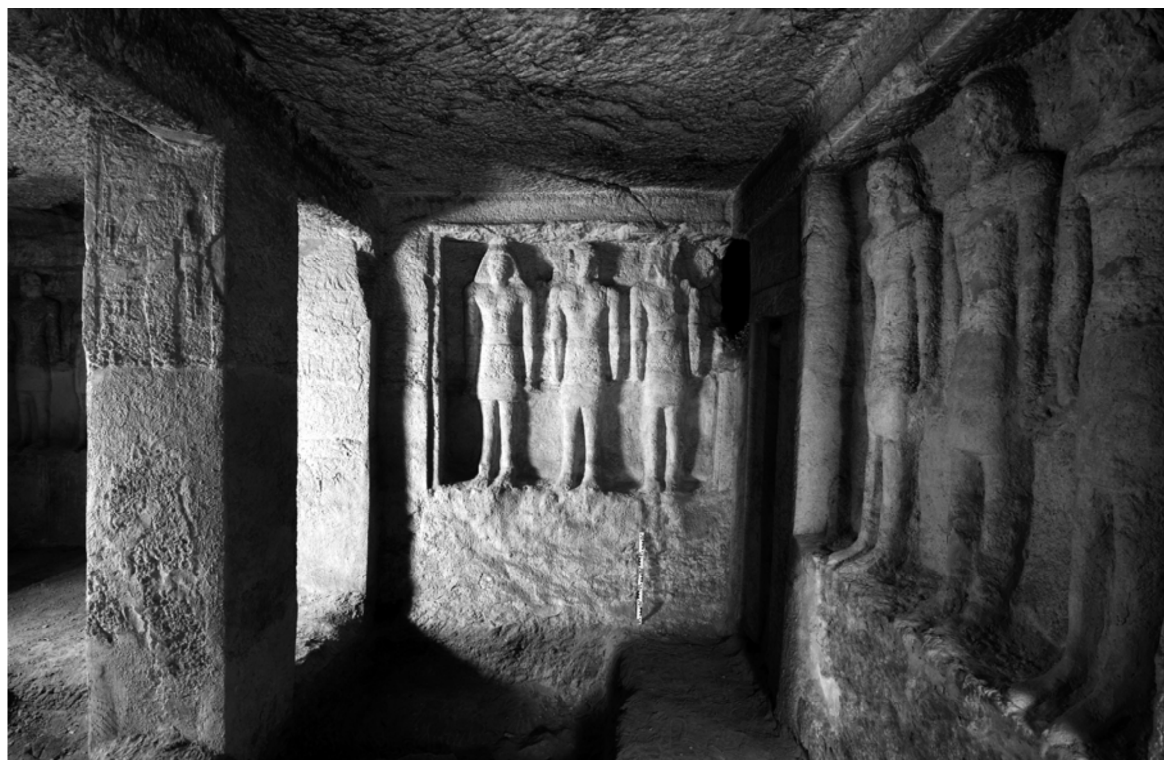
В культовом помещении G 7721B зафиксированы две шахты. На западной стене две ложные двери (*илл. 5*), где располагаются 12 статуй, высеченных из скалы: три статуи на южной стене; шесть статуй в двух нишах на западной стене и три статуи в нише на северной стене. Раскопки шахт и дальнейшее исследование гробницы предполагается провести в следующем полевом сезоне.

В ходе работ полевого сезона были также завершены факсимильные копии рельефов и надписей гробницы LG 63 (Каемнофрет), находящейся к югу от «процессионной» дороги Хуфу. Эпиграфические и иконографические обследования, проведенные в сезоне 2017 г., выявили неточности предыдущих изданий, пропущенные или неверно истолкованные иероглифы, неправильное представление деталей в изображениях погребальных даров,

животных и человеческих фигур. Были обнаружены остатки красок, которые использовались для коррекции контуров некоторых иероглифов и для обозначения незавершенных фигур крупного рогатого скота, для росписи определенных деталей – зерна, провеянного работником, веревки, которые фиксировали нагрузки на спины осла.

Илл. 4. Украшения на скелетах из детского кладбища (*фото М. А. Лебедева*)

Илл. 5. Гробница Кахерптаха (*фото С. В. Ветохова*)

Изучение рельефов и надписей выявило некоторые технические детали. Например, рельефы на восточной стене часовни, вероятно, были выполнены разными художниками или оставались на разных этапах завершения. Все фигуры и большая часть иероглифических надписей в часовне были сделаны низким рельефом. Однако некоторые тексты были врезаны: надпись с именами и названиями владельца гробницы и его жены, имя и титулы сына Каемнофрета, тексты, относящиеся к забойщикам скота и писцу на восточной стене культового помещения.

Было завершено исследование мумии, обнаруженной в одной из погребальных камер гробницы Персенеба на крайнем южном участке российской концессии. Исследование сохранившихся частей картонажа с позолотой – содержание и расположение декора, цветовая гамма позволили датировать находку второй половиной Птолемеевской династии (ок. II в. до н. э.).

Под штукатуркой, на которую наносилась роспись картонажа, находился слой окаменевшей смолы толщиной до 0,01 м. Мумия была обернута в повязки; некоторое количество белого и желтого порошка, предположительно, натрона, было найдено между слоями бинтов по всей сохранившейся части мумии. Наружный слой бинтов покрывал все тело. Под ним были бинты, которыми обертывали отдельные конечности и моделировали естественные особенности женского тела (*илл. 6*). Некоторые мягкие ткани сохранились на черепе, также сохранилась посткраниальная часть скелета. Абдоминальная полость была заполнена смолой и бело-желтым порошком (предположительно, натроном). Мумия принадлежала женщине 35–45 лет.

Илл. 6. Мумия из гробницы Персенеба после вскрытия (*фото М. А. Лебедева*)

Захоронение птолемеевского времени было расположено на коричневом суглинке, смешанном с известняковой крошкой. В нижней части слоя появились кости от первоначального захоронения эпохи Древнего царства. Скелет был сильно поврежден.

В северной стене шахты, где были обнаружены мумия и остатки скелета Древнего царства, имеется ниша, ориентированная на восток-запад. Среди костей находились фрагменты текстиля, льняные мешочки, содержащие бело-желтый порошок (предположительно, натрон), фрагменты керамики и ряд целых сосудов и тарелок, датированных концом Позднего периода (V–IV вв. до н. э.). В западной части ниши был найден амулет в форме кобры, керамика конца Позднего периода; все кувшины имели внутри следы темной субстанции. Стратиграфия ниши и ее содержимое предполагают ее использование в Поздний период (Персидское время) как нишу для бальзамирования. В Гизе

такие ниши того же времени известны в Восточном некрополе и раскопаны Дж. Э. Рейснером (G 7510 Z) [D'Auria, Lacovara, Roehrig 1992, p. 18].

Археоботанические исследования, проведенные А. А Трошиной и А. Ю. Сергеевым, основанные на изучении флотации из гробницы GE 58 и остатков ботанических макросов из глинистых кирпичей, продемонстрировали наличие значительного количества семян диких растений, а количество зерен культурных зерновых относительно невелико. Последний факт весьма интересен, так как количество измельченных образцов мякины указывает на активную переработку зерновых культур, которая происходила где-то вблизи гробниц восточного отрога Гизы.

Антропологические исследования (М. Б. Медникова) показали ряд признаков, указывающих на значительный возраст мумифицированного индивидуума, а также наличие патологического состояния, известного как болезнь Форестьера, что часто наблюдалось в останках индивидуумов высокого социального статуса. По-видимому, человек из гробницы Персенеба умер в 40–45 лет, провел свои ранние годы в благоприятных условиях без голода или хронических заболеваний. Он был физически активным, и его деятельность иногда сопровождалась полученными микротравмами рук и ног. Последние годы его жизни были связаны с общим ухудшением здоровья из-за болезни Форестьера. Реконструированный рост индивидуума был несколько выше среднего роста мужчин египетского Древнего царства, возможно, из-за его принадлежности к элите и хорошего питания.

Российско-итальянская совместная археологическая экспедиция в Абу Эртейле (Республика Судан)

Работы в Абу Эртейле в рамках совместного проекта ведутся с 2009 г. последовательно итальянской группой (Институт исследований Восточного Средиземноморья Университета Сапиенца, Рим) и группой сотрудников ИВ РАН. Со-директоры экспедиции: Э. Е. Кормышева (Россия), Э. Фантусати (Италия). Члены экспедиции российской группы С. В. Ветохов, М. А. Лебедев, С. Е. Малых.

Раскопки сезона 2017 г. были сосредоточены на Коме II в восточном направлении по отношению к помещениям храма царя Натакамани (I в. н.э.), раскопанному в предыдущих сезонах. Строительный материал сооружений представляет собой комбинацию красного кирпича и кирпича-сырца, а также желтого и темного песчаника.

Проведенный анализ материала, включая С 14, позволяет заключить, что храм функционировал до III в. н.э., однако, территория Абу Эртейлы была заселена, и захоронения на бывшей территории храма продолжались вплоть до исламского времени.

В ходе полевого сезона были раскопаны помещения, свидетельствующие о существовании на этой территории большого храмового комплекса, состоявшего из многих помещений (тип «многокомнатного» храма).

В одном из помещений, расположенном к востоку от святилища и примыкающем к нему, были найдены два алтаря. Они сохранились полностью, имелись только небольшие повреждения в области *каветто*. Алтари декорированы и надписаны со всех сторон.

На каждой из боковых сторон алтаря (*илл. 7*) показан ритуал «поднятия неба», который исполняют божественные женские фигуры, поднятыми кверху руками поддерживающие небо. Небо отмечено двумя косыми линиями по бокам, как и в случае на подставке из помещения 26[2], над ними характерный фриз из пятиконечных мероитских звезд.

Женские фигуры имеют стилистическое сходство с фигурами на подставке из святилища, однако общая стилистика фигур на найденных алтарях выполнена в суданском стиле – фигуры более полные, крупная выпуклая грудь, характерные пропорции и стилистика головы и причесок.

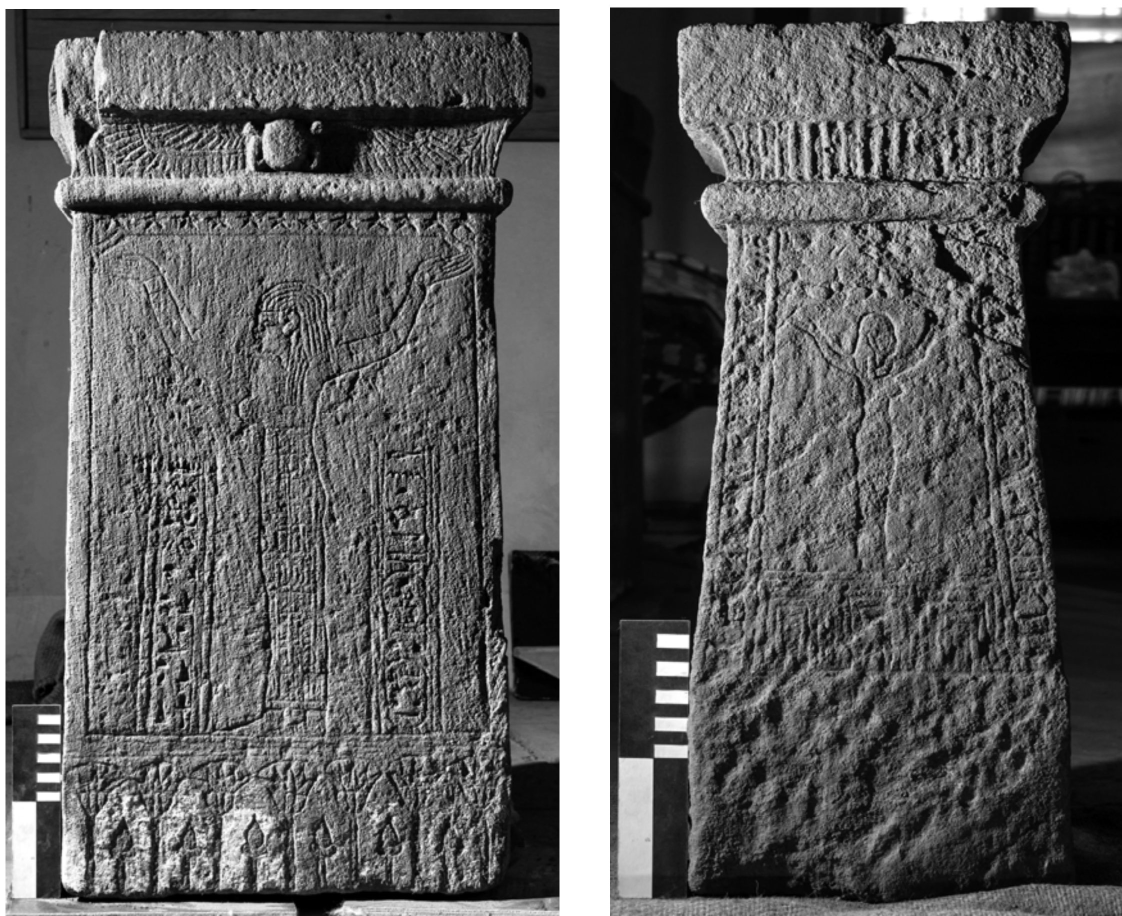
[2] Подставка опубликована в статье [Кормышева, 2016, с. 95–131].

Иероглифический текст содержит имена Натакамани, Аманиторе и Соркарора и имеет большое сходство с текстом на алтаре из Вад бан Нага. Нижняя часть – украшена цветами и бутонами лотоса, что не имеет аналога на других подобных памятниках. Этот декор отделен от фигур женщин и иероглифического текста тремя параллельными линиями.

Около каждой фигуры женщины по две колонки иероглифических надписей с молитвенным обращением к Исиде в пользу царской семьи Натакамани, Аманиторе и одного из их наследников – Соркарора. Предполагаемое время правления этой семьи – начало нашей эры (0–20 гг. н. э.). Соркарор, вероятно, находился на троне во второй половине I в. н.э. [Fontes Historiae Nubiourum III, p. 912].

Содержание надписей, сохранившихся на найденных предметах для священной барки, определенно указывает на ритуал коронации в честь Соркарора, сына Натакамани и Аманиторе, в честь которого и был поставлен этот памятник, а, возможно, и сам храм. Ритуал символизировал единство земных и небесных сил и был связан с путешествием барки с культовой статуей – реально по территории храма и символически по небесному своду. Данные находки подтверждают проникновение египетской традиции в Мероэ, а также взаимодействие мероитской и египетской теологии рубежа нашей эры.

Второй алтарь значительно меньше размером (*илл. 7*). Он также имеет сверху плиту перекрытия. Основной декор идентичен тому, что имеется на большом алтаре. Однако нижняя часть под фигурами женщин и текстом имеет на всех поверхностях символику ложного дворца, идентичную декору на подставке из помещения 26. Алтарь был обнаружен стоящим на плитах позади большого алтаря; значительная часть необработанной поверхности в нижней части предмета свидетельствует о том, что он должен был быть углублен в почву, соответственно, его нельзя считать найденным *in situ*.

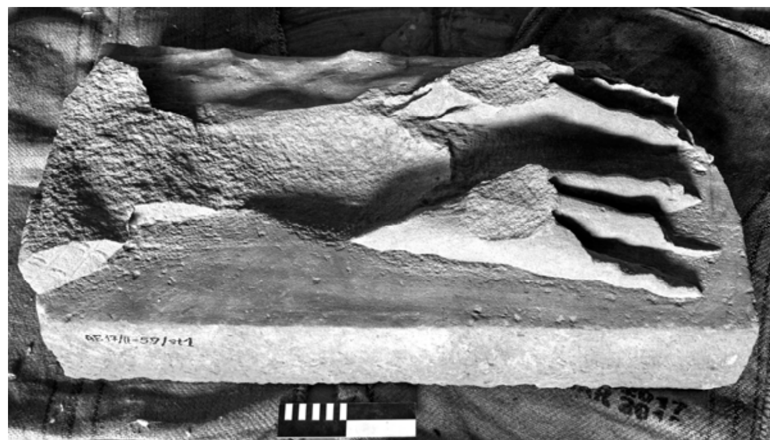
Илл. 7. Алтарь Натакамани (слева) и «малый» алтарь (справа) (*фото С. В. Ветохова*)

В помещении, расположенном восточнее, была обнаружена подставка-алтарь, предназначенная для размещения подношений. На полу видны остатки жертвенного столика. Предмет был покрыт большим слоем белого пластора со следами красного цвета, возможно от выкрошившихся кирпичей. На каждой боковине выложены небольшие выступающие вперед колонны (около 10 см диаметром). Аналогом служит находка из храма Льва в Мусавварат эс-Суфра, где был обнаружен похожий предмет, располагавшийся в единственном помещении храма недалеко от трона с культовым изображением [Hintze, 1971, Taf. 12, 85 (3/2/3), 87c, 93 (5/2/2)].

С востока от алтаря была раскопана лестница, ведущая на поверхность восточной стены помещения. Сохранившаяся высота лестницы равна высоте алтаря. Одна из ступеней лестницы покрыта пластором с боковой стороны, что свидетельствует о ее изначальном использовании для алтаря.

К востоку от пилонов, обрамляющих вход в храм, была обнаружена вымостка на расстоянии 180 см от фундамента пилона. Вымостка перед храмом была сделана под наклоном, разница в высоте составляет 20 см. Таким образом, храм визуально находился на возвышении.

По обеим сторонам вымостки были найдены два подиума. Рядом с подиумом в северной части было обнаружено основание статуи птицы, на котором сохранились лапы и хвост (*илл. 8*). Размер сохранившейся подставки 100x51 см, высота 18 см. Подставка была найдена смещенной с пьедестала около вымостки. Скорее всего, это была статуя сокола, символизирующая ипостась бога Хора. В этом секторе были обнаружены 8 фрагментов из того же камня, украшенных рельефными птичьими перьями и 19 фрагментов из того же материала без декора. В другой части раскопа был обнаружен соколиный глаз с красным зрачком, сделанный из стеклянной пасты, возможно, также принадлежавший соколу.

Илл. 8. Основание статуи птицы (*фото С. В. Ветохова*)

В одном из помещений храма была выявлена многоцветная роспись, выполненная на тонком слое белой основы, положенной прямо на кирпичи в отличие от росписи по пластору, которая выполнялась после наложения толстого слоя белой штукатурки, который потом выравнивали тонким слоем раствора. На расписанной поверхности видны фигуры людей, бегущих со стороны входа в храм. Стилистически здесь явно просматривается эллинистическое влияние.

Подавляющее большинство найденной в полевом сезоне керамики относится к Позднему Мероитскому периоду (III в. н. э.). Лепная керамика открытых и закрытых форм в сезоне 2017 г. представлена двумя целыми крупными чашами (вероятно, Постмероитского времени (IV в. н. э.)) и разрозненными фрагментами чернолощеных круглодонных чаш и шарообразных кувшинов с грубыми текстильными оттисками снаружи.

Была изучена также одна флотационная проба (А. А. Трошина, А. Ю. Сергеев). Флора данного региона на данный момент позволяет выделить мятликовые, гвоздичные, бобовые и маревые с абсолютным преобладанием первых двух. Результаты анализа подтверждают существование растения, известного под арабским названием «*махареб*» – один из видов

лимонной травы, широко используемый в народной медицине в Северной и Северо-Восточной Африке, по-видимому, с глубокой древности.

Исследования показали, что в мероитское время на данной территории были вытоптанные уплотненные почвы. Предварительно реконструируемый тип растительности мероитского времени – сахельские акациевые саванны. Значение растений семейства злаковых было велико, что фиксируется и в эпоху средневековья, когда территория памятника была превращена в некрополь.

Общий вид плана храма Натакамани позволяет отнести этот тип сооружения к многокомнатному храму, такие храмы посвящали богам, изначально пришедшим из Египта.

Комплекс имеет боковые входы в храм с юга, проход в гипостильный зал и в пронаос, что являются отличительной особенностью этого и ряда других современных ему мероитских храмов. Здесь был реализован основной принцип архитектуры Нильской долины – "*breaking the main axis*." Этот принцип был предназначен и для прохода посетителей, и для процессий со статуями богов, – практика, которая использовалась и в христианский период [Wolf, 2006, p. 251–252 со сноской на Fitzenreiter].

Большое количество фрагментов штукатурки, в том числе и с цветным покрытием, а также фрагменты красных кирпичей, сохранившие следы росписи, свидетельствует о том, что стены храма были расписаны, а алтари и колонны храма декорированы рельефом.

Находки архитектурных деталей крыши пилонов также демонстрируют сходство формы пилонов храмов различного назначения.

Расположение Абу Эртейлы в непосредственной близости к древней столице Мероэ (меньше чем 9 км) имело результатом одинаковые методы строительства и одинаковое керамическое производство. В древности Абу Эртейла, расположенная в восточной пустыне, оказалась вдоль вади, в плодородной области, благодаря присутствию грунтовых вод, которые, возможно, сыграли для местного населения важную роль, позволив организовать эксплуатацию территориальных ресурсов и создание запасов пищи. Находка храмового сооружения и надписей Абу Эртейлы свидетельствует о том, что коронационное путешествие царя совершалось не только по основному течению Нила, как полагали ранее, но и в областях пустыни по Вади Хавад.

В свете находок имени Натакамани, а также сравнительного анализа архитектурных элементов и декора с другими храмами Мероэ, можно говорить о «стиле» Натакамани, одного из самых известных царей Мероэ, соорудившего храмы по всей долине Нила и в пустынных районах, подвластных Мероэ. Сходство в материале и способах строительства, стилистические особенности оформления позволят интегрировать Абу Эртейлу в культурно-историческую область «острова Мероэ» и столичный регион – Мероэ.

Литература / References

Кормышева Э. Е. Подставки для мероитских священных барок в контексте сцен ритуала ***twA pt*** // *Эпиграфика Востока*. 2016. XXXII. С. 95–131 [Kormysheva E. E. Podstavki dlya meroitskih svyastchennyh barok v kontekste stsen rituala ***twA pt*** // *Epigrafika Vostoka*. 2016. XXXII. Pp. 95–131].

D'Auria S., Lacovara P., Roehrig C. H. *Mummies & Magic: The Funerary Arts of Ancient Egypt*. Boston, 1992.

Fontes Historiae Nubiourum. Vol. III. Bergen, 1998.

Hintze F. *Musawwarat es Sufra I, 2. Löwentempel. Tafelband*. Berlin, 1971.

Kaiser J. Human Osteology 2009 // Lehner M. (ed.). *Giza Occasional Papers 5: Giza Plateau Mapping Project, Season 2009. Preliminary Report*. Boston, 2011. Pp. 183–195.

Marshall A. *L'enfant et la mort en Egypte ancienne*. Paris, 2018.

Wolf P. Temples in the Meroitic South – Some aspects of typology, cult and function // Caneva I., Roccati A. (eds.). *Acts Nubica. Proceedings of the X. International Conference of Nubian Studies. Rome 9–14 September 2002*. Rome, 2006.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНСТРУКТИВНОМ УСТРОЙСТВЕ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ШАХТНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ПОЗДНЕЙ V И VI ДИНАСТИЙ В ГИЗЕ

С. В. Ветохов*

На участке работ Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН в Гизе (РАЭГ) было обнаружено большое количество скальных шахт с широким спектром конструктивного устройства погребений. Подавляющее большинство их принадлежит скромным гробницам, отличающимся небольшими размерами скальных часовен, не содержащим надписи и изображения, имеющим неглубокие шахты и завершающимся маленькой погребальной камерой, сориентированной и выполненной без строгого соблюдения устоявшихся в эпоху Древнего царства норм. Очевидно, что уход от таковых в сторону уменьшения и упрощения вызван необходимостью удешевления погребальных камер. Между тем, стремление строителей снизить затраты привело к появлению новых типов устройства погребений в шахтах, подчас требующих если не больше времени на их изготовление, но в некотором роде изобретательности и мастерства. В данной статье разбираются наиболее характерные типы подобных погребений.

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, некрополь Гиза, архитектура, скальные гробницы, шахтные погребения.

NEW TRENDS IN CONSTRUCTION OF ANCIENT EGYPTIAN BURIAL SHAFTS OF LATE DYNASTY V AND DYNASTY VI IN GIZA

Sergey V. Vetokhov

A large number of rock-cut burial shafts with a wide range of constructive specifics was revealed at the site of the Russian Archaeological Mission at Giza (RAMG). Most of these are modest tombs: they have small rock-cut chapels without inscriptions or images; their shallow shafts lead to small burial chambers that are neither oriented nor designed to strict burial standards of the Old Kingdom. Evidently, deviating from the established standards of construction towards reduction and simplification was an attempt to cut costs. However, these attempts led to the emergence of new burial shaft types, and often these novelty burials demanded even more time and ingenuity. The article describes and reflects on the most characteristic variants of such shafts.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, Giza Necropolis, architecture, rock-cut tombs, burial shafts, burial chambers.

Основная задача данного исследования состоит в выявлении и анализе особых признаков, характерных для скальной погребальной архитектуры времени правления V и VI династий Древнего царства в Египте (XXVI–XXII вв. до н. э.). Эти признаки способны помочь в датировке скальных гробниц, не содержащих или не сохранивших надписи и изображения, или при уточнения датировки тех гробниц, которые таковые имеют. В рамках поставленной задачи особое внимание уделено нестандартным конструктивным решениям в устройстве погребений, отличающихся от основной массы однотипных погребений, датировка которых по архитектурным признакам осложняется их распространенностью на протяжении практически всего Древнего царства.

* Сергей Вячеславович ВЕТОХОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; veto@list.ru
Sergey V. VETOKHOV – PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; veto@list.ru

Шахты с камерой-нишей

Наиболее распространенный тип погребальной камеры, встречающийся на восточной оконечности Восточного плато на участке работ РАЭГ, представляет собой помещение прямоугольной или веерообразной формы без прохода, ведущего из шахты (т. е. камера начинается сразу из шахты). По типологии Дж. Э. Рейснера подобные шахтные погребения относятся к типу 6 – погребения, не имеющие прохода, ведущего из шахты в камеру и без боковых простенков перед входом [Reisner, 1942, p. 95–97].

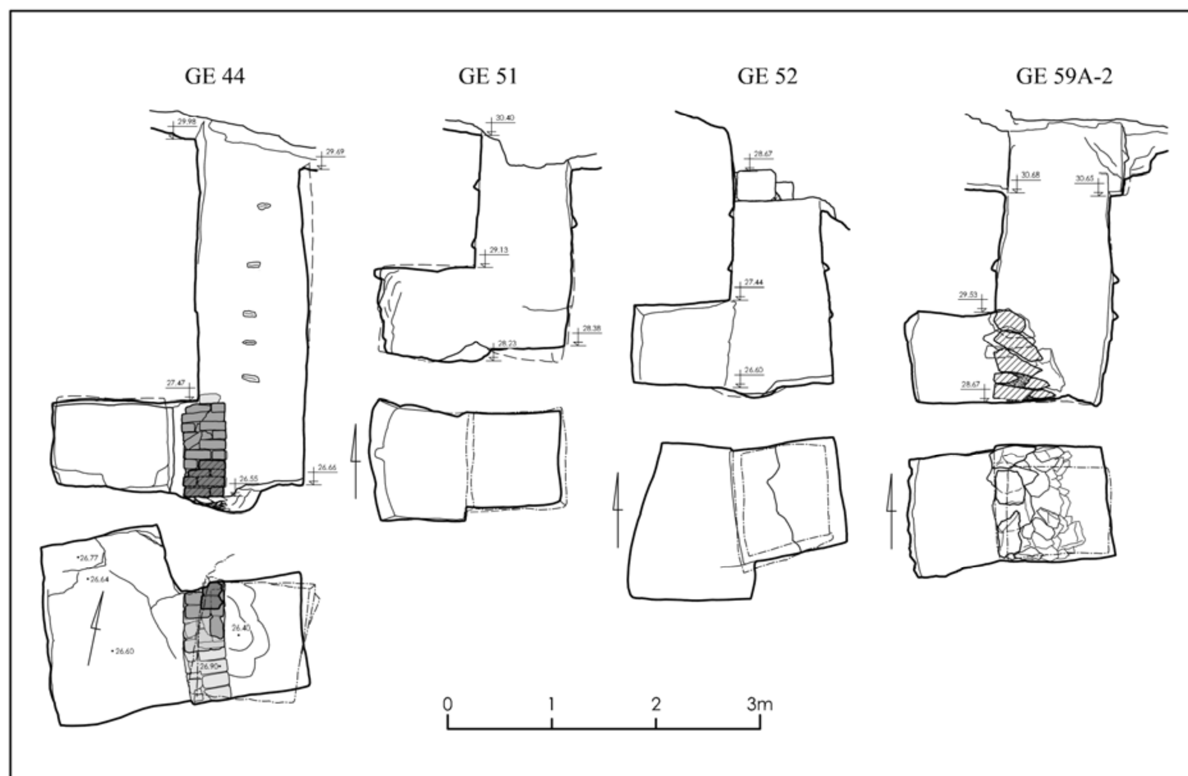
Ширина подобных погребальных камер разная. Например, у таких шахт как GE 44, GE 51, GE 52, GE 53 и GE 59A-2, располагающихся в непосредственной близости друг от друга, ширина составляет 0,81–1,28 м, а пропорции (отношение длины к ширине) в промежутке 1/0,67–1/0,74 (*илл. 1, 2*).

Между тем, на участке РАЭГ встречаются погребальные камеры небольшой ширины (0,43–0,55 м), где место для ингумации составляет 0,35–0,52 м, но при этом они имеют стандартную длину – около 1,20 м. Такие погребения-ниши, когда пропорции камеры (а точнее, даже место для погребения в ней) составляют 1/0,3–1/0,6, располагаются в шахтах, находящихся в соседстве с другими шахтами, содержащими погребальную камеру классической формы и имеют схожую с ними глубину.

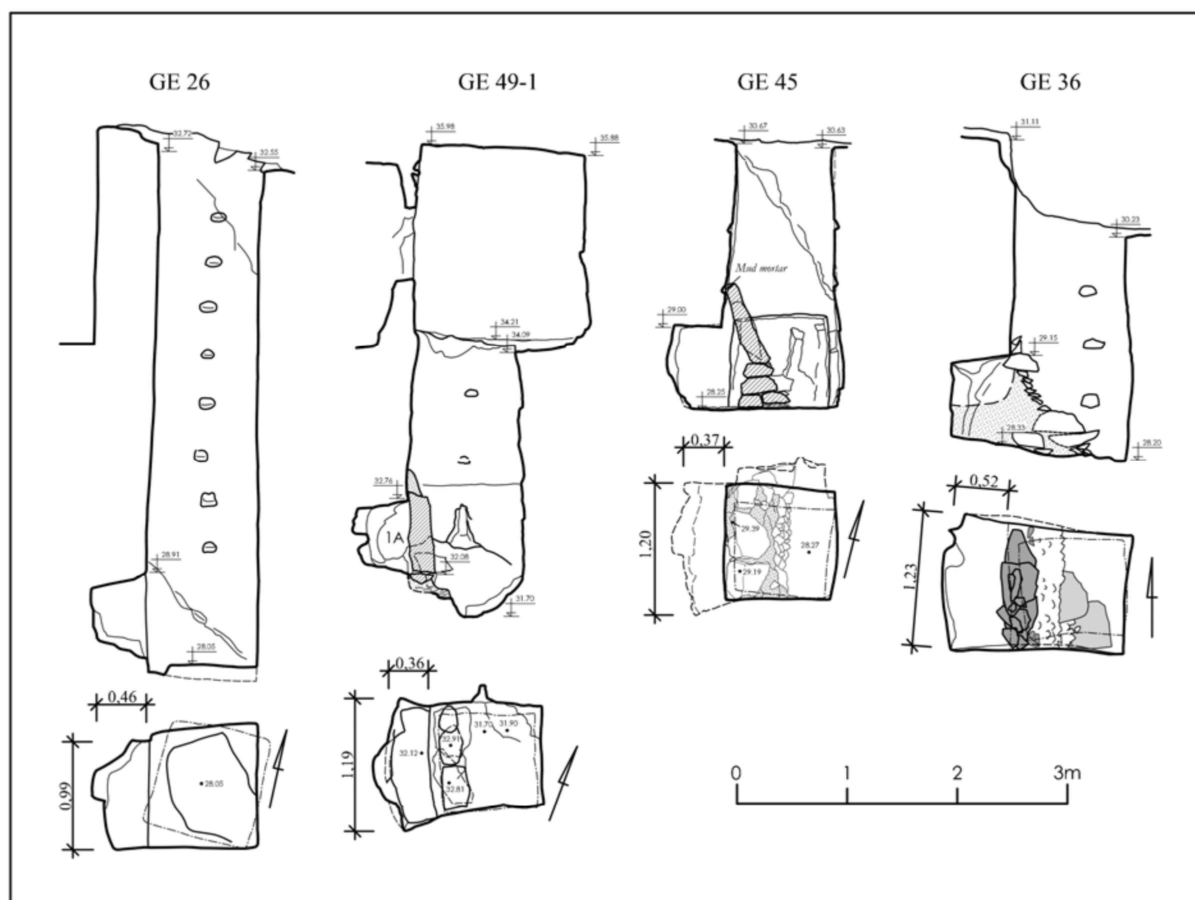
На участке работ РАЭГ самые узкие погребения-ниши находятся, например, в таких шахтах как GE 49-1 (1,19 х 0,36 м), GE 45 (1,20 х 0,37 м), GE 26 (0,99 х 0,46 м), GE 17-5 (0,96 х 0,35 м), GE 36 (1,23 х 0,52 м) и GE 40A (0,91 х 0,53 м) (*илл. 3*).

Илл. 1. Шахтные погребения малого некрополя перед скальной гробницей Ченти I (GE 11), исследования РАЭГ (*рис. автора*)

Илл. 2. Шахты с погребальной камерой распространенной формы GE 44, GE 51, GE 52 и GE 59A-2 (пропорции 1/0,67–1/0,74), исследования РАЭГ (*рис. автора*)

Илл. 3. Шахты с камерой-нишей GE 26, GE 36, GE 45 и GE 49-1 (пропорции 1/0,3–1/0,6), исследования РАЭГ (*рис. автора*)

На первый взгляд можно предположить, что подобные ниши не завершены, но большинство из них имеет длину около 1,20 м, что является наиболее распространенным значением для большинства погребальных камер на этом участке. Более того, в большинстве подобных камер погребения сохранились в не потревоженном древними грабителями виде. Подобные камеры-ниши требуют и иной конструкции заклада – не вертикальную кладку из кирпича-сырца, а наклонный заклад из камней или цельных каменных плит, сооруженный не в проходе, а перед входом, чаще всего установленный на значительную подсыпку из щебня, оставшегося от вырубки самой камеры.

Погребения-ниши с глубиной менее чем 0,40 м Рейснер отнес к типу 6d – камера-ниша с настолько небольшой глубиной, что тело погребенного располагается частично в нише и частично в шахте [Reisner, 1942, p. 97]. Очевидно, что вырубка в скале погребальной камеры подобного типа требует меньших затрат. Как отмечает Рейснер, при высекании вертикальной шахты использовался один из самых легких методов ведения работ – с использованием медных резцов и молотов из твердых пород камня. По периметру шахты медными резцами делалась борозда, после чего оставшаяся срединная часть срубалась тяжелыми молотами ударами **сверху**. В то же время, прорубка погребальной камеры требовала значительно больших усилий и несколько другой методики. Удары молотом сверху в тесной камере нанести сложно, к тому же, финишное выравнивание потолка в камере сопровождается падающей сверху пылью на лицо строителя [Reisner, 1942, p. 102].

Если предположить, что размер погребальной камеры отражает социальное положение погребенного в ней, тогда как объяснить то, что некоторые шахты с камерами-нишами значительно превосходят по глубине шахты с распространенным типом погребальной камеры, например, 6a2 и 6c2? Например, глубина шахт GE 26, GE 49-1, GE 45, GE 17-5, GE 36 и GE 40A с камерой-нишей имеют глубину от 1,80 до 4,52 м, в то время как находящиеся по соседству шахты GE 44, GE 51, GE 52, GE 53 и GE 59A-2 с распространенным типом погребальной камеры имеют глубину от 1,80 до 3,30 м. Мы видим, что глубина шахт с разными типами конструкции погребальной камеры лежит в сопоставимом диапазоне.

Сказанное подтверждает версию о поэтапном выполнении строительных работ [Ветохов, 2016, с. 49–50], когда шахты изготовлялись в несколько стадий, а погребальная камера могла вырубаться непосредственно перед погребением. В частности, это может относиться к камерам-нишам. Вышесказанное может подтверждать версию о существовании практики предварительной вырубки шахт-заготовок [Ветохов, 2016, с. 49].

Датировка. Камеры-ниши на участке работ РАЭГ, с учетом их диспозиции и обнаруженного в заполнении керамического материала, имеют следующие датировки:

1. Шахта GE 17-5 – в шахте доминирует керамика времени V и VI династии, предположительно шахта была вырублена при VI династии [Kormysheva et al., 2015, p. 372].

2. Шахта GE 26 – вероятно, вторая половина – конец V династии.

3. Шахта GE 36 – вероятно, поздняя V – ранняя VI династии.

4. Шахта GE 45 – вероятно, ранняя VI династия. Керамика, обнаруженная в нижней части заполнения шахты, у закладной стены, закрывавшей не потревоженное погребение, относится ко второй половине V – ранней VI династии (неопубликованные отчеты РАЭГ).

5. Шахта GE 40A – V–VI династия (неопубликованные отчеты РАЭГ).

6. Шахта GE 49-1 – VI династия. Поскольку гробница GE 49, в которой располагается шахта, не имеет или не сохранила надписей, датировка осуществлялась по керамическому материалу. Керамика, найденная в скрепляющем растворе под кладкой, закрывающей вход в погребальную камеру, относится в VI династии [Kormysheva et al., 2015, p. 372].

Таким образом, можно предположить, что шахты с камерой-нишей на участке работ Российской экспедиции в Гизе появляются не ранее второй половины V династии.

Аналоги в Гизе и их датировка. Погребальные камеры, не имеющие прохода из шахты, Рейснер отнес к типу 6, подавляющее их число датировано исследователем временем

правления V–VI династий [Reisner, 1942, p. 95]. Камеру-нишу небольшой глубины (менее чем 0,40 м, так что тело погребенного располагается частично в нише, а частично в шахте) Рейснер отнес к подтипу 6d [Reisner, 1942, p. 97].

В литературе удалось найти только два примера упоминания подобного погребения с сохранившейся блокировочной стеной. Рейснер приводит пример с камерой-нишей, находящейся в шахте A (I) в мастабе G 1013 [Reisner, 1942, p. 98; Архив Дж. Рейснера, фото EG010145]. Мастаба G 1013 пристроена с юга к более ранней мастабе G 1021, датированной Б. Портер и Р. Мосс второй половиной V–VI династиями [Porter, Moss, 1974, p. 53], следовательно, шахта A в мастабе G 1013, вероятно, вырублена не ранее конца V – начала VI династии.

К. Р. Викс приводит другой подобный пример с погребальной камерой в шахте E в мастабе G 6041 [Weeks, 1994, fig. 115; Архив Дж. Рейснера, фото EG016314G]. Мастаба G 6041 была пристроена с западной стороны к мастабе G 6042, датированной Б. Портер и Р. Мосс концом V династии [Porter, Moss, 1974, p. 175]. На основании этого можно предположить, что шахта E вырублена не ранее конца V – начала VI династии.

Между тем, подобные камеры-ниши встречаются не только на дне шахты, как на участке работ РАЭГ, но и располагаются в верхней части шахт, что фиксируется на примерах и из других частей Гизы [Архив Дж. Рейснера, фото C11546_OS и C11541P_OS]. При этом в нижней части таких шахт размещаются полноценные погребальные камеры. На подобные погребения не всегда обращали внимание и фиксировали их на чертежах, особенно тогда, когда они были потревожены еще в древности – плиты, закрывающие вход, исчезли, а на дне шахты находилась полноценная погребальная камера, которая и отвлекала на себя все внимание исследователей. Однако, подобные погребения-ниши не всегда могли являться поздними включениями, как например, предполагал Г. Юнкер в случае с шахтой S 4442 [Junker, 1941, S. 191–192, Abb. 61], расположенной на Западном плато Гизы, а были запланированы первоначально, и, соответственно, могут служить датирующим маркером для нижней погребальной камеры и всей шахты целиком. Но в то же время, в двух случаях Г. Юнкер посчитал подобное верхнее погребение сооруженным раннее, чем нижнее – в шахте S 4438 [Junker, 1941, S. 181, Abb. 55] и в шахте S 75 мастабы Шепси [Junker, 1943, S. 175, Abb. 61].

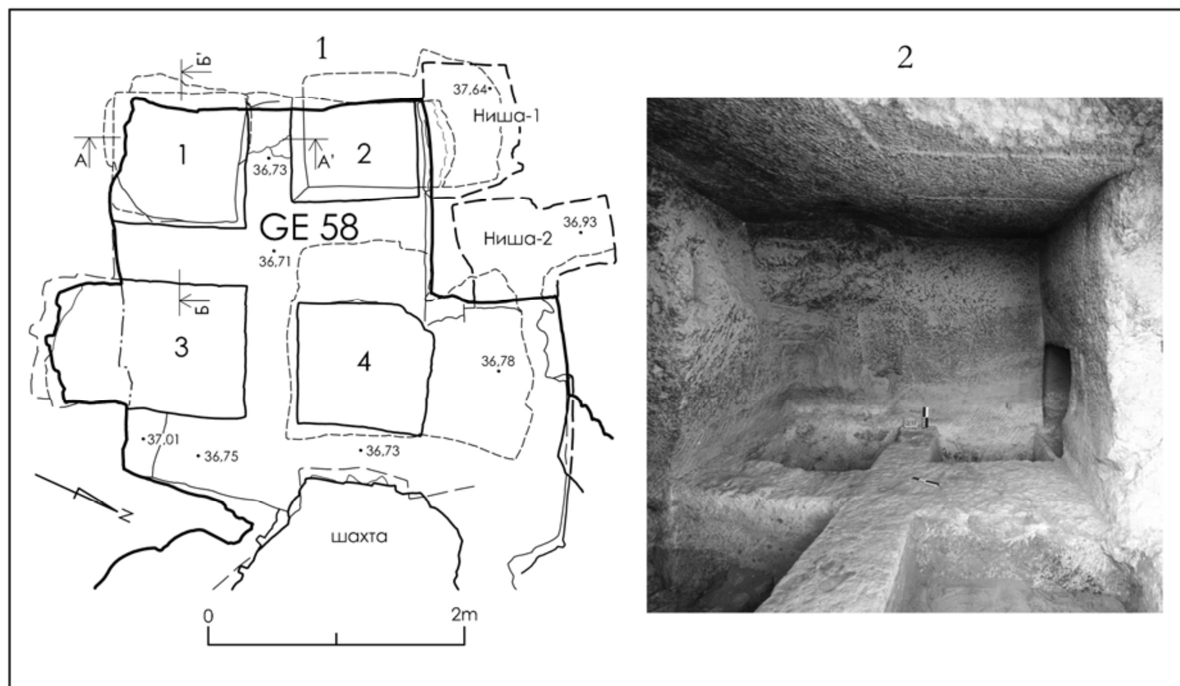
Подобную нишу глубиной 0,30 м в шахте X мастабы G 3001 на Западном плато Гизы К. Фишер называл незавершенной нишей [Fisher, 1924, p. 74–75, fig. 62], которая также могла быть вполне «завершенной», как в приведенном выше примере с шахтой A (I) в мастабе G 1013, которая была предназначена для погребения, расположенного одной частью – в неглубокой нише, а другой – непосредственно в шахте.

Обобщая датировки камер-ниш на участке работ РАЭГ и двух зафиксированных случаев на Западном плато Гизы, можно заключить, что шахты с камерами-нишами начинают появляться уже во второй половине V династии, но их подавляющее большинство относится к VI династии.

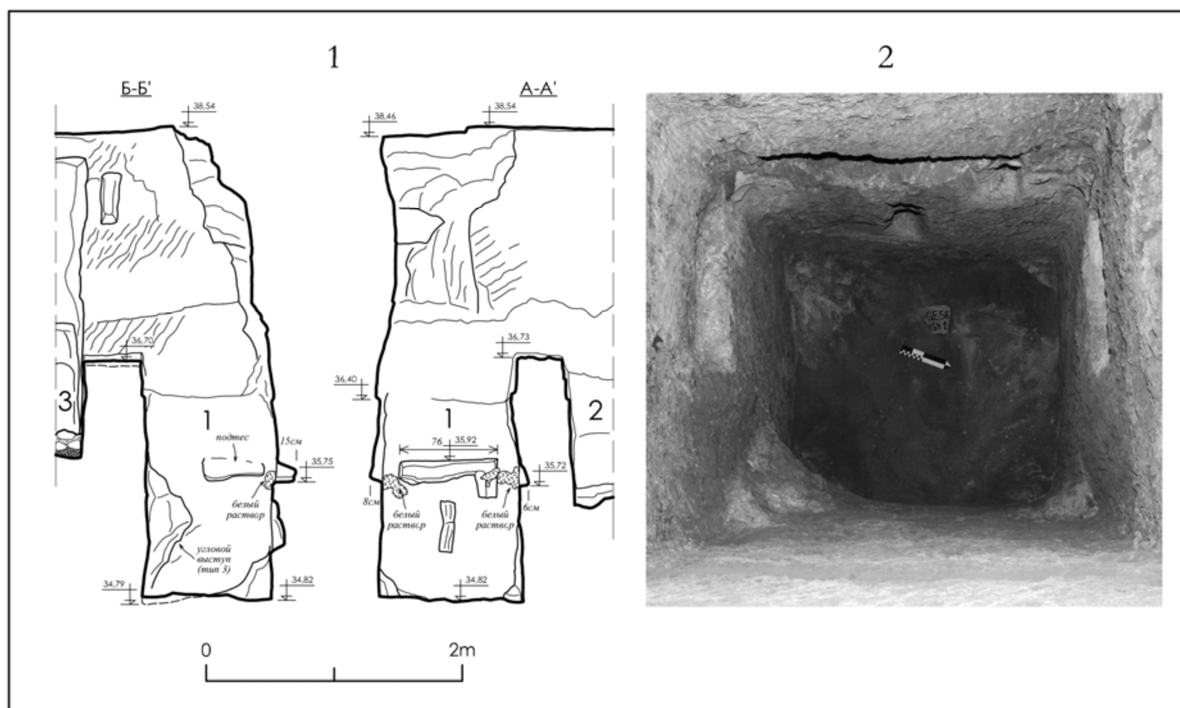
Шахты с плитой, перекрывающей погребение

Еще один тип конструктивного решения организации погребения непосредственно в шахте встречается в шахте 1 гробницы GE 58 (*илл. 4*). На трех стенах шахты (северной, западной и южной), на одном уровне, на расстоянии 0,80 м от ее устья и 0,90 м от ее дна были обнаружены вырубленные в массиве скалы пазы глубиной от 6 до 15 см, как мы предполагаем, для установки каменной плиты, перекрывающей погребение, устроенное непосредственно в шахте (*илл. 5*). Между тем, первоначального погребения и даже его следов обнаружено не было, как и самой плиты, но в местах ее предполагаемого крепления сохранились крупные фрагменты древнего раствора. Из этого можно заключить, что плита, перекрывающая погребение, изначально была, а, значит, было и погребение. Учитывая, что в заполнении шахты присутствовал разновременный вещевой материал, в том числе

фрагменты керамики от времени правления V династии и до раннего Арабского периода (середина VII–VIII вв. н.э.), можно предположить, что погребение было уничтожено древними грабителями.

Илл. 4. Скальная гробница GE 58, исследования РАЭГ: *1* – план; *2* – общий вид (*рис. автора*)

Илл. 5. Гробница GE 58, исследования РАЭГ: *1* – разрезы А-А' и Б-Б' по шахте 1; *2* – шахта 1, вид сверху (*рис. автора*)

Подобная конструкция перекрытия погребения на Восточном плато некрополя Гизы на участке работ РАЭГ выявлена один раз, но схожие конструктивные решения обнаружены

и в других частях некрополя Гизы; они имеют ряд интересных особенностей, раскрывающих новые детали описанной конструкции.

Аналоги в Гизе и их датировка. Погребения, размещенные непосредственно в шахте и перекрытые каменной плитой, встречаются в Гизе нечасто. По материалам публикаций раскопок Дж. Рейснера, Г. Юнкера и К. Фишера насчитывается всего 10 подобных случаев, все зафиксированы на Западном плато.

Аналог 1. На Западном плато некрополя Гизы в мастабе S 51/56, на западной стене шахты S 52, близко к устью располагается неглубокая ниша, «вероятно для второго, более позднего погребения» – как отмечал Г. Юнкер [Junker, 1943, S. 181]. Интересной деталью этой ниши является сохранившаяся *in situ* каменная плита, располагавшаяся непосредственно над нишей (*илл. 6*). Плита закреплена в пазах, вырезанных в стенках шахты. Кроме того, после ниши шахта продолжается глубже и завершается полноценной погребальной камерой с углублением под погребение, высеченным в полу, из чего Юнкер заключил, что ниша у устья шахты является поздним включением. Но, судя по ступеням на стенах шахты, которые после врезанной в стены плиты резко меняют свое положение, врезка плиты произошла не после завершения всей шахты, а во время процесса ее сооружения, что не совсем согласуется с предположением Юнкера о том, что плита с неглубокой нишей является поздней врезкой.

Более того, показательно, что древние рабочие предпочли более сложное в техническом плане решение с изготовлением, подгонкой и монтажом плиты, более простому, хотя и трудоемкому – вырубке более глубокой ниши.

При такой конструкции (когда после ниши шахта продолжается дальше), закладную стену, закрывавшую вход в погребение, вероятно пришлось ставить на заранее подготовленную плотную забутовку из мелких камней или битой керамики. Погребения с подобным перекрытием не находят отражение в типологии Рейснера. Наиболее близкий по характеристикам камеры тип 7b(1) – погребение, перекрытое плоскими плитами, вставленными в бока шахты, скрепленными глиной или раствором [Reisner, 1942, p. 99, fig. 53].

Датировка. Мастаба S 51/56 была пристроена с юга к мастабе Шепси [Junker, 1943. S. 169, Abb. 59], сооруженной при VI династии [Porter, Moss, 1974, p. 121]. Таким образом, мастаба S 51/56 была возведена не ранее VI династии.

Аналог 2. Подобная ниша с врезанной плитой над ней была обнаружена в шахте S 75 в мастабе Шепси на Западном плато Гизы [Junker, 1943, S. 175, Abb. 61]. Юнкер предполагал, что в начале в шахте S 75 планировали прорубить погребальную камеру на запад, но потом углубили шахту и стали высекать новую погребальную камеру в восточном направлении. В данном случае Юнкер отметил, что это совсем против обычая (расположение камеры в восточном направлении относительно шахты), но, вероятно, сделано намеренно, возможно, для того чтобы разместить ребенка ближе к отцу [Junker, 1943, S. 174, 176]. Он ссылается на подобные случаи в других гробницах: например, отец и дочь были похоронены рядом в мастабе Мерииба [Junker, 1934, S. 109].

Датировка. По мнению Г. Юнкера, мастаба Шепси относится к VI династии [Junker, 1943, S. 178].

Рассмотрим еще один показательный пример в плане очередности строительства погребальных камер, расположенных на разных уровнях в одной шахте. В шахте S 4438 мастабы G 4438 недалеко от устья располагается небольшая ниша 0,90 х 0,50 м высотой 0,60 м [Junker, 1941, S. 180]. Юнкер отметил, что, судя по остальным схожим по глубине и устройству шахтам в этой мастабе, можно заключить, что первоначальное погребение планировалось в верхней камере-нише, а шахту углубили уже позже. Со ссылкой на К. Фишера Юнкер приводит пример, в котором в шахте G 3023 в нижней камере был похоронен мужчина, а в верхней женщина; в шахте мастабы G 3000 – в верхней камере молодой мужчина, а в нижней – более старый (возможно сын и отец) [Junker, 1941, S. 180].

Таким образом, можно предположить, что в случаях, когда погребение делается непосредственно в шахте или в нише, частично перекрытой врезанной в стены шахты плитой, это вызвано, скорее, не попыткой снизить затраты, а стремлением соорудить камеру для ребенка или, например, карлика, как в шахте GE 60 (см. далее). Но идея о том, что верхние погребения в камерах-нишах, с учетом их небольшого размера, являются только детскими, пока остается на уровне предположения из-за нехватки статистических данных; скорее, нам близка версия о родственных связях индивидов, похороненных в одной шахте, независимо от устройства погребений.

Аналог 3. Другие примеры подобных погребений были обнаружены на Западном плато Гизы в шахте 115 мастабы S 111/115, в шахте B мастабы G 2073 и в шахте D мастабы G 2098.

Датировка. Мастаба S 111/115 пристроена с юга к мастабе Неферена, которую Юнкер относил к концу Древнего царства [Junker, 1943, S. 200–201]. Датировку мастабы G 3073 (первоначально названную Фишером G 2073, но позднее переименованную Рейснером в G 3073) мы у Фишера не находим. Но другие небольшие мастабы на этом участке, такие как G 3082, G 3086, G 3094 и G 3097, Б. Портер и Р. Мосс датируют царствованием VI династии [Porter, Moss, 1974, p. 97–99]. Мастабу G 3098 (Fisher G 2098) Б. Портер и Р. Мосс причисляют ко времени VI династии [Porter, Moss, 1974, p. 99].

Аналоги 4, 5 и 6. Шахты с врезанной в стенки плитой над погребением, расположенным непосредственно в шахте, также располагаются на Западном плато в мастабе G 6043, в шахте C мастабы G 1048 и шахте C мастабы G 2433 [Архив Дж. Рейснера, фото C8326_OS, C11080_NS, C12463_OS и C13961_NS] (*илл. 6*). Следует обратить внимание, что такие шахты, как G 2433 C и G 6043 B, выложены из каменных блоков или камней, что относит данные погребения к типу 7(b)1 по Рейснеру [Reisner, 1942, p. 97].

Датировка. Мастаба G 6043 пристроена с востока к мастабе G 6042, причисляемой Портер и Мосс к поздней части правления V династии; мастаба G 1048 пристроена с севера к мастабе G 1047 времени VI династии; мастаба G 2433 находится возле таких мастаб, как G 2423, G 2422 и G 2430, которые, очевидно, построены раньше; Портер и Мосс датируют мастабу G 2423 V–VI династиями, мастабу G 2422 поздней V династией, мастабу G 2430 началом VI династии [Porter, Moss, 1974, p. 55, 94, 96, 175]. Из всего этого можно заключить, что мастаба G 2433 построена не ранее конца V династии.

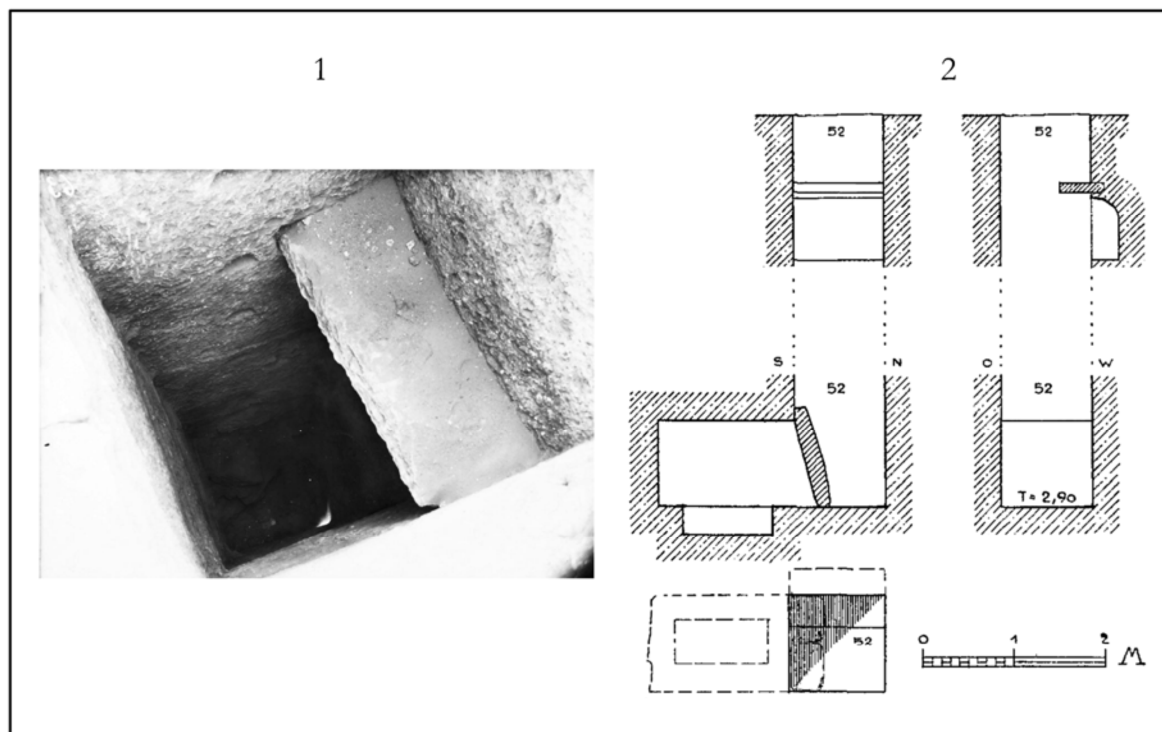
Аналог 7. Кроме случаев, когда над погребением в шахте монтировалась каменная плита, Юнкером были отмечены два случая, в которых вместо плиты был массивный фрагмент скалы в виде козырька, оставленный древними мастерами и частично перекрывавший шахту. Подобные случаи были обнаружены в шахте S 4479 мастабы G 4469, расположенной к югу от мастабы Ирти, и в шахте S 4433, расположенной к северо-востоку от мастабы G 4442 и находящиеся к югу от более крупной, и, по-видимому, более ранней мастабы Анху (*илл. 7*).

Юнкер предполагает, что шахта S 4479, судя по небольшим размерам устья (1 х 1 м), «вероятно предназначалась для ребенка» [Junker, 1941, S. 168]. В этой ситуации уместна параллель с шахтой GE 60 на участке Российской археологической экспедиции на Восточном плато Гизы, где также прямо в шахте размещалось погребение мужчины-карлика 40–49 лет, по размеру соответствующее размеру ребенка.

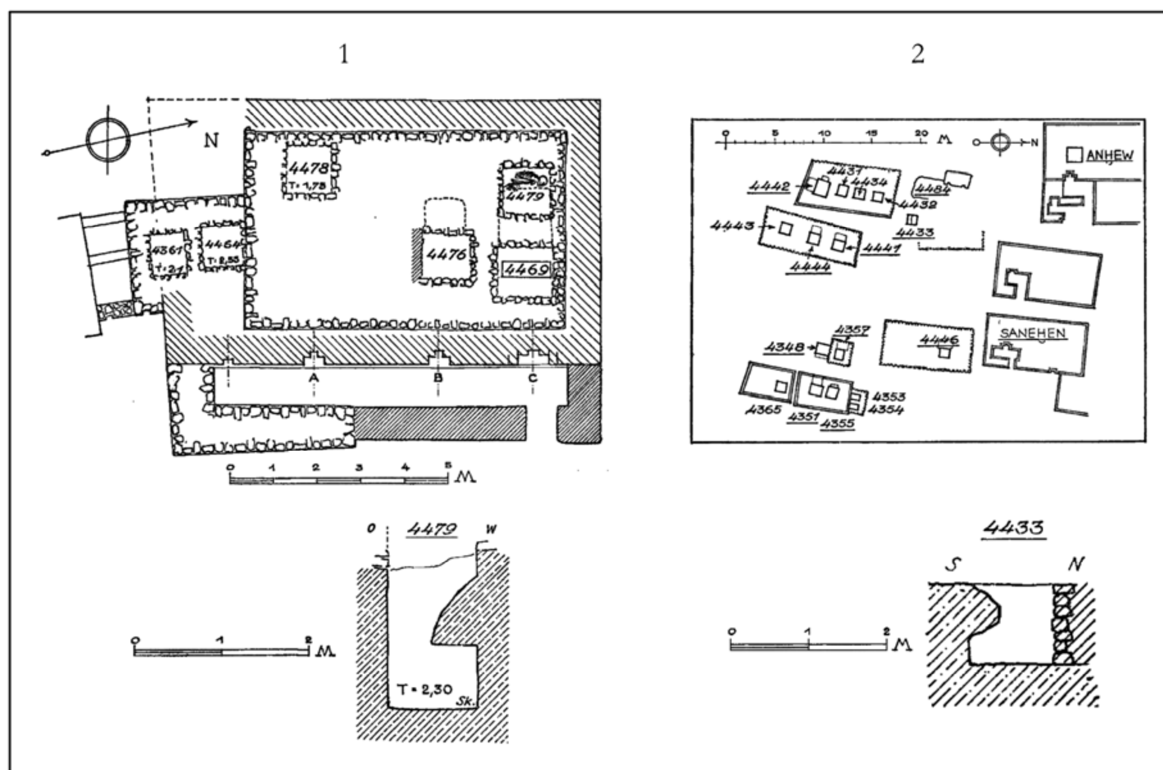
Подобное решение, когда над погребением оставляют козырек из скалы, надо планировать заранее, а не после высекания шахты, перед началом прорубки погребальной камеры, что опять говорит в пользу того, что решение с вмонтированной каменной плитой, перекрывающей погребение в шахте, скорее является не случаем поздней врезки, а изначально запланированным решением.

Датировка. Как отмечал Юнкер, судя по конструкции, мастаба G 4469 сооружена позднее IV династии [Junker, 1941, S. 166]. Шахта S 4433 располагается к северу от мастабы

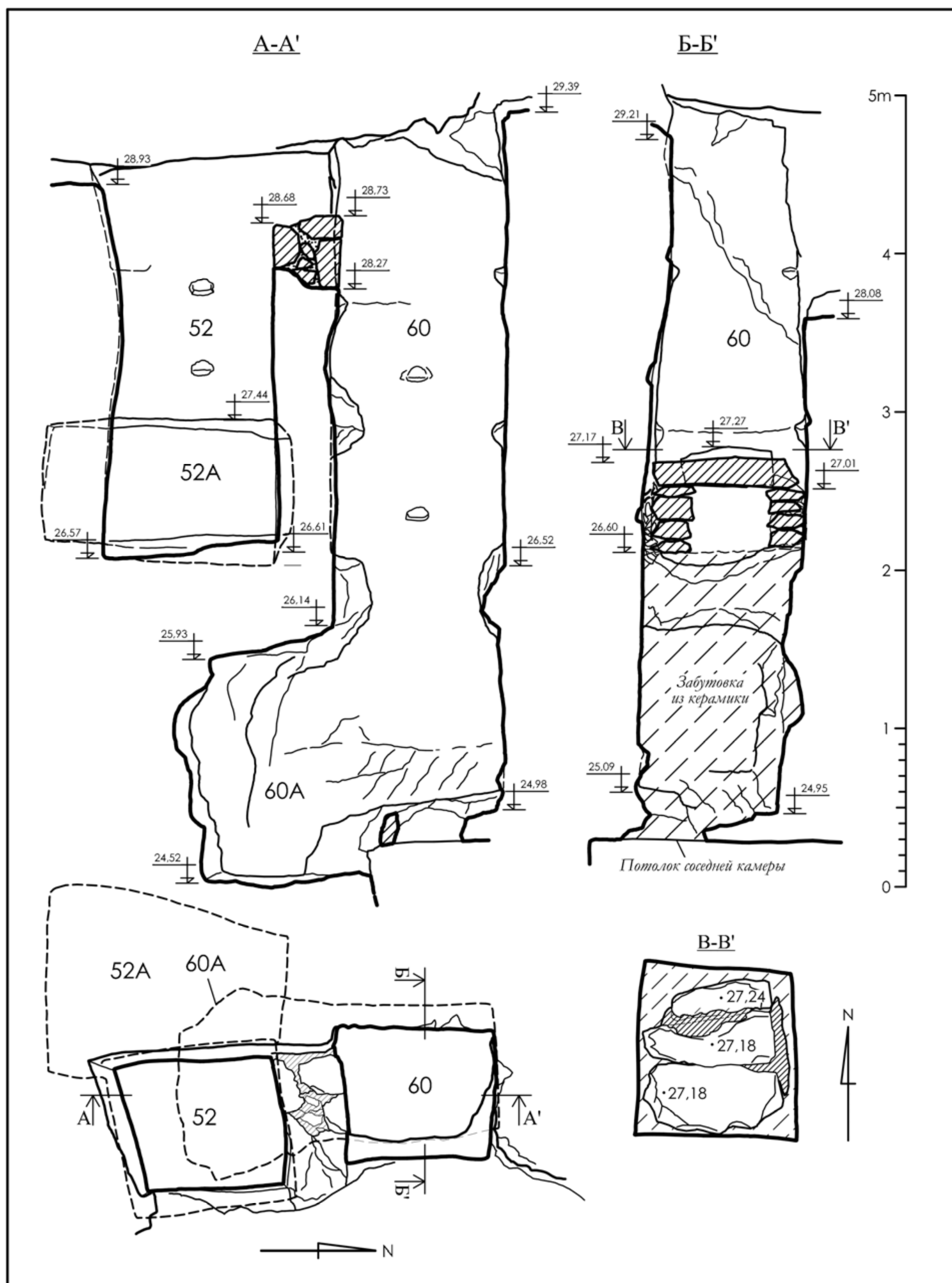
G 4442, явно построенной ранее, датированной Портер и Мосс VI династией или позже [Porter, Moss, 1974, p. 129].

Илл. 6. Шахта S 52 мастабы S 51-56: *1* – каменная плита *in situ*, расположенная непосредственно над нишей в шахте [Архив Дж. Рейснера, фото AEOS_I_5218]; *2* – продольный и поперечный разрезы шахты [по: Junker, 1943, S. 169, Abb. 59]

Илл. 7. Примеры с каменным козырьком, выполненным из массива скалы и перекрывающим погребение в шахте: *1* – шахта S 4479 мастабы G 4459 [по: Junker, 1941, S. 167, Abb. 50]; *2* – шахта S 4433 [по: Junker, 1941, S. 191, Abb. 61]

Илл. 8. Разрезы А–А', Б–Б' и В–В' по шахтам GE 60 и GE 52, исследования РАЭГ (*рис. автора*)

Аналог 8. На стенках шахты А в мастабе G 3 на западной оконечности Западного плато имеются следы [Архив Дж. Рейснера, фото C8326_OS], по-видимому, от аналогичного крепления плиты над погребением, как в нише в шахте 1 скальной гробницы GE 58 (*илл. 5*). Можно обратить внимание, что после углублений в стенах шахта продолжается далее и имеет

закладную стену, разделяющую погребальную камеру. Таким образом, в камере планировалось размещение двух погребений, примеры которых приводились ранее.

Общая датировка. В итоге, если свести датировки всех примеров погребальных шахт с плитой, вмонтированной в стены, перекрывающей погребение, в один ряд, получится следующая картина:

1. Скальная гробница GE 58, шахта 1 – середина V – начало VI династии.
2. Мастаба S 51/56, шахта S 52 – не ранее VI династии.
3. Мастаба Шепси, шахта S 75 – VI династия.
4. Мастаба S 111/115, шахта 115 – конец Древнего царства.
5. Мастаба G 3073, шахта B – VI династия.
6. Мастаба G 3098, шахта D – VI династия.
7. Шахта 4097 (в безымянной мастабе) – Древнее царство.
8. Мастаба G 3, шахта A – Древнее царство.
9. Мастаба G 6043, шахта B – поздняя V династия.
10. Мастаба G 1048, шахта C – не ранее VI династия.
11. Мастаба G 2433, шахта C – не ранее конца V–VI династия.

Датировка погребений с козырьком из скалы:

1. Мастаба G 4469, шахта S 4479 – позже IV династии.
2. Шахта S 4433 – VI династия или позже.

В итоге мы видим, что погребение, организованное в шахте, с вмонтированной каменной плитой над ним, относится не ранее чем к концу V – началу VI династии. Погребения в шахте с монолитным каменным козырьком датируются не ранее V династии. Следует учитывать, что статистика по погребениям с монолитным козырьком невелика – только два отмеченных случая. Возможно, подобные решения являются неким прототипом погребения с вмонтированной в стены шахты плитой, но пока археологически не подтвержденные.

Погребальная камера, сложенная из камней в стволе шахты

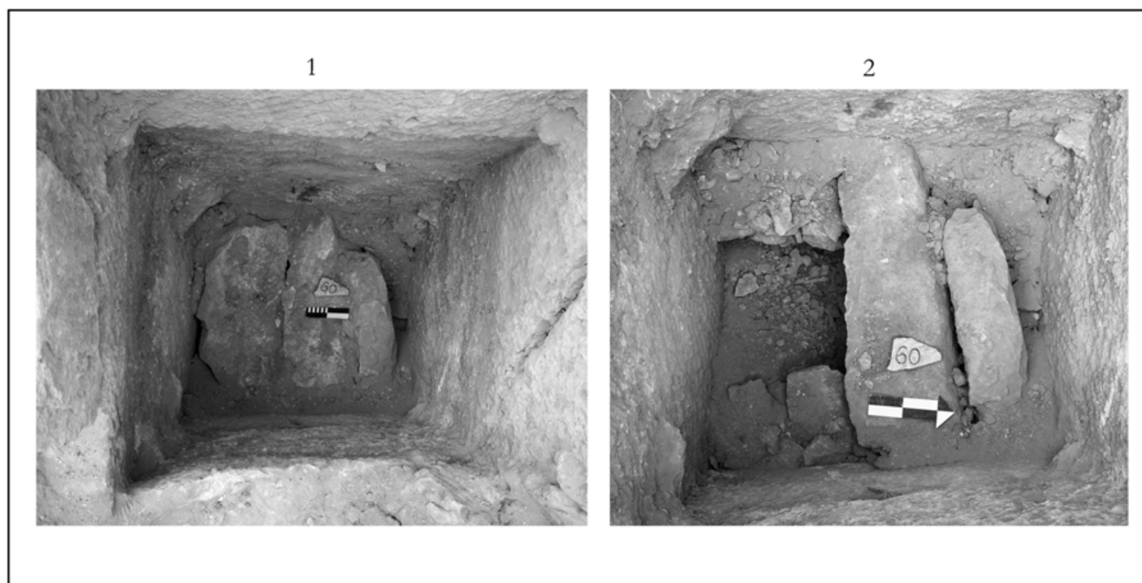
В шахте GE 60 на участке работ РАЭГ, на глубине 2,80 м от ее устья было обнаружено погребение, представляющее собой углубление для захоронения, сложенное из камней и закрытое сверху каменными плитами (*илл. 8, 9*). Подобное погребение на участке было обнаружено только в одной шахте и расположено не в скальной гробнице, а в одиночной шахте. Учитывая, что в шахте было найдено большое количество строительных меток [Ветохов, 2016, с. 46, 47], которые также встречаются в шахтах скальных гробниц, следует проанализировать возникновение подобного типа погребений, чтобы связать два различных признака временными рамками.

Интересная особенность данного погребения – его размещение не на дне шахты, а в ее стволе, в 1,60 м от дна, причем все пространство между погребением и дном шахты было забутовано битой керамикой эпохи Древнего царства. Более того, ниже погребения, размещенного в шахте, располагался вход в камеру, ведущую на юг. Камера не содержала остатков погребения, но, как и шахта, была полностью заполнена битой керамикой.

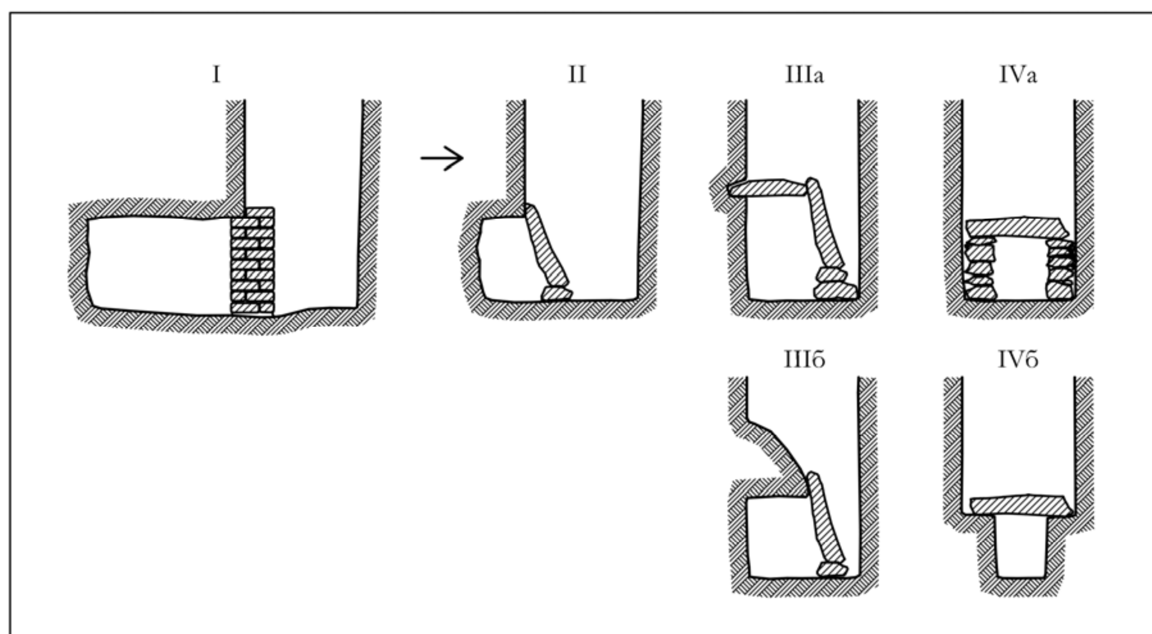
Причина, по которой вместо размещения погребенного в камере его разместили в шахте, до конца неясна. Вероятной причиной, по которой было решено засыпать погребальную камеру и организовать новое место погребения, был разлом на дне шахты, ведущий в погребальную камеру соседней шахты, скорее всего, образовавшийся во время строительных работ. Между погребением, размещенным непосредственно в стволе шахты, и погребением в камере-нише, обсуждаемом ранее, есть общее: они очень компактны и в большинстве случаев равны по размеру ширине шахты. Примечательно, что в данном компактном погребении в шахте GE 60 был захоронен в эмбриональной позе карлик. По обнаруженному керамическому материалу данное погребение относится к поздней VI династии.

Подобные погребения непосредственно в шахте, Рейснер выделял в отдельный тип – 7 [Reisner, 1942, p. 97–98] и относил к самым поздним типам шахтных погребений в Древнем царстве [Reisner, 1942, p. 92], которые возникают при V династии во второстепенных шахтах мастаб, и количество которых увеличивается при VI династии в небольших мастабах [Reisner, 1942, p. 98]. Как отмечал Рейснер, в некоторых случаях погребение подобного типа представляло собой небольшую погребальную камеру, вырубленную прямо на дне шахты, но в большинстве случаев камера строилась из щебня или каменных блоков.

Подобные погребения, как и предыдущий тип – с плитой, встроенной в стенки шахты, являются попыткой минимизировать затраты на производство погребения, когда практически не требуется тяжелых работ по долблению скалы для изготовления погребальной камеры.

Илл. 9. Шахта GE 60 с погребением из камней в шахте, исследования РАЭГ: *1* – до открытия погребения; *2* – после частичного вскрытия погребения (*рис. автора*)

Илл. 10. I – схема наиболее распространенной конструкции погребальной камеры конца V – VI династий; II, IIIa, IIIб, IVa и IVб – схемы устройства погребальной камеры с тенденцией на уменьшение затрат на производство (*рис. автора*)

Аналоги в Гизе и их датировка. Погребения, сложенные из камней и размещенные непосредственно в шахте, редко встречаются в Гизе, как и узкие погребения-ниши и погребения, перекрытые каменной плитой, вмонтированной в стены шахты. В общей сложности, по материалам Дж. Рейснера, Г. Юнкера, У. К. Симпсона и К. Фишера [Fisher, 1924, p. 73], удалось найти чуть более десяти примеров подобных погребений, располагавшихся преимущественно на Западном плато Гизы.

Рейснер приводит пять подобных случаев: в шахте B мастабы G 1367, в шахте B мастабы G 1356, в шахте J мастабы G 1303, в шахте B мастабы G 1170 и в шахте B мастабы G 1315 [Reisner, 1942, p. 90, 99-100, fig. 25, 51-54]. Исследователь относит подобные конструкции (тип 7a) к самым поздним типам шахтных погребений Древнего царства, возникающих при V династии во второстепенных шахтах, а их количество увеличивается при VI династии в небольших мастабах [Reisner, 1942, p. 92, 98].

У Юнкера мы встречам шесть случаев подобных конструкций: в шахте мастабы Капунисута Каи (G 4651 и G 1741), в шахте S 28 мастабы S 28/97, в шахте S 43 мастабы S 28/97, в шахте S 72 мастабы S 34/91, в шахте S 153 мастабы S 125/157 и в шахте S 4018 мастабы S 4018/4021 [Junker, 1938, S. 127, Abb. 13; Junker, 1951, S. 108, 137, 170, Abb, 41, 47, 65; Junker, 1950, S. 171, Abb. 77]. Интересно, что место под погребение в шахте мастабы Капунисута Каи не выложено из камней, как в остальных примерах, а выдолблено на дне шахты в массиве скалы.

Строительство мастабы Капунисута Каи Юнкер относит к середине V династии [Junker, 1938, S. 124], а Портер и Мосс – к началу – середине V династии [Porter, Moss, 1974, p. 135]. Время совершения погребений S 28 и S 43 Юнкер не указывает, но мастаба S 28/97, в которой эти погребения располагаются, граничит с северо-востока с мастабой Ичефа, с запада с мастабой Хнумнефера, а с юго-запада с мастабой Нунечера, датируемых Б. Портер и Р. Мосс VI династией [Porter, Moss, 1974, p. 216–217].

Датировку шахты S 72 Юнкер также не дает, но мастаба S 34/91, в которой располагается шахта, примыкает с востока к более ранней мастабе Нунечера, датированной Портер и Мосс VI династией [Porter, Moss, 1974, p. 217]. Время создания мастабы S 125/17, в которой располагается шахта S 153, Портер и Мосс относят к VI династии [Porter, Moss, 1974, p. 220]. Датировку мастабы S 4018/4021, в которой располагается шахта S 4018, Юнкер не уточняет. У. К. Симпсон приводит только один пример подобного погребения – в шахте H мастабы Иасена (G 2196); Портер и Мосс, вслед за Рейснером [Reisner, 1942, p. 314], относят ее к V–VI династиям [Porter, Moss, 1974, p. 82], а К. Леманн – к VI династии [Lehmann, 2000, kat.G 120].

Таким образом, складывается следующая хронологическая картина: погребения, размещаемые непосредственно в шахте, с углублением под погребение, сложенным из камней или вырубленным в скале на дне шахты, возникают при V династии, но массово начинают сооружаться уже при VI династии, демонстрируя упрощение погребальных конструкций.

Типология. В итоге мы можем предложить следующие схемы конструктивного устройства погребений в шахте (*илл. 10*). К самой первой схеме (схема I) относятся все шахты без прохода, ведущего в погребальную камеру, в которых соотношение ее ширины к длине более, чем 1/0,6. Такие камеры являются самыми распространенными на участке работ РАЭГ, а их аналоги были отнесены Рейснером к устройству шахтных погребений типов 6a, 6b и 6c.

Следующая схема – погребения с камерой-нишей (схема II). Подобные камеры имеют небольшую ширину. На участке работ РАЭГ ширина подобных погребений лежит в промежутке 0,35–0,52 м, а соотношение длины камеры к ее ширине 1/0,3–1/0,6. Рейснер по своей типологии шахт относит к типу 6d, которые, по его классификации, имеют ширину камеры не более 0,40 м.

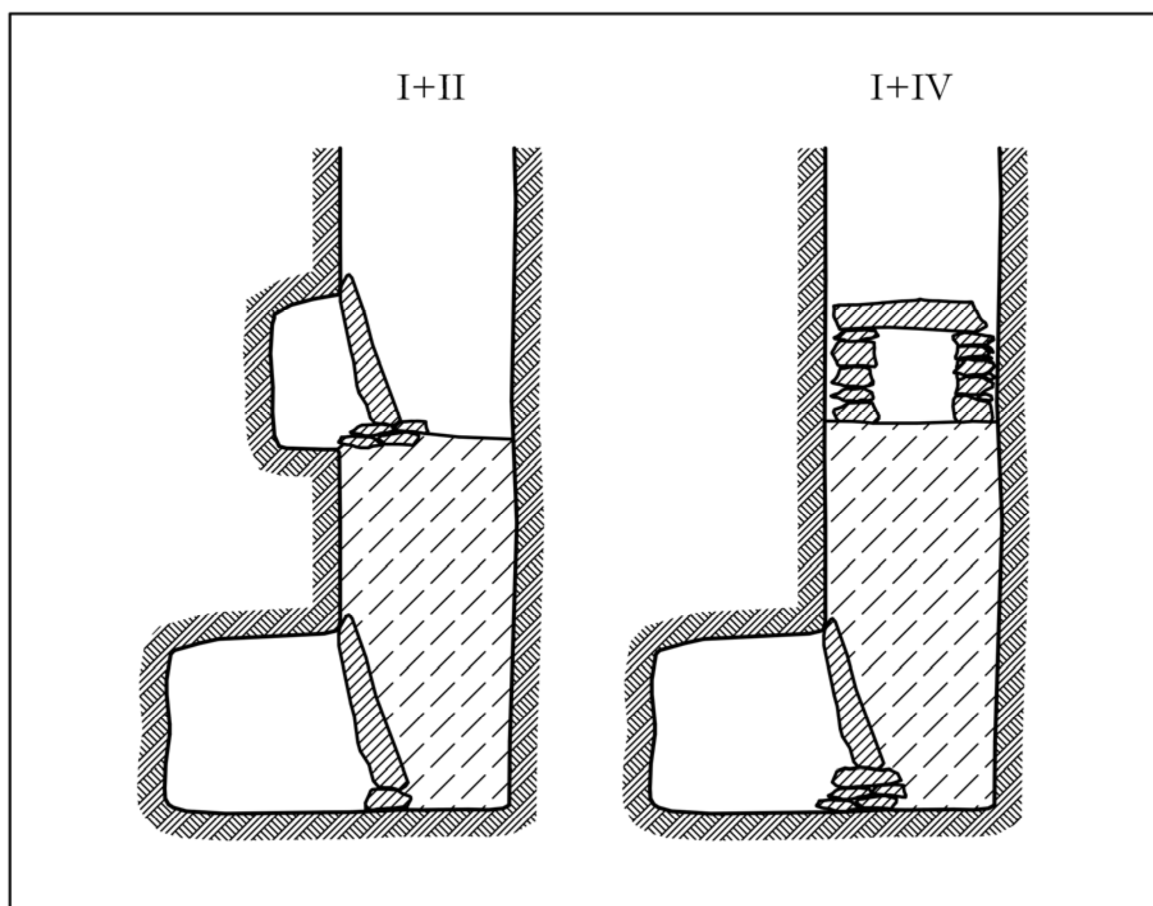
К схеме IIIa относятся погребения, организованные непосредственно в шахте и имеющие встроенную в стены шахты каменную плиту над погребением. Как отмечалось,

погребения с подобной конструкцией не находят отражения в типологии Рейснера. Схема IIIб близка к конструктивной схеме IIIа, только козырек, расположенный над погребением, выполнен из массива скалы.

Следующая схема – тип IV: погребение, организованное также в шахте, но с углублением под погребение, сложенным из камней (тип IVа) или выдолбленным на дне шахты (тип IVб) и перекрытое несколькими каменными плитами. Рейснер по своей типологии относит подобные погребения к типу 7а.

Помимо того, что появляются двух- и даже трехкамерные шахты, в некрополе Гизы встречаются шахты с размещением камер-ниш и мест погребения, выстроенных из камней в шахте на двух уровнях (*илл. 11*). И в обоих случаях и заклад входа в нишу, и место погребения, выложенное из камней в шахте, устанавливаются на забутовку из камней или из керамики для стабильности конструкции. Подобные примеры мы можем наблюдать, например, в шахте А мастабы G 1013 [Архив Дж. Рейснера, фото C11546_OS, C11541P_OS] и в шахте B мастабы G 1029 [Simpson, 1980, fig. 8].

Подводя итог, можно сказать, что к концу V – началу VI династии одними из самых распространенных конструкций шахтных погребений становятся камеры без прохода, но помимо них начинают сооружать погребения непосредственно в шахте. Они не столь распространены, как первые, но являются примером новых конструктивных решений. Возможно, основная причина сооружения более простых по устройству погребений кроется не только в стремлении уменьшить затраты на устройство, но и в необходимости более скорого изготовления гробницы и последующего погребения усопшего. Вероятно, мы имеем дело с погребениями, высеченными в скале непосредственно перед похоронами, что подтверждается нахождением камер-ниш часто в более глубоких шахтах, чем те, в которых располагаются большие погребальные камеры.

Илл. 11. Схемы I+II и I+IV – примеры сочетаний различных типов погребений в одной шахте (*рис. автора*)

Литература / References

Ветохов С. В. Строительные метки в шахтах поздней V и VI династий в Гизе: к вопросу о предварительной планировке древнеегипетских скальных гробниц // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 2016. № 3. С. 46–62. [Vetokhov S. V. Stroitel'nye metki v shahtah pozdnej V i VI dinastij v Gize: k voprosu o predvaritel'noj planirovke drevneegipetskih skal'nyh grobnits // *Vostok (Oriens)*. 2016. # 3. Pp. 46–62].

Fisher C. S. *The Minor Cemetery at Giza*. Philadelphia, 1924.

Junker H. *Giza II. Die Mastabas der beginnenden V. Dynastie auf dem Westfriedhof.* Wien, Leipzig, 1934.

Junker H. *Giza III. Die Mastabas der fortgeschrittenen V. Dynastie auf dem Westfriedhof.* Wien, Leipzig, 1938.

Junker H. *Giza V. Die Mastabas des Cnb (Seneb) und darumliegende Graber*. Wien, Leipzig, 1941.

Junker H. *Giza VI. Die Mastabas des Nfr (Nefer), Qdfjj (Kedfi), KAHjf(Kahjef) und die westlich anschließenden Grabanlagen.* Wien, Leipzig, 1943.

Junker H. *Giza IX. Das Mittelfeld des Westfriedhofes*. Wien, 1950.

Junker H. *Giza X. Der Friedhof sudlich der Cheopspyramide. Westteil.* Wien, 1951.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow, 2015.

Lehmann K. *Der Serdab in den Privatgräbern des Alten Reiches*. Ph.D. Dissertation. Heidelberg, 2000.

Porter B., Moss R. L. B. *Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings. III. Memphis*. Oxford, 1974.

Reisner G. A. *A History of the Giza Necropolis*. Vol. I. Cambridge, 1942.

Weeks K. R. *Giza Mastabas*. Vol. 5. *Mastabas of Cemetery G 6000*. Boston, 1994.

Электронные ресурсы

Архив Дж. Рейснера – *The Giza Archives*. http://www.gizapyramids.org (дата обращения: 12.03.2018)

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ ВОТИВНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ГИЗЫ: ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАК ДАТИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК

С. Е. Малых*

В статье анализируется группа древнеегипетских керамических вотивных моделей эпохи Древнего царства (XXVII–XXII вв. до н. э.), найденных Российской археологической экспедицией ИВ РАН в некрополе Гиза. Особенности изготовления отдельных предметов (ребристые стенки, следы срезания сосуда острым предметом с гончарного круга, внутренние выступы на донце) позволяют установить, что они инициированы применением усовершенствованного ручного гончарного круга конструкции «втулка-стержень» и могут быть датированы более узко – второй половиной V – VI династиями (XXV–XXII вв. до н. э.). Такие вотивные модели также свидетельствуют о технологическом прогрессе в древнеегипетском гончарстве, явно проявившемся со второй половины царствования V династии.

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, Гиза, древнеегипетская керамика, вотивные модели.

EGYPTIAN OLD KINGDOM VOTIVE POTTERY FROM GIZA: MANUFACTURING PROPERTIES AS DATING FEATURES

Svetlana E. Malykh

The article focuses on a group of Ancient Egyptian pottery models of the Old Kingdom (27th–22nd centuries B.C.), found by the Russian Archaeological Mission (IOS RAS) in Giza Necropolis. Manufacturing peculiarities of some objects (ribbed walls, traces of cutting from pottery wheel with a sharp object, lumps of clay inside bottoms) lead to the conclusion that they were initiated using a simple low wheel with a socket-and-pivot system and can be dated more precisely between the second half of the Dynasty V – Dynasty VI (25th–22nd centuries B.C.). Such votive models also indicated technological progress in Ancient Egyptian pottery, which has clearly manifested itself since the second half of the Dynasty V.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, Giza Necropolis, Ancient Egyptian pottery, votive models.

В процессе археологического изучения египетских некрополей эпохи Древнего царства (XXVII–XXII вв. до н. э.) в столичной области Мемфиса обычной находкой является миниатюрная керамика, размеры которой не превышают 10 см – сосудики, тарелочки и чаши, не имевшие бытового применения, а использовавшиеся как вотивные подношения в поминальных и погребальных комплексах египетских царей и знати. Например, за 22 года работ (1996–2017 гг.) Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН в Восточном некрополе Гизы обнаружено 417 целых и фрагментированных вотивных сосудиков и 1467 вотивных тарелочек и чаш. Однако большинство находок экспедиции в Гизе происходит из перемешанного в результате грабительской деятельности заполнения шахт и погребальных камер гробниц, а также верхнего балластного слоя некрополя. Таким образом, многие сосуды не имеют археологического контекста и, как следствие, точных датировок. Тем не менее, и в Гизе, и на территории других некрополей есть исключения, позволяющие датировать данные предметы.

* Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

Если вотивная керамика закрытых форм (т.е. сосудики) демонстрирует некоторое разнообразие форм и морфологическую эволюцию, что позволяет разработать ее типологию применительно к датировке[1], то с вотивными моделями открытых форм (тарелочками и чашами) все обстоит гораздо сложнее. До недавнего времени было принято считать, что вотивные тарелочки и чаши морфологически нетипичны[2]. Автор данной статьи использовал метод графическо-математического описания предметов вкупе с анализом их датировки и ареала. Типология вотивных моделей открытых форм была построена на основе метрических характеристик и математического соотношения размеров (по формуле *a:b:h*, где *a* – внешний диаметр венчика, *b* – диаметр донца, *h* – высота сосуда), а также с учетом кривизны стенок. Первоначально это не привело к каким-либо твердым выводам о принадлежности различных видов форм сосудов к определенному периоду и не позволило выстроить сколько-нибудь надежную хронологическую последовательность морфологических изменений[3].

Автором также была создана база данных, в которую были внесены сведения о 548 вотивных моделях открытых форм как из Гизы, так и из других некрополей Египта эпохи Древнего царства – Абу-Роаша, Абусира, Саккары, Дахшура, Хелуана и Мейдума, информация о которых содержалась в специальной литературе. Согласно статистическому анализу, большинство выделенных типов не имели узкой датировки и были зафиксированы на памятниках времени правления IV–VI династий (XXVII–XXII вв. до н. э.). Более узкую датировку V и VI династиями (XXV–XXII вв. до н. э.) имели лишь единичные нерепрезентативные разновидности керамических тарелочек и чаш с выпуклыми стенками. Однако при создании базы данных также учитывался дополнительный признак – наличие ребристых стенок – у 178 вотивных моделей (32,5% от всей группы вотивных моделей открытых форм), и это неожиданно дало результат: оказалось, что подавляющее большинство ребристых тарелочек и чаш относится к царствованию V и VI династий.

Вотивные тарелочки и чаши с ребристыми стенками

Ареал керамических вотивных моделей с ребристыми стенками охватывает Гизу, Абусир, Саккару, Дахшур и Мейдум. В Гизе они были найдены в основном в гробницах египетской знати времени правления V и VI династий (мастабы G 4710 A, S 984, G 6030 B, G 6050, G 2092a, G 7100, скальные гробницы G 7948, GE 11, GE 12 (LG 77), GE 15 (LG 76), GE 17, GE 23, GE 30 и прилегающих к ним т.н. Малые некрополи I и II[4], *илл. 1*).

В Абусире модели с ребристыми стенками обнаружены в поминальном комплексе царя Неферефра и датированы второй половиной V династии – первой половиной VI династии [Barta, 1995, p. 17, 24, fig. 2; Verner, Barta, Benesovska, 2006, p. 297, 313, pl. XLVIII]. Все тарелочки с данным морфологическим признаком из Саккары выявлены в комплексах VI династии (в мастабе визиря Мерефнебефа и прилегающем некрополе, в погребальной камере пирамиды Пепи I [Myśliwiec et al., 2004, p. 196, pl. CVI (205, 206); Rzeuska, 2006, p. 372 (859), 376 (875), pl. 165, 167; Labrousse, 1996, p. 66, fig. 120d]). В Дахшуре подобные изделия найдены в погребальном комплексе т. н. «красной пирамиды» Снофру в слоях V и VI династий [Faltings, 1989, S. 137, 142, Abb. 3a (143, 144), 7].

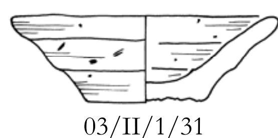

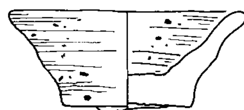
[1] Подробнее об этом см.: [Малых, 2010, с. 19–58, 92–94].

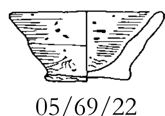
[2] [Marchand, Baud, 1996, p. 274; Allen S., 2006, p. 20]. В то время Т. Ржевская отмечает, что при наличии чётко датированных комплексов модели могли бы стать «хорошим хронологическим маркером» [Rzeuska, 2006, p. 425].

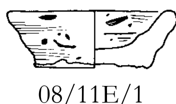
[3] Подробнее об этом см. [Малых, 2010, с. 59–85].

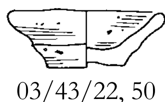
[4] [Reisner, 1942, p. 524 (14-3-10), fig. 325; Junker, 1944, S. 22, Abb. 7 (no.19); Weeks, 1994, p. 80 (25-11-84), 95 (25-11-142c), fig. 129, 132; Roth, 2001, p. 114, fig. 65; Reisner, Smith, 1955, p. 87 (24-11-402), fig. 127; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010, p. 183–184, fig. 56; Kormysheva et al., 2015, p. 47, 51, 63, 126, 158, fig. 19, 23, 29, 46, 58; Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 41–42, 67, 81–94, 98, 126–127, 201, 227, 251–259, 279–280, 284–285, fig. 14, 16, 31, 37, 42–43, 52–53, 91, 101, 110, 119, 121].

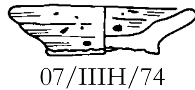

03/II/1/31

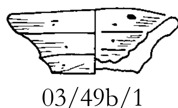

03/II/1/132

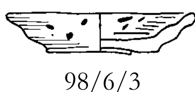

05/69/22

08/11E/1

03/43/22, 50

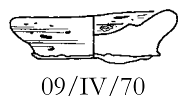

07/IIIH/74

03/49b/1

98/6/3

11/17E/1

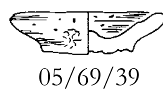

03/43/6

09/IV/70

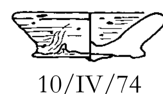

08/11E/2

0 5 см

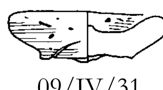
Вотивные тарелочки и чаши с ребристыми стенками

05/69/39

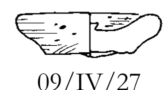

05/68/43

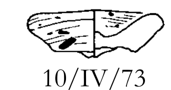

10/IV/74

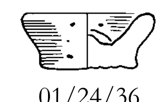

07/IIIH/40

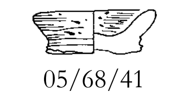

09/IV/31

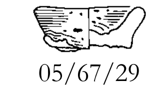

06/III/74

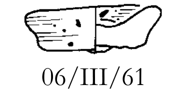

09/IV/27

10/IV/73

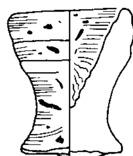

01/24/36

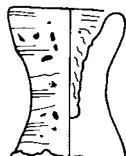

05/68/41

05/67/29

06/III/61

Вотивные тарелочки с внутренними выступами

05/67/50

07/IIIH/76

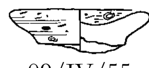

11/31/1

00/19/135

01/29/2

03/49-1/2

06/III/27

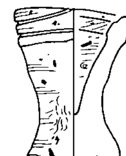

09/IV/55

01/24/59

03/49-1/1

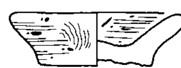
Вотивные модели, срезанные нитью

07/IIIH/52

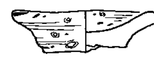

10/IV/18

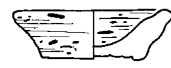

08/12-4/2

01/29/3

06/III/18

06/III/92

09/IV/65

11/25/1

10/IV/61

99/24/48

Вотивные модели, срезанные острым предметом

Илл. 1. Египетская вотивная керамика времени V–VI династий из раскопок Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе (*рис. автора*)

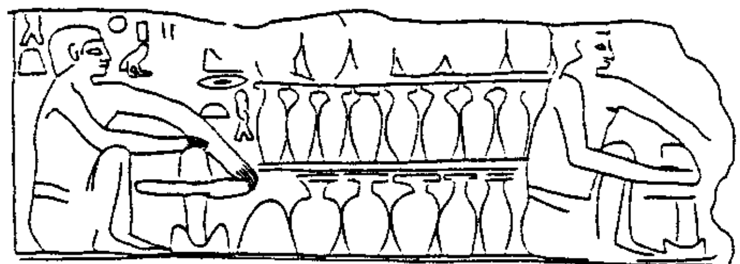
Керамика, обнаруженная в Мейдуме вблизи процессионной дороги к долинному храму Снофру [el-Khouli, 1991, p. 13, 43–45, pl. 50], была отнесена А. М. Джонс к «ранней IV династии, но ближайшие опубликованные параллели датируются III–V династиями» [Jones, 1991, p. 43], что дает возможность расширить датировку этой керамической группы до V династии. Действительно, в Мейдуме присутствует большое количество керамики V–VI династий [Rzeuska, 2011, p. 712–722].

Только две вотивные тарелочки из 178 не вписываются в выстраиваемую картину. Одна происходит из мейдумского погребения 55 начала IV династии [Petrie, Mackay, Wainwright, 1910, p. 27, pl. XXV.20], а другая, датированная интервалом с конца правления Хафра до начала правления Нефериркара[5] (т.е. вторая половина IV – начало V династии), – с Западного плато Гизы, из шахты A мастабы G 4530 [Reisner, 1942, p. 491 (14-1-71), fig. 297a; Reisner, Smith, 1955, p. 87]. Как и большинство гробниц Гизы, эта была ограблена: Дж. Рейснер отмечал, что все предметы, обнаруженные на дне шахты и в погребальной камере (в частности, помимо глиняных еще и каменные модели сосудов), залегали в слое, перемешанном грабителями [Reisner, 1942, p. 488]. Если каменные модели, скорее всего, находились в погребальной камере изначально, то глиняные могли попасть туда сверху – из поминальной часовни, где использовались при отправлении поминального культа владельца гробницы. Учитывая тот факт, что ритуальные действия в часовне должны были совершаться долгое время после похорон, то присутствие предметов V династии в мастабе второй половины IV – начала V династии вполне объяснимо. Следовательно, такие предметы косвенно должны являться показателем долговечности отправления поминального культа в гробницах знати.

Что касается мейдумской погребения 55, то, согласно У. М. Ф. Питри, оно было нарушено впускными погребениями XXII династии [Petrie, Mackay, Wainwright, 1910, p. 24–25], а инвентарь из него был разбит, частично переотложен и мог включать более поздние элементы, находившиеся по соседству.

Ребристость стенок у керамических сосудов является показателем технического прогресса в области гончарного дела. Она появляется в тот момент, когда на смену медленно вращающемуся поворотному механизму (ручному гончарному кругу или его прототипу) приходит усовершенствованный ручной гончарный круг, сконструированный по принципу «втулка-стержень» (достоверные свидетельства этого относятся к поздней V династии [Verner, 1995, p. 26–27]). По сравнению с поворотным механизмом он имеет более высокую скорость вращения, а, по наблюдениям специалистов, чем выше скорость, тем четче спиралевидные полосы внутри и снаружи сосуда, тем ярче проявляется ребристость стенок [Arnold, Bourriau, 1993, p. 51–53, 79].

Как отмечает До. Арнольд, спиралевидные следы, в основном внутри сосудов, на их стенках и донцах, появляются у керамики преимущественно с VI династии. Исследовательница также указывает, что, хотя история египетского гончарного круга начинается несколько раньше – при V династии, однако тогда это техническое новшество не играло большой роли в керамическом производстве, оно становится общеупотребительным лишь при VI династии [Arnold, Bourriau, 1993, p. 43]. До. Арнольд аргументирует это изображениями на стенах гробниц Ти

Илл. 2. Прорисовка рельефа из саккарской мастабы Хентика (VI династия) с изображением работ в гончарной мастерской (по: [Arnold, Bourriau, 1993, fig. 43])

[5] Датировка материала по: [Reisner, Smith, 1955, p. 87].

(V династия) и Хентика (VI династия) [Arnold, Bourriau, 1993, p. 45]. Если в мастабе Ти [Wreszinski, 1936, Tf. 70] показан только один гончар, сидящий за гончарным кругом (у которого, впрочем, втулка не видна), и два с поворотными механизмами (наподобие подпятника), то в более поздней мастабе Хентика [James, 1953, pl. 42] (*илл. 2*) присутствуют уже две фигуры с гончарными кругами типа «втулка-стержень» и ни одной с поворотным механизмом.

Вотивные тарелочки и чаши с ребристыми стенками (треть от общего числа моделей открытых форм) должны были изготовляться на усовершенствованном ручном гончарном круге типа «втулка-стержень», и, следовательно, датироваться не ранее V династии, а скорее даже VI династией. Действительно, из 178 моделей 176 образцов (98,9%) имеют дату, не противоречащую этому заключению: 42 предмета относятся к V династии (32 из них к середине – концу V династии); 52 – ко второй половине V и VI династиям; 39 – к VI династии; 43 модели не имеют четкой датировки. Последние происходят от балластного слоя Восточного плато Гизы, покрывающего скальные гробницы V – ранней VI династии, Следовательно, с большой долей вероятности эти 43 вотивные тарелочки могут быть отнесены ко времени V–VI династий.

Таким образом, ни один предмет строго не опровергает нашей гипотезы, и мы находим правомерным считать ребристость стенок датирующим признаком, на основе которого вотивные модели с данным элементом следует относить ко времени V–VI династий. Это, впрочем, не означает, что при V–VI династиях изготовляли только тарелочки и чаши с ребристыми стенками, а вся керамика с гладкими стенками бытовала до V династии. Гладкостенные модели продолжали существовать и при V, и при VI династиях, наряду с изделиями с ребристыми стенками (и даже доминировать – приблизительно 70% от общего числа моделей открытых форм V–VI династии). Кроме того, модели с гладкими и ребристыми стенками часто присутствуют в одном археологическом комплексе, например, в керамическом скоплении 38а V–VI династий у мастабы 24 в Гизе, исследованном Российской археологической экспедицией ИВ РАН в Гизе [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 82–94, fig. 42], только 41% предметов имеет ребристые стенки. По характеру залегания керамическое скопление 38а является сбросом культовых предметов из поминальной часовни мастабы 24 у скальной гробницы Хафраанха (G 7948) в Гизе. По морфологическим особенностям бытовых форм (пивных кувшинов, форм для выпечки хлебов) этот слой керамики можно отнести ко второй половине V – VI династиям.

В погребальной камере шахты 43 (VI династия) в Малом некрополе у гробницы Хафраанха в Гизе 29 из 51 предмета (56,9%) имеют ребристые стенки [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 251–259, fig. 110]. Из 12 вотивных тарелочек, найденных в шахте 2 скальной гробницы Хуфухотепа (LG 76), погребение в которой датируется второй половиной V – началом VI династии, 9 моделей (75%) с ребристыми стенками. Характерно, что по особенностям глины в этом керамическом комплексе выделяются две гончарные серии вотивных тарелочек [Kormysheva et al., 2015, p. 97, 126–127, fig. 46]; одна не имеет ребристых стенок, другая, наоборот, сделана «прогрессивным» способом.

Это только подтверждает наблюдение До. Арнольд, что ручной гончарный круг типа «втулка-стержень» при V–VI династиях только начинал входить в обиход и использовался наравне с ручной лепкой и более простыми поворотными механизмами. Процесс замещения поворотного механизма гончарным кругом и почти полного прекращения применения лепного способа формовки для массовых типов керамики завершился только к XI–XII династиям [Kelley, 1987, p. 127; Arnold, Bourriau, 1993, p. 43].

Способы снятия вотивных моделей с гончарного круга

Большинство исследователей, занимавшихся вотивными моделями Древнего царства, отмечали, что этот тип керамических изделий срезался с гончарного круга нитью во избежание сильной деформации пальцами пока ещё мягкого изделия небольшого размера

[Charvat 1981, p. 148; Arnold, Bourriau, 1993, p. 54–56; Rzeuska, 2006, p. 52, pl. 8; Allen, 2006, p. 23; Wodzińska, 2009, p. 126, 139]. Характерные спиральные линии и глиняные наросты на внешней стороне донец вотивных сосудиков, тарелочек и чаш подтверждают это (*илл. 1*).

Данный технологический прием существовал в Египте и в эпоху Среднего царства (XXI–XVIII вв. до н. э.), что иллюстрируется изображениями в гробницах Бакта III и Аменемхета в Бени-Хасане [Newberry, 1893, part I, pl. XI; part II, pl. VII]; известен он и в наши дни: в центр диска гончарного круга помещался крупный кусок глины в виде конуса, подготовленного подмастерьем. Из верхушки конуса гончар одной рукой вылепливал сосуд, а другой крутил диск. Затем сосуд срезался с круга – с помощью нити или иным способом.

У 23,6% вотивных сосудиков и 37,8% вотивных тарелочек и чаш из раскопок ИВ РАН в Гизе отсутствует характерный след от срезания нитью (*илл. 1*). В то же время внешняя сторона донца имеет вогнутую конфигурацию и иногда небольшой выступ по центру – т.е. след от снятия сосуда острым предметом, например, медным стержнем, деревянной или костяной палочкой. Современные аналогичные приспособления гончаров для срезания сосудов с круга напоминают шило с металлическим острием и деревянной ручкой.

Основная часть вотивных сосудиков, тарелочек и чаш со следами срезания с круга острым предметом из Гизы может быть датирована царствованием V династии (преимущественно, ее второй половиной), рубежом V и VI династий, VI династией. Однако кажется, что подобные новшества в технологии изготовления вотивных сосудиков входили в обиход медленнее, чем при производстве более простых по форме вотивных тарелочек и чаш.

Характерно, что в археологических комплексах Гизы модели, срезанные острым предметом с круга, соседствовали с сосудами, срезанными нитью, но последние доминировали (62,2% тарелочек и 76,4% сосудиков). Похоже, что метод срезания сосуда острым предметом появился при V династии и медленно входил в обиход при следующей царской династии, однако он не заменил срезку изделия нитью с гончарного круга. Например, все 12 вотивных тарелочек из погребальной камеры шахты 2 в гробнице Хуфухотепа (LG 76), датированные рубежом V и VI династий, или даже началом VI династии, были срезаны нитью [Kormysheva et al., 2015, p. 126–128, fig. 46]. В керамическом скоплении 38a (V–VI династии) 33% вотивных тарелочек и сосудиков были срезаны острым предметом; остальные были сняты традиционным способом – с помощью нити [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 82–94, fig. 42]. В комплексе вотивных моделей из погребальной камеры шахты 43 (VI династия) 45,8% были срезаны с круга острым предметом, и они были найдены вместе с моделями, снятыми с помощью нити (54,2%) [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 251–259, fig. 110]. Таким образом, при V и VI династиях наблюдается постепенное увеличение числа моделей, срезанных острым предметом. Однако этот прием не привел к забвению использования нити при снятии гончарных изделий с круга, что, как мы уже говорили, подтверждается также гробничными изображениями эпохи Среднего царства.

Внутренние выступы на донцах вотивных тарелочек и чаш

Из 254 вотивных тарелочек и чаш, найденных Российской археологической экспедицией ИВ РАН в Гизе и включенных в базу данных, 67 образцов (26,4%) имеют глиняный выступ по центру внутренней части донца, более или менее выраженный (*илл. 1*). Характерно, что эта особенность часто встречается на тарелочках как с ребристыми, так и гладкими стенками. 8 образцов датируются V династией (7 из них – серединой – второй половиной V династии); 23 вотивных тарелочки и чаши относятся ко второй половине V – началу VI династии; 11 образцов – к VI династии. Остальные 25 предметов происходят из балластного слоя некрополя V–VI династии.

В керамическом скоплении 38a (V–VI династии) только 14,7% тарелочек имеют внутренний выступ на донце; 66,7% тарелочек из погребальной камеры шахты 2 в гробнице

Хуфухотепа (конец V – начало VI династии) также обладают этой особенностью [Kormysheva et al., 2015, p. 126–128, fig. 46]. В шахте 43 (VI династия) 29% тарелочек и чаш имеют глиняный выступ внутри [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 251–259, fig. 110].

Вотивные модели с выступами внутри донца также были найдены в других частях некрополя Гизы (в гробницах S 984, G 6050 и G 2092a), в Абусире (в погребальном храме царя Неферефра), в Саккаре (в гробнице Мерефнебефа и на прилегающей к ней территории)[6]. Таким образом, их датировка также ограничена серединой V – VI династиями.

В данном случае мы можем видеть, что появление нового признака у этой категории керамических изделий происходит, скорее всего, в середине правления V династии и может быть связано с эволюцией медленного ручного гончарного круга: увеличение скорости его вращения привело к появлению глиняных выступов на внутренней части донец вотивных моделей. В то же время, вотивная керамика, сделанная в обычной манере, продолжала существовать и даже доминировать параллельно с «прогрессивными» изделиями. В этом случае мы можем наблюдать картину, схожую с ребристыми стенками у вотивных моделей и со следами использования острого предмета для срезки с круга: технические нововведения постепенно завоевывают свое место, при этом традиционные методы сохраняются, постепенно переходя в разряд архаичных.

Заключение

Наши наблюдения, сделанные на основе материалов из Гизы, позволяют в некоторой степени решить проблему узкого датирования таких широко распространенных видов керамики в некрополях Древнего царства, как вотивные модели. С уверенностью мы можем заключить, что вотивные тарелочки и чаши с ребристыми стенками, с выступами внутри донец и со следами срезки острым предметом могут быть отнесены к интервалу от второй половины V до конца VI династии.

В то же время можно сказать, что мы столкнулись с предметами-индикаторами развития древнеегипетского гончарного производства во второй половине V – VI династиях, что соответствует данным, предоставляемым другими видами керамики (например, появлением при VI династии крупных чаш с ребристыми стенками), а также с гробничными изобразительными свидетельствами о постепенном расширении использования ручного гончарного круга конструкции «втулка-стержень», технически более совершенного, чем поворотный механизм. Все эти нововведения, медленно завоевывавшие признание ремесленников в эпоху Древнего царства, стали традиционной гончарной технологией в Среднем царстве, что подтверждается и керамикой этого периода, и изображениями на стенах египетской гробниц провинциальной знати в Бени Хасане и Дейр эль-Берше.

Литература / References

Малых С. Е. *Вотивная керамика Египта эпохи Древнего царства.* М., 2010 [Malykh S. *Egyptian Votive Pottery of the Old Kingdom.* Moscow, 2010].

Allen S. Miniature and model vessels in Ancient Egypt // Barta M. (ed.) *The Old Kingdom Art and Archaeology.* Prague, 2006. Pp. 19–24.

Arnold Do., Bourriau J. *An Introduction to Ancient Egyptian Pottery.* Mainz am Rhein, 1993.

Barta M. Pottery Inventory and the Beginning of the IV-th Dynasty // *Göttinger Miszellen.* 1995. 149. Pp. 15–24.

Charvat P. *The Mastaba of Ptahshepses. The Pottery.* Prague, 1981.

Faltings D. Die Keramik aus den Grabungen an der nördlichen Pyramide des Snofru in Dahchur. Arbeitsbericht über die Kampagnen 1983-1986 // Mitteilungen des Deutschen archäologischen Institut, Abteilung Kairo. 1989. 45. Pp. 133–154.

[6] Junker, 1944, S. 22, Abb. 7 (19); Weeks, 1994, p. 95, fig. 132 (25-11-142c); Roth, 2001, p. 114, fig. 65; Barta, 1995, p. 17, 24, fig. 2; Verner, Barta, Benesovska, 2006, p. 297, 313, pl. XLVIII; Myśliwiec et al., 2004, p. 196, pl. CVI (205, 206, 207); Rzeuska, 2006, p. 370 (849, 850, 856), 374–376 (870, 875), pl. 164, 166, 167.

James T. G. H. *The Mastaba of Khentika called Ikhekhi.* London, 1953.
Jones A. M. Pottery // el-Khouli A. *Meidum. Australian Centre for Egyptology: Reports 3.* Sydney, 1991. Pp. 43–49.
Junker H. *Gîza VII. Der Ostabschnitt des Westfriedhofes.* Wien – Leipzig, 1944.
Kelley A. L. The production of pottery in Ancient Egypt. II: The Middle Kingdom // *Annales du Service des Antiquités de L'Égypte.* 1987. LXXI. Pp. 127–129.
el-Khouli A. *Meidum. Australian Centre for Egyptology: Reports 3.* Sydney, 1991.
Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis I. The Tomb of Khafraankh.* Moscow, 2010.
Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49.* Moscow, 2015.
Labrousse A. *L'Architecture des Pyramides Á Textes. IFAO. Mission Archéologique de Saqqara III. Vol. II.I – Saqqara Nord.* Cairo, 1996.
Myśliwiec K., Kuraszkiewicz K., Czerwik D., Rzeuska T., Kaczmarek M., Kowalska A., Radomska M., Godziejewski Z. *Saqqara I. The Tomb of Merefnebef.* Varsovie, 2004.
Newberry P. E. *Beni Hasan.* London, 1893.
Petrie W. M. F., Mackay E., Wainwright G. *Meydum and Memphis (III).* London, 1910.
Reisner G. A. *A History of the Giza Necropolis.* Vol. I. Cambridge, 1942.
Reisner G. A., Smith W.S. *A History of the Giza Necropolis.* Vol. II. *The Tomb of Hetep-heres the mother of Cheops.* Cambridge, 1955.
Roth A. M. *Giza Mastabas.* Vol. 6. *A Cemetery of Palace Attendants.* Boston, 2001.
Rzeuska T. I. *Saqqara II. Pottery of the Late Old Kingdom. Funerary pottery and burial customs.* Varsovie, 2006.
Verner M. *Abusir III. The Pyramid Complex of Khentkaus.* Prague, 1995.
Verner M., Barta M., Benesovska H. *Abusir IX. The Pyramid Complex of Raneferef. The Archaeology.* Prague, 2006.
Weeks K.R. *Giza Mastabas.* Vol. 5. *Mastabas of Cemetery G6000.* Boston, 1994.
Wodzińska A. *A Manual of Egyptian Pottery.* Vol. 2. *Naqada III – Middle Kingdom.* Boston, 2009.
Wreszinski W. *Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte III.* Leipzig, 1936.

ОЗЕРА НА ДОИСТОРИЧЕСКОМ НИЛЕ: «ГИДРОЛОГИЧЕСКИЕ» ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГИПЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Прусаков Д. Б.*

Вследствие резкого увлажнения климата Восточной Африки, увеличения стока Нила и послеледниковой трансгрессии Средиземного моря в раннем и среднем голоцене в Египте между Асиутом и Фаюмом мог образоваться гигантский водоем, своими размерами сравнимый с «великим» африканским озером Альберт. Эта авторская гипотеза позволяет предложить принципиальные решения узловых проблем археологии додинастического Египта от неолита до образования государства фараонов.

Ключевые слова: додинастический Египет, голоцен, климат, Нил, археология, гидрология, озера.

LAKES ON THE PREHISTORIC RIVER NILE: "HYDROLOGICAL" OUTLOOK FOR EGYPTIAN ARCHAEOLOGY

Dmitry B. Proussakov

Owing to abrupt moistening of Eastern Africa's climate, increase of Nile discharge and Mediterranean postglacial transgression, a giant water reservoir comparable to one of the "great" African lakes, Albert, may have formed in Egypt between Asyut and Fayum in early to mid-Holocene. Present hypothesis offers principal solutions to some crucial problems of the archaeology of Predynastic Egypt from Neolithic age to the formation of the Pharaonic state.

Keywords: Predynastic Egypt, Holocene, climate, the river Nile, archaeology, hydrology, lakes.

Некоторое время назад ученые из Университета Аделаиды на основании съемки бассейна Белого Нила американскими спутниками Landsat-5 и Landsat-7 со сканирующими радиометрами типа «тематический картограф» и «усовершенствованный тематический картограф» реконструировали огромное древнее озеро, начинавшееся на 10-м градусе с. ш., в ста с небольшим километрах от устья Собата, и достигавшее в направлении Хартума длины свыше 500 км при максимальной ширине 70 км; оптически стимулируемое люминесцентное датирование его аллювиальных отложений показало, что оно могло образоваться в интервале от 400 до 15 тыс. лет назад [Williams et al., 2003; Williams, 2009]. Дополнительные англо-австралийские исследования с использованием матрицы высот (цифровой модели рельефа) Радиолокационной топографической миссии шаттлов [Farr et al., 2007] уточнили, что «мегаозеро Белый Нил» тянулось на 150 км южнее, чем предполагалось ранее, захватывая устьевую область Собата, а его противоположный край подступал к 15-му градусу с. ш., не доходя лишь полусотни километров до Гебель-Аулии. Как итог новейших расчетов, длина озера составляла не меньше 650 км, максимальная ширина – 80 км, глубина – до 12 м, а объем приближался к 255 куб. км (это вдвое превышает его прежние вычисления); по площади, оцениваемой как минимум в 45000 кв. км, оно бы сегодня занимало четвертое место в размерном ряду североамериканских Великих озер и почти в полтора раза превосходило Танганьику и Байкал. «Более надежное» датирование его береговых наносов по космогенному радионуклиду бериллия-10 определило возраст озера в 109 ± 8 тыс. лет, что соответствует рисс-вюрмскому межледниковью со значительным увлажнением климата на Земле, причем некоторые сравнительные морфологические

* Дмитрий Борисович ПРУСАКОВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dmprusakov@mail.ru

Dmitry B. Proussakov, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmprusakov@mail.ru

особенности остатков береговой линии позволяют говорить о возможности ее формирования (иными словами, существования водоема) на протяжении десяти тысяч лет [Barrows et al., 2014].

Совсем недавно бельгийские археологи и палеоантропологи из Католического университета Левена, занимавшиеся сложной проблемой неожиданного прироста численности и продолжительного выживания позднепалеолитических «охотников-рыболовов-собирателей» в нильской Долине в чрезвычайно аридных условиях максимума последнего покровного оледенения (24000–18000 калибр. л. н.) [ср.: Barker, Gasse, 2003], предложили на первый взгляд парадоксальную, принципиально отличающуюся от всех предшествующих «энвайронментальных» моделей этого явления [ср.: Butzer, Hansen, 1968; Wendorf, Schild, 1976] гипотезу о существовании огромного озера или цепи озер на усохшем с наступлением вюрма египетском Ниле (чей годовой расход составлял, по имеющимся оценкам, 10–20 % от современного [Schild, 1987; Schild, Wendorf, 1989; Wendorf, 2001]). Радикально отойдя от устоявшихся научных представлений о сети мелких переплетающихся рукавов, в которую выродился полноводный единорусловый межледниковый Нил [Schild, Wendorf, 2002–2004], исследователи на основании собственных раскопок (аллювиальных отложений, остатков ихтиофауны, характера каменных орудий), спутниковых снимков и топографических выкладок реконструировали в вюрмской «фиванской излучине» Нила пространное «озеро Махадма», растекавшееся выше Наг-Хаммади «далеко за пределы Кены» практически на всю ширину здешней Долины и имевшее по берегам множество верхнепалеолитических стоянок [см.: Vermeersch, 2000]; дополнительным аргументом в пользу озера, а не водотоков с их неизбежным гидроградиентом, авторам гипотезы послужило то элементарное теоретическое соображение, что эти «одновозрастные» человеческие пристаница, даже разделенные десятками километров, находились на одной высоте над уровнем моря [Vermeersch, van Neer, 2015; Vermeersch, van Neer, Gullentops, 2006].

Кажущееся невероятным образование столь крупного водоема в сахарской нильской пойме во времена длительной и тяжелейшей засухи на пике ледниковья ученые, однако, связывали именно с ней. Согласно их альтернативной модели, в конце плейстоцена, и особенно в разгар вюрма, пески из гипераридной Западной пустыни под воздействием тогдашних очень сильных (прежде всего, зимних северных) ветров [ср.: Bubenzer, Bolten, 2008; Roskin et al., 2011] гигантскими массами наступали на верхнеегипетский Нил «в нескольких местах», при этом главный и мощнейший поток эоловых дюн перемещался с равнины Среднего Египта на юго-восток, втягиваясь у Асиута в Долину, как в воронку, и продвигаясь по ее левобережью дальше вплоть до резкого, почти под прямым углом, перегиба Реки и окаймляющих ее скал к востоко-северо-востоку у Наг-Хаммади. Здесь, в районе большого нильского меандра с вершиной у древнего малого Диосполя, самой природой создан, в данном случае, идеальный «тупик», где задерживавшиеся крутым поворотом Нила пески могли сформировать локальное скопление в виде обширного сплошного «дюнового поля», полностью перегораживавшего Долину от южного до северного края. Хотя часть песков продолжала движение отдельными клиньями через плато Гебель эль-Гир внутри «фиванской излучины» к Нилу в окрестностях Арманта [Vermeersch, 2006], их основной объем сосредоточивался в этой естественной дамбе, ни преодолеть, ни смыть, ни пробить которую истощившаяся вюрмская Река была не в состоянии — разве что, при просачивании сквозь преграду, уплотнить ее, закупоривая в ней полости своими взвешенными глинистыми наносами. В подтверждение изложенного исследователи указывали на 8-метровую возвышенность площадью 1,2 × 0,7 км у эль-Касра, немного восточнее Хаммади, как на остаток «распознанной» ими поперек Долины широчайшей дюновой плотины, которая для гарантированного существования на здешнем участке Нила в позднем палеолите «бессточного» озера должна была иметь высоту не менее 15 м [Vermeersch, van Neer, 2015]. Максимального предполагаемого уровня водоем достиг на спаде оледенения, поднявшись над современной нильской поймой на 7 м у Махадмы и на 9 м у

Дишны; можно допустить, что он все же переливался через подпруживавшие его дюны, иначе придется признать совсем не очевидное отсутствие у вюрмского Нила стока ниже Хаммади. Возникнув и обеспечив людям сносные условия для жизни (рыболовства и охоты, в т. ч. на водоплавающую дичь) в период гипераридности, озеро исчезло с началом увлажнения глобального климата, по одной из версий (опирающейся почти на три десятка радиоуглеродных дат) – в интерстадиальный период бёллингского потепления так называемого финального плейстоцена, прорезав и размыв занесшие нижележащую Долину пески. Именно этим ученые из Левена объясняли «внезапное завершение» позднепалеолитического заселения Верхнего Египта после 14000 калибр. л. н. [Vermeersch, van Neer, Gullentops, 2006], чему, несомненно, очень способствовало превращение слаботекущего Нила конца ледниковья в «необузданный», «сметающий все на своем пути» многоводнейший поток – «Wild Nile» большого увлажнения раннего голоцена [см.: Прусаков, 2009]. Гипотетическое разрушение переполнившимся «озером Махадма» эоловой дамбы у Наг-Хаммади было бы логично соотнести и даже прямо связать с действительно произошедшим в те времена, на исходе формирования единой нильской гидросистемы, прорывом Белым Нилом толщи песчаных дюн в его русле на подступах к Хартуму, когда Река получила постоянное питание из великих «экваториальных» озер благодаря «резкому возвращению» в Восточную Африку ~14700–13100 калибр. л. н. ливневых летних муссонов [Williams et al., 2006; ср.: Garcin et al., 2007].

В целом сохранившиеся от эпохи вюрмского оледенения множественные, отчетливо наблюдаемые из космоса и частично изученные в полевых условиях следы массированных вторжений в Долину эоловых песков привели геоархеологов к заключению, что синхронно с крупнейшим «озером Махадма» на верхнеегипетском Ниле, «особенно между Луксором и Асуаном», с высокой вероятностью присутствовал еще ряд палеоводоемов озерного типа, также образованных нанесенными ветрами пустынь песчаными запрудами: у Арманта, Гебель-Силсилы, Вади Куббания и непосредственно у Асуана. О сроках их существования исследователи высказывались довольно неопределенно («столетия, десятилетия?»), сходясь лишь в том, что, как и «Махадма», это были «сезонные» озера, достигавшие «высшего уровня поздним летом и низшего поздней весной» и испытывавшие резкие годовые колебания объема в зависимости от наличествующего речного стока в нильских верховьях [Vermeersch, van Neer, 2015; Vermeersch, van Neer, Gullentops, 2006]. При всей незавершенности такого рода изысканий и оценок, однако, систематическое знакомство с научными публикациями, специально посвященными вопросам гидрологии Нила или затрагивающими их в междисциплинарных контекстах, только подтверждает, что возникновение на различных участках Реки в силу тех или иных естественных причин больших долговечных водоемов – явление отнюдь не уникальное, но достаточно распространенное и ожидаемо-неизбежное на протяжении длительной «геологической эволюции» [Said, 1981] огромного, сложносоставного, до неузнаваемости изменчивого во времени и пространстве нильского водосборного бассейна [Dumont, 2009; Selley, 1997]. Так, с предполагаемым исчезновением в Верхнем Египте «озера Махадма» вследствие увлажнения восточноафриканского климата и скачкообразного увеличения стока и разливов Реки на рубеже плейстоцена и голоцена нижний Белый Нил в Судане под воздействием тех же факторов раскинулся в ширину на 20–40 км [Barrows et al., 2014; Williams, 2009] и пребывал в озерно-болотном состоянии в половодье и межень еще в X–VII тыс. до н. э., т. е. весь ранний голоцен [Said, 1993]. В таком ракурсе озерообразование на Ниле выглядит уже и вовсе как непрерывный процесс. Его отголоски ощутимы и сегодня: в 1999 г. аномально сильные и продолжительные летние муссонные дожди в Судане, вызванные, в частности, необычайно дальним смещением внутритропической зоны конвергенции над Индийским океаном на север (которое затронуло также Индию и Китай, где произошли катастрофические наводнения), привели к затоплению Гезиры водами ее вздувшегося головного ирригационного канала, что позволило естествоиспытателям увидеть воочию, в каких условиях оказывался человек на

древних нильских озерах [Williams, Nottage, 2006]. Установление их местонахождения, размеров и хронологии как раскопками и содействующими им средствами естественных и точных наук, так и с помощью «интуитивных» реконструкций, опирающихся на доступные релевантные данные, тем актуальнее, что оно может качественно влиять на историко-археологическую мысль: например, обнаружение «мегаозера Белый Нил» породило оригинальную версию, что именно его высыхание стимулировало 100–110 тысяч лет назад «первую» [ср.: Hershkovitz et al., 2018][1] волну миграции «раннего современного человека» из Африки в Левант[2].

Открывший в 1919 г. датированную концом палеолита (13000–12500 некалибр. л. н.) верхнеегипетско-нижненубийскую археологическую культуру Себиль французский инженер-химик Э. Виньяр полагал, что ее стоянки, найденные им на ступенчатых уступах (террасах) в 3 км к западу от Ком-Омбо, тяготели к побережью постепенно убывавшего озера, подпруженного песками у Силсилы и подпитывавшегося от местной системы вади [Vignard, 1923; ср.: Smith, 1967]. Ведущий американский специалист по гидрологии плейстоцен-голоценового Нила Карл Бутцер на это решительно возражал, настаивая, что указанные террасы сформированы блуждающе-пересекавшимися рукавами «ледниковой» Реки, и, вообще, нет никаких оснований говорить о столь значительном и долголетнем доисторическом водоеме в Долине Верхнего Египта [Butzer, 1967], – но и его «консервативные» взгляды поколебала аргументация в пользу того же «озера Махадма».

Палеолимнология подтвердила свою актуальность и в «Нубии»: недавно выяснилось, что расположенная выше 3-го порога у Донголы, в 15 км от Нила на его левобережье, эолово-эрозионная котловина Кааб протяженностью ~30 км с юга на север и ~15 км с востока на запад сплошь устлана аллювием, богатым раковинами гастропод и панцирями диатомовых водорослей, свидетельствующими, с учетом результатов радиоуглеродного измерения возраста их нижнего и верхнего слоев, о существовании здесь между 8908 ± 37 и 6521 ± 69 C_{14} л. н. (≈8180–5420 гг. до н. э.) озера площадью не менее 450 кв. км, связанного с раннеголоценовым Нилом протоком, пересохшее меандрирующее русло которого хорошо видно на космических снимках [Williams et al., 2010].

Озера могли возникать и непосредственно на «эфиопском» Ниле, и в историческую эпоху. Так, Геродот сообщает о большом водоеме, лежавшем за островом «под названием Тахомпсо» в четырех днях пути вверх по Реке от Элефантины: «Переплыв это озеро, попадаем снова в Нил, который вливается в это озеро» [Геродот, II, 29]. По мнению выдающегося английского гидролога Г. Э. Херста, «Геродот был хорошим наблюдателем, и его описания (Нила. – *Д. П.*) в целом выглядят достоверными». Сам он указывал еще на один район потенциального озерообразования в Судане: между Хартумом и Атбарой, где в 1946 г. вышедший из берегов Нил затопил протяженные участки долины на несколько километров в ширину. Не был избавлен от этой напасти и Египет до «обуздания» в нем Реки плотинами: в 1878 г. высочайший из зарегистрированных нильских разливов, прежде чем уйти по рукавам Дельты в море, наводнил среднеегипетские территории так, что «из Миньи в Каир можно было проплыть на паруснике». Похожая ситуация: «Старики в Верхнем Египте вспоминают, что во время высокого паводка 1887 г. долина Нила местами представляла собой сплошной водный покров, от пустыни до пустыни, и деревни на своих холмах стояли погруженными в воду» [Херст, 1954].

Из всего вышесказанного я делаю вывод, что при определенных климатических, гидрологических и иных соответствующих условиях длительного действия — или в варианте реконструируемого «озера Махадма», или, допустим, с поступлением в египетский Нил в

[1] См. также: Gibbons A. This Ancient Jawbone Suggests Our Species Left Africa 40,000 Years Earlier Than Expected // *Science*. http://www.sciencemag.org/news/2018/01/ancient-jawbone-suggests-our-species-left-africa-40000-years-earlier-expected (дата обращения: 15.01.2018 г.).

[2] См.: Hecht J. Long-Lost Lake May Have Helped Humans Out of Africa // *New Scientist*. https://www.newscientist.com/article/dn24893-long-lost-lake-may-have-helped-humans-out-of-africa (дата обращения: 10.11.2017 г.).

периоды увлажнения избыточного объема воды и синхронным затруднением ее руслового стока — в Египте, как в одном из самых малоуклонных нильских регионов (0,07–0,08 м/км [Shahin, 1985]), должны были образовываться и долговременно сохраняться крупные естественные разливные водоемы, существенно изменявшие вмещающий ландшафт страны и оказывавшие решающее влияние на расселение, общественный уклад, промысловую деятельность и хозяйствование ее обитателей. Я выдвинул гипотезу о затоплении значительной части Дельты растекавшимся Нилом и подпиравшим его повышающимся Средиземным морем в ходе так называемой «фландрской» трансгрессии Мирового океана, что, возможно, послужило одним из факторов, если не «спусковым» природным толчком, зарождения государства в Египте при массовой миграции в сторону Долины и уплотнении населения скотоводческого Низовья (конец IV тыс. до н. э.) [Прусаков, 1994; 2006]. Продолжу эти геоархеологические опыты применительно к предыстории фараонов.

Принципиальным вопросом ее социоестественного [см.: Кульпин, 1994] анализа был имеющий разные количественные оценки масштаб додинастического наводнения, которое по мере деградации вюрмских ледниковых щитов Северной Америки и Европы и эвстатического приближения океанской поверхности к современному нулю глубин нарастающе угрожало гораздо более низменной, чем сегодня, северной Дельте. К. Бутцер распознавал в ней признаки «иногда случавшихся» вторжений моря не дальше 2-метровой изогипсы (25–30 км) [Butzer, 1976], однако известный американский морской геолог и геоморфолог Дэниел Стэнли утверждал, что 5000 лет назад, на пике трансгрессии, береговая линия Египта пролегала на 40–50 км южнее, чем в наши дни [Coutellier, Stanley, 1987; ср.: van den Brink, 1993]. Соотнесение теоретически рассчитанных уровней и скоростей подъема в VI–IV тыс. до н. э. Средиземного моря и наносной нильской Дельты с учетом археологической информации о характере пространственного распределения ее тогдашних поселений дало основание полагать, что это расстояние – другими словами, расширение подтопленных и заболоченных до непригодности для проживания человека приморских «маршей» – в итоге могло достигать как минимум 60 км [Прусаков, 2009]. Если роль моря в этой «экологической катастрофе» в целом понятна, то вклад Реки, возможно, еще недооценен. Подойдем к проблеме с противоположной стороны – из Долины, где к тому же резко разнородная культурно-демографическая картина в додинастический период и на переходе к эпохе Раннего царства являет собой давнюю и до сих пор нерешенную задачу египетской археологии.

«Политико-административное» становление древнейшего государства фараонов традиционно рассматривается историками в двуединстве с территориальной интеграцией «обеих земель» Нижнего и Верхнего Египта до 1-го нильского порога. Эта «центростремительная» тенденция наметилась в энеолитический герзейский период (Нагада II, вторая половина IV тыс. до н. э.), до которого в северных и южных краях страны археологи наблюдают «отличные друг от друга разновидности неолита». Более того, в египетскую неолитическую эпоху, завершающуюся амратским периодом (Нагада I, вторая четверть IV тыс. до н. э.), «с точки зрения социального и культурного развития, региональные различия между долиной Нила и Нижним Египтом выражены гораздо ярче, чем между Египтом и Суданом» [Wengrow, 2006]. Напомню в данной связи, что ареал предшествовавшей и, возможно, эволюционировавшей в амратскую ранненеолитической бадарийской культуры (вторая половина V – начало IV тыс. до н. э.) упирался на севере в Средний Египет на подступах к Асиуту, где имелось плотное скопление ее селищ (Матмар, Мостагедда, эль-Хаммамийа и др.), являвшееся то ли конечным пунктом спуска вдоль Нила, то ли очагом, откуда она распространялась исключительно вверх по Реке. «С учетом «хрестоматийных» указаний на сходство (если не родство) Бадари с традицией неолитического Хартума в центральном Судане синхронная культурная разобщенность Верхнего и Нижнего Египта выглядит особенно интригующе – словно среднеегипетский регион протяженностью менее 300 км, с равнинным западным поречьем, препятствовал

перемещениям первобытных людей куда надежнее, чем дикие пространства саванн Восточной Сахары или 2000-километровый нубийский отрезок Главного Нила с его скалистыми берегами, ущельями и порогами» [Прусаков, 2009]. Добавлю, что, эскизируя для своих книг карты додинастических археологических памятников на Ниле, я каждый раз получал в Среднем Египте *пустой промежуток*. Тем примечательнее «вдруг» пошедшее через него, с вбиранием в себя, посленеолитическое этнотерриториальное объединение страны, когда, как один из культурных маркеров этого процесса, на герзейском Ниле появилась многовесельная деревянная (дощатая) «серповидная» лодка, по моей версии, заменившая тростниковую или папирусную «прямоугольную» нильскую ладью большеозерно-морской корпусной конструкции [Прусаков, 2015].

Возвращаясь к техническим вариациям доисторических плавсредств на Реке, и прежде всего к дискуссионному вопросу о практической потребности на ней в «морской» ладье (чью неработоспособную имитацию Т. Хейердал находил в обводах «солнечной» барки Хеопса [Хейердал, 1977]), коснусь описаний Г. Херста его экспедиционных путешествий, в частности, по Альберт-Нилу: «Когда наш пароход вошел в озеро, на последнем была изрядная рябь, и пассажирам пришлось испытать довольно неприятную качку. Размеры озера позволяют разгуляться сильным ветрам, которые разводят значительное волнение, поэтому *для плавания по озеру нужны суда морского типа*» [Херст, 1954] (курсив мой – *Д. П.*): не по русловому Нилу, а по геологически встроенным в его бассейн или временно возникающим в его течении крупным водоемам с резко ускоряющимися над ними ветровыми потоками. Например, озеру Виктория, больше похожему на внутриконтинентальное море, свойственны водяные смерчи и внезапные бури, «что делает плавание на мелких судах небезопасным». На огромных просторах Сэдда тамошние шквалы, «случалось, опрокидывали пароходы», к которым для увеличения их устойчивости принайтовывали баржи. Как убедился на собственном опыте Г. Херст, лодочный круиз по озеру Альберт в ветреную погоду становился невозможным, и единственным спасением для застигнутых ею на воде гребцов было поспешить к берегу. Альберт имеет протяженность до 160 км, ширину до 30 км, площадь около 5300 кв. км (по данным Г. Херста, до 180 км, местами до 48 км и около 5500 кв. км, соответственно [Херст, 1954]); его средняя глубина – 25 м, максимальная превышает 50 м [Shahin, 1985]. Озеро таких размеров, с которым уже недвусмысленно ассоциируется «прямоугольная» мореходная ладья, идеально разместилось бы на среднеегипетском участке Долины между Асиутом и Фаюмом.

Ландшафтно Средний Египет разительно отличается от Верхнего тем, что близ Асиута стена левобережных скал существенно понижается, а примерно на параллели эль-Кусии и вовсе отворачивает от Нила «распахнутой полой», высвобождая для пустыни на территории мухафаз Минья, Бени-Суэф и Гиза сравнительно беспрепятственные и отлогие подходы к Реке, продолжающиеся до Каира с подступающими к нему «пирамидными плато» и прерываемые только Фаюмской депрессией, Вади ар-Райан и окружающими их возвышенностями. К тому же здесь Нилу сопутствует старый рукав Бахр-Юсуф, извивающийся по кромке пойменных угодий и впадающий в Фаюмский оазис. Согласно Г. Херсту, «тысячелетия назад» ежегодно разливавшийся Нил после убыли «на долгие месяцы» оставлял в этом регионе особенно мощные объемы воды, которая, стекая на север, и в заполняемых ею характерных для египетского рельефа «понижениях местности» проложила вдоль края пустыни отдельное речное русло [Херст, 1954]; следовательно, геоморфология Среднего Египта издревле располагала к значительнейшим в Долине сезонным водным накоплениям, создаваемым выходившей из берегов Рекой. Почему не допустить, что на ее здешнем отрезке с явными чертами потенциального нерукотворного «водохранилищного» резервуара когда-то, благодаря некоей неординарной (как в гипотезе о верхнеегипетской «Махадме») комбинации природных факторов и палеогеографических событий, в голоцене плескалось *еще одно* из тех исчезнувших «мегаозер», счет которым ведут новейшие

специализированные исследования в нильском бассейне? И, в таком случае, не являлся ли Бахр-Юсуф реликтом этого водоема?

Всего полвека назад специалисты утверждали, что «физическая (естественная) история» Нила – при, возможно, наилучшей в мире гидрологической изученности его современной речной системы – «малоизвестна», и бóльшая часть изысканий в этом направлении «была сконцентрирована на последних нескольких сотнях миль реки в Египте» [Berry, Whiteman, 1968]. Так или иначе, ни о каком голоценовом озере в интересующем нас районе страны, кроме Фаюмского-Меридова [см., например: Hassan, 1986], в профильных научных публикациях не упоминалось ни тогда, ни с тех пор. Между тем «возникновение озер и их исчезновение служат хорошим репером изменений природной среды» [Сапелко, 2010] – и наоборот, расширяющийся разнодисциплинарный материал о формировании и эволюциях такого великого и сложного природного водосбора, как нильский, наметил в нем невиданную картину прошлого озерообразования, важнейшую роль в котором играл климатический фактор в синхронизме и связи с рядом других, причем не в стандартных, а скорее в уникальных сочетаниях.

Потепление и увлажнение климата на переходе от вюрмского оледенения к сегодняшнему межледниковью, с «возвращением» в Восточную Африку летних дождевых муссонов, как уже говорилось, привело к крупномасштабному и устойчивому возрастанию водоносности Нила на стадии «Wild Nile». По разным данным, 12500–10000 некалибр. л. н. уровень рифтовых озер (Танганьика, Киву и др.) повысился на сотни метров; озеро Виктория «перелилось через край», окончательно сформировав протяженный крутопорожистый проток Виктория-Нил с водопадами Рипон, Оуэн и Мерчисон (Кабарега), который связал его с трансгрессирующим озером Альберт, откуда, в свою очередь, вытек Альберт-Нил, что позволило водам из «экваториальных» африканских озер впервые пересечь Сэдд полноценной рекой, очистить русло Белого Нила от эоловых песчаных наносов и влиться в Главный Нил, резко подняв его общий сток до объема, в несколько раз превосходившего современный. Тогда же и Голубой Нил, и Атбара оказались под муссонными ливнями, граница выпадения которых еще в среднем голоцене могла достигать 30-го градуса с. ш., и египетский Нил обрел устойчивый циклический режим с ежегодным разливом, на том этапе, высочайшего (на 5–10 м выше «нормы») уровня [Butzer, 1980; 1998; Fairbridge, 1962; Sarnthein, 1978; Talbot, Williams, 2009; Talbot, Williams, Adamson, 2000].

В глобальном измерении таяние покровных ледников сопровождалось трансгрессией Мирового океана, уровень которого ~18000–8000 некалибр. л. н. повышался примерно на 9 мм в год [Stanley, Warne, 1993(b)]. В период 8500–6500/5500 некалибр. л. н. или, в среднем, в VII–VI тыс. до н. э. подъем океанского зеркала замедлился без малого на порядок, до 1 мм в год [Emery, Aubrey, 1991; Lighty, Macintyre, Stuckenrath, 1982]; начиналось формирование современных континентальных береговых линий [Каплин, 1973; Pirazzoli, 1996] и, параллельно, десятков речных дельт по всему земному шару [Morgan, 1970; Stanley, Warne, 1994]. На тот момент Нил еще не разделялся на рукава и стекал в море по единому руслу, которое получит название Себеннитского и будет выделено Геродотом среди «устьев» Дельты как «самое знаменитое» [Геродот, II, 17]. Около 7500–6500 некалибр. л. н. ≈ 6384–5472 гг. до н. э. вследствие наступания моря на сушу градиент низового Нила уменьшился вчетверо по сравнению с его величиной в разгар вюрма, когда средиземноморское побережье Египта пролегало на 50 км севернее, практически совпадая с обрывом материкового шельфа; скорость течения Реки упала, на пустынном песчаном пространстве будущей Дельты раскидывалась сеть меандрирующих речных рукавов, которые, свободно разливаясь, откладывали слой за слоем плодородные илистые почвы, что довольно быстро, к концу VI тыс. до н. э., сделало Низовье пригодным для скотоводства и землепашества [Leroy, 1992; Pirazzoli, 1987; Stanley, Warne, 1993(a); Summerhayes et al., 1978; Thiede, 1978]. Однако если, как отмечал Д. Стэнли, влияние средиземноморской трансгрессии на гидрологию и «культурное развитие» Нижнего Египта в целом понятно, то для качественной оценки его проникновения

«дальше на юг вдоль долины Нила» необходимы дополнительные исследования [Stanley, Warne, 1993(b)]. Недавно специалисты подтвердили: Верхний Египет в этом отношении не изучен, и требуется продолжить соответствующие изыскания, чтобы представить себе, в частности, здешние «ширину и дебит нильского водотока в раннем и среднем голоцене» [Ghilardi, Tristant, Boraik, 2012]. Пока предположу, что Средиземное море, поднявшись до сегодняшнего уровня (а то и превысив его на пике «фландрской» трансгрессии [см.: Бадюков, 1982; ср.: el Sayed, 1996]), оказало на египетский Нил эффект *плотины двойной функции*: водоподъемной в Низовье, где подпруженное магистральное Себеннитское русло распалось на множество оросительно-аллювиеносных рукавов Дельты, превративших ее в цветущий сельскохозяйственный регион, и водохранилищной в Среднем Египте, где с общим замедлением речного течения образовалось «внутреннее море», определившее как додинастический демографический, культурный и общественный уклад страны, так и неповторимую специфику ее территориально-государственного объединения.

Ориентируясь на памятники культуры Бадари, словно запертой в Верхнем Египте, как если бы она в своем продвижении по Долине наткнулась на непосильное препятствие, можно предварительно принять, что среднеегипетское «мегаозеро», зародившееся примерно в одно время с Дельтой около VII–VI тыс. до н. э., приобрело экстремальные размеры до появления бадарийцев на Ниле, т. е. не позже (или с) середины V тыс. до н. э. Озерообразованию в данном случае должен был крайне благоприятствовать влажный климат раннего и среднего голоцена с кульминацией большого атлантического температурного оптимума 5500 некалибр. л. н. ≈ 4344 г. до н. э. [Клименко, 1997], когда наблюдалось очередное увеличение нильского стока [Adamson et al, 1980]; эпизоды высочайших разливов с интенсивными аллювиальными отложениями Нила зафиксированы, в частности, около 6600, 5700 и 4300 гг. до н. э. [Williams, 2009]. Допустимый датировочный интервал отмирания озера, учитывая динамику территориальной сборки Верхнего и Нижнего Египта, и вовсе безальтернативен: это герзейский период додинастики, т. е. вторая половина IV тыс. до н. э., когда развивалась аридизация Сахары и уменьшалась водоносность Главного Нила, разливы которого резко упали до их «исторического» уровня около 4500 некалибр. л. н. ≈ 3221 г. до н. э. [Williams et al., 2010]; примечательно, что между 5500 и 4200 некалибр. л. н. понижалось озеро Альберт, временами, не исключено, даже терявшее связь с Белым Нилом [Williams et al., 2006].

Относительно быстрому исчезновению (сливу по Нилу на север) среднеегипетского «голоценового моря», наряду с сокращением объема поступавшей в него речной воды, могли содействовать новые рукава Дельты с их значительно возросшей по сравнению с единственным Себеннитским руслом водопропускной способностью; стекая по ним, как по дренажным каналам, оно на исходе своего существования, отдав все водозапасы, неизбежно и притом катастрофически усилило бы последствия средиземноморской трансгрессии для Нижнего Египта, который, по мнению Д. Стэнли, к концу IV тыс. до н. э. был затоплен гораздо больше и дальше, чем это представлялось К. Бутцеру. Независимое профессиональное подтверждение появления и исчезновения на отрезке Нила от Асиута до Фаюма в среднем голоцене гигантского озера позволило бы продвинуться в решении актуальнейших проблем египетской археологии, таких как культурный раскол Верховья и Низовья в эпоху неолита и «неожиданно» обозначившаяся тенденция к объединению страны в герзейский период; кроме того, был бы закрыт вопрос о конструктивном переходе от «морских» к речным лодкам у истоков фараоновской цивилизации [Прусаков, 2015].

Литература / References

Бадюков Д. Д. Влияние изменения формы геоида и деформаций твердой Земли под действием водной нагрузки на изменение уровня моря в послеледниковое время // Каплин П. А. (ред.). *Колебания уровня морей и океанов за 15000 лет.* М., 1982. С. 51–77 [Badyukov D. D. Vliianie izmeneniia formy geoida i deformatsii tvyordoi Zemli pod deistviem vodnoi nagruzki na izmenenie

urovnya morya v poslelednikovoe vremya // Kaplin P. A. (red.). *Kolebaniia urovnya morei i okeanov za 15000 let*. Moscow, 1982].

Геродот. *История в девяти книгах*. М., 1993 [Herodotus. *Istoriia v devyati knigah*. Moscow, 1993].

Каплин П. А. *Новейшая история побережий Мирового океана*. М., 1973 [Kaplin P. A. *Noveishaia istoriia poberezhii Mirovogo okeana*. Moscow, 1973].

Клименко В. В. О главных климатических ритмах голоцена // *Доклады Академии наук*. 1997. 357. С. 399–402 [Klimenko V. V. O glavnyh klimaticheskih ritmah golotsena // *Doklady Akademii nauk*. 1997. 357].

Кульпин Э. С. Об основах социоестественной истории // *Восток (Oriens)*. 1994. 1. С. 29–38 [Koulpin E. S. Ob osnovah sotsioestestvennoi istorii // *Vostok (Oriens)*. 1994. 1].

Прусаков Д. Б. Социально-природный кризис и образование государства в древнем Египте // *Восток (Oriens)*. 1994. 3. С. 21–33 [Proussakov D. B. Sotsial'no-prirodnyi krizis i obrazovanie gosudarstva v drevnem Egipte // *Vostok (Oriens)*. 1994. 3].

Прусаков Д. Б. Люди и скот в дельте Нила накануне цивилизации: палеоэкология, геоархеология и ценз булавы «Нармера» // Большаков А. О. (ред.). *Петербургские египтологические чтения 2005. Доклады*. СПб., 2006. С. 116–142 [Proussakov D. B. Lyudi i skot v del'te Nila nakanune tsivilizatsii: paleoekologiia, geoarheologiia i tsenz bulavy "Narmera" // Bolshakov A. O. (red.). *Peterburgskie egiptologicheskie chteniia 2005. Doklady*. St. Petersburg, 2006].

Прусаков Д. Б. *Древний Египет: почва цивилизации (этюд о неолитической революции)*. М., 2009 [Proussakov D. B. *Drevnii Egipet: pochva tsivilizatsii (etyud o neoliticheskoi revolyutsii)*. Moscow, 2009].

Прусаков Д. Б. *Додинастический Египет: лодка у истоков цивилизации*. М., 2015 [Proussakov D. B. *Dodinasticheskii Egipet: lodka u istokov tsivilizatsii*. Moscow, 2015].

Сапелко Т. В. Динамика развития озер – источник информации о кризисных ситуациях в истории Земли // Богданова Т. Н., Крымгольц Н. Г. (ред.). *Эволюция органического мира и биотические кризисы*. СПб., 2010. С. 98–100 [Sapelko T. V. Dinamika razvitiia ozyor – istochnik informatsii o krizisnyh situatsiiah v istorii Zemli // Bogdanova T. N., Krymgolts N. G. (red.). *Evolyutsiia organicheskogo mira i bioticheskie krizisy*. St. Petersburg, 2010].

Хейердал Т. *Экспедиция «Кон-Тики». «Ра»*. М., 1977 [Heyerdahl Th. *Ekspeditsiia "Kon-Tiki". "Ra"*. Moscow, 1977].

Херст Г. *Нил. Общее описание реки и использование ее вод*. М., 1954 [Hurst G. *Nil. Obschee opisanie reki i ispol'zovanie eio vod*. Moscow, 1954].

Adamson D. A., Gasse F., Street F. A., Williams M. A. J. Late Quaternary History of the Nile // *Nature*. 1980. 288. Pp. 50–55.

Barker P., Gasse F. New Evidence for a Reduced Water Balance in East Africa during the Last Glacial Maximum: Implication for Model-Data Comparison // *Quaternary Science Reviews*. 2003. 22. Pp. 823–837.

Barrows T. T., Williams M. A. J., Mills S. C., Duller G. A. T., Fifield L. Keith, Haberlah D., Tims S. G., Williams F. M. A White Nile Megalake During the Last Interglacial Period // *Geology*. 2014. 42. Pp. 163–166.

Berry L., Whiteman A. J. The Nile in the Sudan // *Geographical Journal*. 1968. 134. Pp. 1–33

Brink E. C. M. van den. Settlement Patterns in the Northeastern Nile Delta during the Fourth–Second Millennia B.C. // Krzyzaniak L., Kobusiewicz M., Alexander J. A. (eds.). *Environmental Change and Human Culture in the Nile Basin and Northern Africa Until the Second Millennium B. C.* Poznan, 1993. Pp. 279–304.

Bubenzer O., Bolten A. The Use of New Elevation Data (SRTM/ASTER) for the Detection and Morphometric Quantification of Pleistocene Megadunes (Draa) in the Eastern Sahara and the Southern Namib // *Geomorphology*. 2008. 102. Pp. 221–231.

Butzer K. W. Late Pleistocene Deposits of the Kom Ombo Plain, Upper Egypt // Gripp K. von, Schütrumpf R., Schwabedissen H. (Hrsg.). *Frühe Menschheit und Umwelt. Bd. 2. Naturwissenschaftliche Beiträge*. Köln, 1967. Ss. 213–227.

Butzer K. W. *Early Hydraulic Civilization in Egypt: A Study in Cultural Ecology*. Chicago, 1976.

Butzer K. W. Pleistocene History of the Nile Valley in Egypt and Lower Nubia // Williams M. A. J., Faure H. (eds.) *The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa*. Rotterdam, 1980. Pp. 253–280.

Butzer K. W. Late Quaternary Problems of the Egyptian Nile: Stratigraphy, Environments, Prehistory // *Paléorient*. 1998. 23. Pp. 151–173.

Butzer K. W., Hansen C. L. *Desert and River in Nubia: Geomorphology and Prehistoric Environments at the Aswan Reservoir*. Madison, 1968.

Coutellier V., Stanley D. J. Late Quaternary Stratigraphy and Paleo-Geography of the Eastern Nile Delta, Egypt // *Marine Geology*. 1987. 77. Pp. 257–275.

Dumont H. J. (ed.). *The Nile: Origin, Environments, Limnology and Human Use*. Dordrecht, 2009.

Emery K. O., Aubrey D. G. *Sea Levels, Land Levels, and Tide Gauges*. New York, 1991.

Fairbridge R. W. New Radiocarbon Dates of Nile Sediments // *Nature*. 1962. 196. Pp. 108–110.

Farr T. G., Rosen P. A., Caro E., Crippen R., Duren R., Hensley S., Kobrick M., Paller M., Rodriguez E., Roth L., Seal D., Shaffer S., Shimada J., Umland J., Werner M., Oskin M., Burbank D., Alsdorf D. The Shuttle Radar Topography Mission // *Reviews of Geophysics*. 2007. 45. RG2004 (33 p.).

Garcin Y., Vincens A., Williamson D., Buchet G., Guiot J. Abrupt Resumption of the African Monsoon at the Younger Dryas – Holocene Climatic Transition // *Quaternary Science Reviews*. 2007. 26. Pp. 690–704.

Ghilardi M., Tristant Y., Boraik M. Nile River Evolution in Upper Egypt during the Holocene: Palaeoenvironmental Implications for the Pharaonic Sites of Karnak and Coptos // *Géomorphologie: relief, processus, environnement*. 2012. 18. Pp. 7–22.

Hassan F. A. Holocene Lakes and Prehistoric Settlements of the Western Faiyum, Egypt // *Journal of Archaeological Science*. 1986. 13. Pp. 483–501.

Hershkovitz I., Weber G. W., Quam R., Duval M., Grün R., Kinsley L., Ayalon A., Bar-Matthews M., Valladas H., Mercier N., Arsuaga J. L., Martinón-Torres M., Bermúdez de Castro J. M., Fornai C., Martín-Francés L., Sarig R., May H., Krenn V. A., Slon V., Rodríguez L., García R., Lorenzo C., Carretero J. M., Frumkin A., Shahack-Gross R., Bar-Yosef Mayer D. E., Cui Y., Wu X., Peled N., Groman-Yaroslavski I., Weissbrod L., Yeshurun R., Tsatskin A., Zaidner Y., Weinstein-Evron M. The Earliest Modern Humans Outside Africa // *Science*. 2018. 359. Pp. 456–459.

Leroy S. A. G. Palynological Evidence of Azolla Nilotica Dec. in Recent Holocene of the Eastern Nile Delta and Palaeoenvironment // *Vegetation History and Archaeobotany*. 1992. 1. Pp. 43–52.

Lighty R. G., Macintyre I. G., Stuckenrath R. Acropora Palmata Reef Framework: A Reliable Indicator of Sea Level in the Western Atlantic for the Past 10000 Years // *Coral Reefs*. 1982. 1. Pp. 125–130.

Morgan J. P. (ed.). *Deltaic Sedimentation, Modern and Ancient*. Tulsa, 1970.

Pirazzoli P. A. Sea-Level Changes in the Mediterranean // Tooley M. J., Shennan I. (eds.). *Sea-Level Changes*. Oxford, 1987. Pp. 152–181.

Pirazzoli P. A. *Sea-Level Changes: The Last 20000 Years*. Chichester, 1996.

Roskin J., Porat N., Tsoar H., Blumberg D. G., Zander A. M. Age, Origin and Climatic Controls on Vegetated Linear Dunes in the Northwestern Negev Desert (Israel) // *Quaternary Science Reviews*. 2011. 30. Pp. 1649–1674.

Said R. *The Geological Evolution of the River Nile*. New York, 1981.

Said R. *The River Nile: Geology, Hydrology, and Utilization*. Oxford, 1993.

Sarnthein M. Sand Deserts during Glacial Maximum and Climatic Optimum // *Nature*. 1978. 272. Pp. 43–46.

Sayed M. el. Rising Sea-Level and Subsidence of the Northern Nile Delta: A Case Study // Milliman J. D., Haq B. U. (eds.). *Sea-Level Rise and Coastal Subsidence: Causes, Consequences, and Strategies*. Dordrecht, Boston, 1996. Pp. 215–233.

Schild R. Unchanging Contrast? The Late Pleistocene Nile and Eastern Sahara // Close A. E. (ed.). *Prehistory of Arid North Africa*. Dallas, 1987. Pp. 29–67.

Schild R., Wendorf F. A. The Late Pleistocene Nile in Wadi Kubbaniya // Wendorf F. A., Schild R., Close A. E. (eds.). *The Prehistory of Wadi Kubbaniya*. Vol. 2. *Stratigraphy, Palaeoeconomy, and Environment*. Dallas, 1989. Pp. 15–100.

Schild R., Wendorf F. A. Palaeolithic Living Sites in Upper and Middle Egypt: A Review Article // *Journal of Field Archaeology*. 2002–2004. 29. Pp. 447–461.

Selley R. C. (ed.). *African Basins*. Amsterdam, 1997.

Shahin M. *Hydrology of the Nile Basin*. Amsterdam, 1985.

Smith P. E. L. New Investigations in the Late Pleistocene Archaeology of the Kom Ombo Plain (Upper Egypt) // *Quaternaria*. 1967. 9. Pp. 141–152.

Stanley D. J., Warne A. G. Nile Delta: Recent Geological Evolution and Human Impact // *Science*. 1993(a). 260. Pp. 628–634.

Stanley D. J., Warne A. G. Sea Level and Initiation of Predynastic Culture in the Nile Delta // *Nature*. 1993(b). 363. Pp. 435–438.

Stanley D. J., Warne A. G. Worldwide Initiation of Holocene Marine Deltas by Deceleration of Sea-Level Rise // *Science*. 1994. 265. Pp. 228–231.

Summerhayes C. P., Sestini G., Misdorp R., Marks N. Nile Delta: Nature and Evolution of Continental Shelf Sediments // *Marine Geology*. 1978. 27. Pp. 43–65.

Talbot M. R., Williams M. A. J. Cenozoic Evolution of the Nile Basin // Dumont H. J. (ed.). *The Nile: Origin, Environments, Limnology and Human Use*. Dordrecht, 2009. Pp. 37–60.

Talbot M. R., Williams M. A. J., Adamson D. A. Strontium Isotope Evidence for Late Pleistocene Re-Establishment of an Integrated Nile Drainage Network // *Geology*. 2000. 28. Pp. 343–346.

Thiede J. A Glacial Mediterranean // *Nature*. 1978. 276. Pp. 680–683.

Vermeersch P. M. (ed.). *Palaeolithic Living Sites in Upper and Middle Egypt*. Leuven, 2000.

Vermeersch P. M. La vallée du Nil et le Sahara oriental: une population préhistorique fluctuante sous l'effet des variations climatiques // *Comptes Rendus Palévol*. 2006. 5. Pp. 255–262.

Vermeersch P. M., Neer W. van. Nile Behaviour and Late Palaeolithic Humans in Upper Egypt during the Late Pleistocene // *Quaternary Science Reviews*. 2015. 130. Pp. 155–167.

Vermeersch P. M., Neer W. van, Gullentops F. El Abadiya 3, Upper Egypt, a Late Palaeolithic Site on the Shore of a Large Nile Lake // Kroeper K., Chlodnicki M., Kobusiewicz M. (eds.). *Archaeology of Early Northeastern Africa*. Poznan, 2006. Pp. 375–424.

Vignard E. Une nouvelle industrie lithique: le Sebilien // *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale*. 1923. 22. Pp. 1–76.

Wendorf F. A., Schild R. (eds.). *Prehistory of the Nile Valley*. New York, 1976.

Wendorf F. A. Late Paleolithic Egypt // Peregrine P. N., Ember M. (eds.). *Encyclopedia of Prehistory. V. 1. Africa*. N.Y., 2001. Pp. 116–128.

Wengrow D. *The Archaeology of Early Egypt: Social Transformations in North-East Africa, 10,000 to 2650 BC*. Cambridge, 2006.

Williams M. A. J. Late Pleistocene and Holocene Environments in the Nile Basin // *Global and Planetary Change*. 2009. 69. Pp. 1–15.

Williams M. A. J., Nottage J. Impact of Extreme Rainfall in the Central Sudan during 1999 as a Partial Analogue for Reconstructing Early Holocene Prehistoric Environments // *Quaternary International*. 2006. 150. Pp. 82–94.

Williams M. A. J., Adamson D. A., Prescott J. R., Williams F. M. New Light on the Age of the White Nile // *Geology*. 2003. 31. Pp. 1001–1004.

Williams M. A. J., Talbot M. R., Aharon P., Salaam Y. A., Williams F. M., Brendeland K. I. Abrupt Return of the Summer Monsoon 15,000 Years Ago: New Supporting Evidence from the Lower White Nile Valley and Lake Albert // *Quaternary Science Reviews*. 2006. 25. Pp. 2651–2665.

Williams M. A. J., Williams F. M., Duller G. A. T., Munro R. N., El Tom O. A. M., Barrows T. T., Macklin M., Woodward J., Talbot M. R., Haberlah D., Fluin J. Late Quaternary Floods and Droughts in the Nile Valley, Sudan: New Evidence from Optically Stimulated Luminescence and AMS Radiocarbon Dating // *Quaternary Science Reviews*. 2010. 29. Pp. 1116–1137.

Электронные ресурсы

Gibbons A. This Ancient Jawbone Suggests Our Species Left Africa 40,000 Years Earlier Than Expected // *Science*. http://www.sciencemag.org/news/2018/01/ancient-jawbone-suggests-our-species-left-africa-40000-years-earlier-expected (дата обращения: 15.01.2018).

Hecht J. Long-Lost Lake May Have Helped Humans Out of Africa // New Scientist. https://www.newscientist.com/article/dn24893-long-lost-lake-may-have-helped-humans-out-of-africa (дата обращения: 10.11.2017).

ИЗ КАМЕНОЛОМЕН ВАДИ ХАММАМАТ В НИЛЬСКУЮ ДОЛИНУ: БИОГРАФИИ ЕГИПЕТСКИХ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЧИНОВНИКОВ ЭПОХИ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА

М. А. Лебедев[*]

Эпоха Древнего царства была временем активного проникновения египтян за пределы Нильской долины и создания там сложной инфраструктуры, которая обеспечивала приток в долину различного сырья. За экспедиционной активностью древнеегипетского централизованного государства стояли конкретные люди. Увы, лишь от очень немногих из них дошли свидетельства как на рудниках и каменоломнях, так и в самой долине Нила. В настоящей статье на примере девяти таких чиновников Древнего царства рассматриваются особенности формирования руководящего состава экспедиций в каменоломни Вади Хаммамат. Анализ их биографий позволяет заглянуть в практику функционирования узких профессиональных сообществ эпохи Древнего царства.

Ключевые слова: Древний Египет, Древнее царство, биографии, экспедиции, Вади Хаммамат.

FROM QUARRIES OF WADI HAMMAMAT TO THE NILE VALLEY: BIOGRAPHIES OF ANCIENT EGYPTIAN EXPEDITION OFFICIALS OF THE OLD KINGDOM

Maksim A. Lebedev

The Old Kingdom of Egypt witnessed how centralized state penetrated beyond the Nile Valley, creating a complex infrastructure intended to provide an inflow of various raw materials. Although there were a number of specific officials behind this expeditionary activity, surviving attestations about them – either from mines and quarries or from the Nile Valley itself – are scarce. This paper, based on nine such officials of the Old Kingdom, looks at some peculiar features of how leadership was assigned to expeditionary forces to the quarries of Wadi Hammamat. Analysis of their biographies gives us a better understanding of how such distinctive professional communities functioned during the Old Kingdom.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, biographies, expeditions, Wadi Hammamat.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа началась как попытка реконструировать биографии отдельных участников древнеегипетских экспедиций за пределы Нильской долины, чтобы лучше понимать, какое место занимали данные предприятия в карьере чиновников и мастеров эпохи Древнего царства. В перспективе такая работа позволит более подробно изучить стратегии освоения древними египтянами окружающих областей и уточнить влияние государственной экспедиционной деятельности на социальную структуру египетского общества.

Следует отметить, что при работе с источниками четко обозначились две основные проблемы. Во-первых, это невозможность во многих случаях надежно подтвердить или опровергнуть предполагаемые отождествления. Основные причины здесь – это несовершенная естественная выборка источников и их плохая сохранность, а также

[*] Максим Александрович ЛЕБЕДЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; maximlebedev@mail.ru
Maksim A. LEBEDEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; maximlebedev@mail.ru

отсутствие, как правило, в экспедиционных надписях Древнего царства филиаций, что отличает их, например, от надписей Среднего царства, где филиации нередки.

Во-вторых, это объективные трудности работы с древнеегипетскими титулами. Быстрое развитие бюрократического аппарата при V–VI династиях привело к появлению многочисленных формальных обозначений чиновников. Эти обозначения, как правило, были организованы на основе принципов классической трехуровневой структуры, которая включала высшие, средние и низшие титулы. Однако сегодня сложно оценить, насколько организованной была эта система, ведь имеющиеся тексты создают впечатление переизбытка числа обладателей отдельных титулов, в том числе высших. При имеющихся трудностях с точной датировкой египетских памятников, это обстоятельство приводит к тому, что мы, как правило, не можем восстановить четких линий преемственности на конкретных постах, в том числе высших [Eyre, 1994, p. 111]. В связи с этим особую важность приобретает понимание того, на каком основании давались отдельные титулы, как осуществлялось выполнение должностных обязанностей и как чиновники лишались своих позиций.

Мы исходили из того, что на протяжении большей части Древнего царства, когда экспедиционные надписи еще не начали приобретать характерные черты автобиографических и поминальных текстов [Eichler, 1993], экспедиционные участники указывали в своих надписях действительные ранговые и функциональные титулы, актуальные в контексте исполнения экспедиционных обязанностей[1]. Иными словами, мы исходили из предположения, что если писец служил в припирамидном храме и одновременно был связан с одним из царских хозяйств, то в случае отправки в пустыню вместе со служащими этого хозяйства, он, вероятно, указал бы в экспедиционной надписи свою вторую должность, благодаря которой и оказался за пределами долины.

Однако даже для времени Древнего царства такое допущение работает не всегда. Весьма непросто выяснить, что в первую очередь руководило чиновником в каждом конкретном случае, когда он фиксировал свои «титулы». Это могло быть желание указать свой статус или функциональные обязанности, очертить сферу ответственности, продемонстрировать связи с важными для него институтами, подчеркнуть отношения с царем или родственные связи. Таким образом, каждый выписанный в пустыне титул может быть объяснен только в контексте всего комплекса источников [Quirke, 1996, p. 669], относящихся к тому или иному конкретному предприятию.

Древнеегипетская экспедиционная активность в эпоху Древнего царства

Эпоха Древнего царства была временем активного военного и экономического проникновения египтян за пределы Нильской долины. Как и любая цивилизация, Египет нуждался в больших объемах различного сырья, причем многие из востребованных материалов были доступны лишь на далекой периферии. История ранних городских центров, таких как Чену, Нехен и Нубт, возникших в местах пересечения естественных потоков различных ресурсов, наглядно демонстрирует, насколько важна была для ранних политий, а затем и для централизованного египетского государства функция контроля над источниками сырья и путями, по которым это сырье перемещалось.

Уже на заре становления древнеегипетской цивилизации одной из важных задач центральной администрации было развитие инфраструктуры контактных зон, а также экспедиционной инфраструктуры. Последняя состояла из инфраструктуры, созданной на рудниках и в каменоломнях, из инфраструктуры вдоль путей к ним, а также инфраструктуры, обеспечивавшей переработку и распределение добытых материалов внутри египетской Нильской долины. Факт наличия залежей полезных ископаемых на доступном расстоянии еще не делал эти ископаемые настоящими ресурсами. Только развитие соответствующей

[1] Экспедиционные тексты Древнего царства были, как правило, весьма краткими повествованиями или утверждениями, где обычно указывались лишь один-два одновременных титула участников экспедиции. Исключения очень редки, и почти все они относятся к концу Древнего царства.

инфраструктуры превращало природные богатства окружающих Египет областей в ресурсную базу древнеегипетской цивилизации. Инфраструктура эта, судя по всему, создавалась и поддерживалась как централизованным древнеегипетским государством, так и другими участниками, вовлеченным в процесс добычи, доставки и переработки сырья, например, частными лицами, в том числе неформальными лидерами, а также неегипетскими племенными структурами.

Имеющиеся сегодня источники, возможно, в силу своей специфики, создают впечатление, что роль централизованного египетского государства в формировании и развитии экспедиционной инфраструктуры была решающей, а роль других агентов оказывалась второстепенной. В частности, государству, судя по всему, было проще остальных агентов собирать ресурсы для организации крупных экспедиций. Насколько это представление соответствует реально существовавшей практике судить пока сложно, так как археологические раскопки на древних рудниках и в каменоломнях, а также в местах древних пустынных стоянок стали активно проводиться лишь в последние два десятилетия. Эти раскопки выявили существенное отличие пустынных археологических комплексов от комплексов в долине Нила и серьезные трудности, с которыми приходится сталкиваться исследователям пустынных областей при определении функций отдельных построек или поиске мест древних стоянок [Sidebotham, Hense, Nouwens, 2008]. По мере развития пустынной археологии в Египте может вполне оказаться, что роль негосударственных групп в эксплуатации отдельных месторождений, прежде всего, рудников, была в действительности выше, чем это кажется сегодня.

Нам известно, что уже при IV династии для реализации крупных государственных строительных проектов была создана обширная экспедиционная инфраструктура. Египетские экспедиции работали на рудниках и в каменоломнях Синая, Восточной пустыни, Нубии, Западной пустыни. При V–VI династиях география экспедиционной активности в целом оставалась прежней, однако интенсивность разработки месторождений, судя по всему, увеличилась. Однако тогда же стали проявляться первые симптомы кризиса древнеегипетской экспедиционной активности. Еще в начале правления VI царского дома, судя по всему, прекратились работы в каменоломнях Гебель эль-Аср в Нубии. Начавшийся в конце VI династии натиск азиатов, по всей видимости, заставил мемфисских правителей свернуть свою экспедиционную активность и на Синае. Внешнее давление на рудники и каменоломни совпало с осложнением экономической и политической ситуации внутри Египта, что привело к коллапсу экспедиционной активности древнеегипетского государства в эпоху Первого Переходного периода.

Ресурсы и стратегическое значение Вади Хаммамат

Вади Хаммамат – это пустынная долина, протянувшаяся на 160 км с запада на восток от Коптоса (*Gbtw*), который был одним из важнейших центров древнеегипетской экспедиционной инфраструктуры, до современного порта эль-Кусейр. Вади обеспечивало кратчайший путь между долиной Нила и побережьем Красного моря. Примерно на середине этого пути в долину начинают впадать менее значительные вади, где египтяне добывали золото и поделочные камни. В древности путь через Вади Хаммамат активно использовался, о чем свидетельствуют сотни наскальных граффити, наиболее ранние из которых были созданы еще в Додинастический период в конце IV тыс. до н. э. Многие надписи и рисунки принадлежат торговцам и военным, однако большинство граффити все же связано с добычей в этом регионе камня и золота. Не случайно почти все древнеегипетские надписи были найдены именно в каменоломнях [Goyon, 1957, p. 1].

Основными породами камня, которые добывали в Вади Хаммамат, были мелкозернистый калеврит и граувакка или метаграувакка. Сами египтяне называли добывавшийся здесь камень *bxn.w* [Lucas, 1938, p. 147]. Наряду с асуанским гранитом и нубийским гнейсом, граувакка из Вади Хаммамат была одной из самых используемых в

Египте твердых пород камня. Граувакка приобрела среди древнеегипетских элит популярность благодаря своей прочности, возможности тонкой шлифовки, а также благодаря зеленоватому оттенку, который имел в древнеегипетской культуре важное символическое значение. Именно из граувакки, в частности, выполнен один из самых знаменитых раннединастических памятников – палетка Нармера. Из нее же с раннединастического периода изготавливали царские статуи, а с Древнего царства – саркофаги.

Добыча граувакки, конечно, имела определенное экономическое значение, однако, как уже отмечалось выше, контроль над Вади Хаммамат обеспечивал также кратчайший доступ из наиболее развитых областей Верхнего Египта к красноморскому побережью и разветвленной системе пустынных долин, богатых месторождениями ценных полезных ископаемых, в том числе золота. При ограниченных возможностях, которыми должны были обладать правители позднего Древнего царства, контроль над Вади Хаммамат гарантировал наиболее эффективное использование государственных ресурсов при эксплуатации прилегающих к Нильской долине территорий. Не удивительно, что в конце Древнего царства правители Коптоса, откуда начинался путь в Вади Хаммамат, оказались связаны с правящей династией кровными узами, заняв при дворе особое место [Smith, 1962, p. 56].

Участники экспедиций в Вади Хаммамат, засвидетельствованные в памятниках из Нильской долины

К настоящему моменту нам удалось выявить девять человек, которые, судя по всему, известны как по надписям из Вади Хаммамат, так и по источникам из Нильской долины. Ниже они представлены в хронологическом порядке.

Мери. Первой надежно засвидетельствованной экспедицией Древнего царства в Вади Хаммамат принято считать т. н. «Экспедицию S». Свое название она получила по обозначению района, где были найдены все относимые к ней надписи [Eichler, 1993, S. 138; Лебедев, 2015, с. 44–45]. В транспортном обеспечении экспедиции принимал участие некто Мери, который носил титул «инспектор царского корабля (под названием) “Ведомый богами”» (*sHD wjA abA-nTr.w*). Мери – это сокращенная форма, которая могла заменять более пространные варианты имен, в том числе теофорных и базилофорных. Не исключено, что участника экспедиции следует отождествить с «казначеем бога корабля (под названием) “Ведомый богами”» (*xtm.tj nTr wjA abA-nTr.w*) [Jones, 1988, p. 106] Мериибом, который был похоронен в Гизе в середине IV – начале V династии [Baud, 1999, p. 458, No.73; Piacentini, 2002, p. 117–119]. Отождествление базируется на редкости титула и соответствии датировки надписи датировке гробницы. Если отождествление верно, то к концу своей карьеры Мери перестал заниматься навигацией и перешел на хозяйственную должность, которая была связана, вероятно, в том числе с учетом перевозимых ценностей и выделяемых команде пайков.

Семерка. В штабе той же экспедиции находился, по всей видимости, писец (*sS*) Семерка. Во всяком случае, его имя встречается в граффито G 38 A [Goyon, 1957, p. 68, pl. XIV; Eichler, 1993, S. 64], которое было найдено рядом с основным текстом [Goyon, 1957, p. 57–58, pl. IX; Eichler, 1993, S. 57]. Вполне возможно, что этот же Семерка, но с титулом «писец образов», т.е. скульптор (*sS qdw.t*), упоминается в гробнице Небемахета, одного из сыновей царя Хафра [Piacentini, 2002, p. 95]. В этом случае данные из каменоломен и Нильской долины не позволяют судить о развитии карьеры экспедиционного участника, однако уточняют его обязанности в контексте работ в Вади Хаммамат. Можно предположить, что в каменоломнях Семерка занимался первичной обработкой добытого материала.

Каиаперу. Чуть позже в Вади Хаммамат была снаряжена так называемая «Экспедиция S II», которую можно датировать приблизительно серединой V династии [Лебедев, 2015, с. 51–52]. В этом предприятии, судя по всему, принимал участие «начальник ополчения» (*im.jw-rA mSa*) и «начальник прорабов» (*im.j-rA sr.w*) Каиаперу (надпись G 36) [Goyon, 1957,

p. 67, pl. XIII]. В обязанности Каиаперу входило управление рабочими и его, вероятно, можно отождествить с другим Каиапером с теми же титулами, который был похоронен в Гизе (G 8853) во второй половине V династии [Hassan, 1936, p. 155–158, fig. 184–187, pl. 55; Fischer, 1959, p. 255]. Не исключено, что тот же самый Каиаперу плавал при Сахура в Пунт в должности «начальника добытого материала» (*im.j-rA S*) [El Awady, 2009, p. 157, pl. 5]. В принципе, путешествие в Пунт могло произойти в молодые годы Каиаперу. Его отцом, возможно, был другой экспедиционный участник, также Каиаперу, похороненный в Абусире в начале V династии [Fischer, 1959, p. 254–255; Bárta, 2001, p. 184]. При этом, однако, не следует забывать, что имя Каиаперу было весьма распространенным в эпоху Древнего царства.

Шеши. Небольшая надпись в Каср эль-Банат может свидетельствовать об активности египтян в Восточной пустыне во времена правления Тети в начале VI династии. Граффито принадлежит «инспектору служителей» (*sHD xn.tjw-S*) Шеши, которого с некоторой степенью вероятности можно отождествить со «служителем при пирамиде "Прочны места Тети"» (*xn.tj-S +d-s.wt-&tj*) Шеши, известным по гробнице в Саккаре [Sethe, 1933, S. 200–201]. Если отождествление верно, то экспедиция в Восточную пустыню, в которой участвовал Шеши, могла быть снаряжена для пирамидного комплекса Тети в Саккаре.

Мериптаханх-Мерира I. Начальником большой экспедиции царя Пепи I, организованной в год первого *хеб-седного* юбилея царя, был «друг единственный» (*smr wa.tj*), «начальник всех царских работ» (*im.j-rA kA.t nb.t n.t nswt*), «архитектор царских строителей в обоих имениях» (*mDH qd.w nswt m pr.wj*) Мериптаханх-Мерира. Нам очень повезло, что этот чиновник, судя по всему, неплохо известен по другим источникам [Strudwick, 1985, p. 113]. Прежде всего, мы знаем местонахождение его гробницы в Гизе (G 2381). Почти полностью разрушенная, она была раскопана Дж. Э. Рейснером, но так до сих пор и не опубликована [Porter, Moss, 1974, p. 89–91; Reisner, 1913; Brovarski, 2003, p. 31–33, fig. 2–3]. Сохранились две автобиографические надписи сановника, одна из которых находится в Каире [Sethe, 1933, S. 215–219], а вторая — в Бостоне [Sethe, 1933, S. 219–221; Dunham, 1938]. Из них мы узнаем о карьере Мериптаханха-Мерира (Нехебу) вплоть до получения им ранга «друга единственного» и должности «архитектора царских строителей в обоих имениях». Можно заключить, что обе автобиографические надписи были составлены до экспедиции в Восточную пустыню, так как основным титулом Мериптаханха-Мерира в Вади Хаммамат является «начальник всех царских работ», в то время как в автобиографических надписях это важное назначение не упоминается. Таким образом, экспедиция в каменоломни могла прийтись на последние годы жизни чиновника.

Гробница Мериптаханха-Мерира (Нехебу) является частью большого погребального комплекса визиря Сенеджемиба, с которым руководитель экспедиции в Вади Хаммамат, вероятно, находился в родстве [Reisner, 1913, p. 62; Strudwick, 1985, p. 113; Brovarski, 2003, p. 31–33]. Свою карьеру Мериптаханх-Мерира начал с помощи своему старшему брату, который за 20 лет сумел достичь большого успеха и пройти путь от «инспектора строителей» (*sHD qd.w*) до «начальника работ» (*im.j-rA kA.t*). Все это время Мериптаханх-Мерира, возможно, оставался в тени своего родственника, не располагая официальным титулом.

Затем Мериптаханх-Мерира получил первую свою должность — место «инспектора строителей» (*sHD qd.w*), которое он, быть может, наследовал от брата [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 234–242]. Следуя по стопам старшего родственника, Мериптаханх-Мерира методично поднимался по служебной лестнице. За титулом «инспектор строителей» последовал пост «начальника строителей» (*im.j-rA qd.w*). Спустя какое-то время он был переведен на должность «архитектора царских строителей» (*mDH qd.w nswt*), в дополнение к которой получил почетный титул «доверенного царя» (*Xr.j-tp nswt*). Затем Нехебу был присвоен ранг «друга единственного» (*smr wa.tj*), который ввел его в элиту государственного управления, и должность «архитектора царских строителей в обоих имениях» (*mDH qd.w nswt m pr.wj*). Это была вершина карьеры, зафиксированной в надписях из Нильской долины. Спустя какое-то

время Мериптаханх-Мерира совершил путешествие в Вади Хаммамат в должности «начальника всех царских работ».

За годы царской службы, предшествовавшей экспедиции в Восточную пустыню, Мериптаханх-Мерира отвечал за строительство царских святилищ в Нижнем Египте, а также, возможно, участвовал в возведении погребального комплекса царя Пепи I в Саккаре. Затем он был направлен на рытье нескольких каналов, а после в течение шести лет реализовывал царскую строительную программу в Гелиополе. Все тот же Мериптаханх-Мерира, очевидно, упоминается в декрете Пепи I из Дахшура от года 21-го счета скота, когда чиновник был все еще жив и исполнял обязанности «начальника работ» (*im.j-rA kA.t*) [Sethe, 1933, S. 210; Porter, Moss, 1974, p. 876; Goedicke, 1967, S. 55–77].

Мериптаханх-Мерира II. Руководителя экспедиции года первого *хеб-седа* Пепи I сопровождал, судя по всему, его сын по имени Мериптаханх-Мерира Младший. При своем отце он исполнял обязанности «жреца-чтеца» (*Xr.j-Hb.t*), т.е. отвечал за проведение ритуалов, необходимых в ходе экспедиции. Случаи, когда сыновья сопровождали своих более опытных отцов во время выполнениям ими царских поручений были обычны для эпохи Древнего царства. Достаточно вспомнить хорошо известный пример вельможи Хорхуиефа (Хорхуфа), который в начале своей карьеры сопровождал отца в страну Иам [Sethe, 1933, S. 124, 9–11].

После экспедиции Мериптаханх-Мерира Младший последовал по стопам своего отца, занимая должности «начальника всех царских работ» (*im.j-rA kA.t nb.t n.t nswt*) и «архитектора царских строителей в обоих имениях» (*mdH qd.w nswt m pr.wj*). Однако на этом он не остановился, достигнув при Пепи II, вероятно, положения второго лица в государстве – должности визиря. По крайней мере, визирь с таким именем изображен среди высших сановников в припирамидном храме царя [Jéquier, 1938, pl. 48]. Гробница Мериптаханха-Мерира Младшего (G 2381 A), погребальная камера которой оказалась нетронутой, была раскопана Дж. Э. Рейснером [Porter, Moss, 1974, p. 91–92].

Ихи I. В составе штаба все той же большой экспедиции Пепи I находился чиновник с титулом «казначей бога» (*xtm.tj nTr*) Ихи. В начале XXI в. его гробница была обнаружена в Саккаре [Kuraszkiewicz, 2003, p. 137–140; Kuraszkiewicz, 2006]. Надписи на найденной в ходе раскопок «ложной двери» свидетельствует, что на каком-то этапе своей карьеры «казначей бога» Ихи был «служителем» (*xn.tj-S*) при пирамидных комплексах царей Тети и Пепи I в Саккаре.

Ихи II. Сын Ихи Старщего, Ихи Младший, также известный по надписи на «ложной двери» в гробнице отца, побывал в Вади Хаммамат, но, вероятно, уже после большой экспедиции Пепи I [Лебедев, 2015, с. 66]. В каменоломнях он исполнял обязанности «капитана-смотрителя команды корабля» (*im.j-ir.tj apr.w wjA*) (M 103) [Coyat, Montet, 1912, p. 59, pl. XXV]. В год первого *хеб-седа* Пепи I Ихи Младший, видимо, побывал на Синае (Sinai 16) [Eichler, 1993, S. 34]. Кроме того, он мог оставить надпись в долине Вади Баррамия между Эдфу и Мерса Алам [Eichler, 1993, S. 89, No.183].

Уна. В начале правления царя Меренра I [Gasse, 2006, p. 306] в Вади Хаммамат побывал отряд под руководством «начальника Верхнего Египта» Уны (*im.j-rA ^ma.w*). Названный титул обозначал чиновника, отвечавшего в разные периоды Древнего царства то за управление всеми 22 номами Верхнего Египта, то за управление лишь некоторыми из них [Baer, 1960, p. 274]. Несмотря на то, что положение *im.jw-rA ^ma* было очень почетным, и титул нередко принадлежал визирям [Strudwick, 1985, p. 317–318], степень их ответственности и роль в управлении Верхним Египтом еще не до конца ясна [Andrássy, 2008, S. 109–112].

Знаменитый чиновник Уна жил при трех царях – Тети, Пепи I и Меренра I, и оформил вход в свою гробницу в Абидосе [Richards, 2000] длинным жизнеописанием, которое является одним из наиболее пространных примеров автобиографического жанра эпохи VI династии [Sethe, 1933, S. 106–107]. За свою долгую карьеру Уна успел послужить как в резиденции, так и за ее пределами, совершил пять карательных походов против кочевников, а с восшествием на престол Меренра I получил титул «начальника Верхнего Египта» и стал

отвечать, в частности, за доставку из подвластных ему областей материалов для царского пирамидного комплекса.

В автобиографии вельможи сообщается о том, что Уна доставил из Вади Хаммамат к строившемуся пирамидному комплексу Меренра I в Саккаре царский саркофаг с крышкой[2] и пирамидион. Одновременно Уна переправил в Саккару ряд гранитных деталей из каменоломен близ современного Асуана. При этом Уна особенно подчеркивал, что Ибхат (Вади Хаммамат) и каменоломни близ Асуана он посетил в рамках одной экспедиции. Учитывая расстояние между каменоломнями (почти 400 км), событие вполне могло быть редкостью. При этом не исключено, что вельможа Уна отвечал лишь за доставку камня в Саккару, а добычей материала руководил другой чиновник.

Заключение

Приведенные выше примеры показывают, что в руководящем составе экспедиций в Вади Хаммамат в эпоху Древнего царства присутствовали почти исключительно либо выходцы из столичного региона, либо чиновники, тесно связанные с царем и похороненные близ Мемфиса. Лишь вельможа Уна выбивается из этого ряда, подтверждая наблюдение, что вплоть до середины VI династии эксплуатацию ресурсов Восточной пустыни пытались контролировать исключительно из царской резиденции. Примеры Мериптаханха-Мерира Старшего и Мерпитаханха-Мерира Младшего, Ихи Старшего и Ихи Младшего, а также, возможно, Каиаперу наглядно демонстрируют традиционную для Древнего царства практику передачи занятия от отца к сыну. А семья Мериптаханха-Мерира также иллюстрирует практику наследования младшими родственниками (сыновьями и братьями) не только отдельных высоких должностей, но и всей карьеры их старших предшественников в целом. Не исключено, что чиновник VI династии, если не юридически, то, по крайней мере, в соответствии с традицией, воспринимался как «собственник» должности и всех предшествовавших ей ступеней. Такая «передача» титулов и карьер могла быть внешним оформлением передачи имущества и источников доходов внутри семьи. Вероятно, для небольших и тесно связанных между собой сообществ профессиональных экспедиционных участников такой способ введения в профессию был особенно актуален.

Литература / References

Лебедев М. А. *Слуги фараонов вдали от Нила: развитие контактов древнеегипетской цивилизации с окружающими областями в эпоху Древнего и Среднего царств.* СПб., 2015 [Lebedev M. A. *Slugi faraonov vdali ot Nila: razvitie kontaktov drevneegipetskoj tsivilizacii s okruzhajushimi oblastyami v epohu Drevnego i Srednego tsarstv.* Saint-Petersburg, 2015].

Шэхаб Эль-Дин Т. М. *Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV–VIII династий.* Дисс... канд. ист. наук. СПб., 1993. [Shehab El-Din T. M. *Avtobiografiya v Drevnem Egipte v ‘epohu IV-VIII dinastij. Ph.D dissertation.* Saint-Petersburg, 1993].

Andrássy P. *Untersuchungen zum ägyptischen Staat des Alten Reiches und seinen Institutionen*. London, 2008.

Bárta M. *The Cemeteries at Abusir South I.* Abusir V. Prague, 2001.

Baer K. *Rank and Title in the Old Kingdom: The Structure of the Egyptian Administration in the Fifth and Sixth Dynasties.* Chicago, 1960.

Baud M. *Famille royale et pouvoir sous l'Ancien Empire égyptien*. Le Caire, 1999.

Brovarski E. *Giza Mastabas 7. The Senedjemib Complex. Part 1: The Mastabas of Senedjemib Inti (G 2370), Khnumenti (G 2374), and Senedjemib Mehi (G 2378).* Boston, 2003.

Coyat J., Montet P. *Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât.* Le Caire, 1912.

Dunham D. The Biographical Inscription of Nekhebu in Boston and Cairo // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1938. 24. Pp. 1–8.

[2] Анализ материала, из которого были изготовлены пирамидон и саркофаг Меренра I, показал, что оба памятника сделаны из граувакки, схожей по составу с камнем, распространенным в Вади Хаммамат. Аналогичный материал был использован при изготовлении саркофагов царей Унаса, Тети, Пепи I и, возможно, Пепи II [Wissa, 1994].

Eichler E. *Untersuchungen zum Expeditionswesen des ägyptischen Alten Reiches*. Wiesbaden, 1993.

El Awady T. *Sahure – the Pyramid Causeway: History and Decoration Program in the Old Kingdom*. Abusir XVI. Prague, 2009.

Eyre C. J. Weni's Career and Old Kingdom Historiography // Eyre C., Leahy A., Leahy L. M. (eds.). *The Unbroken Reed. Studies in the Culture and Heritage of Ancient Egypt in Honour of A.F. Shore*. London, 1994. Pp. 107–124.

Fischer H. G. A Scribe of the Army in a Saqqara Mastaba of the Early Fifth Dynasty // *Journal of Near Eastern Studies*. 1959. 18. Pp. 233–272.

Gasse A. The Wadi Hammamat, the Road to Punt // Kitchen K., Goelet O., Obsomer C. (eds.). *The Festschrift Volume: A Collection of Studies Presented to Professor Abdel Monem Abdel Haleem Sayed: By his European and American Colleagues and Friends on the Occasion of his 80th Birthday*. Alexandria, 2006. Pp. 293–312.

Goedicke H. *Königliche Dokumente aus dem Alten Reich*. Wiesbaden, 1967.

Goyon G. *Nouvelles inscriptions rupestres du Wadi Hammamat*. Paris, 1957.

Hassan S. *Excavations at Giza 1930–1931*. Vol. II. Cairo, 1936.

Jéquier G. *Le Monument funéraire de Pepi II*. T. II. *Le Temple*. Le Caire, 1938.

Jones D. *Glossary of ancient Egyptian nautical titles and terms*. London, New York, 1988.

Kuraszkiewicz K.O. Saqqara 2002: Inscriptions // *Polish Archaeology in the Mediterranean*. 2003. 14. Pp. 133–140.

Kuraszkiewicz K.O. The Title *xtmtj nTr* – God's Sealer – in the Old Kingdom // Bárta M. (ed.). *The Old Kingdom Art and Archaeology: Proceedings of the Conference Held in Prague, May 31-June 4, 2004*. Prague, 2006. Pp. 193–202.

Lucas A., Rowe A. The Ancient Egyptian Bechen-Stone // *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*. 1938. 38. Pp. 127–156.

Porter B., Moss R. L. B. *Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. III: *Memphis*. Part I: *Abû Rawâsh to Abûsir*. Oxford, 1974.

Piacentini P. *Les scribes dans la société égyptienne de l'Ancien Empire*. Vol. I. *Les premières dynasties*. *Les nécropoles memphites*. Paris, 2002.

Reisner G. A. A Family of Builders of the Sixth Dynasty, about 2600 B.C. // *Bulletin of the Museum of Fine Arts*. 1913. 11.66. Pp. 53–66.

Richards J. E. Weni the Elder and His Mortuary Neighborhood at Abydos, Egypt // *Kelsey Museum Newsletter*. 2000. Spring. Pp. 6–9.

Sethe K. *Urkunden des Alten Reichs*. Leipzig, 1933.

Sidebotham S. E., Hense M., Nouwens H. M. *The Red Land: The Illustrated Archaeology of Egypt's Eastern Desert*. Cairo, New York, 2008.

Smith W. S. *The Old Kingdom in Egypt and the Beginning of the First Intermediate Period*. Cambridge, 1962.

Strudwick N. *The Administration of Egypt in the Old Kingdom: The Highest Titles and their Holders*. London, Boston, 1985.

Quirke S. G. J. Horn, Feather and Scale, and Ships: On Titles in the Middle Kingdom / Manuelian P. der, Freed R. E. (eds.). *Studies in Honour William Kelly Simpson*. Vol. II. Boston, 1996. Pp. 665–677.

Wissa M. Le sarcophagi de Merenrê et l'expédition à Ibhat (I) // Berger C., Clerc G., Grimal N. (eds.). *Hommages à Jean Leclant*. Vol. 1. *Études pharaoniques*. Le Caire, 1994. Pp. 379–387.

ВОСПРИЯТИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИНЕЙНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В КИТАЕ НА ПРИМЕРЕ ЖИВОПИСИ ДЖУЗЕППЕ КАСТИЛЬОНЕ (ЛАН ШИНИНА; 1688–1766 гг.)

Д. В. Дубровская*

В статье рассматривается использование различных видов перспективы в традиционном и цинском Китае в свете творчества итальянского художника Джузеппе Кастильоне, возглавившего при маньчжурском дворе в Пекине работу по развитию художественного направления «сяньфа» («линейный метод»).

Ключевые слова: китайская живопись, миссия иезуитов в Китае, художники-иезуиты, Джузеппе Кастильоне, Лан Шинин, линейная перспектива, оксидентализм, Восток и Запад.

CHINESE PERCEPTION OF EUROPEAN LINEAR PERSPECTIVE THROUGH THE PAINTINGS OF GIUSEPPE CASTIGLIONE (1688–1766)

Dinara V. Dubrovskaya

The article deals with different types of perspective in traditional and Qing China in connection with the art of Italian painter Giuseppe Castiglione, who led court painters in their development of the artistic *xianfa* (linear) method.

Keywords: Chinese painting, Jesuit Mission in China, Jesuit artists, Giuseppe Castiglione, Lang Shining, linear perspective, Chinese perspective, Occidentalism, East meets West.

До наших дней дошло крайне мало произведений, относящихся к первым двум десятилетиям пребывания Джузеппе Кастильоне (его китайское имя – Лан Шинин; 1688–1766 гг.) при маньчжурском императорском дворе в Китае[1], но уже в эти первые годы художник работал над проблемой соединения европейской техники и пространственных характеристик живописи с чертами китайской живописной традиции, объединяя китайские предметы изображения с европейскими светотеневыми эффектами, с глубиной пейзажа и линейной перспективой с целью добиться более свежего подхода к репрезентации придворных сцен.

Кастильоне вводил европейскую живописную технику в китайский контекст далеко не бездумно: он максимально облегчал тени, сглаживал контраст между светом и тенью и весьма деликатно добивался эффекта трехмерности с использованием высоко ценимой заказчиками-императорами линейной перспективы[2].

Оценивая стиль Кастильоне в знаменитом единственном в России свитке из Музея Востока[3], Е. С. Штейнер пишет, что «этот свиток, как и другие китайско-итальянские работы Лан Шинина, производит… впечатление нереальности и сценической нежизненности происходящего. То, что обычный китайский художник изображал, не задумываясь, – позы,

* Динара Викторовна ДУБРОВСКАЯ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; distan@gmail.com

Dinara V. DUBROVSKAYA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; distan@gmail.com

[1] Дж. Кастильоне пробыл в Китае с 1715 г. до своей смерти в Пекине в 1766 г.

[2] Лан Шинин работал при дворе трех последовательных маньчжурских императоров Китая – Канси (ок. 1661–1722 гг.), Юнчжэна (ок. 1722–1735 гг.) и Цяньлуна (ок. 1736–1795 гг.).

[3] Свиток неоднократно привлекал интерес отечественных исследователей, см., напр.: [Кузьменко, 1983, с. 105–111].

движение, соотношение групп ближних и дальних деревьев, для Лан Шинина было предметом сознательного тщательного воспроизведения» [Штейнер, 1987, с. 215–217]. Автор видит причину такого различия в неподключенности приезжего итальянца к «коллективному бессознательному» китайского народа и нежелании «вытравить из себя католического монаха», и если первое неоспоримо и действительно весьма важно, то второе представляется ошибочным по самой сути подхода к вопросу. Задача «вытравления» для Кастильоне (который, кстати, был не монахом, а светским братом ордена) [Musillo, 2016, p. 42], не стояла вовсе – ему нужно было предоставить заказчику-императору ровно то, что требовалось, – изображения с использованием линейной перспективы, продемонстрировать большую реалистичность и трехмерность при портретировании, объемность при изображении сооружений, конструкций и предметов – цветочных ваз, предметов меблировки и т.д.

Первые эксперименты по приложению к китайской традиционной живописи правил линейной перспективы начались еще в эпоху Мин (1368–1644 гг.), и людьми, которые привезли эти нововведения в Китай тоже были миссионеры. Упоминание об этом стиле появляется в источниках под названием *сяньфа* (線法 – «линейный метод») – такое обозначение подразумевает прочерчивание линий, исходящих из одной жестко зафиксированной точки [Yang Boda, 1988, p. 49]. *Сяньфа* использовался для изображения строений, водоемов, дорог, пейзажных сюжетов и т.д. в сочетании с китайским художественным стилем *гунби* (реалистическим изображением объекта) и *цзехуа* (детализированное изображение, выполненное при помощи работы кистью и водорастворимыми красками) [Corsi, 1999, p. 36–39]. Это сочетание породило особый придворный вид живописи, названный *гунби цзехуа* (живопись по разлиновке [в технике тщательной кисти]) [Yang Boda, 1988, p. 50].

К началу XVIII в. цинская художественная академия была открыта иностранным влияниям, в ней работало несколько художников-иезуитов, среди которых лидирующие позиции занимали Кастильоне и Аттире[4]; им было поручено и обучать китайских учеников европейским приемам рисунка и живописи. В результате этого взаимодействия китайский сановник Нянь Сияо (年希堯; 1671–1738 гг.), имевший дружеские отношения с Кастильоне, составил и перевел вместе с ним трактат под названием «Шисюэ цзинюнь» (視學精蘊, «Учение о зрении», 1729–1731 гг.) – рассуждение о европейской живописи и архитектуре, включавшее в себя частичный перевод трех книг “Perspectiva pictorum et architectorum” (1693) – работу создателя знаменитой росписи потолка церкви Сант'Игнацио в Риме маститого итальянского архитектора, художник-иезуита, мастера *tromp l'oeil* и теоретика Андреа Поццо (1642–1709 гг.)[5] о перспективе [Corsi, 2004, p. 29–42]. Именно это сотрудничество обычно имеется в виду, когда говорят о том, что Кастильоне «перевел» на китайский язык трактат Поццо.

Этот – уже китайский – трактат и может представлять собой главный источник для понимания внедрения европейской линейной перспективы в придворную художественную практику, основным проповедником и пользователем которой был Джузеппе Кастильоне с коллегами и учениками (он подготовил девятнадцать «специалистов» по *сяньфа*). Естественно, что начав пользоваться линейной перспективой, невозможно ограничиться использованием ее лишь для построения кубов и призм, поэтому метод использовался для изображения фигур, животных, растительности и других предметов (чего стоят одни лишь плывущие к зрителю по шелковому свитку рыбы, удостоившиеся отдельного исследования [Tseng Yu, 1988, p. 52–61]) (*илл. 1*). Однако больше всего императоров вдохновляла возможность создания при помощи линейной перспективы изображений с эффектом «обманки» при

[4] Жан-Дени Аттире (Jean Denis Attiret) – французский художник-иезуит, принявший китайское имя Ван Чжичэн (王致誠; 1702–1768 гг.), в Китае с 1737 г. до смерти. См. о нем, напр.: [Bernard-Maitre, 1943].

[5] Книга Поццо была впервые опубликована в Риме: Perspectiva Pictorium et Architectorum. Rome: Komarek, 1693 и переиздана в Америке. См: [Pozzo, 1989]. См. также: [Ning Ding, 2015, p. 106].

воссоздании пространства и создания эффекта расстояния для увеличений пространства комнаты, где помещались такие изображения (*илл. 2*) [Дубровская, 2018]. Если мы сравним подобную систему построения пространства с подзабытой китайской традиционной «склейкой двух аксонометрий», станет ясно, что европейский вариант предлагал бóльшие возможности создания *trompe-l'oeil*. Большинство панно в стиле *сяньфа* делались довольно большого размера с целью крепления на стену помещения, которое им предстояло «расширить» (при необходимости их можно было снять) [Zhu Jiajin, 1988, p. 80–84] и писались на бумаге или шелке в стиле *гунби* с использованием ярких красок. Архивы цинских художественных мастерских называют подобные работы, выполненные с использованием стиля *сяньфа,* еще и *тунцзинхуа* (通景画 «перспективные картины», или «ученые картины-иллюзии») [Yang Boda, 1988, p. 47].

Илл. 1. Дж. Кастильоне. Водные растения и рыбы. Настенный свиток. Шелк, тушь, водорастворимые краски. 68,8 x 122,1 см. Национальный музей Гугун, Тайбэй

Соавтор Кастильоне Нянь Сияо относился к числу китайцев, которые, несмотря на официальный статус «бао'и» (包衣) – практически, рабов повелителей-маньчжуров[6], занимал, тем не менее, достаточно высокую позицию при дворе – со всеми вытекающими отсюда привилегиями и опасностями (скажем, брат Нянь Сияо – блестящий юрист и генерал – также занимал при дворе высокие посты, но впал в немилость и был вынужден покончить жизнь самоубийством). Сам Нянь Сияо уцелел и даже сделал успешную карьеру, заняв пост смотрителя императорских фарфоровых мануфактур в Цзиндэчжэне – городе в нынешней провинции Цзянси, известном фарфоровым производством со времен династии Сун. Как раз Нянь Сияо является примером того, как представители китайской образованной элиты были вынуждены лавировать между маньчжурской и китайской культурами, с помощью первой

[6] Бао'и представляли основной состав Императорского управления по домашним делам нэй'у-фу (內務府) – цинского эквивалента нашего «Управления делами президента». Первоначальной задачей управления был контроль над внутренними делами цинского императорского дома и «внутреннего дворца», традиционно заведовавшегося евнухами, но управление имело отношение и к некоторым внешним проблемам – отношениям с Тибетом, Монголией, заведовало торговлей нефритом и яшмой, женьшенем, солью, мехами и т.д., осуществляло управление ткаческими фабриками и даже издательской деятельностью. См., напр.: [Rawski, 1988, p. 179].

Илл. 2. Вид Комнаты трех редкостей в Запретном городе (реконструкция) времен императора Цяньлуна (1736–1795 гг.). Дж. Кастильоне, Цзинь Тинбяо. Стенное панно «Мирное послание весны». Бумага, тушь, водорастворимые краски

избегая бюрократических ловушек второй. Нянь оказался идеальной фигурой для изучения европейской перспективы под руководством Кастильоне [Mungello, 2013, p. 41].

Однако именно Лан Шинин стал основным учителем и распространителем метода *сяньфа*. Его ученики Дин Гуаньпэн (работал ок. 1750–1760 гг.), Чжан Вэйбан (1736–1795 гг.), Дай Чжэн, Ван Юйсюэ и Бай Тан'а успешно изучили *сяньфа* и применяли метод в работе (большие заказы исполнялись «совместными трудами» – *хэби* (合璧) – по системе, чем-то напоминавшей бригадный подряд). Таким образом, сяньфа превратился даже в особый художественный жанр, характерный для придворной художественной академии, что не означает, что так умели работать все художники академии, напротив, лишь небольшое количество ее мастеров освоили *сяньфа* и, более того, получали высочайшее указание работать в этой системе [Yang Boda, 1991, p. 339–341].

Интерес к перспективе, так активно возрождавшийся при маньчжурском дворе с подачи самих императоров, отнюдь не был чужд китайскому искусству. Нам придется вспомнить здесь основные принципы, связанные с перспективными построениями в китайском искусстве, чтобы понять, чего именно хотел от Кастильоне император Канси и его потомки, и какие виды перспективы к XVIII в. были во многом забыты китайским искусством. Итак, перспектива как метод графического изображения трехмерных объектов и пространственных взаимоотношений на двухмерном носителе или на доске, уступающей в глубине оригиналу (например, в сплющенном рельефе) была очень метко охарактеризована Эрвином Панофски в 1927 г. как не просто дословная транскрипция визуальной реальности, но символическая форма репрезентации, происходящая из культурных различий [Панофски, 2004, с. 14]. Широко распространенное мнение, скорее всего, берущее свое начало как раз из сообщений иезуитов (если вспомнить казус с Маттео Риччи, императором Ваньли и изображением Мадонны [Дубровская, 2000, с. 54]), состоит в том, что в Китае будто бы не существует перспективы и светотени, что – по крайней мере, в части, касающейся перспективы, – глубокое заблуждение. Так, буддийская стела из монастыря Ваньфо (оборот) с изображением Западного рая (Чэнду, Сычуань, начало – середина VI в. н. э.) демонстрирует нам использование прямой перспективы с четкой (даже слишком) точкой схода. Это, конечно, не ренессансный вариант прямой перспективы, а скорее «склейка» двух традиционных аксонометрий[7] (известных начиная с ханьских рельефов), но факт в том, что уже в VI в. китайцы знали несколько видов перспективы – и прямую, и обратную, и параллельную.

В поисках пропавший перспективы обратимся к относительно недавнему Оксфордскому изданию “The Oxford Companion to Art”, где автор – Г. Осборн утверждает:

[7] Аксонометрия (греч. “axon” – ось, “metreo” – измеряю) – «осемерное» изображение, проекция, полученная при проектировании фигуры (предмета) параллельными лучами вместе с осями координат на произвольно расположенную плоскость, называемую «аксонометрической» (или картинной). Плоскость или предмет располагают так, чтобы на проекции были видны три стороны: верхняя (нижняя), передняя и левая (правая).

«У китайцев никогда не было научного интереса к перспективе и ее законам. В сущности, китайская перспектива организована в форме ортографической перспективы (она же 'изометрическая' или 'аксонометрическая'), когда здания подаются косо, с не измененными фасадами и ортогональными сторонами, показанными косо относительно двух основных углов сокращения. Углы этих сокращающихся косых обычно одинаковы на протяжении всего свитка, дабы избежать местных точек схода» [Osborne, 1970, p. 467]. Описанную Осборном перспективу можно проиллюстрировать стенной росписью эпохи Восточная Хань (25–220 гг. н. э.) «Императорский банкет», где мы видим идеальные косые параллели для изображения стола и мест для сидения.

Илл. 3. Копия горизонтального свитка Гу Кайчжи (344–406 гг.) времен династии Южная Сун. Нимфа реки Ло из музея Гугун (Пекин). Шелк, тушь, водорастворимые краски. 27,1 x 572,8 см

Как же получилось, что китайский художник, настаивавший на верности естественному, был настолько невежествен в отношении элементарных законов перспективы в западном ее понимании? Ответ кроется в намеренном ее избегании по той же причине, по которой он избегал теней… «Почему, – спрашивает он, – должны мы ограничивать себя? Зачем, если у нас есть возможность изобразить то, что, как мы знаем, находится там, изображать это с одной лишь точки зрения?» – задается через четырнадцать лет после Осборна вопросом автор хрестоматийного труда по китайскому искусству Майкл Салливан [Sullivan, 1984, p. 176]. И эту идею об отрицании самоограничения одними лишь способностями человеческого глаза можно продемонстрировать на примере бесчисленных китайских работ, в первую очередь, пейзажей, из которых можно выделить, например, горизонтальный свиток «Нимфа реки Ло» кисти знаменитого Гу Кайчжи (344–406 гг.) (*илл. 3*).

В самом деле, когда художнику требовалось «вместить две горы в один цунь» (меньше трех с половиной сантиметров), ему помогал, например трактат Цзун Бина (宗炳; 375–443 гг.) – китайского художника и теоретика искусства V в. н. э., в «Предуведомлении к изображению гор и вод» писавшего: «Любой увидит с легкостью, что обе горы – Куньлань и Ланюй можно без труда вписать в квадратный дюйм… Когда кисть прочерчивает через свиток несколько футов, она на самом деле путешествует на расстояние, превышающее тридцать миль»[8].

Илл. 4. Ян Юнлян (род. 1980 г.) Промышленный ландшафт
URL: http://www.yangyongliang.com/Photography/106.html?a=1 (дата обращения 10.03.2018)

Илл. 5. Чжан Цзэдуань (династия Северная Сун; 960–1127 гг.). Праздник Цинмин (День поминовения усопших) на реке. Деталь. Шелк, тушь, водорастворимые краски. 24,8 x 528 см. Музей Гугун, Пекин

Когда речь шла о перспективе в ландшафте и, в особенности, о горизонтальных свитках, то, в отличие от западной традиции, уделявшей особое внимание пропорции, перспективности и реалистичности, китайские художники никогда не ограничивали себя точкой зрения одного человека – их подход был и умозрительнее, и абстрактнее, и свободнее. Китайский художник смотрит на мир как бы с меняющейся точки зрения, используя т. н. «перемещающуюся (мультифокусную) перспективу» (*саньдянь тоуши*; 散點透視), отличную от строгой линейной западной[9]. Таким образом живописец освобождается от ограничений человеческого зрения и может импровизировать с помощью воображения,

[8] Цит. по: [Shepard, 1998, p. 237].
[9] Об этом см., напр.: [Van Briessen, 1990].

изображая пейзажи, охватывающие многие и многие *ли*. Пропорции и достоверная линейная «перспективность» могут нарушиться, но зритель получит впечатление от холмов, растительности и всего ландшафта. Надо представлять себе, как зритель постепенно разворачивает на столе горизонтальный свиток, получая возможность рассматривать каждый отдельный отрезок пейзажа с соответствующими перспективными сокращениями. Подобный подход характерен для китайской живописи до сих пор, как, например, демонстрируют работы современных художников Люй Иньфана «Весной хорошо читается» (весьма традиционный сюжет, который использовался, например, при портретировании императора Юнчжэна) [Дубровская, *Собрание*, в печати] и даже «Промышленный ландшафт» Ян Юнляна (где мало «промышленного», но много традиционных китайских гор и потоков) (*илл. 4*). Самым же известным произведением такого рода, причисленным в Китае к национальным сокровищам, заслуженно считается более чем пятиметровый в ширину панорамный свиток придворного художника Чжан Цзэдуаня (династия Северная Сун; 960–1127 гг.; даты жизни неизвестны) – единственное его сохранившееся произведение «Сцена на берегу реки во время праздника Цинмин» (清明上河图) (*илл. 5*), возможно, в чем-то послужившее источником вдохновения при заказе и выполнении расположившихся вдоль течения реки «Ста лошадей» Кастильоне.

Илл 6. Будда восстанавливает зрение пяти разбойников, узревших правду Дхармы. Джатака (обучающая история из жизни Будды). Династия Западная Вэй, 535 г. Дунь Хуан, пещера № 285

Для традиционного китайского искусства важна разнонаправленная перспектива – эллиптическая, сферическая и другие. Она всегда полицентрична, поликадрирована и не имеет четких композиционных границ, как, например, в дуньхуанской росписи на тему одной из джатак – обучающих историй из жизни Будды «Будда восстанавливает зрение пяти разбойников, узревших правду Дхармы» (Дуньхуан, пещера № 285, династия Западная Вэй, 535 г.)[10] (*илл. 6*).

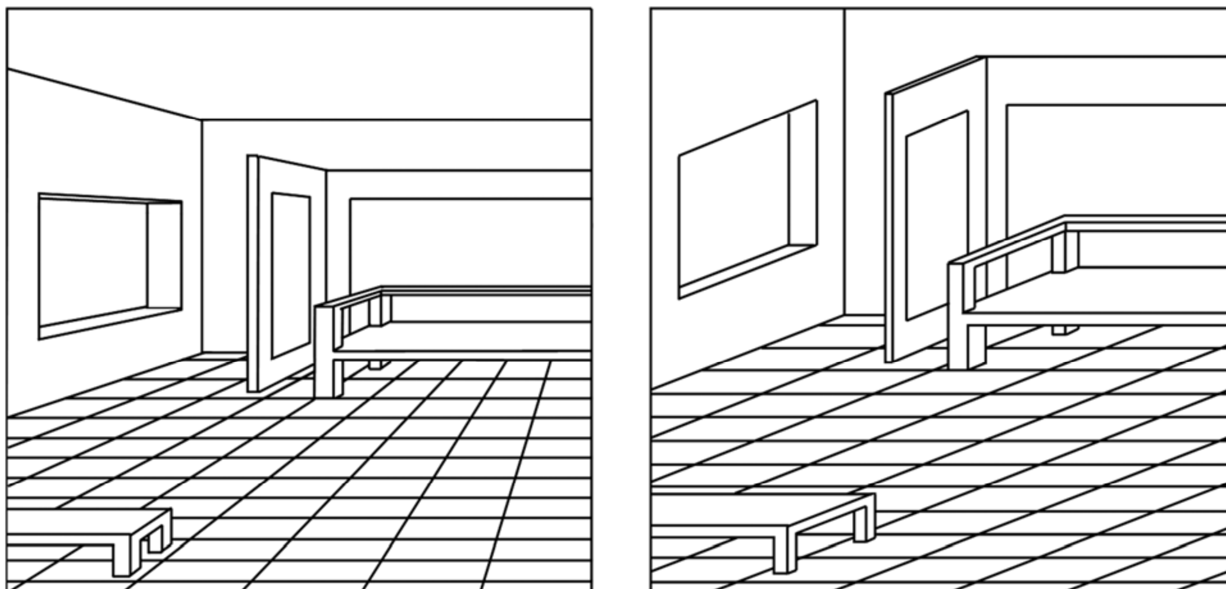
Необходимо отметить и существование так называемой китайской «параллельной» перспективы, актуальной для изображения интерьеров и (открытых) павильонов в пейзаже[11] (*илл. 7*). При сравнении китайской живописной аксонометрии с обычной линейной перспективой можно отметить высокую точку обзора и параллельные линии проекции в трех принципиальных направлениях, отсюда и название «параллельная перспектива», в которой Эвклидовы параллельные прямые не сходятся.

Среди причин возникновения столь многочисленных вариантов перспективы в Китае можно назвать как традиционное отторжение китайской культурной элитой (文人画; *вэньжэнь-хуа* – живопись интеллектуалов/литераторов) слепого подражания природе, которая не воспринималась как нечто более высокое, чем человек, так и подчиненное положение «реалистичности» изображения его универсальной ценности. Для китайской живописи было гораздо важнее так называемое *се-и* (写意), «выписывание смысла/значения», а в IV в. н. э. уже

[10] Автор приносит благодарность доктору искусствоведения профессору В. Г. Белозеровой, предоставившей автору в 2014 г. ряд приводимых здесь примеров использования перспективы в Китае.

[11] См., напр.: [Tyler, Chen, 2012].

упоминавшийся великий китайский художник и теоретик Гу Кайчжи создал концепцию «формы, выражающей дух», где форма воспринималась лишь как способ передать внутреннюю природу и дух предмета, а, будучи неспособной передать нечто большее, чем очевидные характеристики – размер, пропорции и цвет, – не могла считаться искусством [Needham, 1971, p. 233].

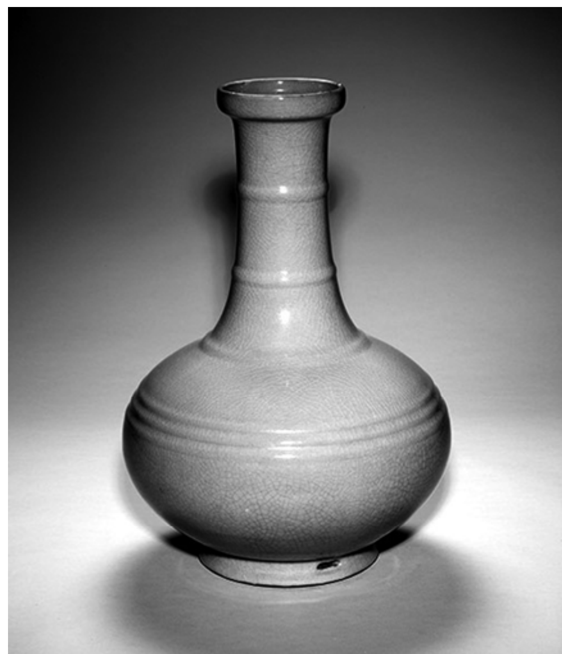
Илл. 7. Китайская «параллельная» перспектива:
слева – обычная линейная перспектива, *справа* – китайская живописная аксонометрия

При династии Северная Сун (960–1126 гг.) идеал Гу Кайчжи был поднят на новую высоту: художественная элита – Су ши (он же Су Дуньпо), Ми Фу и др. заявила: копирование реальности и упор на технике, отражающей пропорции, глубину и размеры – «трюки, которые следует оставить детям» [Mungello, 2013, p. 76]. Высшей целью китайского искусства всегда была трансформация чувства и настроения, отражения движения космической энергии *ци* в визуальной форме, а не слепая имитация видимого мира. Однако ко времени прибытия в Китай первых европейских художников задачи по передаче художественными средствами столь высоких понятий слегка отошли на задний план. Маньчжурским императорам конца XVII–XVIII вв., при всей образованности Канси, Юнчжэна и Цяньлуна, инициировавшим практически симметрично западной шинуазри маньчжурский «оксидентализм» – интерес к европейской культуре, были во многом интересны именно натуроподобные «трюки», которыми могла похвастаться западная живопись, причем, не сами по себе, а как инструмент для соотнесения себя и своего придворного искусства с европейскими коллегами-монархами.

Возвращаясь к повышенному интересу, который испытывал Нянь Сияо к изучению западной перспективы, отметим, что он опирался на традиции натуроподобия, характерные для династии Сун [Van Briessen, 1990, p. 105], во время правления которой в Китае развились тенденции к повышению натурализма в живописи, заинтересовавшейся отражением более или менее верными пропорциональными отношениями между элементами изображения и горизонтом. Таким образом, тот факт, что Нянь Сияо и некоторые его современники возобновили интерес к перспективному построению пространства в живописи посредством контактов и обмена мнениями и умениями с иезуитами, может послужить некоторым объяснением нового направления в живописи Китая конца XVII – начала XVIII вв., который никоим образом не являлся радикальной революцией в области традиций китайской живописи.

Илл. 8. Дж. Кастильоне. Собирая благожелательные знаки. Вертикальный свиток. 1723 г. Шелк, тушь, водорастворимые краски. 173 x 86,1 см
Национальный музей Гугун, Тайбэй

Илл. 9. Селадоновая ваза *жу*.
Музей Гугун, Пекин

Вернемся к некоторым примерам из творчества Джузеппе Кастильоне. Весьма уверенно исполнена уже самая ранняя из сохранившихся работ Лан Шинина – вертикальный свиток «Собирая благожелательные знаки» (聚瑞圖), выполненный в 1723 г. по поводу восшествия на престол преемника императора Канси – его нелюбимого сына Юнчжэна, завоевал заслуженное признание мастерства его создателя (*илл. 8*). Большинство выполненных в Китае работ Кастильоне в той или иной степени демонстрируют стремление адаптировать к традиционному китайскому искусству западную линейную перспективу и практику рисования с натуры. Однако эти европейские подходы не мешали мастеру придавать огромное значение символизму благопожелательных знаков и эстетическим принципам китайской живописи в целом. Интересно, что в музее Гугун сохранилась селадоновая ваза типа *жу* с горизонтальным узором, возможно, послужившая моделью для этого изящного цветочного натюрморта, представляющего собой не просто букет цветов, но настоящий букет символов (*илл. 9*).

Итак, на вертикальном свитке изображена реальная селадоновая ваза с изысканным букетом цветов и растений, ассоциирующихся с добрыми предзнаменованиями и пожеланиями – среди них лотосы, колоски риса и другие растения, которые со времен династий Сун и Юань было принято изображать как метафору благого правления. В отличие от огромного количества неподписанных (как и полагалось) работ, эту художник подписал по-китайски «сунским» почерком, принятым при цинском дворе и даже упомянул дату – первый год правления императора Юнчжэна, то есть 1723 г. Кастильоне принимает для изображения композиции высокую точку зрения и единый источник освещения, что позволяет зрителю как бы заглянуть в узкое горлышко сосуда. Использует мастер и белила,

чтобы подчеркнуть блики на глазурованном боку вазы, таким образом увеличивая объемные характеристики «портретируемого» фарфорового изделия. При изображении растений тонко использованы переходы цвета, также подчеркивающие трехмерность и легкие теневые участки на чашечках цветков, более решительно прописаны тени в гуще переплетающихся стеблей. Колорит весьма рафинирован; кисть Кастильоне как будто играет оттенками императорского нефрита, а вся композиция в целом как будто излучает свет. Эта работа – прекрасный пример того, как Лан Шинин переводит китайский сюжет на универсально понятный художественный язык, используя европейскую живописную технику и чисто европейский мотив цветочного натюрморта в вазе.

Кастильоне занимался стенными росписями и крупномасштабными монументальными композициями еще в Европе (в португальской Коимбре и др.) [Musillo, 2016, p. 70–71]. В каком-то смысле «монументальным» можно назвать и горизонтальный свиток «Сто лошадей» (**百駿圖**) (*илл. 10*) – чуть ли не самую известную работу Лан Шинина, происходящую из Национального дворцового музея в Тайбэе и законченную в 1728 г., через четырнадцать лет после прибытия художника в Китай, в эпоху императора Юнчжэна. Лошади вообще были особо ценившимся достоянием и китайцев, и, естественно, маньчжуров, а лучшие изображения их – как живописные, так и терракотовые – мы можем найти еще во времена династии Тан (618–907 гг.).

На свитке изображены сто лошадей, пасущихся по берегам реки и зафиксированных в различных видах и позах. Некоторые лениво щиплют траву, другие ретиво скачут и предаются играм, иные готовятся улечься, кобылица кормит жеребенка, некоторые уже лежат или нежно обнимают друг друга шеями. Рассматривать свиток надо, как и положено в Китае, справа, и открывается он изображением двух величественных сосен в полную высоту свитка, создающих открывающую кулису для пейзажа и населяющих его животных – почти на восьмиметровую длину.

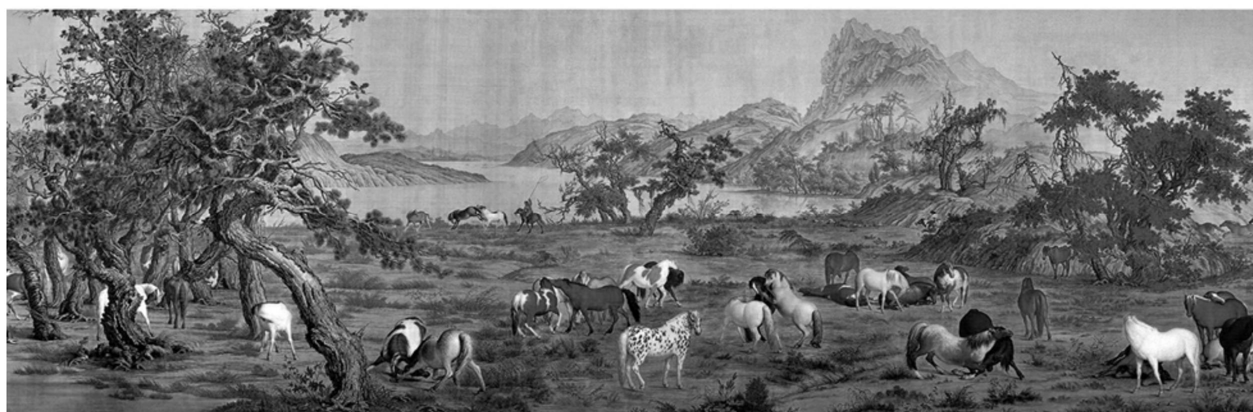
«Сто лошадей», эскиз к которым сохранился до наших дней,– одно из наиболее показательных проявлений «западного» стиля Кастильоне на китайской почве: пейзаж выполнен с использование принципов прямой перспективы, фигуры зачастую написаны с драматическими перспективными сокращениями, а растительность изображена при помощи изощренных спонтанных мазков и свободной штриховки. Собственно, и крупный формат картины в данном случае говорит о европейском влиянии, создавая впечатление, что Кастильоне писал здесь либо оммаж битв Пьеро делла Франческа или Уччелло, либо «архитектурный» фриз.

Сохраняя одинаковый уровень горизонта на уровне двух третей высоты свитка, Кастильоне представляет лошадей, ведомых на выпас, скачущих под седлом, задолго до Соройи-и-Бастида и Петрова-Водкина купаемых в реке, переходящих и переплывающих ту же реку и видных в далекой перспективе ближе к линии горизонта. Деревья и другие растительные и пейзажные мотивы показаны в правильных и пропорциональных перспективных сокращениях, прекрасно рассчитаны и промежутки между элементами пейзажа и лошадьми. Техника исполнения свитка отличается от традиционной китайской, потому что художник использует здесь эффекты светотени, светлые и темные тона – для создания объемности изображаемого и передачи ровного солнечного света и деликатных теней деревьев и животных. Сами фигуры лошадей, хотя и очерчены линейно, все-таки по большей части моделированы цветовыми пятнами. Тем не менее, Кастильоне сознательно приглушает тени, чтобы формы, сохраняя наполненность и телесность, не создавали слишком драматического эффекта между светом и тенью. Можно с уверенностью сказать, что этот великолепный образец линейно-перспективного метода *сяньфа* – первый удачный образец создания синоевропейского стиля Джузеппе Кастильоне.

По сообщению цинских императорских домашних архивов, Кастильоне было велено выполнить горизонтальный свиток, содержащий изображение ста лошадей, в третьем лунном месяце второго года правления императора Юнчжэна (1724 г.), что подтверждает

датировку свитка-эскиза, выполненного тушью на бумаге, происходящего из музея Метрополитен [12]. Все придворные художники должны были «утверждать» свои эскизы у императора, прежде чем отдавался приказ о доведении замысла до окончательного вида, поэтому тот факт, что подготовительный рисунок уцелел, – исключительный случай и большое везение, позволяющее нам наглядно убедиться в том, как выглядел процесс создания художественных произведений при цинском дворе.

Илл. 10. Дж. Кастильоне. Сто лошадей. Горизонтальный свиток. 1728 г. Тушь, водорастворимые краски на шелке. 94,5 х 776,2 см из Тайбэйского Национального музея Гугун

Таким образом, представляется, что именно творчество Джузеппе Кастильоне – признанного лидера придворных императорских живописцев первой половины XVIII в. – довело использование «линейного» перспективного метода в Китае до художественных вершин. Необходимо учитывать, что императорский заказ ни в коей мере не требовал от

[12] Этот горизонтальный свиток, выполненный тушью на бумаге (94х789,3 см), датируется 1724-25 гг., ныне находится в музее Метрополитен в Нью-Йорке, см.:
URL: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/44632 (дата обращения: 10.03.2018).

художника дословного и прямолинейного следования западноевропейским живописным принципам – отсюда отмеченные особенности освещения (ровный фронтальный источник света) и эффект «движущейся» точки зрения художника и зрителя, характерный для исполнения и восприятия китайских традиционных горизонтальных свитков. В дальнейшей работе Кастильоне пойдет по пути все более деликатного введения европейских приемов, по пути движения к китайской традиционной графичности, меньшей трехмерности и натуроподобия, воспринимавшихся китайцами как неоправданная варваризация искусства, пусть и вошедшая в моду как раз во времена расцвета творчества европейского художника при Цинском дворе.

Рассматриваемый вопрос, безусловно, имеет и большую гносеологическую ценность, будучи яркой иллюстрацией цивилизационных различий между Западом и Дальним Востоком: если для Европы мир представлял собой место, управляемое законами природы, которые мог познать и перенести в свою деятельность ученый и художник, то для Китая – благодаря, помимо прочего, сильному влиянию даосских и чань-буддийских практик, имитация природы посредством использования линейной перспективы и свето-теневой моделировки никоим образом не могла стать самоцелью.

Литература / References

Дубровская Д. В. *Миссия иезуитов в Китае*. М., 2000 [Dubrovskaya D. V. *Missiya iezuitov v Kitae*. Moscow, 2000].

Дубровская Д. В. Мирное послание императора Цяньлуна // *Эпиграфика Востока*. М., 2018 (в печати) [Dubrovskaya D. V. Mirnoye poslaniye imperatora Qianlong'a // '*Epigrafika Vostoka*. Moscow, 2018 (in print)].

Дубровская Д. В. Портретная живопись Джузеппе Кастильоне (Лан Шинина) между китайской и европейской традициями // *Собрание*. М. (в печати). [Dubrovskaya D. V. Portretnaya zhivopis' Giuseppe Castiglione (Lang Shining'a) mezhdu kitaiskoy i evropeiskoi traditsiyami // *Sobranie*. Moscow (in print)].

Дубровская Д. В. Художник-иезуит Джузеппе Кастильоне (1688–1766) и Си-Юй // *Материалы III международной конференции уйгуроведов*. М., 2017. С. 196–201 [Dubrovskaya D. V. Hudozhnik-iezuit Giuseppe Castiglione (1688–1766) i Xi-Yu // *Materialy III mezhdunarodnoi konferentsii uigurovedov*. Moscow, 2016. Pp. 196–201].

Кузьменко Л. Е. Пейзаж в свитке Лан Шинина «Ледовые забавы» (из собрания Государственного музея искусства народов Востока) // Григорьева Т. П. (ред.) *Проблема человека в традиционных китайских учениях*. М., 1983. С. 105–118 [Kuz'menko L. E. Peizazh v svitke Lang Shining'a "Ledovye zabavy" (iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya iskusstva narodov Vostoka) // Grigorieva T. P. (red.). *Problema cheloveka v traditsionnyh kitaiskih ucheniyah*. Moscow, 1983. Pp. 105–118].

Панофски Э. *Перспектива как символическая форма*. М., 2004. [Panofsky 'E. *Perspektiva kak simvolicheskaya forma*. Moscow, 2004].

Штейнер Е. С. Лан Шинин (1688–1766) // *Сто памятных дат. Художественный календарь на 1988 год*. М., 1987. С. 215–217 [Shteiner E. S. Lang Shining (1688–1766) // *Sto pamyatnyh dat. Hudozhestvennyi kalendar' na 1988 god*. Moscow, 1987. Pp. 215–217].

Bernard-Maitre H. *Le frère Attiret au service de K'ien-long (1739–1768). Sa premiere biographie ecrite par le Pere Amiot, reeditee avec notes explicatives et commentaires historiques*. Shanghai, 1943.

Corsi E. Envisioning perspective: Nian Xiyao (1617–1738)'s rendering of Western perspective in the prologues to "the science of vision" // Forte A., Masini F. (eds.). *A life journey to the East, sinological studies in memory of Giuliano Bertuccioli (1923–2001)*. Kyoto, 2002. Pp. 201–243.

Corsi E. *La fabrica de las ilusiones: Los Jesuitas y la diffusion de la perspectiva lineal en China, 1698–1766*. Mexico City, 2004.

Corsi E. *Late Baroque Painting in China Prior to the Arrival of Matteo Ripa, Giovanni Gherardini, and the Perspective Painting Called Xianfa*. Napoli, 1999.

Mungello D. *The Great Encounter of China and the West, 1500–1800*. Plymouth, 2013.

Musillo M. *The Shining Inheritance: Italian Painters at the Qing Court, 1699–1812*. Los Angeles, 2016.

Needham J. *Science and Civilization in China*. Cambridge, 1971.

Ning Ding, Chu ten-Doesschate P. *Qing Encounters: Artistic Exchanges between China and the West (Issues & Debates)*. Los Angeles, 2015.

Osborne H. *Oxford Companion to Art*. Oxford, 1970.

Pozzo A. *Perspective in Architecture and Painting*. New York, 1989.

Rawski E. S. *The Last Emperors: A Social History of Qing Imperial Institutions*. Berkeley, Los Angeles, 1988.

Tseng Yu. Castiglione: First Western Painter of Underwater Living Fish // *Orientations*. 1988. Vol. 19 (11). Pp. 52–61.

Shepard R. N. *Mind Sights: Original Visual Illusions, Ambiguities, and other Anomalies*. New York, 1998.

Van Briessen F. *The Way of the Brush: Painting Techniques of China and Japan*. North Clarendon, 1990.

Sullivan M. *The Arts of China*. Berkeley, 1984.

Tyler C. W., Chen Chien-Chung. *Chinese Perspective as a Rational System: Relationship to Panofsky's Symbolic Form*. Taipei, San Francisco, 2012.

Yang Boda. Castiglione at the Qing Court – An Important Artistic Contribution // *Orientations*. 1988. 19 (11). Pp. 44–52.

Yang Boda. The Development of the Ch'ien-lung Painting Academy // Murck A., Wen Fong (eds.). *Words and Images*. New York, 1991. Pp. 333–345.

Zhu Jiajin. Castiglione's *Tieluo* Paintings // *Orientations*. 1988. 19 (11). Pp. 80–84.

РОСПИСИ «ГРОБНИЦ ПЕРСЕФОНЫ»: МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЛИЯНИЙ В АЛЕКСАНДРИЙСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ РИМСКОГО ПЕРИОДА

В. З. Куватова*

Исследование посвящено проблеме множественности художественных влияний в александрийском погребальном искусстве Римского Египта на примере иконографической программы так называемых «гробниц Персефоны» I и II (некрополь Ком эль-Шокафа), датируемых концом I – началом II в. до н.э. Обе принадлежат к распространенному в Александрии архитектурному типу прямоугольной ниши с фронтоном. Вдоль задних стен расположены слитные с ними саркофаги, пространство над которыми занято двумя регистрами фигуративных изображений. Нижний регистр посвящен циклу Персефоны, выполненному в эллинизирующей манере, в верхнем размещены египтизирующие сцены. В статье сделана попытка обосновать предположение о том, что художественное «двуязычие» иконографической программы гробниц Персефоны не является простым «переводом» одного и того же «текста» с одного языка на другой. Эллинизирующие и египтизирующие композиции дополняют друг друга: первые выражают коннотации победы над смертью, воскрешения и счастливой загробной жизни, а вторые выполняют функцию визуальной поддержки погребального культа. Выявляются основные векторы влияния на развитие александрийского погребального искусства: греко-македонская, египетская и эллинизированная римская художественные традиции.

Ключевые слова: Римский Египет, погребальная живопись, античная живопись, искусство Александрии, римская живопись, македонская живопись.

PAINTINGS OF THE “PERSEPHONE TOMBS”: MULTIPLICITY OF ARTISTIC INFLUENCES IN THE ALEXANDRIAN FUNERARY ART OF THE ROMAN PERIOD

Valeria Z. Kuvatova

This study addresses a problem of multiple artistic influences on Alexandrian funerary art of the Roman period in Egypt via iconographic programs of two so-called Tombs of Persephone (Kom el-Shokafa necropolis) dating back to late 1st – early 2nd cc. A.D. They belong to a popular Alexandrian architectural type of rectangular niche below gabled pediment. Carved sarcophagi are attached to the back walls of the tomb. Two registers of figurative paintings occupy the space of three walls above the sarcophagi. A Hellenizing Persephone cycle is depicted in the lower register, while three Egyptianizing scenes are located in the upper one. This study argues that the “bilingualism” of the iconographic programs of the Tombs of Persephone was not meant as a simple combination of Greek and Egyptian versions of the same “text”. Instead, their meanings are complementary: Hellenizing scenes express connotations of resurrection and happy Afterlife, while Egyptianizing compositions visually support funerary cult and rituals.

Keywords: Roman Egypt, funerary painting, ancient painting, art of Alexandria, Roman painting, Macedonian painting.

Большое значение для исследования векторов влияния на александрийскую погребальную живопись Римского периода представляют росписи двух гробниц из катакомб Ком эль-Шокафа – так называемые «гробницы Персефоны». Иконографические программы обеих гробниц характеризуются подчеркнутым

* Валерия Зуфаровна КУВАТОВА, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kintosha@mail.ru

Valeria Z. KUVATOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; kintosha@mail.ru

«двуязычием»: в них одновременно присутствуют многофигурные эллинизирующие и египтизирующие композиции. Оба памятника были детально исследованы А.-М. Гимье-Сорбе и М. Сейф эль-Дин [Seif el-Din, Guimier-Sorbets, 1997, p. 355–410], в том числе с применением ультрафиолетового освещения, которое позволило выявить невидимые в обычном спектре подробности изображений. Обнаружилось, что иконографические программы гробниц очень близки. Это позволило с высокой степенью достоверности экстраполировать сохранившиеся в гробнице I элементы сцен на места утрат в росписях гробницы II. В распоряжении исследователей оказались целостные живописные ансамбли. В настоящей работе мы будем опираться на предложенную А.-М. Гимье-Сорбе и М. Сейф эль-Дин интерпретацию, поскольку она представляется наиболее достоверной и аргументированной.

С точки зрения архитектуры обе гробницы представляют собой ниши в форме параллелепипеда, открытые широкой стороной в центральный зал. Входы фланкированы пилястрами, поддерживающими антаблемент с треугольным фронтоном. Вдоль задних стен размещены слитные с ними саркофаги. Над саркофагами на всех трех стенах обеих гробниц расположены два регистра фигуративных изображений. Три нижние композиции выполнены в эллинизирующей манере, в то время как три верхние – в египтизирующей. Плафоны гробниц декорированы россыпью красных цветов и гирлянд из лепестков или лент, на фоне которых размещены изображения птиц.

В нижнем регистре гробницы I на левой стене расположена сцена с речным божеством под деревом и нимфой, персонифицирующей источник. Правая часть росписи не сохранилась, однако исследователи, опираясь на иконографически сходную композицию на левой стене гробницы II, предполагают, что здесь были изображены Персефона и океаниды [Seif el-Din, Guimier-Sorbets, 1997, p. 36]. На центральной (задней) стене разворачивается многофигурная сцена похищения Аидом Персефоны, от которой сохранилось примерно две трети, а именно фигуры трех богинь – Афины, Артемиды и Афродиты (*илл. 1*). Аналогичная композиция в гробнице II позволила предположить, что и правые части обеих сцен совпадали и были заняты изображением колесницы Аида, похищающего Персефону. Нижний регистр на правой стене гробницы I разрушен полностью, но сохранность соответствующей композиции в гробнице II позволяет предположить, что здесь размещалась сцена возвращения Персефоны из подземного царства. Сохранившийся в гробнице II эпизод написан в иллюстративной манере: Персефона выходит из пещеры, возле которой ее встречают Деметра, Гермес и Геката с факелами в руках.

Сохранившиеся в обеих гробницах египтизирующие сцены очень похожи, также как и декор плафонов. Это обстоятельство А.-М. Гимье-Сорбе приводит в качестве дополнительного аргумента в пользу своей гипотезы.

Поскольку Александрия была городом, где долгое время доминировали македонские культурные установки и художественные традиции, можно предположить, что их влияние на развитие погребального искусства в той или иной мере сохранялось. Сцена похищения Аидом Персефоны дважды встречается в македонских монументальных гробницах: в составе живописного цикла из трех сцен в гробнице Персефоны в Вергине и на напольной мозаике из гробницы тумулуса Каста в Амфиполе. Наиболее иконографически устойчивой частью таких композиций является изображение колесницы Аида, которой бог подземного царства управляет одной рукой, второй удерживая сопротивляющуюся Персефону. Количество лошадей в упряжке может меняться от двух до четырех, однако все ракурсные отношения между фигурами и предметами сохраняются от композиции к композиции. Факультативный элемент иконографии – включение в композицию тех или иных второстепенных персонажей. В большинстве известных памятников в сцене присутствует Гермес, бегущий впереди колесницы. В частности, он изображен в упомянутых македонских гробницах, в египетской гробнице 23 из некрополя Туна эль-Гебель (Средний Египет), датируемой I в. н.э.

[Venit, 2016, p. 98], на напольной мозаике II в. н.э. из колумбария на виа Портуенсе (в настоящее время в Капитолийских музеях), на многих рельефах римских саркофагов II в. н.э. [1], сирийской гробнице Массиаф, датируемой второй половиной II – III вв. н.э. [Chapouthier, 1954, p. 204], римском гипогее Вибии, росписи которого датируются концом IV в. н.э. [Pavia, 2012, p. 72]. Таким образом, отсутствие образа Гермеса в сцене похищения Персефоны является, скорее, исключением. Композиция в гробнице II Персефоны (и, возможно, в гробнице I) представляет собой пример такой нетрадиционной иконографии.

В сохранившихся памятниках заметна большая свобода в отношении включения в эпизод фигур океанид. В гробнице Персефоны океанида изображена в позе, которая часто воспроизводится в более поздних памятниках: опирающаяся на одно колено, со вскинутыми в испуге руками и развивающимся позади покрывалом. На мозаике из Амфиполя океаниды нет, но в иконографии, сходной с вергинской, она изображена в колумбарии на виа Портуенсе и гробнице Массиаф. В гробнице II Персефоны океаниды не включены непосредственно в сцену похищения, однако присутствуют в первой композиции цикла, рядом с собирающей цветы Персефоной. Отсутствуют божества в гробницах Тира и Туна эль-Гебель, а также в гипогее Вибии. Возможно, свободный подход к включению фигур океанид в сцену связан с их иллюстрирующей ролью, в то время как фигура Гермеса имеет важное семантическое значение в контексте погребального искусства.

Илл. 1. Задняя стена гробницы Персефоны I (*фото автора*)

В обеих гробницах Персефоны в сцене похищения присутствуют три богини, которых А.-М. Гимье-Сорбе и М. Сейф эль-Дин интерпретируют как Артемиду, Афину и Афродиту. В гомеровском гимне к Деметре они не упоминаются [Evelyn-White, 1914, p. 5–7], в известных македонских погребальных памятниках также отсутствуют. Однако сохранились примеры вазописи с более развернутой трактовкой сцены похищения Персефоны. Так, на гидрии из музея Метрополитен (ММ 07.128.1), датируемой 340–330 гг. до н.э., изображены Зевс, Афродита и Эрот, Деметра, Геката и Афина. В рельефах римских саркофагов II – начала III вв. н.э., для которых характерна иллюстративная подробность, также очень часто фигурирует одна или несколько богинь. Чаще всего Афина изображается в попытке догнать колесницу, в то время как Афродита, напротив, помогает Аиду (Уффици, Флоренция, ок. 170 г. н.э.; Государственный музей Берлина, ранний III в.; Музей искусств Уолтерс, Балтимор). Композиция из гробницы Массиаф также включает фигуру Афины, преследующей колесницу.

Если А.-М. Гимье-Сорбе и М. Сейф эль-Дин не ошибаются в датировке гробниц Персефоны I и II, и их росписи действительно относятся к концу I – началу II в. н.э. [Seif el-Din, Guimier-Sorbets, 1997, p. 406], то это самые ранние известные погребальные памятники с развернутой трактовкой эпизода похищения Персефоны, которая впоследствии станет характерной чертой рельефов римских саркофагов. Один элемент иконографической

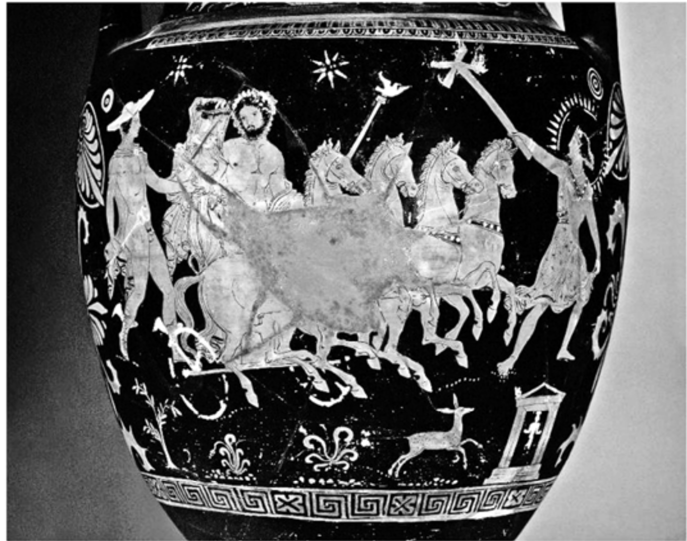
[1] Подробнее о римских саркофагах со сценой похищения Персефоны см.: [Zanker, Ewald, 2012, p. 84–88].

программы обеих гробниц вносит, однако, долю сомнения в правильности датировки: россыпи красных цветов, гирлянды или ленты и силуэты птиц на фоне этих россыпей, украшающие плафоны гробниц. В III–IV вв. н.э. мотив красных цветов получает повсеместное распространение в погребальной живописи, однако в более раннюю эпоху он встречается не в погребальном, а в вотивном контексте. Примером может служить ларарий виллы 6 в Терцинио, близ Помпей (Археологический музей Неаполя), а также домашнее святилище Артемиды из Эфеса (Археологический музей Эфеса). Возможно, именно в Александрии этот декоративный элемент перешел из вотивного контекста в погребальный. Вместе с тем, мотив лент-поясов встречается еще в македонском погребальном искусстве, например, в гробнице Лисона и Калликла в Лефкадии, датируемой последней четвертью III – серединой II вв. до н.э. [Rhomiopoulou, 1997, p. 44]. Помимо гробниц I и II Персефоны, россыпи красных цветов встречаются также в александрийской гробнице Тиграна. В пользу предположения о том, что переход темы красных цветов из вотивного в погребальный контекст произошел в Александрии, говорит присутствие в росписи гробницы Тиграна еще одного объекта, характерного для ларариев, а не для погребальной живописи. Египтизирующие ритуальные сцены включают изображения алтаря с установленным на него преувеличенного размера яйцом, перевязанным лентой. Похожие изображения часто встречаются в ларариях, однако в погребальном контексте их можно увидеть лишь дважды – в гробнице Тиграна и кубикуле F катакомб Виа Латина. Возможно, Александрия была «экспериментальной площадкой», в которой декоративные элементы римской вотивной живописи вводились в контекст погребального искусства и впоследствии распространялись по другим регионам Римской империи.

Возвращаясь к теме происхождения и особенностей иконографической программы гробниц I и II Персефоны, можно осторожно предположить, что авторы ее эллинизирующей части при разработке композиций ориентировались на доступные им образцы греческой или македонской вазописи. Такие объекты были доступными для александрийских мастеров художественными образцами. Иллюстративность и многофигурность сцены похищения Персефоны не характерны для монументального погребального искусства Македонии, однако типичны для вазописи. В пользу предложенной гипотезы свидетельствует также и третья сцена цикла гробницы II, сюжет которой – возвращение Персефоны – необычен для монументальной живописи, но фигурирует в вазописи. Так, на терракотовом краснофигурном кратере из музея Метрополитен (MM 28.57.23), датируемом около 440 г. до н.э., размещено изображение поднимающейся из земли Персефоны, которую сопровождают Гермес и Геката с факелами в руках и встречает Деметра с посохом в руках. Таким образом, в гробнице II Персефоны (и, возможно, в гробнице I) разворачивается трехчастный цикл, подробно, хотя и не буквально иллюстрирующий миф о похищении и последующем возвращении Персефоны.

С точки зрения иконографических особенностей сцен, включенных в программу гробницы II, складывается впечатление, что авторы следуют концепции мифа, соединяющей в себе трактовку гомеровского гимна к Деметре и историю, изложенную в «Метаморфозах» Овидия. Иконография первой композиции соответствует и описанию из гимна к Деметре, и варианту мифа, изложенному в Книге V «Метаморфоз» [Anderson, 1977, p. 385–424]. Во втором случае окружающие Персефону фигуры могут изображать нимф Киану и Аретузу, а также речное божество Анаписа. Включение в композицию Артемиды, Афины и Афродиты отсылает к овидиевскому варианту мифа, в котором он излагает предысторию – замысел Афродиты, связанный, в том числе, ее неприязнью к богиням-девам [Anderson, 1977, p. 375–379]. При этом обращает на себя внимание отсутствие Гермеса, который изображен в сценах похищения Персефоны на всех известных памятниках погребальной живописи и рельефах саркофагов. Между тем, ни в гимне Деметры, ни в «Метаморфозах» Овидия нет упоминаний об участии Гермеса в похищении. Он появляется лишь на этапе возвращения Персефоны и, согласно гимну, выводит богиню из подземного царства. Таким образом, именно вариант из

гробницы II Персефоны соответствует нарративным источникам. Между тем, фигура Гермеса появляется в сценах похищения Персефоны достаточно рано. Так, его можно видеть на краснофигурном кратере из Апулии, датируемом 370–350 гг. до н.э. и ныне находящемся в собрании Британского музея [Heuer, 2015, p. 15, F 277; BM 1885,0314.1] (*илл. 2*), а также на кратере с волютами из Античного собрания Государственного музея Берлина, около 340 г. до н.э. (инв. № 1984.40). С другой стороны, на упомянутой гидрии из музея Метрополитен, датируемой 340-330 гг. до н.э. (MM 07.128.1), Гермес отсутствует, притом что в композицию включен целый ряд богов, причастных к сюжету. Складывается впечатление, что где-то в середине IV в. до н.э. происходило формирование иконографического типа сцены похищения Персефоны, который потом нашел свое отражение в монументальной живописи македонских гробниц, а в дальнейшем распространился по территории Римской империи.

Илл. 2. Краснофигурный кратер из Апулии (© British Museum, 1885, 0314.1)

На настоящий момент гробницы Персефоны в Ком эль-Шокафа единственные погребальные памятники с развернутым циклом, посвященным похищению и последующему возвращению богини. Однако целесообразно, на наш взгляд, упомянуть предложенную К. Рабаджиевым интерпретацию живописной программы гробницы Персефоны из Вергины [Rabadjiev, 2014, p. 1171–1174]. Как известно, она представляет собой цикл из трех изображений: на одной из длинных стен прямоугольной гробницы расположена сцена похищения, на примыкающей к ней справа торцовой стене – фигура Деметры, горюющей по своей дочери, на длинной стене справа от Деметры – три сидящие женские фигуры, судя по жестам, общающиеся между собой. В то время как М. Андроникос считает их богинями судьбы мойрами [Ανδρόνικος, 1994, p. 90–92], К. Рабаджиев предлагает рассматривать три сцены как части единого цикла мифа о Деметре и Персефоне [Rabadjiev, 2014, p. 1172]. С этой коннотацией, по мнению исследователя, связана сцена с тремя женскими фигурами, которую он интерпретирует как воссоединение матери Деметры Реи, Персефоны и самой Деметры. Ничто в иконографии композиции не противоречит предложенной трактовке.

Что касается отсутствия Гермеса в сцене похищения Персефоны из александрийской гробницы II, то, поскольку ее программа предусматривает иллюстрацию возвращения Персефоны в сопровождении Гермеса и Гекаты (причем персонажи из гробницы II в точности соответствуют персонажам на упомянутом кратере из музея Метрополитен), художники следовали мифологическому описанию эпизода более буквально. Возможно, они располагали образцом, похожим на изображение на кратере из музея Метрополитен. В дальнейшем, при визуализации сюжета в живописных погребальных памятниках, их авторы опирались на другие образцы, в иконографии которых присутствует фигура Гермеса.

Можно с осторожностью предположить, что, несмотря на датировку, относящую росписи гробниц Персефоны к Римскому периоду, эллинизирующие сцены были написаны под влиянием македонской, а не римской традиции. В пользу этого предположения говорит развернутая иллюстративность, характерная для периода формирования иконографического типа сюжета похищения Персефоны в греческой культурной среде. Впоследствии

сложившийся тип закрепился в погребальной монументальной живописи Македонии и получил распространение в других регионах империи, включая Аппенинский полуостров. Римская напольная мозаика из колумбария на виа Портуенсе, свидетельствующая о присутствии этого иконографического типа в погребальной живописи Рима первой половины II в. н.э. (то есть несколько позже того времени, когда, по-видимому, были созданы росписи гробниц Персефоны в Александрии), содержит явное указание на свое происхождение из греческой культурной среды – надпись на греческом языке: *ΧΘΟΝΙΟΣ ΕΡΕΒ ΦΕΥΣ ΖΟΦΙΟΣ ΛΥΓΑΙΟ[.]* («подземный Эреб, темный, сумрачный»). Надписи в погребальных сценах свидетельствуют о том, что изображаемые сюжеты мало знакомы в данной культурной среде, и существует опасность их неверной интерпретации. В македонской погребальной живописи надписи присутствуют лишь в «гробнице суда», причем надписи предусмотрены только для фигур Эака и Радаманта, включение которых в программу представляет собой иконографическую новацию. Другие фигуры из той же гробницы (усопший в образе героя и Гермес), иконография которых привычна и узнаваема, не подписаны. В среднеегипетском некрополе Туна эль-Гебель сохранилось несколько подробных мифологических циклов, не типичных для погребального контекста. Возле практически каждого персонажа размещены соответствующие надписи, за исключением сцены похищения Персефоны. Видимо, эпизод был хорошо известен в Египте и не нуждался в эпиграфическом пояснении. Только в гробнице Тира в Ливане и в римском колумбарии на Виа Латина в композицию похищения Персефоны включены надписи. Они, вероятно, свидетельствуют о заимствовании данного иконографического типа из другой культурной среды. Таким образом, можно предположить, что в Риме в первой половине II в. н.э. иконография сцены похищения Персефоны была еще малознакома, и пришла она, судя по языку надписи, из греческой культурной среды.

Художественное «двуязычие» гробниц I и II Персефоны дает уникальную возможность сопоставить содержание египтизирующей и эллинизирующей части иконографических программ и прояснить александрийские представления о загробной жизни, для выражения которых использовалась египетская традиция. Поскольку детальное исследование египтизирующих мотивов не входит в рамки настоящей работы, мы будем опираться на интерпретацию, предложенную М.-А. Гимье-Сорбе [Seif el-Din, Guimier-Sorbets, 1997, p. 407–410], с необходимыми комментариями.

На левой стене обеих гробниц, непосредственно над композициями с Персефоной, собирающей цветы, расположены сцены с изображением двух сидящих божеств, одно из которых – Тот с соколом в руке. В гробнице I напротив Тота в аналогичной позе изображен, по-видимому, Осирис, в гробнице II – Исида, а между Исидой и Тотом – меньших размеров осирическая фигура в профиль, которую М.-А. Гимье-Сорбе трактует как Осириса. Эпизоды, расположенные над сценами похищения Персефоны в обеих гробницах, очень похожи: это популярная в птолемеевском погребальном искусстве церемония бальзамирования, проводимая Анубисом (*илл. 1*). М.С. Венит интерпретирует подобные сцены как церемонию очищения мумии [Venit, 2002, p. 137]. Два крылатых женских божества (возможно, Исида и Нефтида) фланкируют центральную композицию, раскинув крылья в защитном жесте, за их спинами размещены практически идентичные мужские фигуры: Хор с головой сокола справа и мужская фигура, которую М.-А. Гимье-Сорбе рассматривает как антропоморфную ипостась Хора, слева. На правой стене гробницы I изображение не сохранилось, а в гробнице II здесь расположена сцена, композиционно похожая на противолежащую, но с рядом заметных отличий. В центре ее размещена осирическая фигура, фланкированная двумя профильными изображениями сидящих божеств, которых М.-А. Гимье-Сорбе считает Сехмет (слева) и Птахом-Сокаром (справа). Между осирической фигурой и божествами находятся жертвенные столики [Seif el-Din, Guimier-Sorbets, 1997, p. 379, fig. 19–20].

В своей трактовке иконографической программы гробниц М.-А. Гимье-Сорбе выстраивает семантические параллели между египетскими и греческими божествами в

композициях, расположенных друг под другом, и в итоге приходит к выводу, что изображения на левой стене (бог Тот, протягивающий сокола, и Персефона, собирающая цветы) символизируют земную жизнь; сцены бальзамирования Осириса и похищения Персефоны на задней стене – смерть; воскрешение Осириса и возвращение Персефоны на правой стене – воскрешение к счастливой загробной жизни. На наш взгляд, проведение таких линейных параллелей не вполне оправдано, потому что, во-первых, синкретизм египетских и греческих богов отличался большой сложностью и вариативностью, а во-вторых, в птолемеевском погребальном искусстве неизвестны другие примеры подбора египтизирующих и эллинистических художественных «метафор» для выражения одной и той же идеи. Элементы, восходящие к египетской традиции, вводятся поначалу как дополнительные, развивающие семантику эллинистических композиций, а затем частично вытесняют эллинистическую традицию и сплетаются с художественными влияниями эллинизированного Рима. М.А. Гимье-Сорбе проводит параллели между Осирисом и Аидом как царями подземного царства, Анубисом и Гермесом как психопомпами и Исидой и Деметрой как богинями, которые боролись за возвращение своего мужа и дочери [Seif el-Din, Guimier-Sorbets, 1997, p. 408]. Однако равноправными семантическими параллелями могут выступать Исида и Персефона (жены царей подземного царства), Тот и Гермес (психопомпы и божества сакрального знания), Осирис и Персефона (умирающие (условно, в случае Персефоны) и воскресающие божества). Кроме того, уверенность М.-А. Гимье-Сорбе в том, что в египтизирующих сценах изображен именно Осирис, а не усопший в осирической иконографии, не имеет под собой достаточных оснований. Стоящая осирическая фигура заметно меньше, чем фигуры сидящих божеств, соответственно в сидячей позе она оказалась бы значительно ниже других фигур. Поскольку Осирис является верховным божеством подземного царства, трудно предположить, что его фигура может быть преуменьшена относительно других. Кроме того, судя по мастерству, с которым выполнены эллинистические композиции, художники явно принадлежали к греческой культурной среде и, соответственно, могли не разбираться в тонкостях египетской иконографии. Возможно, именно поэтому мумия изображена в осирической короне-*атеф* и с символами власти в руках, а не потому, что она и есть репрезентация Осириса. Предположение, что осирическая фигура олицетворяет усопшего, объясняет и ее странную ориентацию по отношению к двум другим фигурам в гробнице II: она развернута спиной к богу Тоту, который протягивает в ее направлении сокола. Если она представляет собой не Осириса, а усопшего, предстоящего перед женским божеством, то психопомп Тот, стоящий позади усопшего с его душой Ба в руках, органично вписывается в композицию.

С точки зрения семантики представляется оправданным сопоставлять египтизирующие сюжеты на правых стенах обеих гробниц не с расположенными под ними сценами с Персефоной на лугу, а со сценами из гробниц Анфуши II и форт Салех, в которых Хор и другие божества встречают душу усопшего, чтобы препроводить ее в загробный мир. Сокол в руках психопомпа Тота, возможно, символизирует душу усопшего и является, таким образом, изображением птицы Ба. М.-А. Гимье-Сорбе сама предлагает подобное объяснение для этих сцен [Seif el-Din, Guimier-Sorbets, 1997, p. 396].

На наш взгляд, эллинизирующие и египтизирующие сцены не дублируют, а дополняют друг друга. Цикл Персефоны является мифологической метафорой смерти, воскрешения и счастливой загробной жизни и отвечает на вопрос, что должно произойти, в то время как египтизирующие композиции выполняют, скорее, процессуально-ритуальную функцию, символизируя те культы и ритуалы, которые должны быть совершены, чтобы переход к *vita felix* прошел благополучно. В этом плане их логичнее сопоставлять со сценами ритуальных действий в македонских гробницах, такими, как возлияния и воскурения, погребальные трапезы, ритуальные состязания и охота, сакральные ритуалы, связанные со священным быком (например, в гробнице тумулуса Каста в Амфиполе и гробнице Петосириса в Туна эль-Гебель). Что касается александрийских гробниц, то такие

изображения встречаются редко и только в ранний Птолемеевский период (например, сцена возлияний в гробнице I Мустафа Паша). Можно осторожно предположить, что их непопулярность в александрийском погребальном искусстве объясняется тем, что их функцию взяли на себя египтизирующие композиции. Египтизирующий художественный язык оказался очень удобным для выражения ритуальной функции погребальных изображений, которая всегда была хорошо разработана в египетской традиции, а в эллинистической оставалась пунктирной (возможно, в силу секретности мистических культов, обеспечивающих счастливую загробную жизнь).

Сцены бальзамирования или очищения мумии, подобные центральным композициям верхнего регистра в гробницах Персефоны, получили широкое распространение в александрийских монументальных гробницах Римского периода. Видимо, они взяли на себя функцию визуальной поддержки ритуалов, связанных с мистическими и погребальными культами. В отличие от египетской традиции, эти сцены представляют собой не иллюстрацию, а художественную метафору, поскольку в Александрии мумификация не получила распространения, в отличие от египетской хоры.

Таким образом, при разработке иконографических программ александрийских гробниц Персефоны I и II использовался прием художественного «двуязычия», позволяющий с максимальной полнотой раскрыть весь спектр смыслов и коннотаций, связанных с погребальным культом. На наш взгляд, эллинизирующий цикл выражает аллюзии на воскрешение и счастливую загробную жизнь, в то время как египтизирующие композиции выполняют функцию визуальной поддержки погребального культа и призваны способствовать благополучному переходу усопшего в загробный мир. В иконографической программе гробниц Персефоны прослеживается влияние трех художественных традиций: эллинистической (развернутая интерпретация мифа о Персефоне), египетской и эллинизированной римской (трактовка декора плафонов).

Литература / References

Anderson W. S. (ed.). *P. Ovidi Nasonis Metamorphoseon Liber Qvintvs.* Leipzig, 1977.

Ανδρόνικος Μ. *Βεργίνα II. Ο «τάφος της Περσεφόνης»*, Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας 138, 1994.

Chapouthier F. Les peintures murales d'un hypogée funéraire près de Massyaf // *Syria.* 1954. 31, fasc. 3–4. P. 172–211.

Evelyn-White H. G. (ed.). *Hymn 2 to Demeter.* Cambridge, 1914.

Heuer K. E. Vases with Faces: Isolated Heads in South Italian Vase Painting // *Metropolitan Museum Journal.* 2015. 50. Pp. 63–91.

Pavia C. *Guida delle Catacombe Romane. Dai Tituli all'Ipogeo di via Dino Compagni. Gangemi Editore.* Roma, 2012.

Rabadjiev K. Persephone between Hades and Hermes. The Pictorial Text of a Macedonian Tomb // Alvarez J. M., Nogales T., Roda I. (eds.). *Proceedings XVIIIth International Congress of Classical Archaeology.* Vol. II. Mérida, 2014. Pp. 1171–1174.

Rhomiopoulou K. *Lefkadia. Ancient Mieza.* Athens, 1997.

Seif el-Din M., Guimier-Sorbets A.-M. Les deux tombes de Perséphone dans la nécropole de Kom el-Chougafa à Alexandrie // *Bulletin de correspondance hellénique.* 1997. 121.1. Pp. 355–410.

Venit M. S. *Monumental Tombs of Ancient Alexandria. The Theater of the Dead.* Cambridge, 2002.

Venit M. S. *Visualizing the Afterlife in the Tombs of Graeco-Roman Egypt.* Cambridge, 2016.

Zanker P., Ewald B. C. *Living with Myths. The Imagery of Roman Sarcophagi.* Oxford, 2012.

О ПРОБЛЕМЕ СИНЕСТЕЗИИ В ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Е. Л. Скворцова*

Синестезия – явление восприятия, при котором раздражение одного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями вызывает и ощущения, соответствующие другому органу чувств. В японской художественной традиции элементы синестезии были укоренены со времен Средневековья, этот аспект наиболее полно воплотился в искусстве чайного ритуала, когда художественное воздействие проходит через каналы всех пяти чувственных анализаторов.

Синестетические опыты в традиционных искусствах стали следствием эстетического осмысления религиозных и моральных учений, лёгших в основание национального менталитета.

Ключевые слова: синестезия, чайная церемония, японская художественная традиция, буддизм, японское искусство, японская эстетика.

ON THE PROBLEM OF SYNESTHESIA OF JAPANESE CULTURE

Elena L. Skvortsova

Synesthesia is a perception phenomenon when irritation of one sense organ along with its special sensations causes sensations corresponding to another sense organ's response. In Japanese artistic tradition elements of synesthesia have been consciously rooted since the Middle Ages. Synesthetic aspect has been most fully embodied in the art of Tea Ritual. Its participants are real co-creators of the ceremony, while the artistic influence passes through all five sensory analyzers. Synesthetic experiences in traditional arts resulted from aesthetic interpretation of religious and moral teachings that formed the basis of the national mentality.

Keywords: synesthesia, tea ceremony, Japanese artistic tradition, Buddhism, Japanese art, Japanese aesthetics.

Творцы искусства – художники и музыканты всех стран, как правило, остро чувствуют необходимость применения *всей чувственной палитры* при создании своих произведений. В процессе творчества они, зачастую неосознанно, стремятся учитывать способность созданного произведения вызывать у адресата не только специфическое для него ощущение в том органе чувств, который природой создан для восприятия данного раздражителя (в живописи – зрение, в музыке – слух), но также и ощущения в других органах чувств, неприспособленных для восприятия данных стимулов. Например, при восприятии музыки могут возникать одновременно не только слуховые, но и зрительные, даже обонятельные и вкусовые ощущения («сладкая» мелодия). Здесь, как отмечает отечественный философ А. С. Мигунов, «речь идет о синестезии всех пяти человеческих чувств, умении легко и свободно переводить одно чувство в другое, представлять слово или образ в эквивалентном выражении, в звуке, в цвете, обонянии, осязании и вкусе» [Мигунов, 2001, с. 7].

Для синестезии характерно полимодальное воздействие на человека, принцип позволяющий соединению психофизических характеристик добиваться эстетической образности и полноты восприятия: переливающиеся аккорды звонких красок, мощное звучание цвета, музыка красок, теплые и холодные цвета, «аромат» живописи и т. п.

В японской художественной традиции элементы синестезии были сознательно укоренены еще со времен Средневековья. На Запад же подобные приемы пришли лишь во второй половине XIX – начале XX вв., когда многие крупные художники осознали

* Елена Львовна СКВОРЦОВА, доктор философских наук, ведущий научный Института востоковедения РАН, Москва; squo0202@mail.ru

Elena L SKVORTSOVA, DSc (Philosophy), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; squo0202@mail.ru

исчерпанность традиционных выразительных средств в искусстве и осуществили ряд более или менее удачных попыток создания синестезийного эксперимента в искусстве. П. Клее, А. Рембо, А. Кручёных, Ш. Бодлер, В. Хлебников, О. Мандельштам, В. Кандинский, И. Стравинский, А. Скрябин и другие творцы создавали художественные произведения, ориентированные на расширенное эстетическое поле восприятия. Со второй половины XIX в. в Европе возникло множество плодотворных поисков в области расширения чувственного опыта, возможностей телесной культуры и реализации различных синтетических художественных экспериментов при создании произведений «нового искусства».

Историк психологии и антрополог И. Сироткина считает одним из пионеров такого искусства композитора Р. Вагнера (1813–1883 гг.) с его идеей «тотального произведения искусства», направленного на активизацию возможностей синтетической телесной чувствительности человека: «Прообразом *Gesamtkunstwerk* для него служила античная трагедия – единство музыки, пения и драмы; ее он надеялся возродить в своих операх, объединив сразу несколько искусств. Художники авангарда подхватили и осовременили вагнерианскую идею. В Германии основатели Баухауза создавали произведения *на границе разных искусств, сферой существования которых была повседневная жизнь*» [Гердер, 1959, с. 187] (курсив мой – *Е. С.*).

Еще одним крупнейшим теоретиком культурной телесности с ее практически безграничными возможностями сочетания разнообразных чувственных восприятий является французский философ-экзистенциалист М. Мерло-Понти (1908–1961 гг.). Он заметил, что наиболее яркие случаи синестезии можно обнаружить при употреблении художником различных психотропных веществ: «Под действием мескалина звук дудки превращает синий цвет в зеленый, шум метронома в темноте превращается в синие пятна, пространственные интервалы зрения соответствуют временным интервалам звучания, величина серого пятна – интенсивности звука, а его высота в пространстве – высоте звука» [Мерло-Понти, 1999, с. 294–295]. Однако французский ученый считает, что и без какого-либо химического вмешательства синтетический характер чувственного восприятия является нормой. Люди западного мира с их естественнонаучными установками на доказуемость, объективность и общезначимость (т.е. обязательную «научность») истинного знания о мире и о себе не распознают всей объемности собственной чувственной сферы; они разучились понимать самих себя: «Синестетическое восприятие – это правило, и если мы не отдаем себе в этом отчета, то именно потому, что научное знание смещает опыт, и мы, тем самым, разучились видеть, слышать и вообще чувствовать для того, чтобы вывести дедуктивным путем из нашей телесной организации и из мира – как его воспринимает физик – то, что мы *должны видеть*, *слышать* и *чувствовать*. Утверждают, что зрение может нам дать только цвета и разные виды света, а тем самым – формы, которые суть контуры цветов, а также различные движения, которые суть позиционные перемещения цветовых пятен. Но как разместить на шкале цветов прозрачность или «смазанные» цвета? На самом деле любой цвет в том, что у него есть своего, – это всего лишь внутренняя структура вещи, явленная вовне. Блеск золота дает нам возможность почувствовать его гомогенное строение, в то время как блеклость дерева – гетерогенность этого последнего. Различные чувства сообщаются друг с другом, открывая себя структуре вещи. Мы видим твердость и хрупкость стекла и, когда оно разбивается с хрустальным звоном, этот звук сопровождает именно видимое стекло. Мы видим упругость или ковкость раскаленной докрасна стали, твердость лезвия рубанка, мягкость стружки. Форма объектов, при всем том, не геометрический контур – она имеет определенную связь с их собственной природой и одновременно со зрением сообщается со всеми нашими чувствами» [Мерло-Понти, 1999, с. 295]. Таким образом, французский философ задает два ракурса рассмотрения синестезийной проблемы: 1) целостность чувственной сферы человеческой телесности; 2) целостность внутренней структуры воспринимаемой «вещи» или «мира», внутренняя структура и каждая качественная сторона которого подразумевает наличие всех остальных качеств, обращенных к человеку: «Сенсорные “свойства” какой-либо вещи

конституируют одну и ту же вещь, как мой взгляд, мое прикосновение и все мои другие чувства представляют собой вместе возможности одного и того же тела, интегрированные в одно и то же действие» [Мерло-Понти, 1999, с. 408].

Скажем, я не воспринимаю желтое, ароматное, сладкое, шершавое и довольно тяжелое, шарообразное или цилиндроподобное по отдельности зрением, обонянием, осязанием и вкусом, качества которого анализирую и синтезирую при помощи разума. *Всеми своими чувствами* я воспринимаю – дыню. И точно так же, синтетически, я воспринимаю и продукты художественной культуры, призванные рафинировать и облагораживать чувственную сферу человека. «Сезанн говорил, что картина содержит в себе даже запах пейзажа, – обращает наше внимание Мерло-Понти. Он имел в виду, что расположение цвета на вещах (и в произведениях искусства, если они схватывают вещь в ее целостности) содержит в себе все ответы, которые могут быть даны другим чувствам, что вещь не имела бы именно этого цвета, если бы она не имела этой формы, этих тактильных особенностей, этой звучности, этого запаха, что *вещь является абсолютной полнотой, которую проецирует перед собой моя интегральная экзистенция*» [Мерло-Понти, 1999, с. 409] (курсив мой. – *Е. С.*).

Я уже отмечала, что элементы синестезии были, фактически, укоренены в японской художественной традиции, начиная с эпохи Средневековья, когда к власти пришло воинское сословие. Вместе с буддийскими монахами и учеными-конфуцианцами, при влиянии даосского мировоззрения и местного религиозного культа *синто* самураи на протяжении XIII–XIX вв. выработали своеобразное религиозно-эстетическое мировоззрение. Это мировоззрение определило качественную специфику явлений, сегодня считающихся классикой национальной художественной традиции: театра Но, поэзии стихотворных цепочек *рэнга*, поэзии трехстиший *хайку*, каллиграфии, живописи тушью, искусства чайного ритуала *тяною*. Приведем в этой связи характерный случай синестезии в творчестве известного поэта Мацуо Басё (1644–1694 гг.), о котором пишет исследователь японской культуры Дональд Кин: «Крики диких уток, что долетают с темнеющего моря, Басё воспринимает как *белые всплески* на *черном фоне*. Подобная *взаимозаменяемость зрения и слуха* присутствует в ряде знаменитых стихотворений Басё. Вот пример:

Аромат хризантем…
В капищах древней Нары
Темные статуи Будд.
(перевод В. Н. Марковой)

В этом позднем стихотворении (1694 г.) Басё рисует облик старинного города Нара, упоминая одновременно терпкий, но благородный аромат хризантем и покрытые пылью лаковые скульптуры с осыпающейся позолотой. Здесь *зрение* и *обоняние* словно дополняют друг друга, создавая незабываемый образ города, живущего прошлым» (курсив мой. – *Е. С.*) [Кин, 1978, с. 59]. Басё можно назвать непревзойденным мастером синестезии, смело сочетавшим в своих стихах вкусовые, звуковые и обонятельные ощущения:

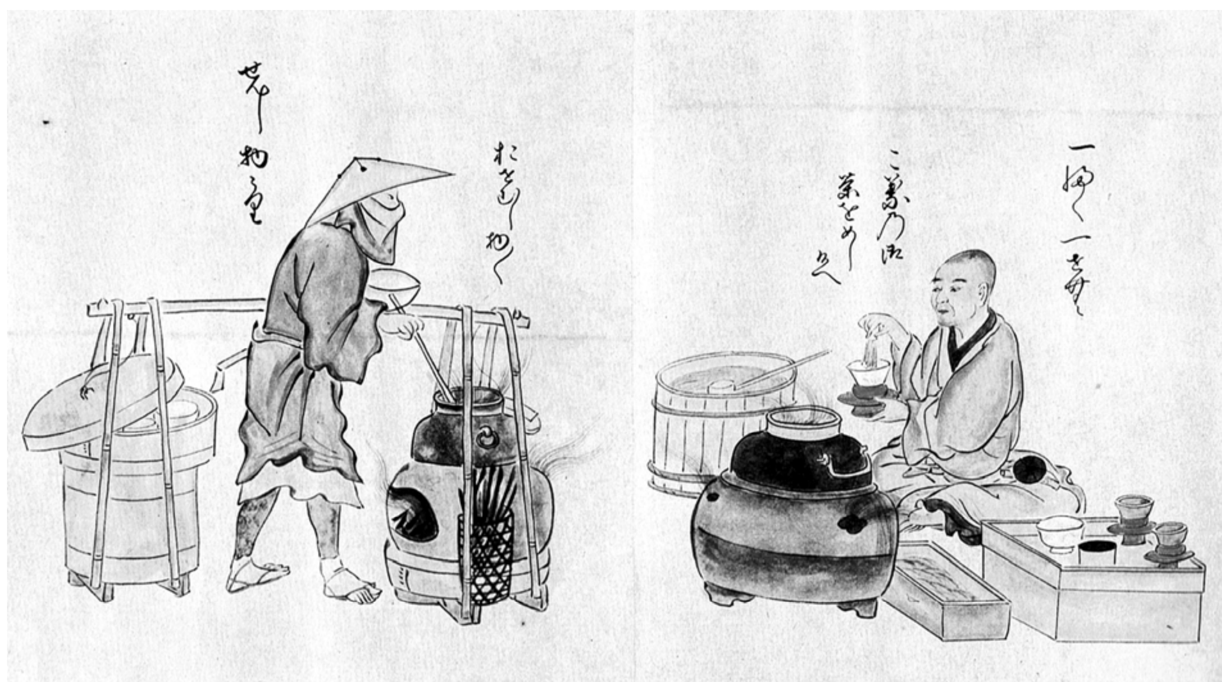
Холодный горный источник.
Горсть воды не успел зачерпнуть,
Как зубы уже заломило.

***

Едкая редька
И суровый, мужской
Разговор с самураем.
(перевод В. Н. Марковой).

***

Стемнело на море,
Но уток крики еще белеют
Вдалеке.
(перевод Т. И. Бреславец).

Илл. 1. Неизвестный художник эпохи Эдо-Токугава.
Взбивание густого чая столепестковым бамбуковым венчиком

Напомним, что до широкого вторжения в Японию западной идеологии никто здесь даже не сомневался в принадлежности, например, чайной церемонии к полноценному искусству. Чайная церемония *тяною*, точно так же, как живопись, каллиграфия, театральное искусство, была неотъемлемой частью *гэйдо* (яп.: «Путь искусства») – традиционного японского искусства.

Строгая граница между собственно искусством и тем, что сейчас называют, к примеру, военными единоборствами, такими как *кэндо* – «Путь меча» (владение мечом); *кюдо* – «Путь лука» (стрельба из лука); *дзюдо* – «мягкий, или гибкий Путь» и др. обозначилась лишь в эпоху Мэйдзи (1868–1911 гг.). В то время Япония восприняла от Запада разделение эпистемологической сферы на четко разграниченные области: 1) научную, представляющую истинное, объективное, никак эмоционально не окрашенное знание; 2) религиозную, имеющую дело с трансцендентным Богом (или множеством богов) и 3) художественную, т. е. искусство, выражающее личностную эмоциональную область освоения окружающей действительности. Однако в средневековой Японии все приведенные выше «Пути» – воинские умения – также считались полноценными видами искусства, способными, в конечном счете, привести к познанию Истины (*макото*) о мире и о самом себе в результате профессионального самосовершенствования. Поэтому отношение к этим «Путям» было делом очень серьезным, связанным с аскетическим подвигом, который приближал всех, вставших на Путь, к монахам, искавшим спасения в монастырях. Что же понималось под спасением? Избавление от заблуждения, загрязнения, неведения (яп. *бонно*), т.е. своеобразное очищение. Однако и в художественных занятиях стояла, заметим, та же задача – очищения).

Так, очищение постулировалось в искусстве чайной церемонии *тяною* главной задачей. Как утверждал еще в XVII в. глава одного из самурайских кланов: «Цель чайной церемонии – очистить шесть “корней”[1] от загрязнения. Осматривая свиток-*какэмоно* в нише-*токонома* и цветы в вазе, очищают глаза; вдыхая аромат благовоний, очищают нос; слушая звуки кипящей в котле воды и капель, падающих из бамбукового желоба, очищают уши; пробуя чай, очищают рот (орган вкуса); беря в руки чайную утварь, очищают органы

[1] Шесть корней – это пять чувств человека + сердце/разум. И если монахи практиковали религиозный путь спасения и очищения от заблуждений, то мастера чайного ритуала, каллиграфии или икэбаны избирали для себя путь эстетический. Но, повторим, такой путь был не менее значителен, чем путь монаха или воина.

осязания. Во время очищения шести “корней” сознание само по себе очищается от скверны»[2]. Исследователь и знаток чайного действа А. Н. Игнатович отмечает: «В “пути чая” очищение сознания, т. е. постижение “пустоты” и “дел и вещей” трактуется как результат очищения органов чувств <…> В процессе реализации четырех принципов (*ва*-гармония; *кэй*-почтительность; *сэй*-чистота; *дзяку*-покой – *Е. С.*), регулирующих проведение чайного действа, такое ощущение (слаженности, согласованности всех чувств – *Е. С.*) усиливается и достигает пика в слиянии в одно целое, воспринимаемое шестью “корнями” по отдельности. Более того, теряют определенность или, лучше сказать, строгую специфичность, функции каждого “корня”: глаз начинает видеть звук, а ухо – слышать цвет» [Игнатович, 1997, с. 138-139]. Не случайно Сэн Сосицу, 15-й глава династии великих мастеров чайной школы *Урасэнкэ* и потомок Сэна Рикю (1522–1591 гг.), основателя искусства чайного ритуала, утверждал: «В микрокосме чайной комнаты границы чувственных восприятий размываются, и ощущения, подобно жидким телам, втекают друг в друга; зрение обретает способность осязать, прикосновение и звук вызывают зрительные образы» [Игнатович, 1997, с. 139].

Весь процесс чайного действа подчинен строгому алгоритму, в результате чего достигается состояние просветления, знаменующее утрату иллюзий и преодоление неведения, т. е. придания сущностного статуса отдельным единичностям (в том числе – собственному «я»). Главная задача – осознание Пустотной основы всего сущего, символом которой является физическая и ментальная чистота, гармония разного. Это гармония пяти стихий, составляющих динамическую основу мироздания: огня (огонь очага), воды (кипящей в котелке), металла (из которого сделан котелок), дерева (утварь, используемая в церемонии), и земли (зола в очаге). Это также гармония отношений хозяина и гостей с такой динамической основой. Все основные понятия, в которых осознается и описывается чайная церемония, ведут к предельному понятию японской и всей дальневосточной культуры – Пустоте, Небытию (яп.: *ку*, *му*). В комментарии к книге «И Цзин – Чжоу И» (VIII–VII вв. до н. э.), главному тексту дальневосточной цивилизации, небытийственная основа всего сущего, постоянно находящегося в состоянии перемен, именуется «телом отсутствия»[3]. Эта небытийственная основа никак не может быть выражена ни в каких явленных формах, однако она может быть «навеяна» как при помощи канонических действий непосредственно в процессе чайного действа, так и при помощи понятий-символов в текстах, описывающих его. «Дух чая не может быть выражен словами, ему нельзя обучить посредством форм» [Записки, 1991, с. 155], – говорится в трактате «Записки о дзэнском чае (*Дзэнтяроку*)» (XVII в.).

Надо сказать, смысл основных понятий чайного действа частично совпадает с основными понятиями других видов японского искусства, и тут следует остановиться на особенностях японской художественной традиции и японской ментальной культуры в целом. Ее принципиальное отличие от западной культуры заключается, по мнению востоковеда Т. Н. Снитко, в том, что первая есть культура понимания, тогда как вторая – культура знания: «В западной лингвокультуре предельные понятия имеют форму знания. Предельные понятия возникают в философской рефлексии как абстрагирование вопросов о сущности, типа “Что есть х?”, либо “В чем состоит культурный смысл х?” и интерпретируются в пространстве содержания каждого отдельного философа. В отличие от научной рефлексии, осуществляемой строго в рамках научного предмета, философская рефлексия способна “выводить” к культурным основаниям» [Снитко, 2014, с. 135]. Таким образом, смысловое поле культуры Запада «засеивается» философами, каждый раз заново интерпретирующими или уточняющими смыслы Бытия при помощи предельных понятий своих лингвокультур (к каковым относятся пространство, время, жизнь, смерть, Бог и т.п.). В ментальной же культуре Дальнего Востока главным предельным понятием является Небытие. Его нельзя никак определить или истолковать, в нем нельзя провести границ; его можно только ощутить; пережить соприкосновение с ним; оно дано человеку в виде чувственно-ментальных

---

[2] Цит. по: [Игнатович, 1997, с. 138].
[3] См.: [И Цзин, 1999, с. 373].

состояний-переживаний, т.е. во многом эстетически. Трактовка Небытия, лежащего в основании дальневосточного мировоззренческого комплекса, напрямую невозможна. «Изначальные смыслы японской культуры сакральны, не проявлены, принадлежат Небытию, поэтому на них можно только намекать, суггестировать их некоторым образом» [Снитко, 2014, с. 168]. Небытие ощущается в разного рода практиках, интенционально *приобретающих эстетическое измерение,* в том числе в практике чайного ритуала. Неслучайно известный ученый-японовед Т. П. Григорьева всегда подчеркивала, что вся ментальная традиционная культура Японии *имеет эстетическую окраску*, где понятие «истина» совпадает с понятием «красота»[4].

В случае чайной церемонии мы имеем сугубо эстетический феномен, специфика которого состоит в умножении художественно воздействующих факторов. Здесь на индивида активно действует целый «синтетический пучок» искусств. Каждое из них само по себе высокоорганизовано, но их сплав дает новое качество, становится самостоятельным видом синтетического искусства. Очень профессиональные, лаконичные, ритуализированные движения мастера церемонии, «хозяина», как его называют в Японии (заметим, существуют четыре главных школы чайного действа, в каждой выработан свой канон). Посуда, изготовленная прославленным художником прошлого. Особенности архитектуры чайного домика и аранжировки сада, вид на который открывается из-за раздвинутых перегородок *фусума*. Изысканный вид и смысл каллиграфической надписи или монохромного пейзажа, проступающих сквозь полумрак в нише *токонома*. Изящество единственного цветка, стоящего в этой нише в уникальной вазе и соответствующего времени года и времени суток. Терпкий вкус специально приготовленного чая (используется не любой чай, а лишь один специальный сорт). Тонкий намек на вкус изысканно сервированных традиционных сладостей. Все вышеперечисленные компоненты одновременно действуют на участника церемонии. Они создают ту самую «эстетическую ситуацию», в рамках которой только возможно восприятие деятельности мастера *ваби-тя* как истинного искусства.

Отличие от искусства западного типа характеризуется здесь, прежде всего, двумя моментами. Во-первых, субъект восприятия в традиционном японском искусстве выступает как *гораздо более активный*, нежели, например, зритель в музее или театре европейского типа. Участник церемонии приближается, если провести аналогию с музыкой, к исполнителю, воплощающему нотную запись композитора в полнокровный звук. Исполнители-участники чайной церемонии, воспитанные в атмосфере традиционного искусства, знакомы с ее каноном, и выступают не пассивными потребителями, но настоящими сотворцами церемонии, без которых она теряет смысл, как теряет смысл музыка без исполнителя-слушателя. В данном случае, как и в случае с исполнителем-музыкантом, наблюдается своеобразный *синтез рецептора и творца искусства.* Второй отличительный момент представляется нам гораздо более важным и специфическим: большая активность зрителей-исполнителей, например, чайной церемонии, объясняется тем, что художественное воздействие проходит *через каналы всех пяти чувственных анализаторов*.

Попробуем распутать синтетический «клубок» действующих факторов в чайной церемонии. Начнем с любого его материального компонента, ну хотя бы с чайной чашки, поданной нам мастером. Она делается из глины, абсолютно непрезентабельна с виду, к тому же как бы «недоделанная», несимметричная, стенки у нее разной толщины, шершавые. Красивой японцы считают не ту чашку, что красиво смотрится в музее, а ту, в которой *целуют* чай, ощущая губами приятную шероховатость поверхности чашки, при этом *согревающей руку* своим теплом. «Поставив чашку на *татами*, рука не должна двигаться по траектории следующего действия, но медленно прощаться с чашкой в режиме удержанного сознания (*дзансин*), как нехотя расстаются два близких друга. Для этого существует даже специальная техника дыхания – *аибака*, столь непростая, что ее во избежание искажений сообщают начинающим мастерам только изустно (*кудэн*)» [Мазурик, 2003, с. 138]. Профессионализм создателя чайной посуды для церемонии следует оценивать не только и не столько глазами (в

[4] См.: [Григорьева, 1992, с. 166; Григорьева, 2011, с. 150].

помещении царит полумрак, поэтому цвет и его оттенки неразличимы), а главным образом – руками. Чашка говорит пальцам больше, чем глазам. Соответственно и осязательный анализатор развит у японцев (в жилище которых всегда было темновато) не в пример тоньше, чем у западного человека. Вот почему внешний вид чашки столь уместен в полумраке чайного домика, когда ее шершавая и неровная поверхность наилучшим образом приходится «по руке» участнику чайной церемонии.

Итак, в условиях чайной церемонии нет простого утоления физической или практической потребности. Здесь уместно говорить об особой работе осязательного анализатора в отношении созданного на его основе подлинно художественного произведения. Если вчитаться внимательно в произведения классиков японской литературы, можно обнаружить красноречивые примеры того, насколько бывает одухотворен и опоэтизирован осязательный анализатор. Так, известный японский писатель Танидзаки Дзюнъитиро (1886–1965 гг.) очень убедительно пишет о своем предпочтении деревянной посуды фарфоровой: «Прикосновение рукою к фарфору дает ощущение тяжести и холода. Кроме того, фарфор быстро нагревается и неудобен для помещения в нем горячего. Неприятно для уха и его звяканье. Лакированные же изделия дают ощущение легкости, мягкости и не издают тревожащих ухо звуков. Я ничего не люблю так, как эту живую теплоту и тяжесть супа, ощущаемые ладонью сквозь стенки лакированной суповой чашки, когда берешь ее в руки. Ощущение это подобно тому, когда держишь в руках нежное тельце новорожденного младенца. Вполне понятно, почему до настоящего времени посуда для супа делается из лакированного дерева: посуда фарфоровая не в состоянии вызвать таких ощущений» [Танидзаки, 1986, с. 495].

Разумеется, нам могут возразить, что такая феноменальная осязательная чувствительность, присущая японцу, фигурирует у Танидзаки не в художественной, а в сугубо бытовой сфере. Но это не совсем так. Бытовая сфера сама по себе ставит условие функционального соответствия предмета, прежде всего, его утилитарному назначению. Этот аспект в мысли писателя, конечно, имеется. Однако не меньшее, а куда большее значение по сравнению с потребительскими качествами суповой чашки из лакового дерева писатель придает тем ассоциациям, которые она способна пробудить в человеке, потому его прикосновение к домашней утвари – осторожное, уважительное.

Очевидно, что осязательный анализатор даже здесь, в бытовой сфере, выступает в *одухотворенном виде,* где чисто физиологический момент наличествует в «снятом», второстепенном виде и где демонстрируется эстетический подход к бытовым вещам. (Красноречивым подтверждением данного тезиса является опыт работы психологов со слепоглухорожденными детьми, у которых не только эстетическое, но и все прочие чувства формируются лишь на основе осязательного анализатора). Для того чтобы осязательный канал восприятия выступил в качестве полноценного «воспринимателя» произведения искусства, надо, во-первых, чтобы существовало такое произведение; и, во-вторых, чтобы была создана соответствующая духовно-художественная ситуация. И то, и другое присутствует в искусстве чайной церемонии.

Более всего западная эстетика ополчалась на обоняние и вкус как на органы, которые могут служить каналами восприятия прекрасного. Основывается она при этом на положении И. Канта, что эстетическое чувство бескорыстно (незаинтересованно), удовлетворяет не биологическую, а духовную потребность, а обоняние и вкус очевидным образом ориентированы на практическое потребление. Тем не менее, не стоит игнорировать тот факт, что *человек является целостным одухотворенным существом, у которого все без исключения анализаторы выступают проводниками эстетического чувства.* Другое дело, что в каждом конкретном случае не все они задействованы в равной степени (или их действие не всегда воспринимается нашим сознанием и проходит неосознанно), но все же они всегда задействованы одновременно, как аспекты целостного человека. В эстетическом восприятии, например, скульптуры явно задействованы и зрительный, и осязательный анализаторы (естественно, в их одухотворенном

виде). В искусстве составления ароматов явно – обонятельный и зрительный анализаторы, менее явно – все остальные. В искусстве чайной церемонии явно задействованы все пять анализаторов, что составляет ее уникальность даже для стран Востока.

Теперь о самом «одиозном» для западного эстетика анализаторе – вкусовом. Это чувство сильнее связано с такой основополагающей способностью человека, как память. Оно глубже укоренено в душе человека и способно ярко воскресить картины, оставшиеся в далеком прошлом – в младенчестве, юности. Вспомним О. Мандельштама, одной фразой возвращающего читателя к вкусовым ощущениям детства:

Так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей
Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

(О. Мандельштам)

Вкусовыми пристрастиями отмечено и творчество Танидзаки Дзюнитиро. Вот что он пишет о японском мармеладе *ёкан*: «Не находите ли вы, что цвет его тоже располагает к мечтательности? Это матовая, полупрозрачная, словно нефрит, масса, как будто вобравшая внутрь себя солнечные лучи и задержавшая их слабый грезящий свет, эта глубина и сложность сочетания красок – ничего подобного вы не увидите в европейских пирожных. А когда еще *ёкан* положен в лакированную вазу, когда сочетание его красок погружено в глубину «темноты», в которой эти краски уже с трудом различимы, то навеваемая им мечтательность еще более усугубляется. Но вот вы кладете в рот холодноватый, скользкий ломтик *ёкана*, и вам кажется, как будто вся темнота комнаты собралась в этом сладком кусочке, тающем сейчас у вас на языке. И вы чувствуете, что вкус этого не бог весть какого вкусного *ёкана* приобрел какую-то странную глубину и содержательность» [Танидзаки, 1986, с. 496]. Таким образом, мы видим, что в Японии, например, вкус мог выступать не только индикатором «съедобного – несъедобного», а и выполнять гораздо более универсальную, можно сказать, *духовную функцию*. Танидзаки сам говорит, что *ёкан* невкусный, точно так же и подаваемые в ходе чайной церемонии сладости *каси* почти безвкусны, в них есть только намек на вкус, а не вкус как таковой.

Существует и еще одно обстоятельство, позволяющее отнести вкусовые ощущения к духовной сфере. И тут мы вновь возвращаемся к чайному действу. Дело в том, что даосская традиция в Китае с древнейших времен была тесно связана с практикой врачевания. В Японии культура чая возникла не раньше IX в., и чай тогда воспринимался как одно из лекарственных снадобий. «Аристократам чай представлялся целебным напитком и, кроме того, ассоциировался с отшельниками и магами» [Игнатович, 1997, с. 11]. Чаепития практиковали и буддийские монахи. Эта традиция также пришла из Китая, где считалось, что «если долгое время потреблять горький чай, будет польза для намерений и мыслей» [Игнатович, 1997, с. 14]. Даосы прославились поисками «эликсира бессмертия». Считалось, что существуют «бессмертные», живущие высоко в горах. Средством поддержания здоровья до глубокой старости признавался, наряду с другими травами и минералами, горький чай. Согласно китайской традиционной медицине, у человека есть пять главных органов, которых лечат пятью разными вкусами. Сердечную мышцу следовало укреплять именно горьким вкусом, каким и обладал чай. Напомним, что сердце на Дальнем Востоке считалось не только главным чувствующим, но и главным мыслительным органом, и поэтому чай обретал популярность как средство для укрепления разума и очищения чувств. Считалось, что чай придавал организму, наряду с чисто материальными, еще и духовные качества, такие как внимание, сосредоточенность, терпение, стойкость.

В первоначальный период распространения чаепития в Японии оно культивировалось лишь малочисленными группами населения (аристократия, даосские отшельники, буддийские монахи). Настоящий расцвет чайный ритуал пережил в эпоху Камакура-Муромати (XIII–XVI вв.), когда стал неотъемлемой частью культурного досуга

самураев и утратил непосредственную связь с даосско-буддийской литургикой. К этому же времени относится появление «чайного» понятия традиционной японской эстетики – *сибуми* (букв. «терпкий, вяжущий вкус»). Это понятие стало обозначать элегантную простоту, изысканную грубость и выражалось в любых неправильностях, «шероховатостях» зрительных, обонятельных, тактильных и вкусовых ощущений. Именно в эпоху Камакура-Муромати были созданы каноны чайной церемонии, разработанные до мелочей, ее смысл стал многослойным. Суть чайного ритуала – таинственно прекрасное (*югэн*); его природа – скудость, простота (*ваби*); его действие – холод (*хиэта би*); его вкус – тонкий (*хосоми*). Напряженное огненное содержание (сущность) и холодное скудное проявление (форма) – это квинтэссенция понятия *югэн* (сокровенно-прекрасного), в которой внутренняя напряженность контрастирует с внешним бесстрастием.

Искусство чайного ритуала вобрало в себя несколько видов традиционного искусства: элементы театрального действия (мистериальный театр Но); искусство каллиграфии и монохромной живописи тушью; искусство составления ароматов; начальную ступень искусства *икэбана*; архитектуру; искусство сухого ландшафтного сада. Они, будучи рядоположны, неслитны, тем не менее, образуют синтетическое восприятие целостности ритуала. Чаепитие с его горьким послевкусием является, как и все перечисленные компоненты, именно духовным, эстетическим переживанием, полным богатых культурных ассоциаций.

Существует и еще одно весьма важное обстоятельство, позволяющее понять значение трех якобы не совсем полноценных анализаторов. Прав японский эстетик второй половины XX в. Кобата Дзюндзо, считающий практику религиозного опыта источником своеобразного синтеза традиционных искусств[5]. В священных местах в синтоизме и в буддийских храмах (как, впрочем, и в христианских, и в мусульманских) практиковалось возжигание благовоний – считалось, что так создается «духовный мост» между человеком и божеством. Возжигание благовоний во время чайного ритуала имеет определенно храмовое происхождение. О глубокой семантической связи «мотивов благовония и молитвы» пишет культуролог и искусствовед Ш. М. Шукуров: «Благовония – это указание на духовное миро, благодать Святого Духа» [Шукуров, 2002, с. 279]. Подобно обонятельным, духовную окраску приобретают тактильные и вкусовые ощущения. Ш. М. Шукуров напоминает в этой связи об опыте Святого Причастия у христиан, о тактильном опыте иудеев и мусульман: «Евреи дотрагиваются в плаче до скалы Мориа. Так же ведут себя и наиболее экзальтированные мусульмане во время обхода Каабы» [Шукуров, 2002, с. 155]. Тактильные, обонятельные и вкусовые ощущения в ситуации соприкосновения со святыней – это переживания, весьма далекие от бытовых, утилитарных. Здесь эстетическая эмоция близка религиозному чувству.

Но даже в «светском» употреблении запахи отнюдь не были лишь индикаторами, имеющими сугубо практическую ценность. Отметим, что способность воспринимать запахи дана человеку от рождения и сильнее всего выражена у новорожденного младенца. За первый год жизни эта способность теряется на 40–50 % и в дальнейшем только ослабевает. Лишь некоторые люди – «нюхачи» обладают в зрелом возрасте «абсолютным нюхом», подобным абсолютному слуху музыканта. Они могут раскладывать запахи на составные части.

Приведем для наглядности несколько профессиональных описаний запахов всем известных эфирных масел: «*Ветивер*. Основной аромат дымно-земляной, сухой, терпкий. Оттенки тональности: верхний – горький; средний – пыльный, песочный; нижний – сладковатый. *Вербена*. Основной аромат утонченно-леденцовый, свежий, слегка терпкий. Оттенки тональности: (вербена – редкое масло, имеющее два дополнительных тона) **тон льда** – леденцовый; верхний – зеленоватый, средний – зеркальный; нижний – звонкий, прозрачный; **тон жара** – терпкий, песчаный. *Мандарин*. Основной аромат праздничный, теплый, фруктово-сладкий, сухой. Оттенки тональности: верхний – веселый; средний – свежей моркови; нижний – пушистый» [Миргородская, 2005, с. 71]. Характеристики эфирных

[5] См.: [Кобата, 1985, с. 19].

масел – этих молекул, из которых собираются ароматы, взяты из арсенала всех пяти чувств плюс еще кое-что, не поддающееся чувственной классификации. «Зеленый, прозрачный, яркий, светлый» – это от зрения; «звонкий, приглушенный» – от слуха; «леденцовый, горький, терпкий, сладкий» – от вкуса; «сухой, холодный, пушистый» – от осязания; «кожаный, талого снега, свежей моркови» – это от главного анализатора – обонятельного. А вот к какому анализатору отнести веселый и зеркальный – сказать сложно.

В Японии в эпоху раннего средневековья существовало искусство составления ароматов. Оно имело свою любительскую модификацию – игру «Угадай аромат», когда аристократические дамы и кавалеры должны были разложить предлагаемый аромат на его составляющие оттенки. Не случайно имена героев знаменитого романа Мурасаки Сикибу «Гэндзи моногатари» (ок. 1008 г.) – Ниоу и Каору означают, соответственно, «аромат» и «благоухание». Считалось весьма престижным иметь свои собственные духи, аромат которых составлен самостоятельно. Отметим, что у этих двух молодых героев духи были отменного качества. Профессионалы выделяют такие оттенки запаха как «земляной», «песчаный», «пыльный». Эти оттенки ведут свое происхождение от следующего обычая. В старину паломники, воины и странники носили на груди в качестве талисмана мешочек с родной землей. Затосковав по родным местам, они вдыхали аромат отчизны, а если умирали, то эта земля помещалась к ним в могилу.

Запах накрепко связан с памятью. «Любая ситуация имеет фоновую ароматическую нагрузку… И именно поэтому нам чисто ассоциативно могут быть неприятны некоторые милые и простые ароматы, неосознанно воспроизводящие в нашей долгой памяти негативные ситуации» [Миргородская, 2005, с. 70]. Так что запахи, будучи теснейшим образом связаны со значимым прошлым, вполне могут стать основой если не для существующих, то для возможных в будущем новых форм искусства.

Интересно, что японский просветитель эпохи Мэйдзи Ниси Аманэ (1829–1897 гг.), предложивший несколько определений для понятия «эстетика», подобно западным философам, считал обоняние (наряду с осязанием и вкусом) второстепенным чувством, но совсем не потому, что оно якобы не столь прочно, как зрение и слух, связано с рассудком. Ущербность обоняния, считал он, в том, что «удовольствие, получаемое от глаз и ушей, может быть разделено многими людьми одновременно, а от остальных трех – зависит от органов каждого человека»[6]. Однако с моей точки зрения, именно то, что эти три анализатора *прочнее, чем зрительный и слуховой, связаны с личной памятью человека,* т. е. с его значимым прошлым, – именно это обстоятельство позволяет видеть в них основу всякого эстетического опыта.

Говоря об эстетике Японии в целом, следует отметить, что *синестетические опыты в традиционных искусствах стали следствием эстетического осмысления религиозных и моральных учений, легших в основание национального менталитета.* Еще раз обратим внимание на понятие пустотности Абсолюта (невыразимого в знаке или форме), которое обрело свое выражение в техниках и практиках (в том числе – художественных), а также в особых знаках, генетически связанных с главным понятием дальневосточной ментальной культуры – Небытием. Синестетический аспект таких практик наиболее полно воплотился в искусстве чайного ритуала. К сожалению, в настоящее время этот ритуал, упрощаясь, коммерциализируясь и постепенно утрачивая свой подлинный смысл, превращается в очередной туристический аттракцион.

И все же синестезия в искусстве сегодняшнего дня продолжает развиваться. Взаимодействие современного технологического инструментария (компьютеры, лазер, электронные устройства), активное использование цвета и музыки, позволяет оказывать полимодальное воздействие на человека и создавать не просто цветомузыкальные композиции, а зрелищные объекты, при восприятии которых используются все органы чувств. Например, поющие фонтаны, где шум воды и музыки сопровождается у зрителя

---

[6] Цит. по: [Marra, 1999, p. 33].

тактильными ощущениями брызг на коже; меняющиеся под музыку высота и цвет водяных струй, управляемые под музыкальное сопровождение фейерверки создают у аудитории особое ощущение больших пространств. Таким образом, синестезия позволяет инвариантно воспринимать различные модальности чувственности, что в свою очередь способствует целостному восприятию мира. С другой стороны, включение в арсенал современной философской эстетики наблюдений, касающихся синестезийного характера восточного – и, в частности, японского – искусства представляется чрезвычайно актуальным.

Литература / References

Гердер И.-Г. *Избранные произведения*. М.–Л., 1959 [Gerder I.-G. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Leningrad, 1959].

Григорьева Т. П. *Дао и логос*. М., 1992 [Grigorieva T. P. *Dao i logos*. Moscow, 1992].

Григорьева Т. П. *Китай, Россия и Всечеловек*. М., 2011 [Grigorieva T. P. *Kitai, Rossiya i Vsechelovek*. Moscow, 2011].

Записки о дзэнском чае (пер. А. Н. Игнатовича) // *Логос*, 1991, № 1. С. 152–163 [Zapiski o dzenskom chae (per. A. N. Ignatovicha) //*Logos*, 1991, 1. Pp. 152–163].

Игнатович А. Н. *Чайное действо*. М., 1997. [Ignatovich A. N. *Chainoe deistvo*. Moscow, 1997].

И Цзин – Чжоу И. *Система перемен – Циклические перемены* (пер. Б. Б. Виногродского). М., 1999 [Yi Jing—Zhou Yi. *Sistema peremen – Tsiklichekie peremeny* (Per. B. B. Vinogrodskogo). Moscow, 1999].

Кин Д. *Японская литература XVII–XIX столетий*. М., 1978 [Kin D. *Yaponskaya literatura XVII—XIX stoletii*. Moscow, 1978].

Мазурик В. П. Чайная чашка и ее функции в японском чайном действе (тяною) // *Вещь в японской культуре*. М., 2003. С. 137–168 [Mazurik V. P. Chainaya chashka i eyo funktsii v yaponskom chainom deistve (tyanoyu). // Vesch' v yaponskoi kul'ture. Moscow, 2003. Pp. 137–168].

Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия*. СПб., 1999 [Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya. Saint Petersburg, 1999].

Мигунов А. С. Предисловие // *Философия наивности*. М., 2001 [Migunov A. S. Predislovie. // *Filosofiya naivnosti*. Moscow, 2001].

Миргородская С. *Аромалогия*. *Quantum Satis*. М., 2005 [Mirgorodskaya S. *Aromalogiya*. *Quantum Satis*. Moscow, 2005].

Снитко Т. Н. *Запад – Восток: предельные понятия лингвокультур*. М., 2014 [Snitko T. N. *Zapad – Vostok: predel'nye ponyatiya lingvokul'tur*. Moscow, 2014].

Танидзаки Дз. Похвала тени // *Избранные произведения в 2-х т*. Т. 1. М., 1986 [Tanidzaki Dz. Pohvala teni // *Izbrannye proizvedeniya v 2-h tomah*. T. 1. Moscow, 1986].

Шукуров Ш. М. *Образ храма. Imago temple*. М., 2002 [Shukurov Sh. M. *Obraz hrama. Imago temple*. Moscow, 2002].

Кобата Дз. *Гудо гэйдзюцу (Праведное искусство)*. Токио, 1985 [Kobata Dz. *Gudo Geidzyutsu (Pravednoe iskusstvo)*. Tokio, 1985].

Marra M. *Modern Japanese Aesthetics. A Rider*. Honolulu, 1999.

МОНГОЛЫ, КИТАЙЦЫ И ЕВРОПЕЙЦЫ В ТИБЕТЕ (1368–1644 гг.)

А. Ш. Кадырбаев*

Статья посвящена истории взаимоотношений монголов, китайцев европейцев с Тибетом в эпоху правления в Китае династии Мин (1368–1644 гг.). В это время Тибет обрел независимость от монголов после падения монгольского владычества, когда на смену монгольской династии Юань в Китае пришла к власти национальная династия Мин. Эпоха Мин – время значительного роста влияния тибетской культуры на сопредельные народы Центральной и Восточной Азии.

Ключевые слова: Тибет, империя Мин, Далай-лама, сакья, кармапа, гелугпа, монголы, ойраты, Лхаса.

MONGOLS, CHINESE AND EUROPEANS IN TIBET (1368–1644)

Alexander Sh. Kadyrbaev

The article is about the history of Mongol, China and Europe relations in Tibet in the times of Chinese Ming Dynasty. During this period stretching from the 14th to the 17th centuries, Tibet gained political independence from Mongols. It was at that time that the influence of Tibetan culture became deeply-rooted in the cultures of several Central Asian peoples.

Keywords: Tibet, Ming Empire, Dalai-lama, Sakya, Gelugpa, Karmapa, Mongols, Oirats, Lhasa.

Ослабление власти монгольских императоров из династии Юань в середине XIV в. привело к усилению в Тибете власти самих тибетцев, а ко времени падения Юань в Китае в 1368 г. ее ставленники из секты тибетского буддизма сакья, правящие тогда в «Стране гор и снегов», постепенно теряли монополию на власть в Тибете. В разных районах страны власть перешла в руки трипонов – правителей округов, самым влиятельным из которых стал Чангчуб Джалцан из Пхагмоду, восставший против сакья и создавший свой аппарат управления. В ходе длительной борьбы между властью сакья, за которыми стояли монголы, пусть далекие и уже битые в Китае, и Чангчубом верховная власть в Тибете перешла в руки последнего. Чангчуб сместил правящего иерарха сакья и отправил в отставку 400 чиновников, ведавших делами по всему Тибету. Затем он провел административную реформу, в ходе которой упразднил весь централизованный аппарат сакья по управлению Тибетом и разделил страну на дзоны – многочисленные округа, раздробив власть на местах. Был проведен передел земли, экономически ослабивший противников Чангчуба, а для крестьян введена твердая ставка поземельного налога в размере шестой части урожая. Для улучшения сообщения внутри страны, ибо в Тибете дороги значили очень много, Чангчуб ввел на всех больших реках службу переправ на лодках, сделанных из шкур яков, а в местах с недоброй репутацией из-за обилия разбойников была улучшена служба охраны путников. На больших караванных дорогах были открыты дома для ночлега, особенно для паломников, уже и тогда многочисленных в Тибете. Чангчуб отменил судопроизводство сакья, которое основывалось на обычаях монголов, и восстановил то уголовное право, которое действовало в Тибете при великих цэнпо древности. В важнейших районах Тибета Чангчуб поставил свои гарнизоны, а на границах с Китаем, где после падения династии Юань к власти пришла национальная династия Мин, – войска. После смерти

* Александр Шайдатович КАДЫРБАЕВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kadyr_50@mail.ru
Alexander Sh. KADYRBAEV, DSc, Leading Research Fellow, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; kadyr_50@mail.ru

Чангчуба ему наследовал племянник, и власть над Тибетом оставалась у династии Пхагмоду. [Кычанов, Савицкий, 1975, с. 73–75].

С царствовавшей в Китае династией Мин, пришедшей на смену монгольской династии Юань в конце XIV – начале XV вв., Тибет отношений не поддерживал, хотя его правители и не мешали инициативе частных лиц. В 1407 г. перерожденец секты тибетского буддизма Кармапа побывал в империи Мин в качестве наставника веры, поскольку «Минский двор, следуя традиции прежней монгольской династии, стал искать для себя в Тибете нового духовного наставника» [Шакабпа, 2003, с. 96]. Один из крупных дипломатов времен минского императора Чжу Ди (девиз правления: Юнлэ; ок. 1402–1424 гг.) евнух Хоу Сянь, неоднократно посещавший Индию, страны Индокитая, гималайские княжества, был направлен в 1403 г. в Тибет, чтобы пригласить оттуда известного наставника Шанши-халима. В 1406 г. Хоу Сянь вернулся вместе с Шанши-халимом, которому были пожалованы многочисленные титулы и оказаны всяческие почести, и в 1407 г. во время торжественной церемонии при дворе Чжу Ди вручена духовная власть над всеми буддистами Поднебесной. Судя по всему, это был упомянутый Сумба Хамбо Ишбалджир, перерожденец секты кармапа и ее пятый иерарх Дэбшин-шэгпа, хотя тибетский историк В. Д. Шакабпа называет датой выезда Дэбшин-шэгпа в Китай 1407 г. Кроме укрепления контроля над умонастроениями китайских буддистов, Чжу Ди получал дополнительные рычаги воздействия на знать монголов, среди которой в период правления династии Юань активно распространялся буддизм тибетского толка, и продолжал укреплять свои позиции в эпоху Мин. В годы правления Чжу Ди в Китай приглашали знаменитого тибетского монаха Цонхапу, ученики которого основали секту гелугпа – «Тех, кто следуют истинным трудам» Цзонхава в Китай не поехал, а послал туда своего ученика Джамчен Чхойдже Ешея, который стал личным ламой минского императора. Вместе с тем, согласно тибетским источникам, «заявление, что китайские императоры династии Мин унаследовали права на Тибет от своих монгольских предшественников, исторически необоснованно» [Sakabpa, 1967, p. 73].

Власть дома Пхагмоду над Тибетом держалась до 1434 г., и ей на смену после длительной борьбы пришел клан Ринпунг, который правил «Страной гор и снегов» в конце XV – начале XVI в. Но власть Ринпунгов была недолговечной: в 1517 г. их изгнали из Лхасы, когда во внутренние распри постепенно втягивались все светские и духовные владетели Тибета, прибегшие к поддержке извне. На горизонте тибетской политики вновь появились монголы. В конце XV – начале XVI в. они заселили районы Кукунора. Росла их сила и приверженность тибетскому буддизму, и нередко они стали участвовать в борьбе знати и религиозных сект Тибета. Во многом, благодаря деятельности монгольских ханов в Тибете, появился институт Далай-лам – духовных религиозных лидеров Тибета, существующий и поныне.

Все началось с того, что Соднам Чжамцо, представитель гелугпа, гонимой в своей стране и державшейся там только в области Уй, в 1577 г. выехал из своего монастыря на север в монгольские степи с целью обрести там поддержку в лице монгольского Алтан-хана. После 170 дней пути, летом 1578 г. Соднам Чжамцо прибыл в ставку Алтан-хана во Внутренней Монголии, в район Хух-Хото, в Коко-Хотан – Голубой город. Здесь лама – монах «непревзойденной учености» и монгольский хан договорились между собой. Алтан-хану нужна была гибкая и не очень заумная вера, чтобы укрепить власть монгольской знати в степи, а гелугпе и ее представителю нужна была поддержка монгольских отрядов для низвержения соперничающих сект в Тибете. В итоге этой встречи и появился на свет институт Далай-лам, а среди монголов стал широко насаждаться тибетский буддизм гелугпа.

Итак, Алтан-хан пожаловал Соднам Чжамцо титул Далай-ламы. Считается, что слово «далай» – перевод на монгольский тибетского слова «чжамцо», означающего «океан», что должно было свидетельствовать о глубине и безбрежности учености и мудрости ламы, сравнимых только с океаном. Монгольский хан вручил Далай-ламе (третьему по позднейшему счету и первому по существу, так как первые два получили этот титул задним

числом, так сказать, посмертно) печать с надписью «Дордже-чанг» – «Держатель громового скипетра», а Соднам Чжамцо одарил Алтан-хана титулом «Царь веры, Брахма богов» и предсказал, что спустя 80 лет потомки хана станут правителями всей Монголии. Был торжественно заложен монастырь Тхенгчен Чонкхор [Кычанов, Савицкий, 1975, с. 80]. На обратном пути Соднам Чжамцо остановился в китайском городе Ланьчжоу, где минские власти просили его повлиять на Алтан-хана, чтобы тот ослабил набеги на пограничные районы империи Мин. В округе Нинся (ныне Иньчуань) к нему для успеха проповеди приставили трех переводчиков. Сюда же прибыли подарки для Соднам Чжамцо от минского императора, поступило и приглашение посетить столицу минского Китая, куда Соднам Чжамцо не поехал. Оставив своих представителей при монголах, он двинулся обратно, но в 1582 г. вернулся в Монголию в связи со смертью Алтан-хана, где оставался до 1588 г. и умер в том же году, возвращаясь в Тибет.

IV Далай-ламой стал внук Алтан-хана по имени Йонтан Чжамцо, который, как перерожденец Соднама Чжамцо, был «найден» в Монголии, что еще прочнее привязало гелугпа к монголам. В 1601 г. в 12 лет IV Далай-ламу привезли в Лхасу в сопровождении отряда монгольских конников, где и прошел обряд интронизации. Тогда же была основана новая линия перерожденцев Панчен-лам, духовных учителей Далай-лам, находившихся друг с другом в сложных доктринальных отношениях. IV Далай-лама жил под постоянной угрозой со стороны секты кармапа и до своей смерти в 1617 г. так и не овладел Тибетом. После смерти IV Далай-Ламы Лхаса была разорена одним из владетелей Тибета Пхунцогом Намджалом в 1619 г., а спасшиеся от резни монахи гелугпа бежали на север, кармапа торжествовала. Казалось, крах гелугпы неизбежен, но в дело вновь вмешались монголы. В 1620 г. их отряд восстановил в Тибете статус-кво и вернул захваченные кармапа монастыри гелугпы прежним владельцам.

«Найденный» в 1619 г. новый перерожденец Йонтана Чжамцо, V Далай-лама Нгагбан Ловзан Чжамцо в 1625 г. был рукоположен в монахи Панчен-ламой, а руководство гелугпа, недовольное своим шатким положением, стало искать новых покровителей теперь уже в лице ойратов – западных монголов, создавших к этому времени в Западной Монголии и на севере Восточного Туркестана в Джунгарии сильное кочевое государство – Джунгарское ханство (до этого, в 1627–1628 гг., ойратское племя хошоутов откочевало из Джунгарии в Тибет). Правитель Джунгарского ханства Баатур-хунтайджи оказал секте гелугпа военную поддержку, но положение монгольских племен также не было стабильным.

С начала XVII в. в Центральной и Восточной Азии громко заявила о себе новая сила – маньчжуры. Они нападали на империю Мин, Корею и в 1631–1632 гг. разгромили монгольское Чахарское ханство в Южной Монголии. Среди монголов Кукунора усилилось влияние тибетских буддийских сект, враждебных гелугпе. Однако в итоге долгой междоусобной борьбы в Тибете при активном участии монголов и ойратов, гелугпа победила, верховная власть над всем Тибетом была передана V Далай-ламе, а Лхаса была объявлена официальной столицей. Установление правления V Далай-ламы над Тибетом с помощью монгольского оружия не прошло гладко. Секта кармапа организовала два восстания, подавленные объединенными усилиями монгольских отрядов и войск правительства V Далай-ламы. Лидеры кармапы и враждебные тибетские владетели, содержавшиеся до этого в тюрьмах Лхасы, были казнены [Кычанов, Савицкий, 1975, с. 76–85].

Успехи Далай-ламы в упрочении своей власти в Тибете способствовали ее признанию со стороны других государств в Восточной и Центральной Азии. В 1639 г. теперь уже маньчжурский император, в то время стоявший ближе к монгольским ханам, чем к императорам Китая из династии Мин, направил в Лхасу Чахань-ламу с письмом, в котором извещал Далай-ламу о том, что будет покровительствовать тибетскому буддизму и заботиться о его распространении. Зимой 1643 г. столицу Маньчжурского государства Мукден, в свою очередь, посетило посольство из Тибета, которому там был оказан теплый прием [Rockhill, 1910, p. 10]. В том же году V Далай-лама был признан западными соседями, княжествами в

Гималайских горах – Непалом и Сиккимом. Монголы и тибетцы вмешались в дела гималайского княжества Бутан, где против правительства восстали монастыри [Кычанов, Савицкий, 1975, с. 85].

Не обошли Тибет вниманием и европейцы. В 1624 г., переодевшись индийцем, в Тибет отправился в сопровождении двух слуг католический монах – португалец Антонио де Андрада. Ранее, в 1600 г., он был направлен в Индию, где в 1621 г. стал главой миссии иезуитов в империи Великих Моголов с резиденцией в Агре, откуда, узнав о существовании неизвестной «Страны гор и снегов», покинул двор и отправился в Тибет с группой паломников. В начале августа, преодолев множество трудностей, он достиг города Цзапаранга в Западном Тибете. Там ему удалось добиться аудиенции у местного правителя, который благосклонно принял иезуита, что вселило в путешественника надежду на основание в Тибете католической миссии, и, вернувшись в Агру, он принялся готовиться ко второму путешествию в Тибет. Вторая экспедиция отправилась в Тибет 17 июня 1625 г. На этот раз иезуитам удалось пробыть в Тибете не менее двух лет. В Цзапаранге была построена католическая церковь и основана миссия, при которой жили семеро иезуитов. Однако деятельность миссионеров вызвала возмущение местных тибетских лам, и это привело к восстанию. Покровительствовавший де Андраде правитель был низложен, здание миссии разрушено, а иезуиты были вынуждены покинуть Тибет. Хотя де Андраде не оставил научных работ о Тибете и тибетском буддизме, он первым из европейцев применил название «Тибет» (Thibet) и написал несколько отчетов о своем путешествии, вызвавших огромный интерес и переведенных на шесть европейских языков. Из отчетов видно, что де Андраде знал о Лхасе, но, по всей видимости, никогда в столице Тибета не был [Соколовский, 1926, с. 13–14; Иванов, 2010, с. 100–101].

Что касается взаимоотношений Тибета с империей Мин, то декларируемая минскими властями зона контроля над Тибетом простиралась до Непала включительно. Интерес Мин к Тибету оставался высоким на протяжении всего времени их правления в Китае, что было связано с непрекращающейся борьбой против монголов и ойратов, в которой империя Мин была вынуждена перейти к стратегической обороне. В 1427 г. для передачи подарков минского императора главам местных племен в Тибет в очередной раз направили Хоу Сяня. По обычаю, зародившемуся еще при правлении Чжу Ди, посла сопровождал многочисленный воинский отряд. Хоу Сянь посетил Западный Тибет, но на обратном пути был атакован местными племенами. В тяжелом бою Хоу Сянь и его воины разбили противника, привезя ко двору в качестве доказательства своей победы отрубленные головы. Казалось бы, трудно отнести стычку эскорта посольства с разбойниками к разряду крупных войн, которые вела империя Мин, но в династийной истории «Мин-ши» сообщается об этом событии как о крупном сражении – за подвиги в бою были награждены более 460 минских воинов, хотя подробности этой баталии династийной историей не приводятся. Однако упоминается, что по заслугам в дальних походах, в том числе и военным, Хоу Сянь являлся вторым после прославленного китайского флотоводца и дипломата Чжэн Хэ, совершившего во главе десятков крупных китайских кораблей плавание в Индийский океан и дошедшего до берегов стран Юго-Восточной Азии, Индии, Африки и Юго-Западной Азии [Пастухов, 2015, с. 60].

Некоторые местные власти в землях Тибета – светские и духовные – носили присвоенные им минским двором должностные звания и титулы. Есть четкая формулировка в китайской династийной истории «Мин-ши» («История Мин») по этому поводу в отношении тибетцев: «Из-за обширности владений сифань (западных фаней, т.е. тибетцев) и дикого, буйного характера их, Тай-цзу (первый минский император Чжу Юаньчжан) намеревался разделить их на части, тем самым подорвать их мощь, чтобы они не делали набеги на (китайские) границы. Поэтому все приезжавшие к (минскому) двору (тибетцы) одаривались должностями. Поскольку они в основном питались мясом и зависели от (поставок) китайского чая, то в их землях [Тай-цзу] открыл «ча-кэ-сы» – «управления по торговле чаем» и

предоставил возможность фаням, приезжавшим с данью и на рынки, где торговали конями, покупать чай. Фани дорожили выгодами, как от торгового обмена, так и от их приезда с данью [к минскому двору]. Они также хотели сохранить наследственные должности [дарованные им минскими властями] и не осмеливались бунтовать» [Мин-ши, 1958, цз. 331]. Исходя из этого текста, можно определить действия минских властей в отношении тибетцев как носящие скорее внешне-, чем внутриполитический характер.

Общеизвестно, что политическая история Тибета, не говоря уже о Непале, в эпоху Мин практически не испытала на себе прямого воздействия Китая. В этой зоне у местных тибетских властей из всех обязанностей в отношении империи Мин была лишь одна – обязанность или, скорее, право приезда с данью к минскому двору. Зона реального подчинения минским властям кончалась – точнее, постепенно сходила на нет – в уезде Амдо – в Северо-Восточном Тибете, не достигая даже границ собственно Тибета. Западная граница этой зоны была, так сказать, «технической»: она определялась той дальностью возможных карательных походов, которая была по силам династии Мин [Мартынов, 1971, с. 62]. При этом в первой половине XVII в., в завершающий период правления династии Мин, появляется название Тибета по-китайски – «Сицзан» (西藏), сохраняющееся за этой страной и поныне. Вторая часть этого названия (*цзан*) представляла собой транскрипцию тибетского обозначения внутреннего Тибета, а первая (*си*) обозначала по-китайски «западный» [Крюков, Малявин, Софронов, 1987, с. 75].

Таким образом, хотя Тибет в эпоху Мин избавился от монгольского владычества и восстановил свою независимость, уже в начале XIV в. влияние монгольских ханов на «Страну гор и снегов» начало возрастать, и монголы, а впоследствии и ойраты в лице Джунгарского ханства, становятся важными факторами внутриполитической жизни Тибета. В свою очередь, духовное влияние тибетцев посредством буддизма, прежде некорректно называвшегося «ламаизмом», во многом определило культуру монгольских народов, когда тибетский язык стал неотъемлемой частью их образования, религии, философии и науки, определяя монгольское письмо, книгопечатание и даже представления монголов, считавших, что они сами и все народы Азии произошли от тибетцев. Влияние китайцев и империи Мин было в Тибете неизмеримо скромнее, несмотря на все попытки их императоров, в то время как европейцы только начинали знакомство с цивилизацией «Страны гор и снегов».

Литература / References

Иванов Д. В. Приключения итальянцев в Тибете // *Восточная коллекция*. 2010. № 2 (41) [Ivanov D. V. Priklyucheniya italiyantsev v Tibete // *Vostochnaya kollektsiya*. 2010. 2 (41)].

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. *Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени*. М., 1987 [Krykov M. V., Malyavin V. V., Sofronov M. V. *'Etnicheskaya istoriya kitaitsev na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni*. Moscow, 1987].

Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. *Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры*. М., 1975 [Kychanov E. I., Savitskyi L. S. *Lydi i bogi strany snegov. Ocherk istorii Tibeta i ego kulturi*. Moscow, 1975].

Мартынов А. С. О туземной тибетской администрации в эпоху Мин // *Страны и народы Востока*. Вып. XI. Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1971 [O tuzemnoi tibetskoi administratsii v 'epohu Ming // *Strany I narodi Vostoka*. Vol. XI. *Strany I narody Tsentralnoi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii*. Moscow, 1971].

Мин-ши («История [династии] Мин») (серия «Соинь-бонабэнь, эр-ши-сы-ши» (34 династийных истории). Шанхай, Пекин, 1958 [*Min-shi ("Istoriya dinastii Ming") (seriya "Soyin-bonaben, er-shi-si-shi" (34 dinastiynyh storii)*. Shanhai, Pekin, 1958].

Пастухов А. М. Китайская армия при династии Мин (вторая половина XIV – первая половина XV века). // *Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии*. 2015. № 6 [Pastuhov A. M. Kitayskaya armiya pri dinastii Ming (vtoraya polovina XIV – pervaya polovina XV veka) // *Batyr. Tradizionnaya voennaya kultura narodov Evrazii*. 2015. 6].

Соколовский Г. И. Антонио де Андраде в Тибете // *Известия Государственного Русского Географического общества*. 1926. Т. LVIII, вып. 2 [Sokolovsky G. I. Antonio de Andrade v Tibete // *Izvestiya Gosudarstvennogo Russkogo Geograficheskogo objestva*. 1926. LVIII.2].

Шакабпа В. Д. *Тибет, политическая история*. СПб, 2003 [Shakabpa W. D. *Tibet, politicheskaya istoriya*. Saint Petersburg, 2003].

Rockhill W. W. *The Dalai-lamas of Lhasa and their Relations with the Manchu Emperors of China, 1644–1909*. Leiden, 1910.

Shakabpa T. W. D. *Tibet, a political History*. New Haven, London, 1967.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЖАЛАЛ АД-ДИН МАНКБУРНЫ ПО ДАННЫМ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Д. М. Тимохин*

В статье рассматривается деятельность одного из самых выдающихся правителей Хорезма – Джалал ад-Дина Манкбурны. В историографии этот хорезмшах известен благодаря противостоянию монгольской угрозе при вторжении Чингисхана в Хорезм. В статье ставится задача охарактеризовать Джалал ад-Дина как политического деятеля, сумевшего после поражения монголам на Инде в 1221 г. дважды создать собственное государство: сначала в пределах Северной Индии, а затем в Западном Иране и на Южном Кавказе. В статье дана оценка и военной, деятельности последнего хорезмшаха и сделана попытка объективно оценить его вклад в историю Ирана, Средней Азии, Индии и Южного Кавказа на материале арабо-персидских источников.

Ключевые слова: Джалал ад-Дин Манкбурны, монголы, Чингисхан, Индия, Иран, Южный Кавказ, Средняя Азия.

MILITARY AND POLITICAL ACTIVITIES OF JALAL AD-DIN MANKBURNI ACCORDING TO ARAB-PERSIAN SOURCES

Dimitry M. Timokhin

The article discusses the history of life and work of one of the most outstanding rulers of Khorezm, Jalal ad-Din Mankburni. In domestic and foreign historiography this Khorezmshah is known mostly due to his opposition to the Mongol threat during Ghenghiz Khan's invasion in the limits of the Khorezmian Empire. This article seeks not only to offer an overview of Jalal ad-Din's military activities, but to characterize him as a political figure. The Khorezmshah was able, twice after the defeat of his army by the Mongols on the Indus river in 1221, to create a separate state, first in North India and then in the lands of Western Iran and the South Caucasus. Undoubtedly, this part of the biography of Jalal al-Din Mankburni needs a more thorough study against the background of the well-studied Ghenghiz Khan. The article also assesses the military and political activities of the last Shah and his contribution to the history of Iran, Central Asia, India and the South Caucasus, all based on the information drawn from Arab-Persian sources.

Keywords: Jalal ad-Din Mankburni, Mongols, Ghenghiz Khan, India, Iran, South Caucasus, Central Asia.

Данная статья преследует цель привлечь внимание к истории военной и политической деятельности одного из наиболее последовательных противников монгольской экспансии в страны Востока – хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Несмотря на то, что большинство арабо-персидских исторических источников предлагают подробное описание военной и политической карьеры этого правителя, подчеркивая его значимость в борьбе с монгольской угрозой, существует ограниченное количество исследований биографии Джалал ад-Дина Манкбурны.

Большинство средневековых памятников подчеркивает тюркское происхождение хорезмшаха Джалал ад-Дина, а его биограф ан-Насави так описывает этого правителя: «Он был смуглым, небольшого роста, тюрком по речи и по выражениям, но говорил также и по-персидски. Что касается его храбрости, то, чтобы сказать о ней, достаточно упомянутых мной

* Дмитрий Михайлович ТИМОХИН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dimitry M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru

его битв. Это был лев среди львов и самый отважный среди своих смельчаков-всадников. Он был кротким, не сердился и не бранился. Он был серьезен, никогда не смеялся, а только улыбался и не был многословен. Он любил справедливость, однако время смуты, с которой он встретился, возобладало [изменив его нрав]. Он любил облегчать жизнь подданных, но правил во время упадка и поэтому прибегал к насилию» [ан-Насави, 1973, с. 296–297].

Источники отмечают вражду внутри тюркской военной верхушки Хорезмийского государства того времени, приведшую к разделу на два враждующих лагеря, один из которых возглавлял Джалал ад-Дин, а второй – Теркен-хатун, мать хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада (отца Джалал ад-Дина). Причиной вражды могла быть племенная принадлежность матери Джалал ад-Дина: Ай-Чичек относилась к другому тюркскому племенному образованию, нежели Теркен-хатун и другие жены Ала ад-Дина. «Мать Узлаг-шаха была из того же племени и рода, что и Теркен-хатун, и ненавидела Ай-Чичек, мать Джалал ад-Дина» [Буниятов, 1986, с. 129]. Арабо-персидские сочинения не дают прямого подтверждения этому факту, поскольку ни в одном нет прямого указания на племенную принадлежность Ай-Чичек. Ситуацию осложняет и то, что происхождение Теркен-хатун также по-разному определяется в разных сочинениях: ан-Насави пишет, что она «была из племени Баят, а это одна из ветвей [племени] Емек» [Ан-Насави, 1973, с. 87; An-Nasavi, 1945, p. 58], у Джузджани отмечается, что она была дочерью хана кыпчаков Акрана (Yqrān) [Tabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. 1, p. 254], Джувейни указывает, что Теркен-хатун происходила из племени канглы [Djuveini, 1959, vol. 2, p. 465], а в другом – из племени Уран (Uraniyan) [Джувейни, 2004, с. 266][1]. Однако ни один источник не дает прямого указания на то, что причина вражды между Теркен-хатун и Джалал ад-Дином состоит в их принадлежность к разным тюркским кочевым племенам. Существуют лишь косвенные доказательства в тексте ан-Насави, который, впрочем, сообщает об этом весьма туманно, как видно из вышеприведенной цитаты. Таким образом, хотя причины вражды между Теркен-хатун и Джалал ад-Дином (равно как и фактического разделения военной элиты Хорезма на два лагеря), могли быть самыми разными и вовсе не связанными с племенной принадлежностью, именно последний фактор до сих считается важнейшим в современной историографии, несмотря на недостаточную доказанность [Буниятов, 1986, с. 128].

Тюркское происхождение Джалал ад-Дина косвенно доказывает и то, что во всех военных кампаниях главной опорой его армии станут именно тюркские военные отряды, за что его и его предшественников даже будут упрекать арабо-персидские историки. «Таким образом, государи этого дома (Хорезмшахов. – *Прим. пер.*) совершили ошибку, взяв в помощь тюрок против такого же племени из числа многобожников. Ведь, кто сражается без непоколебимой веры и твердой убежденности, не надеется на воздаяние и не боится [адских. – *Прим. пер.*] мучений, не гарантирован от слабости при нужде и от того, чтобы следовать своим желаниям в любое время и ежечасно. Да!» [ан-Насави, 1973, с. 125–126]. Тем не менее, именно опора на тюркские военные формирования позволит Джалал ад-Дину совершить головокружительную военную и политическую карьеру: в начале правления, в 1220–1221 гг., хорезмшах заключит союз с тюрками-канглы (с их предводителем, Амин-маликом, Джалал ад-Дин даже успел породниться, женившись на его дочери [ан-Насави, 1973, с. 125–126; Djuveini, 1959, vol. 2, p. 405, 407–408]).

Описывая период хорезмийской экспансии в земли Южного Кавказа, источники упоминают любопытный эпизод накануне сражения между Джалал ад-Дином и грузинской армией, в состав которой входили и наемные кыпчакские отряды. «Вызвав Кошкара, он (Джалал ад-Дин. – *Д. Т.*) дал ему хлеб с солью и послал его к кифчакам напомнить им об их обязательстве перед ним. В правление его отца их заковали в цепи и подвергли унижениям, и он своим посредничеством спас их и ходатайствовал за них перед своим отцом. Разве, обнажив теперь мечи против него, они не нарушили свои обязательства? По этой причине

[1] Подробнее см.: [Тимохин, Тишин, 2016, с. 25–41].

кифчакское войско воздержалось от битвы и, тут же покинув поле боя, расположилось в стороне от остальных» [Джувейни, 2004, с. 311].

Формально военная и политическая карьера Джалал ад-Дина начинается с 1220 г., когда отец передал ему власть в Хорезмийской державе во время войны с монгольскими завоевателями [ан-Насави, 1973, с. 100; Вассаф, 1972, с. 186]. Источники указывают на активное участие Джалал ад-Дина в военной и политической жизни Хорезма и до начала войны с державой Чингисхана, то есть до 1219 г. Наиболее ярким эпизодом «домонгольского» периода в биографии хорезмшаха следует признать сражение на Тургайской равнине с монгольской армией под командованием Джучи-хана, где, по сведениям отдельных памятников, лишь непосредственно действия Джалал ад-Дина и его отрядов смогло спасти хорезмийскую армию от поражения [ан-Насави, 1973, с. 54; Mirhond, 1841, p. 76; Djuzdjani, 1960, p. 269–270; Тимохин, 2012, с. 326–334]. «В свою очередь монгольское войско теснило центр армии Хорезмшаха, и он начал отступать. Но султан Джалал ад-Дин Манкбурны с правого фланга, где он стоял, на неверных татар ударил, усилиями его наступил порядок и он не допустил, чтобы руки людей Чингисхана овладели мусульманами» [Khondamir, 1954, j.1, p. 650]. Именно Джалал ад-Дин предложит накануне войны с монголами план активного противодействия новой угрозе, однако его предложение будет отвергнуто, что в определенном смысле объясняет ту легкость, с которой монголы завоевали Хорасан и Мавераннахр. «И если султан намеревался двинуться сам по пути в Ирак, то старший сын султана Джалал ад-Дина Манкбурны красноречиво отрицал это благоразумное решение и сказал, что правильное мнение состоит исключительно в том, что “здесь в наличии есть такое большое скопление войск ждущих приказа, что оно не пропустит врагов, если они решат переправиться через Джейхун. И если султан все равно в сторону Ирака хочет выступить, пусть войско под мое подчинение предоставит вместе с мощным аппаратом управления и обширными надеждами (на успех. – *Д. Т.*)”» [Khondamir, 1954, j.1, p. 650–651].

Получив власть в Хорезмийском государстве в 1220 г., Джалал ад-Дин не сумел объединить вокруг себя военные силы, находящиеся в столице – Гургандже. «Эмиры Хорезма разделились в этом вопросе (то есть, в отношении поддержки нового хорезмшаха. – *Д. Т.*) поровну. Джалал ад-Дин не мог больше ни оставаться здесь, ни сопротивляться этим эмирам; он направился к Газне. Его братья – Азерлаг и Ак-султан отправились в погоню за ним, чтобы вернуть обратно; но не смогли его догнать. Затем эти два брата выступили с войсками против монголов и были убиты» [Kazvini, 1903, p. 420]. Эта неудача заставила его начать сбор собственной армии в землях, отдаленных от основного театра военных действий, в Газне и Нишапуре, откуда он начал угрожать монгольским войскам. Именно Джалал ад-Дин сумел нанести первое поражение монгольской армии в ходе завоевательной кампании в Центральной Азии и Иране – в битве при Перване им был разбит 45-тысячный корпус под командованием Шики-Хутуху-нойона [Бартольд, 1963, с. 509; Хартог, 2007, с. 154; ал-Асир, 2006, с. 365; Джувейни, 2004, с. 287; Арунова, Лалетин, 2010, с. 28–29]. «Когда Чингиз-хан узнал о том, какая беда стряслась с его войском в Кандахаре, он отрядил своего сына Толи-хана с многочисленным войском, состоящим из отборных воинов, [верных], как потник седла, и [храбрых], как острые мечи. Джалал ад-Дин встретил его с твердым намерением вести джихад и усердно защищать ислам. Он столкнулся у Парвана с его конницей, подобной горным потокам, и воинами, [храбрыми] как львы. Когда показались оба отряда, он сам ринулся на центр Толи-хана, расстроил его [боевой] порядок, бросил под копыта конницы его знамена, принудил его бежать и оставить свою позицию. И [тогда] обрушились на татар мечи мщения. Сидя в седле ненависти, Джалал ад-Дин отсекал мечами концы шейных вен, отделял плечи от мест, где они сходятся. А как же иначе? Ведь они причинили большие страдания ему, его братьям и отцу, его государству, его родне и приближенным, охранявшим его. Он остался без отца и потомства, без господина и без раба, несчастье забросило его в степи, а опасности завели в пустыни. Толи-хан был убит в пылу сражения, в самом разгаре атаки. Было взято много пленных, так что слуги приводили захваченных ими людей к нему

(Джалал ад-Дину) и вбивали им в уши колья, сводя с ними счеты. Джалал ад-Дин радовался и смотрел на это с сияющей улыбкой на лице. Так подвергли их истязаниям в этом мире, "а, конечно, наказание будущей жизни сильнее и длительнее" (Коран XX, 127 (127))» [ан-Насави, 1973, с. 125].

Однако раскол внутри хорезмийской армии после этой победы не позволил Джалал ад-Дину развить успех, а приближение основных монгольских сил заставило этого правителя принять решение о переброске остатков своей армии в северную Индию, но этим планам не суждено было сбыться [ан-Насави, 1973, с. 125–126]. В 1221 г. монголы под командованием Чингисхана разгромили хорезмийскую армию на Инде, однако, как указывают арабо-персидские источники, монгольский правитель отметил храбрость и бесстрашие Джалал ад-Дина. «Вот о каких сыновьях мечтает каждый отец! Избежав двух водоворотов – воды и огня – и достигнув берега безопасности, он совершит множество славных дел и станет причиной неисчислимых бедствий. Как может разумный человек не принимать его в расчет?» [Джувейни, 2004, с. 291].

После разгрома на Инде Джалал ад-Дин пытается активно закрепиться в северной Индии, однако здесь проявляется его основной политический недостаток: нежелание выстраивать прочные дипломатические отношения, агрессивная внешняя политика и отсутствие постоянных союзников. Активными военными действиями хорезмшах настроил против себя всех региональных правителей северной Индии и, несмотря на целый ряд побед, оказался в политической изоляции [ан-Насави, 1973, с. 135; Джувейни, 2004, с. 294–295]. В результате, план по созданию собственной державы в рамках региона и, возможно, последующие попытки отвоевать территории Хорезмийской державы провалился, а сам хорезмшах был вынужден покинуть Индию и вернуться в земли Ирана в 1224–1225 гг.

Последний период в биографии Джалал ад-Дина занимает всего шесть лет, с 1225 по 1231 гг., однако его можно признать и наиболее насыщенным, и – по крайней мере, в первые годы – наиболее успешным. Его власть распространилась не только на территории Ирана и Ирака Персидского, но и на земли Южного Кавказа: было подчинено государство атабеков Азербайджана, Арран, Ширван и Грузия. Войска Джалал ад-Дина всерьез угрожали халифу ан-Насиру [Буниятов, 1986, с. 163], который, по мнению отдельных средневековых историков и некоторых современных исследователей, подстрекал монголов к нападению на Хорезм в 1219 г. «Поход хорезмшаха на Багдад нельзя объяснять только его желанием получить помощь против монголов. Султан, по-видимому, имел тайное намерение отомстить халифу, которого считал виновным в разгроме государства Хорезмшахов и гибели своего отца – султана Ала ад-Дина Мухаммада. Джалал ад-Дин, вероятно, знал о тайной переписке халифа с монголами, и поэтому во время похода на Багдад он написал ал-Малику ал-Муаззаму следующее письмо: "Будь готов ты и те, кто заключил со мной соглашение, – мы двинемся против халифа, так как он является причиной гибели мусульман, гибели моего отца и вторжения неверных в страны ислама". Таким образом, находятся доводы, подтверждающие предположения о тайной переписке халифа ан-Насира с монголами» [Буниятов, 1986, с. 163]. Сам поход Джалал ад-Дина на Багдад не завершился успехом, и явился скорее демонстрацией силы, и по сведениям некоторых арабо-персидских историков, был предпринят с целью взять богатую добычу. «Войска халифа стянулись в Багдад, а воины Джалал ад-Дина занялись грабежами страны и ее населения. Дело в том, что они прибыли с ним из Индии в Хузистан в самом плохом, бедственном состоянии, с малым числом верховых животных. Те, кто был с ним, и сам он были переутомлены настолько, что им было бы бесполезно (сразу идти на Багдад). Они захватили добычу во всей стране и обогащались ею. Особенно они усердствовали в захвате лошадей и мулов, поскольку войско нуждалось в них» [ал-Асир, 2006, с. 370].

Отдельное направление деятельности последнего хорезмшаха – военные походы и покорение Южного Кавказа, в результате чего созданное им государство станет одним из самых могущественных в регионе. В состав державы хорезмшаха благодаря его военным и

дипломатическим усилиям вошли земли атабеков Азербайджана, Арран, зависимость от него признал Ширван. Джалал ад-Дин совершил и несколько походов против Грузинского царства, в результате чего была взята столица, Тифлис, а большая часть территорий покорилась завоевателю. «И как увидали (грузин) сторожевые султана, донесли ему. Он же, будучи бесстрашным в бою, вооружился, шел впереди (своего войска), и произошла война жестокая, и в начале схватки одолели грузины. Когда же разгорелся бой пуще, пало с обеих сторон неисчислимое множество людей, гневно глянул Господь на племя грузинское… и одолели его, и бежали от хорезмийцев. Султан же вновь вступил в Тбилиси. И всех, кого где-либо настигали, грабили. И разорял (хорезмшах) вышеупомянутые страны» [Цулая, 1981, с. 127].

Необходимо трезво оценивать значение хорезмийского завоевания для Южного Кавказа: походы Джалал ад-Дина и включение этих территорий в состав его державы негативно сказались на их экономическом развитии, нанесли огромный урон населению и оставили практически беззащитными перед будущей монгольской угрозой. Это подчеркивают и историки того времени: «Когда Джалал ад-Дин пришел... грузины начинают слабеть, затем Татары довершили разгром, как мы об этом рассказывали» [al-Asir, 1849–1850, p. 492].

Отметим, что в 1227 г. в окрестностях Исфахана хорезмийцы нанесли поражение монгольскому войску, чем на несколько лет отсрочили дальнейшее продвижение завоевателей на запад [Tarih-i al-i Saljuk, 1999, p. 75–76; ан-Насави, 1973, с. 185]. Вот как описывает это сражение Рашид ад-Дин: «Когда войска атаковали друг друга, правый фланг монголов сшиб левый фланг султана и отбросил [его] до Луристана. Правый же фланг султана сшиб левый фланг монголов и отбросил его до пределов Рея. Никто не знал друг о друге; войска смешались. В то время как султан оставался в центре, знамя ['алам] его сдвинулось с места. Его окружили со всех сторон. Атабек Мейбуда, Рукн-ад-дин Абу-л-фатх Ала-ад-доулэ, прозвище которого было Ата-хан, в этом сражении приняли мученическую кончину. Султан жестоко сражался, пока не выскочил из окружения; он бросился в направлении Луристана. В одном ущелье остановились [отдохнуть]. Там к нему стали присоединяться отдельные беглецы» [Рашид ад-Дин, 2002, с. 243–244]. Отдельные исследователи считают, что победа «была неокончательной: очевидными были успехи монголов, и они поднялись на городские стены, но затем без какой-либо попытки осады монголы повернули обратно и двинулись назад, на север. Они двигались так быстро, что через три дня достигли Рея и, продолжая свой путь к Нишапуру, вскоре пересекли Оксус, а возможно ушли в горы Афганистана» [Boyle, 1977, p. 332]. Тем не менее, следует признать, что государство, созданное Джалал ад-Дином с 1225 по 1231 гг., было чем-то вроде защитного рубежа, прикрывавшего мусульманские государства Ближнего Востока и Малой Азии от монгольской угрозы [Карпов, 2007, с. 362].

Однако подобная ситуация не могла продолжаться вовсе не из-за постоянного давления со стороны монгольских завоевателей, а из-за недальновидных действий самого хорезмшаха. Ведя постоянные завоевательные войны, Джалал ад-Дин продемонстрировал своим соседям не только боевые подвиги, но и предпочтение грубой военной силы в противовес дипломатии. Кроме того, постоянная агрессия хорезмшаха в отношении соседних правителей привела к созданию коалиции, куда входили многие из владетелей Ближнего Востока и Малой Азии. «Страх перед непредсказуемыми действиями хорезмшаха Джалал ад-Дина и его войск, и угроза существованию всех малых владений в Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии привели к тому, что коннийский султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I создал против хорезмшаха коалицию, в которую вошли владетель Дамаска ал-Малик ал-Ашраф, владетель Хаша Ибрахим Ширкух, владетель Хартаберта Уртук-хан, владетель Халеба Шамс ад-Дин Саваб, султан Майафарикина Шихаб ад-Дин Гази и султан Банйаса ал-Азиз Усман» [Буниятов, 1986, с. 175]. В результате в 1230 г. в битве при Йассе-Чамана хорезмийская армия была разбита: «Когда на трут войны упал свет, и бой достиг того

момента, когда подул зефир Удачи и начал распускаться бутон Надежды, султан решил встать со своего ложа и сесть в седло. Но у него не было сил держать поводья, и они выпали из его рук, словно это ускользнула от него победа, и конь, вопреки его воле, повернулся и отступил на несколько шагов. Тогда его (Джалал ад-Дина) слуги сказали, султану надо немного отдохнуть, пока он не наберется сил, и его штандарты были унесены. Увидав это, правый и левый фланги подумали, что султан отступает, и также повернули назад. Однако поскольку враги посчитали это уловкой султана, задумавшего выманить их на равнину, глашатай, находившийся в центре войска, объявил, чтобы никто не двигался с места и не преследовал их» [Джувейни, 2004, с. 319].

После этого поражения Джалал ад-Дин бежал в Южный Кавказ, однако собраться с силами и восстановить собственное могущество уже не успел [Джувейни, 2004, с. 319]. В 1231 г. специальный монгольский корпус разбил остатки его армии, а сам он, спасаясь бегством, погиб от рук курдских разбойников. «Затем султан поднялся на гору, где курды стерегли дороги с целью захвата добычи. Они, по своему обычаю, поймали султана и ограбили, как они делали это и с другими захваченными ими [людьми]. Когда они хотели его убить, он по секрету сказал их вожаку: "Я в самом деле султан, и не спеши решать мою судьбу. У тебя есть выбор: или доставь меня к ал-Малику ал-Музаффару Шихаб ад-Дину, и он вознаградит тебя, или отправь меня в какую-либо мою страну – и ты станешь князем". И человек согласился отправить его в его страну. Он отвел его к своему племени, в свое селение и оставил его у своей жены, а сам пошел в горы, чтобы привести лошадей. Во время отсутствия этого человека вдруг появился презренный негодяй – курд с копьем в руке. Он сказал женщине: "Что это за хорезмиец? И почему вы его не убили?" Она ответила: "Об этом нечего говорить, мой муж пощадил его, узнав, что он султан". Курд ответил: "Как вы поверили ему, что он султан? У меня в Хилате погиб брат, который лучше его". И он ударил его копьем так, что другого удара не потребовалось, и отправил его душу в вечный мир. Так злодей пренебрег правом своего предводителя и обагрил землю запретной кровью. И было этим [деянием] разорвано сердце времени, пролит напиток судьбы, из-за него опустились знамена веры и разрушено здание ислама. Разверзлось небо, молнии которого видели сыны веры, а безбожные и неблагородные боялись его мечей. И сколько сражений он дал в разных краях земли, вырвался в них из клыков смерти и освободился из пасти бедствий! А когда пришло его время, гибель могучего льва случилась от лап лисиц» [ан-Насави, 1973, с. 295–296].

Многие современники Джалал ад-Дина понимали, что с его смертью монгольская угроза для регионов Ближнего Востока, Малой Азии и Южного Кавказа становится все более ощутимой. Так, ан-Насави приводит высказывание правителя Джазиры и Хилата ал-Малика ал-Ашрафа: «Вы поздравляете меня с его смертью? Но вы будете пожинать последствия этого, ибо, клянусь Аллахом, его гибель означает вторжения неверных в страны ислама. Теперь нет подобного Хорезмшаху, который был стеной между нами и Гогом и Магогом» [ан-Насави, 1973, с. 296]. Однако печальный финал военно-политической карьеры Джалал ад-Дина во многом был предопределен им самим: дипломатические просчеты вкупе с агрессивной внешней политикой создали вокруг хорезмшаха ореол «неуправляемости». Сложившаяся против него коалиция носила скорее вынужденный характер, а сам не сделал ничего, чтобы предотвратить это столкновение. Кроме того, хорезмшах практически не занимался укреплением власти на завоеванных территориях, предпочитая все новые военные кампании для покорения новых земель. Все это заставляет признать, что Джалал ад-Дин, хотя и был прекрасным военачальником и последовательным противником монгольских завоевателей, являлся при этом слабым политиком, разрушившим все, что сумел создать. В противном случае его держава вполне могла бы и далее сдерживать продвижение на Ближний Восток, в Малую Азию и на Южный Кавказ.

Арабо-персидские историки видят в фигуре Джалал ад-Дина единственного достойного противника монгольской экспансии в первой половине XIII в. Однако уже на

раннем этапе арабо-персидской историографии монгольских походов и деятельности последнего хорезмшаха можно выделить два противоречащих подхода. Первый (условно «критический») сформирован в труде Ибн ал-Асира, где арабский историк бестрепетно указывает на то, что военная деятельность Джалал ад-Дина Манкбурны принесла больше вреда, чем пользы, а его кровавые деяния, особенно на Южном Кавказе, могут вызвать лишь порицание. «Джалал ад-Дин был человеком дурного поведения, плохо управлял своим государством. Не было ни одного из соседних правителей, с которым он бы не враждовал, не посягал бы на его владения и не был бы для него нежелательным соседом. Поэтому все они покинули его и не протянули ему руку помощи» [Буниятов, 1978, с. 136]. Второй подход характерен для упомянутого труда ан-Насави, где, согласно с жанровой особенностью источника, написанного как «сира», образ последнего хорезмшаха «героизирован», отсутствует критика его правления, ошибочных или кровавых деяний, зато превозносятся победы [Ан-Насави, 1973, с. 296]. В более поздних текстах заметно продолжение линии ан-Насави, образ Джалал ад-Дина приобретает все более героические черты, отсутствует и сколько-нибудь значимая критика его действий. Итак, в рамках общего корпуса арабо-персидских памятников о военной и политической деятельности последнего хорезмшаха существенно преобладают источники, где представлен образ «соперника Чингисхана» – великого полководца и политика, главного противника монгольской угрозы для стран исламского Востока.

Литература / References

ал-Асир ибн. *«Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки* / Пер. П. Г. Булгаков, Ш. С. Камолиддин. Ташкент, 2006 [al-Asir ibn. *"Al-Kamil fi-t-tarih". "Polnyj svod po istorii". Izbrannye otryvki* / Per. P. G. Bulgakov, Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006].

Арунова М. Р., Лалетин Ю. П. *Очерки средневековой и новой истории Афганистана.* М., 2010 [Arunova M. R., Laletin Ju. P. *Ocherki srednevekovoj i novoj istorii Afganistana.* Moscow, 2010].

Бартольд В. В. *Сочинения.* Т. 1. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия.* М., 1963 [Bartol'd V. V. *Sochineniya.* T. 1. *Turkestan v 'epohu mongol'skogo nashestviya.* Moscow, 1963].

Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Анушткгинидов, 1097–1231.* М., 1986 [Buniyatov Z. M. *Gosudarstvo Horezmshahov-Anushteginidov*, 1097–1231. Moscow, 1986].

Буниятов З. М. *Государство Атабеков Азербайджана (1136–1225*). Баку, 1978 [Bunijatov Z. M. *Gosudarstvo Atabekov Azerbajdzhana (1136–1225).* Baku, 1978].

Джувейни. *Чингиз-хан. История завоевателя мира* / Пер.: Е. Е. Харитонова. М., 2004 [Dzhuvejni. *Chingiz-han. Istorija zavoevatelja mira* / Per.: E. E. Haritonova. Moscow, 2004].

Карпов С. П. *История Трапезундской империи.* СПб., 2007 [Karpov S. P. *Istorija Trapezundskoj imperii.* Saint-Petersburg, 2007].

ан-Насави. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны* / Пер.: З. М. Буниятов. Баку, 1973 [an-Nasavi. *Zhizneopisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny* / Per.: Z. M. Buniyatov. Baku, 1973].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей: в 3 т.* / Пер.: А. К. Арендс, Ю. П. Верховский, О. И. Смирнова, Л. А. Хетагуров. М., 2002. Кн. 1–2 [Rashid ad-Din. *Sbornik letopisej: v 3 t.* / Per.: A. K. Arends, Ju. P. Verhovskij, O. I. Smirnova, L. A. Hetagurov. M., 2002. Kn. 1–2].

Тимохин Д. М. Первое сражение хорезмийцев и монголов на Тургайской равнине в 1218 г. и его последствия // *Золотоордынская цивилизация.* Вып. 5. Казань, 2012. С. 326–334 [Timohin D. M. Pervoe srazhenie horezmijcev i mongolov na Turgajskoj ravnine v 1218 g. i ego posledstvija // *Zolotoordynskaja civilizacija.* Vyp. 5. Kazan', 2012. Pp. 326–334].

Тимохин Д. М., Тишин В. В. Хорезм, восточные кыпчаки и Волжская Булгария в конце XII – начале XIII вв. // *Золотая Орда в мировой истории.* Казань, 2016. С. 25–41 [Timohin D. M., Tishin V. V. Horezm, vostochnye kypchaki i Volzhskaya Bulgariya v kontse XII – nachale XIII vv. // *Zolotaya Orda v mirovoj istorii.* Kazan', 2016. Pp. 25-41].

Хартог Л. *Чингисхан. Завоеватель мира.* М., 2007 [Hartog L. *Chingishan. Zavoevatel' mira.* M., 2007].

Цулая Г. В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // *Летописи и хроники. 1980 г.* М., 1981. С. 112–128 [Culaja G. V. Dzhelal ad-Din v ocenke gruzinskoj letopisnoj tradicii // *Letopisi i hroniki. 1980 g.* Moscow, 1981. Pp. 112–128].

al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih // *Journal Asiatique.* 1849–1850. XIII–XV.

Boyle J. A. *The Mongol World Empire 1206–1370*. London, 1977.
Djuveini. *The History of the World-conqueror* / Trad.: J. A. Boyle. Vol. 1–2. Manchester, 1959.
Djuzdjani. *Tabakat-i Nasiri* / Trad.: H. G. Raverty. Vol. 1–2. Calcutta, 1960.
Kazvini H. *Tarihi gouzide* / Trad. Y. Le Strange. Vol. I. Paris, 1903.
Khondamir. *Tarih-e habib*. J. 1–3. Tehran, 1954.
an-Nasavi Nur ad-Din Muhammad Zeydary. *Sirat-e Jelal-e ad-Din ya Tarih-e Jelali* / Trad. Mohammad Ali Naseh. Tehran, 1945.
Mirhond. *Histoire de sultan du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis.* Paris, 1841.
Tabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam / by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by H. G. Raverty. London, 1881. Vol. I.XLIX.
Tarih-i al-i Saljuk dar Anatoli. Tehran, 1999.

ВОСТОЧНАЯ ГУТА – ПЕРЕЛОМНАЯ ТОЧКА В СИРИЙСКОЙ ВОЙНЕ

В. М. Ахмедов*

Статья посвящена анализу сирийского конфликта на этапе освобождения правительственными силами пригорода Дамаска Восточной Гуты. Автор рассматривает значение операции с точки зрения интересов России, Турции и США. Дается прогноз развития конфликта и действий сторон, когда официально объявленная цель внешних участников – уничтожение исламского государства – практически достигнута.

Ключевые слова: Сирия, Дамаск, интересы США в Сирии, интересы Турции в Сирии, Россия, гражданская война в Сирии, ИГИЛ.

EASTERN GHOUTA – A TURNING POINT IN THE SYRIAN WAR

Vladimir M. Akhmedov

This article examines the current situation in Eastern Ghouta as it goes through a new phase in the Syrian conflict. Syria faces new "post-terrorist" challenges after the victory over ISIS, and this sets new challenges for external and regional actors. The fighting in Ghouta marks a new deterioration stage of US – Russia relations.

Keywords: Syria, Damascus, US interests in Syria, Turkey interests in Syria, Russia, civil war in Syria, ISIS.

В феврале 2018 г. сирийские правительственные силы при поддержке российской авиации начали решающую войсковую операцию по освобождению восточной Гуты от сил оппозиции и исламистских группировок. События в восточной Гуте вышли за рамки рядовой войсковой операции и приобрели характер противостояния России со странами Запада, пытающимися сохранить сирийскую оппозицию и исламистские группировки для дальнейшей борьбы с режимом президента Сирии Башара Асада. Операцию в восточной Гуте можно рассматривать как новый этап гражданской войны. Она стала первым крупным сражением после того, как один из главных участников этой войны – террористическая группировка «Исламское государство» оказалась почти полностью разгромленной.

Поддержка российских военных, обеспечивавших разведку целей, удары с воздуха, снабжение сирийской армии военной техникой и боеприпасами сыграли важную роль в разгроме ИГИЛ. После уничтожения основных сил ИГИЛ встал вопрос о группировках, формально не входивших в Исламское государство, но не имевших отношения к умеренной сирийской оппозиции (даже воевавших с ней), и не представленных на переговорах в Женеве и Алма-Ате. Главных из них две – группировка «ан-Нусра» (она же «Джейш Фатх аш-Шам»)[1] и постепенно поглощающая ее «Тахрир аш-Шам».

В то же время в пригородах Идлиба и Алеппо набирают силу объединившиеся группировки «аз-Зенки» и «Ахрар аш-Шам», также не относящиеся к умеренной оппозиции. Сирийским правительственным силам и российским ВКС в ближайшем будущем будет проблематично наносить удары по этой части радикальной оппозиции. С военной точки

* Владимир Муртузович АХМЕДОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; arabist@live.com

Vladimir M. AKHMEDOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; arabist@live.com

[1] Летом 2016 г. организация «Джабхат ан-Нусра» публично отказалась от связей с аль-Каидой и изменила название на «Джейш Фатх аш-Шам».

зрения они всегда представляли серьезную силу, но теперь начинают играть и важную политическую роль, прежде всего, в отношениях Москвы и Анкары.

После разгрома курдов в Африне с помощью Сирийской свободной армии и исламистских группировок, которые Анкара выдает за этнически родственные (как, например, туркоманов), турецкая армия все меньше скрывает военную поддержку всего спектра боевиков, противостоящих Дамаску. Перспектива столкновения турецких и сирийских сил на границах провинции Идлиб и восточного Алеппо становится неизбежной, в некоторых местах стороны уже обменялись предупреждающими артиллерийскими ударами. Уже очевидно, что каждая из сторон трактует по-своему понятие зон деэскалации, созданных во исполнение «астанинских» соглашений[2].

Такие отряды, как «Тахрир аш-Шам», которые находят себе убежище на севере Сирии в приграничных сирийско-турецких районах, при определенных обстоятельствах могут использоваться не только Турцией, но и США (поддержка их монархиями Залива уже хорошо известна)[3]. Таким образом, «посттеррористический» этап сирийской войны будет означать столкновение трех сил: Сирии, России, Ирана с одной стороны, Турции – со второй, США и западной коалиции – с третьей. Информационная атака на Дамаск и Москву с обвинениями в бесчеловечности бомбардировок и использовании химических боеприпасов сирийскими военными при штурме восточной Гуты имеет цель найти повод для удара[4] и обосновать законность «наказания».

Изначально сирийские военные, воодушевленные победами в боях за Алеппо, Дейр аз-Зор, восточную часть провинции Идлиб могли попытаться убедить своих российских коллег в том, что операция в Гуте не займет много времени. Однако в отличие от Восточного Алеппо[5], который по площади составляет не более 3 кв. км, территория всей Восточной Гуты равна около 100 кв. км. Это несколько крупных городских районов с плотной застройкой, разделенных поселениями городского типа, где организована противотанковая оборона серьезными инженерными средствами, а многоэтажные здания соединены подземными ходами и превращены в долговременные огневые точки. Весь восточный пригород Дамаска превращен в классический укрепрайон, который можно уничтожить только воздушными бомбовыми ударами.

До начала осады в 2013 г. в Восточной Гуте проживало около 400 тысяч человек. Но после того как в 2011 г. там начались первые бои, войска Башара Асада потеряли уже несколько тысяч военнослужащих. Число вооруженных повстанцев на начало штурма составляло от 8 до 10 тысяч. Эта цифра примерно равна численности боевиков, которые в свое время закрепились в Восточном Алеппо. В основном они представлены отрядами «Фейлак аль-Рахман», «Джейш аль-Ислам», «Ахрар аш-Шам». Однако, в отличие от Алеппо,

---

[2] «Астана-6»: Утверждено создание четырех зон деэскалации напряженности // *Sputnik Kazahstan*. URL: https://ru.sputniknews.kz/politics/20170915/3245231/astana-6-utverzhdeno-sozdanie-chetyrekh-zon-deehskalacii-napryazhennosti.html (дата обращения: 27.03.2018). «В Астане обсуждают создание пятой зоны деэскалации в Сирии», – заявил Богданов // *РИА Новости*. URL: https://ria.ru/syria/20180210/1514367444.html (дата обращения: 27.03.2018). Зоны деэскалации конфликта в Сирии // *РИА Новости*. URL: https://ria.ru/infografika/20170713/1498462317.html?inj=1 (дата обращения: 27.03.2018).

[3] Подробнее о процессах, происходящих в «ан-Нусре» и внутриусобной борьбе в рядах вооруженной оппозиции см.: «Джабхат ан-Нусра тафкаду хадынатиха аш-шаабийя фи идлеб ва интилак аль-ад аль-аксий ли-т-тафаккук» («Джабхат ан-Нусра» теряет народную поддержку в Идлибе, обратной стороной чего может стать начало ее раскола»; перевод с арабского) // *Elnashra*. URL: https://www.elnashra.com/news/show/118521/ (дата обращения: 27.03.2018).

[4] 12.03.2018 г. постоянный представитель США при ООН Никки Хейли на заседании Совета Безопасности ООН заявила о готовности США вновь нанести удар по Сирии, если операции сирийской армии в пригороде столицы Сирии – Восточной Гуте не прекратятся. Хейли напомнила о том, что в апреле 2017 г. США нанесли удар по авиабазе сирийских правительственных сил «в наказание за применение режимом [Асада] химического оружия».

[5] Assad resumes punishment in rebels' tiny patch of Aleppo // *CBS News*. 14.12.2016. URL: https://www.cbsnews.com/news/syria-army-aleppo-bombing-rebels-after-ceasefire-evacuations/ (дата обращения: 27.03.2018).

все они коренные жители восточной Гуты и, прежде всего, защищают свои семьи. Еще до начала операции Москва вела переговоры о подписании соглашений с отрядами повстанцев «Фейлак Рахман» и «Джейш аль-Ислам» для организации зоны деэскалации в Восточной Гуте. Именно эти отряды проявили решимость силой убрать из Восточной Гуты остатки связанных с аль-Каидой отрядов «Тахрир аш-Шам» и «Джейш Фатх аш-Шам»[6].

Все это говорит о сложности реализации военной части операции, сопряженной либо с большими потерями сирийской правительственной армии, либо с жертвами среди мирного населения.

Запад воспользовался ситуацией и навязал известную резолюцию СБ ООН № 2401 по Гуте, которую Москва приняла с известными оговорками, но перемирие в полной мере обеспечить не удалось. Только в результате достигнутых российскими военными договоренностей с группировкой «Фелак ар-рахман» и перегоров с «Джейшаль-Ислам» удалось добиться вывода около четверти населения из «критических» районов Гуты и открыть несколько гуманитарных коридоров для доставки продовольствия мирному населению[7]. Затем согласились эвакуироваться в Идлиб по специальному коридору и основные силы боевиков. Все это позволило оттянуть время и фактически лишить США формального повода для «наказания» режима Асада. Однако это не означает, что США не попытаются прибегнуть к задуманному сценарию еще раз[8].

Суть стратегии США в Сирии сводится к необходимости ограничить влияние Москвы на ситуацию и не позволить совместно с силами президента Асада взять под контроль новые стратегически важные районы страны; лишить Россию возможности влиять на политическое решение кризиса в Сирии на переговорах на всех площадках. Одновременно США пытаются развести Россию и Иран, нарушив их альянс, а также ослабить давление на оппозицию на поле боя и в переговорном процессе; добиться такого формата политического решения по Сирии, где нет места ни Башару Асаду, ни влиянию Ирана.

США уже удалось добиться одной важной цели. Они, фактически, не позволили силам Асада даже с российской поддержкой продвинуться за Евфрат и продемонстрировали, что не будут колебаться в применении силы в случае потенциальной угрозы их интересам и оставляют за собой право дальше наносить удары по любым силам, угрожающим как силам коалиции, так и защищаемым курдам (SDF).

В тоже время, США не удалось использовать курдов и укрепиться на западе Сирии в районе Африна. Успешные действия правительственных войск в Восточной Гуте привели к тому, что США лишаются своих клиентов на расстоянии пистолетного выстрела от виска Асада в пригороде столицы. В результате достигнутых договоренностей по зонам деэскалации, Россия не противодействовала действиям Турции в районе Африна, который через два месяца после начала сирийского вторжения (операция «Оливковая ветвь») оказался под контролем Анкары. Однако ситуативный союз России и Турции можно рассматривать как очень неустойчивый, и США, понимая это, ждут момента, чтобы вступить с Анкарой в торг[9]. В этой ситуации для России важнейшим становится дипломатический фронт. Задача

[6] Подробнее о численности, истории, идеологии, динамике противоборствующих сторон в Сирии см.: Political Source to Rai al-Youm: expected meeting between Mohammed Alloush, Russian diplomats // *Rai al-Youm*. 26.02.18. URL: https://www.raialyoum.com/index.php/ (дата обращения: 27.03.2018).

[7] Сравнительный подсчет произведен по: [Аль-Маджмуа аль-ихсаийя, 1999, с. 27–52; Аль-Мактаб аль-Марказий ли-ль-ихса, 1985, Табл. 1–3]. Также см.: Political Source to Rai al-Youm: expected meeting between Mohammed Alloush, Russian diplomats // *Rai al-Youm*. 26.02.18. URL: https://www.raialyoum.com/index.php/ (дата обращения: 27.03.2018); Eastern Ghouta Syria: The neighbourhoods below the bombs // *BBC*. 02.03.2018. http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-43154146 (дата обращения: 27.03.2018).

[8] Is Eastern Ghouta Worse Than Aleppo? // *The Atlantic*. 28.02.2018. URL: https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/02/syria-eastern-ghouta/554423/ (дата обращения: 27.03.2018).

[9] Turkish intelligence agency working to evacuate radical groups in Eastern Ghouta: Sources // *Hurriyet Daily News*. 16.03.2018. URL: http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-intelligence-agency-working-to-evacuate-radical-groups-in-eastern-ghouta-sources-128840 (дата обращения: 27.03.2018).

номер один на нем – поддерживать противостояние Анкары и Вашингтона, номер два – не терять контакта с сирийской оппозицией на всех площадках, во всех форматах, предлагая почетное место в будущей политической архитектуре. Плохим сценарием для Москвы будет допустить фабрикацию Западом с помощью оппозиции «гуманитарных преступлений режима» и превращение российской базы Хмеймим в новый «Порт-Артур». Нельзя исключать, что США попытаются продвинуть коллективное решение Запада через ООН или в обход о признании «коллективной ответственности» Москвы и Дамаска и применение против них силы в виде разоружающего удара. Позиция Турции с ее проливами, через которые идет снабжение российского контингента, станет критической.

Отношения с Анкарой уже сейчас проходят испытания линией раздела между сирийскими правительственными силами и протурецкими силами, двигающимися на юг после захвата Африна. Чей будет Идлиб? Он может стать разменной монетой. Этот вопрос встанет на повестку сразу после решения судьбы восточной Гуты. США пытаются реализовать свой сценарий сирийской войны, сорвав освобождение восточной Гуты и вбив клин между Москвой и Анкарой. По сути, в Восточной Гуте сегодня проверяется на прочность новая стратегия США, которая начала выстраиваться на поле боя с конца 2017 г.[10], а на дипломатическом фронте после беспрецедентной критики и давления со стороны союзников США в ЕС и НАТО[11]. Продавливание резолюции № 2401 в СБ ООН и обвинение России в ее нарушении может привести к совершенно новой ситуации, которую Запад попытается использовать для делегитимизации России как постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Литература / References

Аль-маджмуа аль-ихсаийя (Статистический сборник). Дамаск, 1999 (на арабск. яз.) [*Al-madjmua al-ihsaiya*. Damask, 1999].

Аль-мактаб аль-марказий ли-ль-ихса (Статистический сборник). Дамаск, 1985 (на арабск. яз.) [*Al-maktab al-markazii li-al-ihsa*. Damask, 1985].

Электронные ресурсы

«Астана-6»: Утверждено создание четырех зон деэскалации напряженности // *Sputnik Kazahstan*. URL: https://ru.sputniknews.kz/politics/20170915/3245231/astana-6-utverzhdeno-sozdanie-chetyrekh-zon-deehskalacii-napryazhennosti.html (дата обращения: 27.03.2018).

«В Астане обсуждают создание пятой зоны деэскалации в Сирии», – заявил Богданов // *РИА Новости*. URL: https://ria.ru/syria/20180210/1514367444.html (дата обращения: 27.03.2018).

«Джабхат ан-Нусра» тафкаду хадынатиха аш-шаабийя фи идлеб ва интилак аль-ад аль-аксий ли-т-тафаккук («Джабхат ан-Нусра» теряет народную поддержку в Идлибе, обратной стороной чего может стать начало ее раскола (перевод с арабского)) // *Elnashra*. URL: https://www.elnashra.com/news/show/118521/ (дата обращения: 27.03.2018).

Зоны деэскалации конфликта в Сирии // *РИА Новости*. URL: https://ria.ru/infografika/20170713/1498462317.html?inj=1 (дата обращения: 27.03.2018).

Al-Arabi 21. 19/01/2018. URL: https://googl/pRJLy6 (дата обращения: 27.03.2018).

Assad resumes punishment in rebels' tiny patch of Aleppo // *CBS News*. 14.12.2016. URL: https://www.cbsnews.com/news/syria-army-aleppo-bombing-rebels-after-ceasefire-evacuations/ (дата обращения: 27.03.2018).

Lister C., Nelson D. All the President's Militias: Assad's Militiafication of Syria // *Middle East Institute*. 14.12.2017. URL:. http://www.mei.edu/content/article/all-president-s-militias-assad-s-militiafication-syria (дата обращения: 27.03.2018).

---

[10] Lister C., Nelson D. All the President's Militias: Assad's Militiafication of Syria // *Middle East Institute*. 14.12.2017. URL:. http://www.mei.edu/content/article/all-president-s-militias-assad-s-militiafication-syria (дата обращения: 27.03.2018).

[11] How Syria's White Helmets became victims of an online propaganda machine // *The Guardian*. 18.12.2017. URL: https://www.theguardian.com/world/2017/dec/18/syria-white-helmets-conspiracy-theories (дата обращения: 27.03.2018); Orient news // *Orient Net*. 06.02.2018. URL: https://googl/bcAKmf/.

Is Eastern Ghouta Worse Than Aleppo? // *The Atlantic*. 28.02.2018. URL: https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/02/syria-eastern-ghouta/554423/ (дата обращения: 27.03.2018).

How Syria's White Helmets became victims of an online propaganda machine // *The Guardian*. 18.12.2017. URL: https://www.theguardian.com/world/2017/dec/18/syria-white-helmets-conspiracy-theories (дата обращения: 27.03.2018).

Lund A. Showdown in East Ghouta // *Carnegie Middle East Center*. 04.08.2016. URL: http://carnegie-mec.org/diwan/63512?lang=en (Дата обращения: 27.03.2018).

Eastern Ghouta Syria: The neighbourhoods below the bombs // *BBC*. 02.03.2018. http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-43154146 (дата обращения: 27.03.2018).

Political Source to Rai al-Youm: expected meeting between Mohammed Alloush, Russian diplomats // *Rai al-Youm*. 26.02.18. URL: https://www.raialyoum.com/index.php/ (дата обращения: 27.03.2018).

Turkish intelligence agency working to evacuate radical groups in Eastern Ghouta: Sources // *Hurriyet Daily News*. 16.03.2018. URL: http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-intelligence-agency-working-to-evacuate-radical-groups-in-eastern-ghouta-sources-128840 (дата обращения: 27.03.2018).

Orient news // *Orient Net*. 06.02.2018. URL: https://googl/bcAKmf/.

ПЕРЕГОВОРЫ ДАГА ХАММАРШЁЛЬДА С ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЕМ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ ЛЕТЧИКОВ И «ПЕКИНСКАЯ ФОРМУЛА» ООН

В. Ц. Головачёв[*]

Одним из важнейших событий декабря 1954 г. стала IX сессия Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Подготовка официальной повестки и проектов резолюций ГА оказались предметом острой борьбы между антагонистами «холодной войны». В число проблем, вынесенных на обсуждение ГА, вошла поданная США и их союзниками «Жалоба на задержание и заключение в тюрьму военного персонала ООН в нарушение соглашения о перемирии в Корее». Решение этой проблемы было поручено генсеку ООН Дагу Хаммаршёльду, который срочно вылетел в Пекин для переговоров с Чжоу Энь-лаем, хотя КНР не была членом ООН и вступила в ее ряды лишь через 17 лет. Переговоры в Пекине в январе 1955 г. стали важным шагом к освобождению 15 американских пленных летчиков и началу прямого диалога Пекина с ООН и США, а выработанный Хаммаршёльдом способ переговоров стал известен как «пекинская формула» и применяется в мировой практике для урегулирования конфликтов при посредничестве ООН. Несмотря на успех миссии генсека ООН решение «шпионской проблемы» затянулось еще на восемь месяцев из-за появления прочих вовлеченных сторон, в т.ч. СССР и правительства Чан Кай-ши на Тайване.

Ключевые слова: Китай, КНР, Пекин, США, ООН, генсек ООН, Хаммаршёльд, Чжоу Энь-лай, пекинская формула, переговоры, шпионаж, летчики.

NEGOTIATIONS OF DAG HAMMARSKJÖLD AND CHOU EN-LAI OVER RELEASE OF IMPRISONED AMERICAN AIRMEN, AND THE UN'S "PEKING FORMULA"

Valentin Ts. Golovachev

The ninth session of the United Nations General Assembly in New York was one of the biggest world events in December 1954. Official agenda and draft resolutions were hotly contested by the Cold War antagonists both before and after the opening of the Session. The US and its allies brought to dispute the "Complaint of Detention and Imprisonment of UN's Military Personnel in Violation of the Korean Armistice Agreement". As the GA Resolution 906(1954) entrusted UN Secretary-General "to seek the release, in accordance with the Korean Armistice Agreement, of these 11 UN Command personnel, and all other captured personnel of the UN Command still detained", Dag Hammarskjöld flew to Beijing for a personal meeting and talks with Chou En-lai, though the PRC was not a member of the UN and only joined 17 years later. These negotiations, later dubbed the "Peking formula", became part of global practice to resolve conflicts via the mediation of the UN. The talks in Beijing in January 1955 were a huge initial step towards the release of the imprisoned American airmen and the beginning of Beijing's informal direct talks with the UN and the US. Yet it took 8 more months to solve the "spy issue", as there were other concerned parties, such as the USSR and the Nationalist government of China in Taiwan.

Keywords: China, PRC, Beijing, USA, UN, UN Secretary-General, Hammarskjöld, Chou En-lai, Peking formula, negotiations, spy issue, airmen.

[*] Валентин Цуньлиевич ГОЛОВАЧЁВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; valliu@complta.ru

Valentin Ts. GOLOVACHYOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; valliu@complta.ru

История появления проблемы и решение о визите генсека ООН в Пекин[1]

Причиной беспрецедентного, неформального и молниеносного визита Дага Хаммаршёльда в Пекин для переговоров с премьером и министром иностранных дел КНР Чжоу Энь-лаем в январе 1955 г. стал инцидент с группой пленных американских летчиков из военного контингента ООН в Корее, приговоренных в КНР к долгим тюремным срокам за шпионаж. История этого инцидента в общих чертах такова.

12 января 1953 г., незадолго до окончания Корейской войны, командир 581-й эскадрильи полковник Арнольд с экипажем в тринадцать человек вылетел на самолете B-29 на авиабазу Йокота (к юго-западу от Токио), где принял листовки для сброса над Северной Кореей. Все задание – разбросать листовки над шестью целями – должно было занять около получаса. Затем самолету следовало вернуться на Йокоту, а следующим утром прибыть на авиабазу Кларк на Филиппинах. Операция прошла удачно над пятью целями, но у границы Кореи с Китаем самолет был перехвачен и подбит истребителями противника, из-за чего экипажу пришлось выброситься на парашютах. Перед прыжком радист передал сигнал Mayday (SOS).

Около места происшествия, у города Аньдун на реке Ялуцзян, базировался советский 64-й авиационный истребительный корпус, чьи самолеты вели ночные дежурства в небе. Но в темноте было невозможно определить, кто сбил B-29, китайцы или русские, а СССР не афишировал свое участие в войне.

Инцидент вызвал всплеск «красной» пропаганды. Сбитый самолет позволил Пекину заявить, что ВВС США вторгались в пределы Китая. Допросы пленных сулили массу сведений. Одиннадцать членов экипажа, схваченные и вывезенные китайцами в Аньдун (трое погибли), могли сообщить много деталей о тайных операциях американских ВВС.

Пленных доставили поездом в Шэньян, продержав там две недели, а затем вывезли в Пекин, где велись уже настоящие допросы. Хотя в руках у китайских и северокорейских властей находились на тот момент тысячи военнопленных из США, подлежавших репатриации по условиям перемирия, одиннадцать американских летчиков оказались в ином положении. Они не вели боевые действия и незаконно проникли в пределы Китая. Их эскадрилья № 581 ранее выполняла спецзадания, в т. ч. эвакуацию и спасение тайных агентов. К тому же, помимо одиннадцати членов экипажа, в самолете летели двое агентов ЦРУ [Foreign Relations, 1985, p. 950, 961, 982, док. 415, 410, 424; Prados, 2006, p. 87–88; Heller, 2001, p. 181].

В сентябре 1953 г. США особо привлекли внимание властей КНР к делу летчиков. В июне 1954 г. вопрос о возвращении летчиков был снова поднят на секретных переговорах с КНР в Женеве. 5 июня китайская сторона вручила американским визави список из 66 граждан США, арестованных в КНР. Но поскольку список оказался неполным, 10 июня на второй встрече в Женеве американцы сами вручили китайцам поименный список 18 пленных летчиков и потребовали освободить их при первой возможности. В тот момент в США еще не знали судьбу всех летчиков, не было известно даже живы ли они. Китайская сторона, в свою очередь, подняла вопрос о задержанных в США китайцах и заявила, что решить вопрос об узниках нетрудно, если есть искренность с обеих сторон [Foreign Relations, 1985, p. 464, 472, док. 212, 215]. 15 июня на третьей встрече в Женеве представитель КНР Ван Пин-нань сообщил, что военные из США, сидящие в тюрьме за нарушение воздушных границ Китая, могут переписываться с семьями и получать посылки через Общество Красного Креста в Пекине. Их приговоры основаны на совершенных преступлениях. В случае хорошего поведения заключенных власти КНР могут изучить возможность смягчения наказаний или досрочного освобождения. Врученный Пекину список арестованных

[1] Основой для реконструкции событий и подготовки данной статьи послужили рассекреченные архивы Государственного департамента США и воспоминания о Д. Хаммаршёльде. Доступ к архивам МИД КНР мог бы существенно дополнить исследование.

американцев проверяется, об итогах проверки будет сообщено позже [Foreign Relations, 1985, p. 468, док. 214]. 21 июня китайские делегаты в Женеве сообщили, что три члена экипажа Арнольда погибли при парашютировании у города Аньдун, но пятнадцать летчиков из списка живы и сидят в тюрьме [Foreign Relations, 1985, p. 477-478, док. 220]. После этого в переговорах возникла 5-месячная пауза, а положение американцев оставалось неопределенным. Силы безопасности КНР держали дело летчиков в секрете до осени 1954 г., когда Пекин провел в пропагандистских целях показательный суд над экипажем и несколькими другими схваченными ранее агентами ЦРУ. Суд приговорил Арнольда к 10 годам тюрьмы, а других к срокам от 4 до 8 лет.

24 ноября 1954 г. «Голос Китая» внезапно сообщил в эфире о пленении одиннадцати американских летчиков и предании их суду за шпионаж. Тем самым проблема возвращения летчиков была открыто введена в мировую политическую повестку. Так как формально американские летчики служили под эгидой ООН, сразу после объявления об их приговорах из Вашингтона последовали резкие заявления и протесты.

29 ноября, после череды закрытых обсуждений в рабочей группе Госдепа, Минобороны и ЦРУ, секретарь Госдепа Дж. Даллес заявил, что США передадут дело в ООН для принятия коллективных мер и применения всех мирных процедур согласно Уставу ООН. Так как летчики служили под эгидой ООН, от реакции ООН будет во многом зависеть ее эффективность в будущем. При этом США не отрицают вероятность принятия односторонних мер [Foreign Relations, 1985, p. 963, 966, док. 416, 417].

1 декабря Д. Эйзенхауэр заявил Дж. Даллесу, что ради спасения узников и недопущения войны выбирает «путь терпения, убеждения, аргументации и пр.» [Foreign Relations, 1985, p. 979, док. 422, прим. 3]. Тем самым ответственность за судьбу и спасение летчиков президент США возложил на ООН.

3 декабря делегация США в ООН передала на обсуждение шестнадцати стран-союзниц по Корейской войне проект требования к ООН о принятии мер по освобождению одиннадцати летчиков [Foreign Relations, 1985, p. 985–987, док. 426, 427].

7 декабря совместный проект резолюции ГА ООН был передан генсеку ООН. В тот же день новый генсек ООН Даг Хаммаршёльд лично подключился к переговорам и сообщил, что готов поехать в Пекин, а представитель США в ООН Генри Кэбот Лодж поднял вопрос о судьбе еще четырех американских летчиков, попавших в тюрьмы КНР после Кореи [Foreign Relations, 1985, p. 993, 1003, док. 429, 433]. С начала декабря Лодж становится главным оперативным связным между аппаратом генсека ООН и руководством США, а его донесения – основным для администрации США источником сведений о ходе переговоров с Пекином.

Подготовка к поездке на переговоры в Пекин

8 декабря Хаммаршёльд информировал Лоджа, что сразу после принятия резолюции по летчикам вышлет Чжоу Энь-лаю телеграмму с вопросом о том, когда, начиная с 26 декабря, тому будет удобно принять генсека ООН в Пекине. Одновременно Хаммаршёльд предупредил о телеграмме представителя СССР на IX ГА ООН А. Я. Малика, резонно полагая, что это предотвратит критику в адрес аппарата генсека и может облегчить ведение дел в Пекине. Уже после принятия резолюции ГА генсек собирался передать Чжоу, помимо телеграммы, отдельное конфиденциальное сообщение через посла КНР в Стокгольме [2] [Foreign Relations, 1985, p. 1016, док. 437].

10 декабря на 509-м пленарном заседании IX сессии ГА ООН была рассмотрена поданная США «Жалоба на задержание и заключение в тюрьму военного персонала ООН в нарушение соглашения о перемирии в Корее». Резолюция ГА по жалобе гласила:

[2] В телеграмме, направленной Чжоу Энь-лаю 10.12.1954, Хаммаршёльд предлагал приехать в Пекин после 26 декабря [Public Papers, 1972, p. 422]. Второе послание, при наличии такового, не было опубликовано.

«*Генеральная Ассамблея… рассмотрев* вопрос относительно 11 военнослужащих США из состава вооруженных сил, подчиненных Командованию ООН и взятых в плен китайскими вооруженными силами 12 января 1953 года при выполнении задания по приказу Командования ООН…

1. *заявляет*, что задержание и заключение в тюрьму 11 американских летчиков… и задержание всего другого взятого в плен персонала Командования ООН… является нарушением Соглашения о перемирии в Корее;

2. *порицает*... предание суду военнопленных, незаконно задержанных после 25 сентября 1953 года и осуждение их;

3. *поручает* Генеральному Секретарю, действуя от имени ООН, искать пути освобождения… указанных 11 военнослужащих Командования ООН и всего другого взятого в плен персонала Командования ООН, которые все еще содержатся в заключении;

4. *предлагает* Генеральному Секретарю прилагать непрерывные и неослабные усилия для достижения этой цели, пользуясь теми средствами, которые ему представляются наиболее целесообразными, и сообщить о достигнутых результатах всем государствам-членам Организации не позднее 31 декабря 1954 г.» [Жалоба на задержание… 1954].

Принимая резолюцию, против которой было подано лишь пять голосов (СССР, Белоруссия, Украина, Польша и Чехословакия), ГА официально поручила своему генсеку лично заняться спасением одиннадцати летчиков и даже предписала крайний срок сообщения о результатах – не позднее 31.12.1954. Этот срок был вскоре нарушен, но Хаммаршёльд действительно приложил все силы для выполнения своей трудной миссии.

Как видно из приведенного выше текста, резолюция ГА была явно оценочной, т.к. прямо обвиняла КНР в нарушении Соглашения о перемирии в Корее и порицала за предание суду военнопленных. Не удивительно, что она вызвала резкую отповедь Чжоу Энь-лая, который заявил: «Никакой гвалт со стороны США не сможет поколебать справедливую позицию Китая по реализации своего суверенного права выносить приговоры американским шпионам» [Urquhart, 1972, p. 102–103, док. ООН A/2889].

Именно поэтому генсек ООН постарался заранее дистанцироваться от резолюции и добился ввода в ее текст фразы с предложением использовать все те пути и средства, «которые ему представляются целесообразными» [Urquhart, 1972, p. 100–101]. Чтобы обеспечить себе простор для маневра Хаммаршёльд сумел заранее заручиться молчаливой поддержкой всех сторон. С той же целью он прибег в своих действиях к тактике «тихой дипломатии».

В личном конфиденциальном письме к президенту США Лодж так описывал обстановку, задачи и роль генсека ООН:

«Я рекомендовал, чтобы чиновники правительства США старались говорить как можно меньше о проблеме узников, дабы дать Хаммаршёльду спокойный период, за который он попытается проработать оную. Он – умелый дипломат, занимающий уникальное по престижу положение и символизирующий волю к миру во всем мире. Он готовится к своему заданию очень деловито. Было бы здорово, если б ему дали реальную возможность поработать без множества интервью в прессе и комментариев от американских чиновников, которые бы намного затруднили его работу по достижению освобождения наших людей» [Foreign Relations, 1985, p. 1017–1018, док. 438].

Сразу после принятия 10 декабря резолюции ГА Хаммаршёльд запросил премьера и министра иностранных дел КНР Чжоу Энь-лая о готовности принять его в Пекине после 26 декабря [Foreign Relations, 1985, p. 1016–1017, док. 437]. К 17 декабря Чжоу ответил, что готов принять генсека.[3] Кроме того, Чжоу позвонил племяннику Хаммаршёльда, служившему поверенным в делах Швеции в Пекине, и просил передать личное сообщение о том, что будет очень рад видеть генсека. Подобная реакция Чжоу Энь-лая воодушевила Хаммаршёльда

[3] См. текст телеграммы Чжоу Энь-лая от 17.12.1954 с известием о том, что он готов принять Хаммаршёльда в Пекине [Public Papers, 1972, p. 423].

и внушала надежду на позитивный исход переговоров. В свою поездку генсек собирался взять лишь несколько спутников: сотрудника безопасности из секретариата ООН, одного советника с Запада и одного советника с Востока. Переводчика должно было предоставить посольство Швеции в Пекине [Foreign Relations, 1985, p. 1037–1038, док. 449]. Все это было сделано для того, чтобы вести переговоры без лишнего шума и сенсаций.

Как отмечал поверенный в делах США в Лондоне Баттеруорс (Butterworth), еще накануне визита в Пекин Хаммаршёльд оценивал свою миссию как необходимый «прорыв ворот» (crash the gate) с целью установить прямой контакт и преодолеть изначально ожидаемый и очевидный отказ Пекина в случае официальных призывов со стороны ООН. Простая формальная передача текста резолюции ГА могла лишь «затуманить» проблему, а заочный обмен телеграммами или переговоры через обычных международных посредников едва ли могли дать нужный результат. Единственным лицом, устраивавшим и США, и КНР, был сам генсек ООН, а его предварительно согласованный экстренный визит в Пекин фактически исключал риск рутинного отказа со стороны КНР и возвращения после бесед с Чжоу Энь-лаем с «пустыми руками» [Foreign Relations, 1985, p. 1043, док. 454, 20.12.1954, p. 1050, док. 460].

В начале 20-х чисел декабря Хаммаршёльд провел встречу с послом КНР в Стокгольме, на которой было достигнуто соглашение по восьми пунктам:

1) путь в Пекин пройдет через Нью-Дели;

2) срок визита займет не больше 4–5 дней;

3) обсуждения пройдут между генсеком ООН и Чжоу Энь-лаем;

4) публичные заявления будут делаться с взаимного согласия заинтересованных сторон;

5) генсека будут сопровождать «политический эксперт» из Пакистана или Бирмы, британский или швейцарский «юридический эксперт», шведский личный помощник, американский «телохранитель» и один или два переводчика;

6) визы для всей его группы;

7) дипломатический иммунитет для всех членов группы;

8) согласие в том, что описывающие предмет переговоров слова «имеющие отношение вопросы» (pertinent questions), использованные в телеграмме Чжоу к генсеку ООН, включают «вопрос, который является причиной для визита генсека в Пекин», а именно – удерживаемый в Китае персонал ООН [Foreign Relations, 1985, p. 1049–1050, док. 458].

30 декабря Хаммаршёльд вылетел из Нью-Йорка в Пекин, совершив по пути рабочие остановки в Лондоне и Нью-Дели, и прибыл в китайскую столицу 5 января 1955 г.

Ход переговоров в Пекине

В Пекине Хаммаршёльд провел четырехдневные переговоры с Чжоу Энь-лаем. По воспоминаниям советника генсека ООН Брайана Урквхарта, старт переговоров явился образцом дипломатического такта: «[Хаммаршёльд] объяснил, что, выполняя свою обязанность снижать международную напряженность в любой части мира, генеральный секретарь не работает на какое-то одно государство или даже большинство государств, что выражено в голосовании на ГА, но исходит из конституционной ответственности в общих целях, установленных в Уставе, которые применимы как к членам, так и к не-членам ООН. На этой основе он и прибыл в Пекин. Резолюция ГА привлекла внимание к делу, в котором Хаммаршёльд имеет и право, и обязанность действовать как генеральный секретарь. Но именно Устав ООН, а не осуждение Генассамблеей в ее резолюции от 10 декабря, составили юридический базис для его нынешнего визита» [Urquhart, 1972, p. 105].

В свою очередь, при обсуждении темы «шпионажа» Чжоу назвал три причины, вызывавшие подозрения китайской стороны:

1) агенты Дауни и Фэкто были схвачены в 1952 г. при вопиющих обстоятельствах;

2) это навело Чжоу на идею о том, что 581-я эскадрилья, выполняя миссию ООН, имела и другие задачи. Такое впечатление возникло потому, что в самолете находился лишний персонал. На борту самолета был также найден радиопередатчик типа UCR-4, который прежде находили у американских агентов в других местах;

3) переданные американцами в Женеве списки не включали Дауни и Фэкто, что вызвало сомнения у китайцев. Эти сомнения подтвердил и тот факт, что в Женеве американская сторона не возразила против заявлений китайцев о том, что они намерены судить всех этих людей.

Чжоу также заявил, что четыре несудимых пилота реактивных самолетов находятся в совсем ином положении, чем прочие одиннадцать. Это дало надежду на их быстрое освобождение и, по мнению генсека, абсолютно позитивную уверенность в спасении Дауни и Фэкто. Хотя Чжоу заявил Хаммаршёльду, что смертный приговор полностью обоснован для обоих агентов, однако «они вернутся домой однажды». Кроме того, Чжоу предложил выдать визы семьям всех 17 человек (11 членов экипажа B-29, четырех пилотов реактивных самолетов, а также Дауни и Фэкто), чтобы те могли приехать в Китай и лично увидеть, как хорошо относятся к узникам. Наконец, Чжоу пообещал визы семьям всех 66 лиц из списка, переданного американской стороне в Женеве [Foreign Relations, 1986, p. 28, док. 11].

Судя по отчетам Хаммаршёльда, Чжоу совершенно не ожидал той реакции, которая последовала со стороны ООН. Взгляды ООН были представлены Чжоу в устном и в письменном виде. По мнению генсека ООН, он разъяснил все моменты, касающиеся узников. По его же словам: «Лекарство находится в теле; их подозрения рассеяны; наши аргументы поняты и восприняты с уважением».

По ходу переговоров Чжоу лишь однажды заявил для проформы: «Наши взгляды непримиримы». Кроме того, он заявил, что США используют эту «шпионскую проблему» для раздувания шума и отвлечения внимания от подписанного 2 декабря Договора о взаимной обороне между Вашингтоном и правительством Чан Кай-ши. Но и эта фраза, по мнению, Хаммаршёльда, была озвучена Чжоу для пропагандистских целей.

В ходе переговоров Чжоу сделал все возможное, чтобы никоим негативным образом не связывать себе руки на будущее. Особенно явно это проявилось в том, что китайский премьер не хотел чрезмерных упоминаний этого дела в коммюнике. По словам Хаммаршёльда: «Он избегал всего, что затруднило бы для него освобождение узников в будущем».

На последней встрече в Пекине Хаммаршёльд прямо сказал Чжоу (и это явно покоробило последнего) что тот должен освободить узников. На это, по словам генсека, Чжоу ответил, что определенно хочет возможности освободить узников, но сделать это следует так, чтобы он не потерял лицо в Азии. Тогда Хаммаршёльд предложил сделать это под предлогом «примерного поведения», а Чжоу ответил, что ему нравится эта идея [Foreign Relations, 1986, p. 27-28, док. 11].

В состоявшейся 13 января беседе в Нью-Йорке с Лоджем и своим британским юрисконсультом Уалдоком[4]Хаммаршёльд выразил убеждение, что Чжоу выполнит сказанное и предложил «залечь тихо» и создать все условия для того, чтобы китайский премьер, кроме всего прочего, сам обдумал эту идею и утвердился в ней [Foreign Relations, 1986, p. 28, док. 11].

Описывая подготовку коммюнике, Хаммаршёльд сообщил, что Чжоу не хотел такового, но сам генсек настаивал – совместное коммюнике покажет, что дело находится под контролем. При обсуждении проекта коммюнике, составленного А. Бохари[5], Чжоу хотел вставить слова «в духе Устава ООН», но Хаммаршёльд отказался, поскольку это могло

[4] Уалдок, Хампфри (Waldock, Humphrey) – профессор, юрист, эксперт по международному праву из Оксфордского университета. Спутник Хаммаршёльда при поездке в Пекин в январе 1955 г.

[5] Бохари, Ахмед С. (Bokhari, Ahmed S.) – заместитель генсека ООН по вопросам публичной информации. Спутник Хаммаршёльда при поездке в Пекин в январе 1955 г.

выглядеть как основание для признания КНР *де факто*. В итоге, первая фраза коммюнике с упоминанием проблемы узников была сформулирована в редакции Хаммаршёльда, а вторая фраза содержала выражения, которые хотел видеть Чжоу[6]. В частности, Чжоу хотел указать в коммюнике, что на переговорах, помимо пленных летчиков, обсуждались другие «имеющие отношение вопросы». Но это, по словам Хаммаршёльда, были чисто показные фразы, т.к. 90% времени из 16 часов двусторонних бесед были посвящены военнопленным. В ходе переговоров у Хаммаршёльда возникла уверенность, что Чжоу не хотел сильно затруднять освобождение пленных летчиков, но, по причинам «сохранения лица», не мог допустить никаких сомнений в приговорах китайских судов [Foreign Relations, 1986, p. 29, док. 11].

В итоге, в согласованном путем обсуждений совместном коммюнике обе стороны отметили, что переговоры в Пекине были полезны, и выразили надежду на продолжение установленных контактов.

Первичные результаты переговоров

Описывая свои впечатления от встреч и бесед с китайским премьером, Хаммаршёльд выразил немалое восхищение его интеллектуальными и общими способностями. Чжоу произвел глубокое впечатление своей интеллигентностью, манерами «гранд сеньора», некими признаками величия, равно как и беспощадности [Foreign Relations, 1986, p. 12–13, док. 7, p. 29, док. 11].

По мнению Хаммаршёльда, Чжоу преуспел в самой трудной роли, дав генсеку понять общую позицию Пекина в свете внешней политики и, вместе с тем, создавая совершенно иное впечатление о ходе переговоров и соглашениях, рассчитанное на внутреннее потребление. Одним из главных наблюдений Хаммаршёльда было то, что Чжоу выглядел очень беспокойным в частных беседах. К концу переговоров он стал казаться более человечным и в личных беседах с генсеком ООН не прибегал к обычным для коммунистов пропагандистским клише.

Хотя в публичном послании с согласием на поездку Хаммаршёльда в Пекин Чжоу делал упор на «имеющих отношение вопросах» для обсуждения, подразумевая под этим проблемы признания и допуска КНР в ООН, ни один из этих вопросов не обсуждался и, по словам Хаммаршёльда, Чжоу явно не рассчитывал на их обсуждение [Foreign Relations, 1986, p. 12–13, док. 7]. В ходе переговоров об освобождение узников Чжоу также ни разу не пытался увязать их с какими-либо иными проблемами. Было ясно, что Чжоу не хочет отрезать пути для урегулирования проблемы. Он дал понять, что если освобождение летчиков будет полностью отделено от любых политических обертонов, то возможен благоприятный исход.

В ходе переговоров Чжоу полностью игнорировал резолюцию ГА ООН, но признавал правомерность бесед с Хаммаршёльдом на базе статьи 99 Устава ООН, дающей генсеку право личного участия в отдельных случаях с целью снижения международной напряженности и содействия миру во всем мире. Хаммаршёльд хотел, чтобы Чжоу принял реальные факты и полагал, что добился этого без каких-либо обещаний со своей стороны.

На пресс-конференции в Нью-Йорке 14 января Хаммаршёльд, исходя из принятой им тактики, максимально принизил положение дел и не упомянул о визах для членов семей. Он только сообщил об отсутствии любых договоренностей и заявил, что его поездка является лишь началом. Для прессы и общественности все последствия переговоров должны были выглядеть спонтанно[7] [Foreign Relations, 1986, p. 28–29, док. 11]. Пресса и общественное мнение не должны были давить и мешать процессу решения сложной проблемы.

В то время как руководство США ожидало до 10 января известий из Пекина и активно обсуждало возможные меры на случай провала миссии Хаммаршёльда, сам генсек оценивал

[6] См. текст коммюнике генсека ООН Хаммаршёльда и премьера КНР Чжоу Энь-лая от 10.01.1955 [Public Papers, 1972, p. 436].

[7] См. текст пресс-конференции Хаммаршёльда от 14.01.1955 [Public Papers, 1972, p. 441–455].

итоги своей поездки как в целом удовлетворительные и «умеренно оптимистичные». По его мнению, в реальности визит в Пекин обеспечил узникам очень защищенное положение, и они пребывают в безопасности, насколько это возможно в текущее время [Foreign Relations, 1986, p. 12–13, док. 7, p. 29, док. 11].

С самого начала переговоры с Чжоу Энь-лаем в Пекине осложнялись тем, что КНР не имела дипотношений с США и не была членом ООН. Но Хаммаршёльд оказался блестящим посредником и вел переговоры в нейтральном ключе, наладив постоянную коммуникацию, воздерживаясь от юридических обвинений и публичных рекомендаций, при постоянном акценте на гуманитарные стороны проблемы и необходимость ее мирного решения. Снижать публичное давление до минимума, при этом увеличивая частное давление до максимума, с сохранением лица оппонентов. Позднее именно этот метод был назван «пекинской формулой» [Ramcharan, 2016, p. 119].

Хотя генсек ООН публично отрицал факт торгов и уступок обеих сторон (что не отрицало готовности к ним), на закрытом обсуждении итогов переговоров он выразил уверенность, что летчиков могут освободить через 2–3 месяца по благовидным причинам, вроде «примерного поведения» или прочим, не связанным с политическими проблемами [Foreign Relations, 1986, p. 12–13, док. 7, 12.01.1955]. В действительности, первые четыре летчика были освобождены лишь через 5,5 месяцев, 30 мая, а оставшиеся одиннадцать – через восемь месяцев после переговоров в Пекине.

Таким образом, визит генсека ООН в Пекин не дал быстрого решения проблемы и явных гарантий ее решения, к тому же ООН подключилась к решению проблемы через полгода после начала ее обсуждения и была лишь одним из нескольких акторов в переговорах, которые шли по нескольким неофициальным каналам. Однако активное посредничество ООН в лице ее генсека сыграло важнейшую роль в ускорении переговоров с Пекином и конечном освобождении американских летчиков. Власти КНР отпустили оставшихся одиннадцать узников 4 августа 1955 г., доставив их на железнодорожный вокзал около Гонконга и передав представителям разведки ВВС США.

Нашумевшая, но теперь уже забытая история с освобождением американских летчиков из тюрем КНР привела в дальнейшем к заметному росту престижа ООН и ее генсека на мировой арене[8] [Хаммаршёльд (1); Хаммаршёльд (2)]. Свидетельством личного успеха Хаммаршёльда служит закрытая телеграмма, посланная Чжоу Энь-лаем через шведское посольство в Швейцарии, которая извещала об освобождении оставшихся летчиков. В телеграмме говорилось:

«… 2. Китайское правительство решило освободить заключенных в тюрьму летчиков США. Это освобождение их от отбывания полного тюремного срока предпринято для того, чтобы поддержать дружбу с Хаммаршёльдом и никак не связано с резолюцией ООН. Чжоу Энь-лай выражает надежду, что Хаммаршёльд примет во внимание этот момент. 3. Китайское правительство надеется продолжить контакты, установленные с Хаммаршёльдом. 4. Чжоу Энь-лай поздравляет Хаммаршёльда с его 50-летием»[9] [Urquhart, 1972, p. 126].

История дальнейших переговоров об освобождении летчиков в период с января по август 1955 г. требует особого изучения. Несмотря на явный успех прорывного визита Хаммаршёльда в Пекин, решение «шпионской проблемы» затянулось еще на целых восемь месяцев из-за влияния прочих вовлеченных сторон, в т. ч. СССР и правительства Чан Кай-ши на Тайване.

Литература / References

Heller P. B. *The United Nations under Dag Hammarskjold, 1953–1961*. London, 2001.
Prados J. *Safe for Democracy: The Secret Wars of the CIA*. Chicago, 2006.

[8] Эта завоеванная генсеком ООН независимая политическая позиция стоила ему жизни в 1961 г.
[9] Неопубликованный документ.

Public Papers of the Secretaries-General of the United Nations. Vol. II: *Dag Hammarskjöld, 1953–1956*. Selected and edited with commentary by A. W. Cordier, W. Foote. New York, 1972.

Ramcharan B. G. *United Nations Protection of Humanity and Its Habitat: A New International Law of Security and Protection*. Brill, 2016.

Urquhart B. *Hammarskjold*. New York, 1972.

Электронные ресурсы

Жалоба на задержание и заключение в тюрьму военного персонала ООН в нарушение соглашения о перемирии в Корее. (906)/IX. Генеральная Ассамблея. IX сессия. 509-е пленарное заседание, 10.12.1954. URL: http://www.un.org/depts/dhl/dag/docs/ares906r.pdf (дата обращения: 18.02.02) [Zhaloba na zaderzhaniye i zaklyucheniye v tyur'mu voyennogo personala OON v narusheniye soglasheniya o peremirim v Koreye. (906)/IX. General'naya Assambleya. IX sessiya. 509-ye plenarnoye zasedaniye, 10.12.1954. URL: http://www.un.org/depts/dhl/dag/docs/ares906r.pdf (accessed 18.02.02)].

Хаммаршёльд Д. (1) Биография. Переговоры с КНР. URL: http://www.wikiwand.com/ru/Хаммаршёльд,_Даг. (дата обращения: 18.02.02) [Hammarskjold D. Biografiya. Peregovory s KNR. URL: http://www.wikiwand.com/ru/Khammarshol'd,_Dag (accessed 18.02.02)].

Хаммаршёльд Д. (2) Биография на сайте ООН. URL: https://www.un.org/sg/ru/content/formersg/dag-hjalmar-agne-carl-hammarskj%C3%B6ld (дата обращения: 18.02.02) [Hammarskjold D. Biografiya na sayte OON. URL: https://www.un.org/sg/ru/content/formersg/dag-hjalmar-agne-carl-hammarskj%C3%B6ld (accessed 18.02.02)].

Foreign Relations of the United States, 1952–1954. China and Japan China. Washington, 1985. T. XIV, vol. 1. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v14p1 (дата обращения: 18.02.02).

Foreign Relations of the United States, 1955–1957. China. Washington, 1986. T. II. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v02 (дата обращения: 18.02.02).

ЦЕЛИ, ИНТЕРЕСЫ, СТРАТЕГИИ КНР И США КАК ГЛАВНЫХ АКТОРОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СПОРА В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Д. Б. Графов*

В статье рассматриваются причины, цели и средства территориальных претензий КНР на часть островов архипелага Спратли (南沙群島; Наньша), и Парасельские острова (西沙羣島; Сиша), а также противостояние Китая и США в связи с этими претензиями. Дается анализ путей развития этого кризиса – как в направлении открытого конфликта, так и в направлении согласования интересов через переговорный процесс. Делается вывод о том, что, с одной стороны, взаимозависимость двух стран не настолько сильна, чтобы дать толчок переговорному процессу, а с другой, что хотя Пекину выгодно демонстрировать конкурентное поведение, ему не выгодно переводить его в открытый конфликт.

Ключевые слова: Китай, США, острова Спратли, Парасельские острова, Южно-Китайское море, конфликт, территориальный спор.

GOALS, INTERESTS, STRATEGIES OF CHINA AND THE UNITED STATES AS KEY ACTORS OF THE TERRITORIAL DISPUTE IN THE SOUTH CHINA SEA

Dmitry B. Grafov

The article deals with the consequences of China's territorial claims in the South China Sea and the possible response of the US, and considers the possibility of negotiations and agreement between China and the US. As the US mounted pressure on China; American destroyers and aircrafts violated Chinese forbidden zone surrounding Spratly Islands; for the first time since 1979, the US President talked with the Taiwanese leader. China, on the other hand, both strived to avoid clashing with the US and at the same time challenged America to act as a superpower. As a result, negotiations between Beijing and Washington seem to be only possible if the US needs Chinese help to influence Iran or North Korea.

Keywords: China, USA, Spratly Islands, Paracel Islands, South China Sea, conflict, territorial dispute.

КОНЕЦ ПАРАДИГМЫ ВЫЖИДАНИЯ

В Южно-китайском море Пекин претендует на Парасельские острова, в 1974 г. захваченные им у Южного Вьетнама. Другой территориальный спор КНР ведет из-за островов архипелага Спратли с Филиппинами, Вьетнамом, Малайзией, Брунеем и Тайванем. Китай контролирует от восьми до девяти островов архипелага, продолжая соединять их искусственными насыпями и постройками. С 2014 г. строительство значительно интенсифицировалось.

Искать причины активности китайской стороны по закреплению своего суверенитета следует в партийных документах КПК. В 2012 г. на XVIII съезде Китайской компартии новый партийный лидер и будущий председатель КНР Си Цзиньпин обратился в своем докладе не столько к партийной номенклатуре, сколько ко всему народу на языке патриотизма и национальной гордости. Около десяти раз он использовал термин «возрождение китайской нации» и впервые предложил миру «слушать Китай». Было объявлено о планах превращения

* Дмитрий Борисович ГРАФОВ, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; graftvc@mail.ru

Dmitry B. GRAFOV, PhD (Politology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; graftvc@mail.ru

КНР в «могущественную морскую державу» и о необходимости для китайской армии учиться побеждать в «локальных войнах»[1].

С XVIII съезда начинается отход от парадигмы выжидания, в рамках которой Поднебесная развивалась в 1990-е гг. по заветам Дэн Сяопина. Эти рамки сформулированы для внешней политики в так называемом указании из 24-х иероглифов: «хладнокровно наблюдать», «вести себя скромно» «не претендовать на лидерство», «выжидать в тени», «крепко стоять на ногах» (冷静观察、 稳住阵脚、 沉着应付、 韬光养晦、 有所作为、 决不当头); иногда они переводятся как «усиливать свою позицию»; «уверенно вводить перемены»; «скрывать свой истинный потенциал»; «делать все зависящее»; «не претендовать на лидерство». Окончанием этапа сдержанности можно считать появление в материалах съезда идеи «возвышения китайской нации» и курса на «строительство мировой державы». Китайская партийная верхушка почувствовала запрос снизу: «миллионы простых китайцев видят, какой влиятельной стала их страна, испытывают законную гордость за возрождение китайской нации. При этом многие не понимают, почему руководство действует по старинке – осторожно, осмотрительно и идет на компромиссы, особенно в отношениях с США» [Лузянин, 2016, с. 54–60]. Именно после XVIII съезда КПК началось возведение на островах Спратли китайских насыпных сооружений и взлетно-посадочной полосы, которые уже, очевидно, должны превратиться в военно-морскую базу. Развернутые системы ПВО хорошо видны со спутниковых снимков[2].

Курс, взятый Си Цзиньпином, получил развитие в октябре 2017 г. на XIX съезде. Председатель КНР заверил, что КПК сделает все, чтобы «великое возрождение китайской нации стало реальностью». В докладе прозвучал отчет: «активно развивалось строительство на островах и рифах в Южно-Китайском море», «углубленно реализовывалась многовекторная дипломатическая концепция. Всесторонне развивалась дипломатия великой державы с китайской спецификой»[3]. Впервые на XIX съезде был предложен курс на «формирование силы» во внешней политике (塑造力). Это означает, что китайская дипломатия должна стать более решительной и напористой[4]. Установки КПК отвечали запросу на более решительную внешнюю политику. Демонстрацией нового курса стало не только строительство масштабных инфраструктурных проектов на спорных островах, но и демонстративные акции по защите провозглашенного суверенитета.

Однако качественным отличием современного этапа территориального спора в Южно-Китайском море стал демонстративный ответ США на китайское формирование вектора силы.

Формы противостояния и аргументы

Без вмешательства США территориальный спор КНР с другими претендентами на острова продолжал бы существовать лишь на бумаге при абсолютном перевесе сил Пекина. Какой-либо перспективы на успех ни у одного из соседей КНР (и у всех вместе) в споре с Поднебесной нет: их противодействие претензиям КНР можно назвать символическим.

Противостояние Малайзии не выходило за пределы подобных символических инцидентов с рыболовными судами, оттеснявшихся китайскими ВМС, а установленные на

[1] Ху Цзиньтао. Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204.htm (дата обращения: 06.02.2018).
[2] China's New Spratly Island Defenses, The Asia Maritime Transparency Initiative. URL: https://amti.csis.org/about/ (дата обращения: 06.02.2018).
[3] Полный текст доклада Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 06.02.2018).
[4] Доклад научного сотрудника Центра по изучению России при Восточно-китайском педагогическом университете (Шанхай) Вань Цинсуна в Валдайском клубе.
URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/natsionalnyy-sezd-kompartii-kitaya/ (дата обращения: 06.02.2018).

мелких островах и скалах символы государственной принадлежности Малайзии (она претендует на шесть островов южной части архипелага Спратли) просто уничтожались.

Филиппины пробовали отвечать на притязания КНР силой. В 1996 г. произошло столкновение ВМС Филиппин и Китая, когда несколько кораблей в течение полутора часов обстреливали друг друга около небольшого острова Кампонес. В 2011 г. филиппинское судно, занимавшееся нефтеразведкой около одного из островов спорного района, было вытеснено кораблем китайских ВМС. Манила, претендующая на 25% архипелага, заявила Пекину официальный протест, но власти КНР не сочли нужным даже отвечать. В 2012 г. после короткого противостояния с ВМС Филиппин Китай захватил рифы Скарборо. В 2013 г. филиппинские пограничные силы пытались задержать китайских рыбаков в спорных водах, но патрульные корабли КНР пресекли эту попытку. Филиппины предпочли бороться с Китаем с помощью Международного суда в Гааге. 12 июля 2016 г. Международный арбитражный суд в решении по делу о китайских притязаниях на острова Спратли постановил, что Китай не имеет никаких «исторических прав» на территорию, обозначаемую им «девяти-пунктирной линией» (“nine-dotted line”). Таким образом, жалоба Филиппин была удовлетворена[5], но власти КНР считают, что оспаривание Филиппинами суверенного права Поднебесной на исторические территории не может быть предметом рассмотрения с точки зрения Конвенции ООН по Морскому праву[6].

У Вьетнама спор с КНР о принадлежности островов Спратли осложнен еще одним территориальным конфликтом в Южно-Китайском море[7]. В 1974 г. корабли ВМС КНР атаковали ВМС Южного Вьетнама у Парасельских островов. При поддержке китайских ВВС сражение было выиграно, Парасельские острова захвачены и позже вошли в состав провинции Хайнань под названием островов Сиша («Западные Пески»). Тем не менее Вьетнам не отказался от своих прав. В 2014 г., когда Китай установил буровую вышку вблизи Парасельских островов, поискам нефти и газа стали мешать вьетнамские суда.

Столкновение между КНР и Вьетнамом из-за островов Спратли приняло форму масштабного боя в 1988 г.[8], когда Вьетнам потерял три сторожевика, а КНР – один. Китай захватил семь рифов и атоллов, с которых и началась экспансия на острова архипелага. На двух из них – Суби и Мисчиф – в 2014 г. начались насыпные работы по расширению и объединению.

В ноябре 2002 г. участники территориального спора, входящие в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии и Китай подписали «Декларацию о поведении сторон», в соответствии с которой решение о статусе островов Спратли отложено до 2052 г. Однако в 2016 г. Вьетнам возмутился нарушением соглашения и заявил протест КНР, после того как китайские самолеты начали использовать взлетно-посадочные полосы, построенные на рифе Файери-Кросс.

Цели и средства США

США не могли остаться в стороне от территориальных претензий КНР в регионе, через который идет основной грузооборот стран Юго-Восточной Азии. Закрепление на

---

[5] The Permanent Court of Arbitration Press Release: The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. The People’s Republic of China), 12 July 2016. URL: https://pca-cpa.org/en/news/pca-press-release-the-south-china-sea-arbitration-the-republic-of-the-philippines-v-the-peoples-republic-of-china/ (дата обращения: 06.02.2018).

[6] 首页涉南海问题立场文件 中国坚持通过谈判解决中国与菲律宾在南海的有关争议 2016/07/13. URL: http://www.fmprc.gov.cn/nanhai/eng/snhwtlcwj_1/t1380615.htm (дата обращения: 06.02.2018).

[7] Todd C. K. Vietnamese Claims to the Truong Sa Archipelago [Ed. Spratly Islands], Explorations in Southeast Asian Studies // *A Journal of the Southeast Asian Studies Student Association*, Vol 3 Fall 1999. URL: https://web.archive.org/web/20130402164512/http://www.hawaii.edu/cseas/pubs/explore/todd.html (дата обращения: 06.02.2018).

[8] Mai Thanh Hai – Vu Ngoc Khanh. Vietnamese soldiers remember 1988 Spratlys battle against Chinese, Thanh Nien News, March 14, 2016. URL: http://www.thanhniennews.com/politics/vietnamese-soldiers-remember-1988-spratlys-battle-against-chinese-60161.html (дата обращения: 06.02.2018).

островах Спратли ведет к непомерному усилению Поднебесной, что недопустимо как для соседей КНР, так и для самих США. Первую попытку контролировать геополитические амбиции Китая можно отнести к 2009 г., когда США предложили КНР идею стратегического союза – то есть, фактически разделить «бремя лидерства» в формате G-2. Эту идею поддерживал З. Бжезинский, а госсекретарь Х. Клинтон называла союз «возможностью для нас работать вместе в любой точке мира»[9]. Однако председатель КНР Ху Цзиньтао не согласился становиться для США «удобной кнопкой» и ставить свою политику в зависимость от геополитического конкурента. От несостоявшейся китайской «перезагрузки» США перешли к сдерживанию Китая руками соседей по Южно-Китайскому морю, с которыми у Пекина сложились конфронтационные отношения. Вашингтон стал защищать «законные интересы» всех участников территориального спора против агрессивного поведения КНР с целью окружить Китай поясом конфликтов, ослабить геополитический потенциал, заставить тратить ресурсы в борьбе с соседями и, таким образом, вынудить Пекин проявить готовность к уступкам Вашингтону.

Заметим, что сами рифы и острова не имеют для США какого-либо важного значения, зато втянув КНР в конфликт, отвлекающий массу сил и ресурсов, будет легче вступить в торг по широкому кругу других важных вопросов. Еще при Б. Обаме Вашингтон вел переговоры с председателем КНР Ху Цзиньтао о помощи в давлении на Иран[10]. И хотя Пекин указал тогда на различия в подходах к «тибетскому вопросу» и поставкам оружия Тайваню, он, в итоге, все же сократил долю импорта иранской нефти. В 2017 г. США потребовалось найти рычаги давления на КНДР, чтобы усилить давление в связи с северокорейской ракетно-ядерной программой, и президенту США не сразу, но все-таки снова удалось уговорить Пекин помочь в энергетической блокаде Пхеньяна. Возможность давления через Китай очень важна для США и в перспективе ужесточения санкций против России. Все это говорит о том, что в отношениях Пекина с Вашингтоном есть более важные вопросы, чем взаимодействия с Ираном или Северной Кореей, и расчет США на использование территориальных претензий Китая в качестве разменной монеты в балансе других интересов себя оправдывает.

Однако конфликт в Южно-Китайском море может быть использован США и для сдерживания самого геополитического вектора Китая. При всем потенциале, которым располагает вторая по размерам экономики держава мира, такой региональный конфликт может надолго отодвинуть самые амбициозные планы Поднебесной. США регулярно напоминают об этом Пекину, посылая свои ВМС и ВВС к островам Спратли, вторгаясь в воздушное и морское пространство, объявленное Китаем суверенным. Смысл вмешательства США в территориальный спор на стороне соседей Китая в одном: дать понять – даже, если другие участники ссоры сочтут за лучшее уступить, будут запуганы или подкуплены – что Пекину все равно придется иметь дело с Вашингтоном.

Цели и средства Китая

Для Китая вся важность спора вокруг архипелага Спратли состоит в необходимости достигнуть трех целей. Первая – известная в Китае как «малаккская дилемма» – состоит в том, чтобы обезопасить основной маршрут импорта ресурсов. Так, около 84% объема китайского нефтяного импорта проходит через Малаккский пролив и через Южно-Китайское море. Основные поставщики нефти (доля от общего импорта): Саудовская Аравия (16%), Ангола (13%), Оман (10%), Иран и Ирак (по 9%), Венесуэла и Объединенные Арабские Эмираты по

[9] Carafano J. J. Why a U.S. – China "G2" Won't Work. Cullom Davis Institute, Jan 6th, 2014. URL: https://www.heritage.org/defense/commentary/why-us-china-g2-wont-work (дата обращения: 06.02.2018).

[10] Lalit K Jha. Obama calls Hu, asks for cooperation on Iran sanctions // *Business Standard*, April 2, 2010. URL: http://www.business-standard.com/article/economy-policy/obama-calls-hu-asks-for-cooperation-on-iran-sanctions-110040200153_1.html (дата обращения: 06.02.2018).

(4%)[11]. Именно эта «дорога жизни» является ключевым звеном китайского национального проекта «Один пояс – один путь». Этим же путем энергоносители попадают в Японию, Южную Корею, Тайвань и Австралию. Тоннаж танкеров, идущих через Малаккский пролив, более чем в три раза превышает аналогичный показатель для Суэцкого канала, и более чем в пять раз превосходит показатели канала Панамского. Практически все морские перевозки, проходящие через Малаккский пролив, минуют и острова Спратли[12]. Геополитический соблазн контролировать это узкое горло для Пекина велик. Кроме того, на шельфе самого архипелага Спратли тоже обнаружены первые нефтяные поля.

Вторая цель – обезопасить подбрюшье Китая с моря. Получив контроль над островами Спратли, Китай окружает их исключительной 200-мильной экономической зоной и, разумеется, 12-ти мильной зоной территориальных вод. Возникает буферная зона, которая препятствует доступу к побережью Китая, и главное – к острову Ханьнань, где находятся крупнейшие базы Южного флота ВМС Народной освободительной армии Китая. Главная из них военно-морская база «Юлинь», где размещены новейшие атомные подводные лодки типа 094 Jin («Цзинь» – по названию китайской династии, правившей в 265–420 гг)[13]. Субмарины имеют на борту по 12 баллистических ракет "JuLang 2" («Большая волна-2») с дальностью полета 8 тысяч километров, и считаются США наиболее опасными. Спутниковые снимки показывают, что на острове Ханьнань возведены и пирсы для швартовки авианосцев[14].

Контроль над Парасельскими островами позволяет перекрыть подход к острову Ханьнань и создать большое защищенное пространство территориальных вод между двумя группами остров и побережьем Китая. Упомянутая выше «девяти-пунктирная линия», с помощью которой КНР устанавливает особый проход иностранных судов вокруг центральной части островов Спратли и Парасельских островов, позволяет проецировать вектор силы на большую часть Южно-Китайского моря: доступ туда ВМС других стран будет затруднен, а воздушное пространство также будут контролировать китайские ВВС и ПВО. Уже сейчас объявлена защищенная воздушная зона, пролет через которую возможен только с разрешения Китая. Во Вторую мировую войну стратегическое значение архипелага Спратли понимала и Япония, создавшая на островах базу подводных лодок.

Наконец, третья цель – ответить как на внутренний запрос «дипломатии сильного Китая», так и на внешние вызовы тех, кто еще не готов считаться с «новым Китаем». А ради того чтобы к 100-летию образования КНР в 2049 г. объявить Китай сверхдержавой (в китайской терминологии – «державой мирового уровня развития»), Пекин готов на многое. В общественном мнении преобладают радикальные настроения. Некоторые китайские СМИ описывают не столь далекое будущее, как «вторую войну» – войну за Южно-Китайское море в 2025–2030 гг.[15] (где «Первая война» 2020–2025 гг. – возвращение Тайваня). Причем 2025–2028 гг. отводятся на то, чтобы предложить соседям по Южно-Китайскому морю вступить в переговоры. Пекин в этом случае может сохранить инвестиции соседей на островах Спратли.

---

[11] China International Analysis, U.S. Energy Information Administration (EIA), 4/11/2016. URL: https://energy.gov/sites/prod/files/2016/04/f30/China_International_Analysis_US.pdf (дата обращения: 07.02.2018).

[12] South China Sea Oil Shipping Lanes, GlobalSecurity. URL: https://www.globalsecurity.org/military/world/war/spratly-ship.htm (дата обращения: 07.02.2018).

[13] McDonough D. S. Unveiled: China's New Naval Base in the South China Sea // *The National Interest*, March 20, 2015. URL: http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/unveiled-chinas-new-naval-base-the-south-china-sea-12452 (дата обращения: 07.02.2018).

[14] Kristensen H. M. The Pentagon's 2017 Report On Chinese Military Affairs, Nuclear Weapons, Federation of American Scientists (FAS), Jun. 08, 2017: URL: https://fas.org/blogs/security/2017/06/china-report-2017/ (дата обращения: 07.02.2018).

[15] 中國未來 50 年裡必打的六場戰爭時間：發佈者：李秋悅 2013 年 7 月 08 日. URL: http://info.wenweipo.com/index.php?action-viewnews-itemid-62404 (дата обращения: 07.02.2018).

Ставки в противостоянии

В любом кризисе, который приобрел форму демонстративного давления, имеет значение характер акций и обоснование позиций. Пекин выводит свои претензии на острова Спратли из глубины веков. Согласно китайским историческим источникам, архипелаги Сиша (西沙羣島; Парасельские острова), Наньша (南沙群島; Спратли) и другие острова Южно-Китайского моря были открыты 2 тысячи лет назад китайскими мореплавателями[16]. Они обозначены как китайские территории на картах эпохи Сун (XI в.) и последующих династий (Юань, Мин и Цин). Во времена «слабого Китая» он потерял эти территории и теперь проводит их мирное возвращение. Поэтому любые решения Гаагского международного суда в отношении своей исконной территории Пекин считает ничтожными.

США твердо стоят на противоположной позиции: Китай не имеет права на острова, как не имеет и права нарушать принцип свободы судоходства. Военные, воздушные и морские суда США постоянно напоминают, что с границей территориальных вод, объявленной Поднебесной в одностороннем порядке, Вашингтон не считается. Пекину ничего не остается, как зеркально обвинять США в нарушении своего суверенитета. 17 января 2018 г. МИД Китая в очередной раз заявил, что американский эсминец прошел вблизи острова Хуанянь без предупреждения Пекина. «Судно США нарушило суверенитет и интересы безопасности Китая», – заявил официальный представитель МИД Лу Кан[17].

Несмотря на то, что стороны демонстрируют конкурентное поведение и со стороны Пекина постоянно слышны заявления о готовности защищать свои территориальные воды всеми возможными способами, возможностей повышать ставки при развитии кризиса у Вашингтона больше.

Внешне наиболее угрожающей выглядела реакция Пекина в 2015 г., когда эсминец США демонстративно несколько раз нарушил 12-ти мильную морскую зону территориальных вод, проигнорировав резкие предупреждения властей КНР. Пресс-секретарь Министерства иностранных дел Китая Лу Кан заявил, что Пекин «решительно отреагирует на преднамеренные провокационные действия любой страны». Министерство обороны США ответило, что «Соединенные Штаты проводят регулярные операции в Южно-Китайском море в соответствии с международным правом». Американскому послу в МИД КНР был заявлен протест[18], а командующий китайскими ВМС адмирал У. Шэнли предупредил по каналу видеосвязи начальника штаба ВМС США адмирала Дж. Ричардсона, что опасные и провокационные действия американских военных в Южно-Китайском море могут поставить две страны на грань войны[19]. Позиция Вашингтона не изменилась: США будут продолжать плавать, летать и действовать там, где это разрешено международным правом. Однако несмотря на воинственные заявления, развитие событий показывает, что Китай не готов первым идти на обострение и подкреплять свои жесткие заявления конкретными шагами. С другой стороны, по оценкам американских военных аналитиков, КНР еще с начала нулевых годов разработала стратегию причинения США потерь по неприемлемой цене, если те будут нарушать жизненно важные интересы Китая: не противостоять на равных, а иметь возможность в локальном конфликте «наказать» США [Christensen, 2001, p. 5–40]. Однако желание наказать автоматически не означает готовности к войне.

---

[16] 中华人民共和国政府关于菲律宾共和国所提南海仲裁案管辖权问题的立场文件 (2014-12-07) URL: http://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/t1368888.htm (дата обращения 09.03.2018).

[17] U.S. violated our sovereignty: China. URL: http://www.thehindu.com/news/international/us-violated-our-sovereignty-china/article22481903.ece#! (дата обращения: 07.02.2018).

[18] Navy chief “deeply concerned” over U.S. patrol ship in S.China Sea // *Xinhua*, 2015-10-30. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2015-10/30/c_134766303.htm (дата обращения: 07.02.2018).

[19] Campbell S. China threatens to launch war on US over ‘provocative acts’ after saying it is inevitable // *Daily Express*, Oct 30, 2015. URL: https://www.express.co.uk/news/world/615725/South-China-Sea-war-US-provocative-acts-Admiral-Wu-Shengli-John-Richardson (дата обращения: 07.02.2018).

Теоретик вооруженного конфликта Н. С. Тимашев полагал, что «война возникает при сочетании во времени трех факторов: 1) наличие конфликта между государствами, признаваемого серьезным правительствами заинтересованных государств; 2) неудача попыток разрешения конфликта мирным путем; 3) вера каждой из сторон в то, что победа в войне останется за ней» [Тимашев, 1968, с. 205]. Пока можно говорить лишь о выполнении первого условия.

Игра с неизвестной суммой интересов

В официальных документах правительства КНР (China's Defense White Paper) с 2013 г. провозглашается стратегия активной обороны в защите национальных морских прав и интересов в соответствие с принципом «Мы не будем нападать, если нас не атакуют; но мы, безусловно, контратакуем, если атаковали нас»[20].

В терминах стратегии развития конфликта [Schelling, 1958] официально демонстрируемая позиция Пекина «дать достойный отпор» говорит о том, что он готов идти на конфликт даже «с нулевой суммой» интересов, хотя, конечно, грозит противнику «игрой с отрицательной суммой». США, напротив, демонстрируют, что «игра с нулевой суммой» была бы не самым рациональным решением для Китая. США, в отличие от Китая, рискуют потерять значительно меньше и в интересах Пекина согласиться на «игру с положительной суммой» интересов, другими словами, начать торг. В противном случае китайские возможности для ведения «игры с нулевой суммой» интересов выглядят очень скромно.

При самом драматическом (теоретическом) развитии событий оградить китайские территориальные воды вокруг спорных островов от ВМС США можно несколькими способами. Если сразу отбросить использование военной силы, то теоретически остаются инженерные мероприятия и физическое противодействие, известное, как «угроза столкновением судов». К инженерным мероприятиям можно отнести минирование или затопление судов на потенциальных путях противника, чтобы сделать их опасными и несудоходными. Однако, если посмотреть на карту, станет очевидно: острова расположены слишком открыто, чтобы блокировать к ним подход по периметру 12-ти мильной зоны: создание искусственной преграды протяженностью несколько десятков миль трудно реализуемо. Не будет решением и установка минных полей – для ВМС США не составит труда их траление, а очистка «нейтральных» вод будет сопровождаться обвинениями Пекина в угрозе международному судоходству.

Один из сценариев в конфликтах на море – оттеснение кораблей, нарушающих территориальные воды, демонстрацией угрозы столкновения («навала»). Как разовая акция подобный сценарий возможен, но как надежный способ защиты КНР своих интересов подходит вряд ли. Крупные суда невозможно использовать для «навала» из-за мелководья, к тому же они менее мобильны, чем боевые. Ну, а по числу наиболее массового класса военных судов – эсминцев – КНР значительно уступает США. Возможно, креативным решением была бы «гуманитарная акция» в виде «сотен мирных рыбацких лодок, вставших на пути агрессора», но такую акцию трудно организовать в нужный момент в нужном участке моря. Хотя исключать таких попыток нельзя. Косвенным указанием на подобную возможность является упоминание в китайских официальных документах концепции «эффективного ведения военных операций, отличных от военных действий» (*military operations other than war* – MOOTW)[21].

---

[20] The Diversified Employment of China's Armed Forces, New Situation, New Challenges and New Missions. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2013-04/16/content_28556792.htm (дата обращения: 09.02. 2018).

[21] The Diversified Employment of China's Armed Forces, New Situation, New Challenges and New Missions. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2013-04/16/content_28556792.htm (дата обращения: 09.02. 2018).

Любой сценарий в направлении от кризиса к конфликту имел бы немедленные последствия в других областях. При перерастании территориального кризиса в конфликт с США, при всех идеологических плюсах для внутренней политики, Китай, во-первых, понес бы серьезные издержки в экономике. Прежде всего, речь идет о китайском экспорте в США, а также о доступных Китаю западных технологиях. Во-вторых, внешнеполитическим минусом обернется перезагрузка отношений США с Тайванем, который также является стороной в споре вокруг островов Спратли. Достаточно вспомнить, что президент Д. Трамп начал общение с Пекином с того, что позвонил лидеру Тайваня Цай Инвэню. Контакт на таком уровне произошел впервые с 1979 г., когда США прекратили официальные отношения с Тайванем[22].

Таким образом, общий эффект от любого решения в конфликте может быть выражен через сумму последствий во внутренней политике (I), обороне и безопасности (D), экономике (E), внешней политике (P). Для Китая последствия (сумма выгод и издержек) отстаивания занятой позиции в конфронтационном сценарии будут выражаться формулой:

$$QChina=I(+) + D(+) + E(-\backslash-) + P(+\backslash-)$$

Обострение отношений с Вашингтоном дало бы Пекину увеличение активов во внутренней политике, частично – во внешней, а также в обороне и безопасности. Но экономические издержки, скорее всего, обесценили бы через какое-то время остальные плюсы.

Для США ответ на вызов Китая привел бы к несравнимо меньшим издержкам. Некоторым минусом может обернуться выход Китая из бондов правительства США (Treasury bonds). На конец 2017 г. КНР являлась крупнейшим покупателем американских государственный облигаций: сумма вложений превышала 1,2 трлн долларов[23]. Распродажа (даже сокращение вложений) увеличит стоимость заимствования для Вашингтона на глобальном финансовом рынке[24]. Однако это было бы временным минусом, а в части, например, исхода из Китая американских компаний, имеющих производство в Поднебесной, конфронтационный сценарий с точки зрения администрации Д. Трампа был бы даже благом. Во внешней политике США подтвердили бы свою претензию на глобальное лидерство, с единственным минусом – потерей возможности изолировать Северную Корею. Сказанное можно выразить суммой последствий для США:

$$QUS=I(+) + D(+) + E(-\backslash+) + P(+\backslash-)$$

Механизм достижения решения

Переговоры начинаются, когда одна из сторон заставляет другую почувствовать, что продолжение конкурентного поведения имеет слишком высокую цену. Речь идет о выборе одного из нескольких сценариев ответного поведения (political responce) в соответствие с теорией неоклассического реализма в международных отношениях. Кроме решения сбалансировать интересы с США Пекин может выбрать другие шаги. Например, «пропустить ход», переложив ответственность и тяжесть выбора (“passing back”) за обострение на США [Lobell, Ripsman, Taliaferro, 2009].

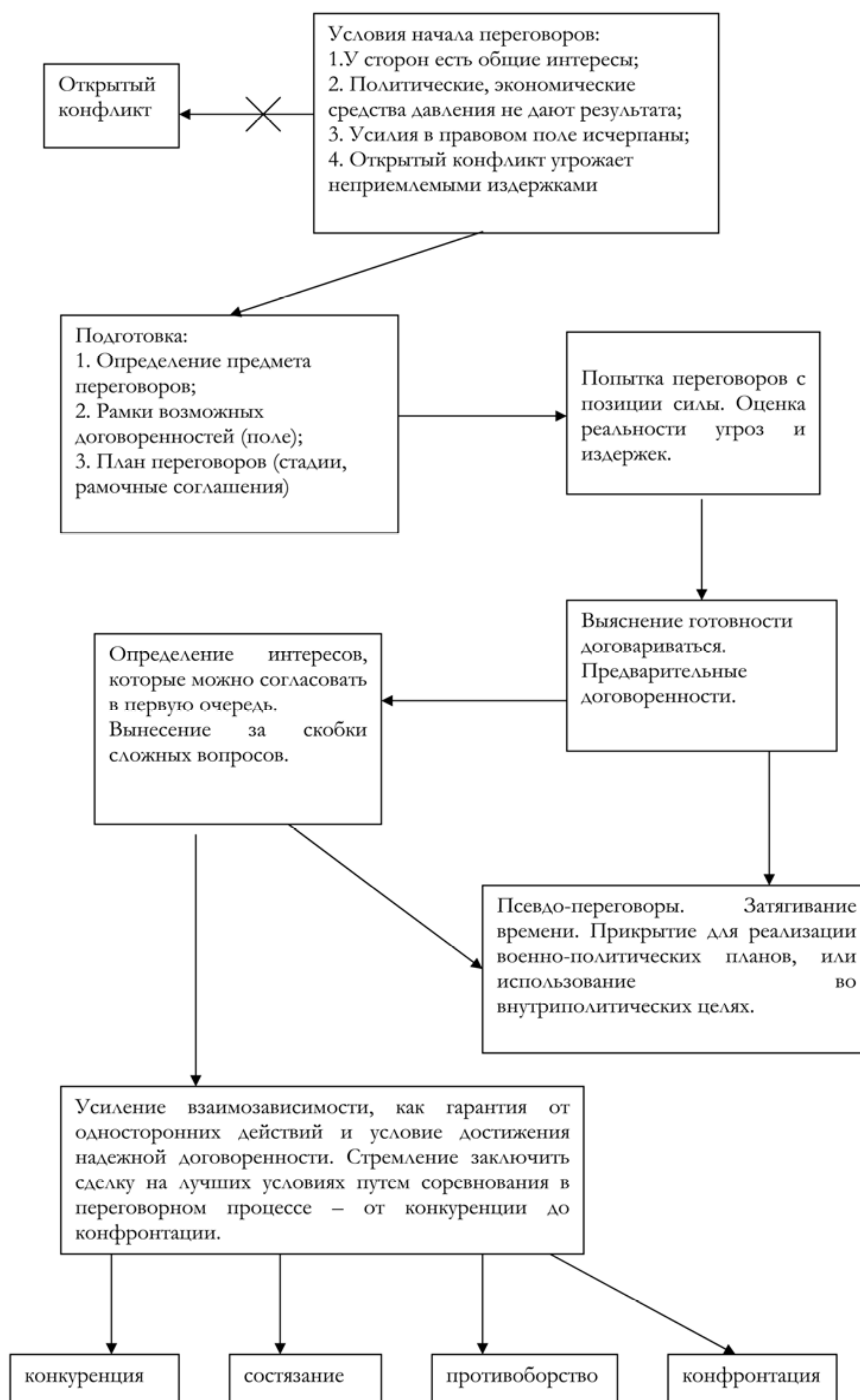
Когда одна из сторон чувствует, что издержки отстаивания прежней позиции становятся неприемлемыми, она готова вступить в переговоры. Другими словами, если КНР согласится на «игру с положительной суммой», то баланс интересов может быть выражен формулой QUS=QChina x K, где K – некий коэффициент справедливости (или

22 Buckleydec C. China Suggests It Has Placed Weapons on Disputed Spratly Islands in South China Sea. The New York Times, 15, 2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/12/15/world/asia/china-spratly-islands.html (дата обращения: 01.02. 2018).

23 China may stop buying US Treasury bonds // China Economic Review, January 11, 2018. URL: https://chinaeconomicreview.com/china-may-stop-buying-us-treasury-bonds/ (дата обращения: 11.02.2018).

24 China may be mulling Treasuries slowdown, but options limited, Reuters, January 10, 2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-bonds-china/china-may-be-mulling-treasuries-slowdown-but-options-limited-idUSKBN1EZ2G6 (дата обращения: 11.02.2018).

несправедливости). Он может быть равен 1, но, скорее всего, его следует считать больше единицы. США будут вести переговоры с позиции сильного, ибо интимидация для сильной стороны – лучший способ достижения цели при меньшей затрате ресурсов. Таким образом, кризис должен дойти до черты, за которой Китай согласится, как это следует из теории переговоров [Fisher,1981], перестать стоять на своей позиции и начать обсуждать с США свои интересы. Дальнейшее можно отразить следующей схемой (*илл. 1*).

Илл. 1. Схема развития переговорного процесса между КНР и США

Конечно, США воспользовались бы любой возможностью заманить Китай за стол переговоров. Минимум, на что бы легко пошел Вашингтон, это перестать утверждать, что у Пекина нет никаких прав на острова Спратли. Если Китай выберет в качестве приоритета интересов закрепление флага (т.е. политическую и идеологическую цели), то открывается поле возможных договоренностей, на котором США будут предлагать Поднебесной балансировать взаимные интересы. Вашингтон может предложить: а) отложить этот вопрос на будущее, б) признать суверенитет КНР над частью островов (или признавать его постепенно), в) признать суверенитет КНР, при условии обещания Пекина не размещать на островах военные объекты.

Какие интересы могут быть заявлены США? Свести к нулю сотрудничество Китая с Ираном и КНДР (или с Ираном в первую очередь). Отказаться от некоторых проектов с Россией. Решить проблему слабого юаня в торговых отношениях с США. Все это может быть представлено на дипломатической сцене в рамках почетного для Пекина договора, по сути, старой идеи G-2.

Договоренность станет возможной, если сумма выгод и убытков в случае достижения договоренности будет превышать эту сумму при конфронтационном сценарии.

$$Q\ China\ дог. \backslash\ Q\ China\ конф. > 1$$

Логично ожидать, что любая сторона в процессе переговоров может пытаться усилить позицию, проверить сценарий переговоров с позиции силы. Шансы Китая в противостоянии США сделать из этих семи островов «последнюю крепость» невелики. Они открыты со всех направлений, малы и уязвимы, расстояние от них до материкового Китая весьма значительное (около 400 километров). Позиция Пекина выглядит уязвимой и на дипломатическом поле. «Тайваньский вопрос» будет снова использован как инструмент сдерживания. Поэтому шансы на переговоры между Пекином Вашингтоном есть.

Если для Пекина главный интерес – закрепить флаг, то он мог бы пожертвовать оборонным значением островов и не размещать там военную базу. Даже по иному взглянуть на безопасность торговых путей через Малаккский пролив. В случае кризиса экспорт нефти и газа, например, можно быстро нарастить из России и Средней Азии. Возможно, Китай мог бы согласиться и на отказ от своего исключительного права хозяйственной деятельности внутри «девяти-пунктирной линии».

Однако КНР не согласится на переговоры с коэффициентом несправедливости (К), который отражает подход США в переговорах с менее сильной стороной. Также Пекин могут не устроить гарантии выполнения договоренностей сторонами, на которых будет настаивать Вашингтон.

В качестве примера гарантий и согласования интересов можно обратиться к Египетско-израильскому мирному договору 1979 г. В соответствии с ним Египет вернул себе территорию Синайского полуострова в обмен на безопасность Израиля, гарантированную зоной демилитаризации на полуострове под защитой войск ООН[25]. Помимо этого США заинтересовали стороны выплатой ежегодной военной и экономической помощи, что привело практически к полной зависимости Египта от американских поставок военной техники, а на территории Израиля США разместили склады с оружием на случай чрезвычайных обстоятельств.

В приведенном примере, как и вообще в переговорном процессе, ключевой точкой в движении к договоренностям является усиление взаимозависимости сторон. Однако в случае кризиса вокруг островов Южно-Китайского моря такой критической зависимости между Пекином и Вашингтоном в настоящий момент нет. Китай для США не представляется критическим актором ни в одном внешнеполитическом сценарии. Аналогично и для Пекина

[25] Israel-Egypt Peace Treaty, 26 Mar 1979, Israel Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/israel-egypt%20peace%20treaty.aspx (дата обращения: 11.02.2018)

не столько важны сами острова Спратли, сколько борьба за них и демонстрация готовности бросить вызов Вашингтону.

В отношении к соседям Пекин, наоборот, готов демонстрировать максимальное дружелюбие и почти полное отсутствие территориальных претензий. Например, после визита в Китай президента Филиппин Р. Дутерте в октябре 2016 г. по приглашению председателя КНР Си Цзиньпина в совместном заявлении больший акцент делался на инвестиции, инфраструктурные проекты, экологию, сотрудничество пограничных сил. Также говорилось об урегулирования всех территориальных споров мирными средствами, не прибегая к угрозе силой, путем дружественных консультаций и переговоров [26]. Пекин подчеркивает, что решение обратиться в Постоянную палату третейского суда в Гааге принято предыдущим президентом Филиппин, а президент Р. Дутерте не использует антикитайскую риторику.

Заключение

Пока не имеется серьезных оснований надеяться на ослабление противостояния США и Китая из-за территориальных претензий Пекина в Южно-Китайском море. Разрешение этого противостояния через переговорный процесс будет возможно при ослаблении позиций китайской стороны. В данный момент Пекину выгодно демонстрировать конкурентное поведение, но не выгодно переводить кризис в открытый конфликт: даже конфликт низкой интенсивности или «суррогатная война» с США окончатся неудачей. С учетом геополитических установок КПК на провозглашение Китая сверхдержавой, любой переговорный процесс, если на него согласится Пекин, может превратиться в псевдо-переговоры, которые Китай будет использовать во внутриполитических целях, демонстрируя торг на равных с США и противостояние Поднебесной попыткам навязать ей американскую волю.

В настоящее время Пекин пытается активизировать механизмы международного сотрудничества в Юго-Восточной Азии, чтобы вовлечь соседей в обсуждение всего спектра проблем развития, и рассматривать территориальный спор в Южно-Китайском море лишь как один из пунктов повестки (далеко не первый). В материалах XIX съезда КПК особо указывается на позитивные результаты неофициальной встречи лидеров АТЭС и роли Пекина в саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Отмечается, что Китай провел первый форум по международному сотрудничеству на высшем уровне в рамках инициативы «Один пояс и один путь». Также заявлено об инициативе создания «сообщества единой судьбы человечества» и «содействии преобразованию системы глобального управления». Тем самым Китай старается снизить негативный эффект от собственных действий в территориальном споре и лишить США возможности выступать адвокатом притесняемых соседей.

Литература / References

Лузянин С. Китай и XVIII съезд КПК. Внутренние и внешние ориентиры // *Обозреватель*. 2016. №1. С. 54–60 [Luzjanin S. Kitaj i XVIII s'ezd KPK. Vnutrennie i vneshnie orientiry // *Obozrevatel'*. 2016. 1. P. 54–60].

Тимашев Н. С. Как возникают войны? // *Новый журнал*. 1968. №90. С. 205–211 [Timashev N. S. Kak voznikajut vojny? // *Novyj zhurnal*. 1968. 90. Pp. 205–211].

Christensen T. J. Posing Problems without Catching Up: China's Rise and Challenges for U.S. Security Policy // *Quarterly Journal: International Security*. 2001. Vol. 25. no.4. Pp. 5–40.

Fisher R., Ury W. *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In*. Boston, 1981.

Lobell S. E., Ripsman. N. M., Taliaferro. J. W. *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy*. Cambridge, 2009. Pp. 169–192.

[26] 中华人民共和国和马来西亚联合新闻声明（全文）2016/11/03.
URL: http://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/t1412634.htm (дата обращения: 10.02.2018).

Schelling T. C. The strategy of conflict: Prospectus for the reorientation of game theory // *Journal of Conflict Resolution*. 1958. 2. Pp. 203–264.

Электронные ресурсы

Доклад научного сотрудника Центра по изучению России при Восточно-китайском педагогическом университете (Шанхай) Вань Цинсуна в Валдайском клубе. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/natsionalnyy-sezd-kompartii-kitaya/ (дата обращения 06.02.2018).

Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 06.02.2018).

Ху Цзиньтао. Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204.htm (дата обращения: 06.02.2018).

Buckleydec C. China Suggests It Has Placed Weapons on Disputed Spratly Islands in South China Sea // *The New York Times*. 2016. 15. URL: https://www.nytimes.com/2016/12/15/world/asia/china-spratly-islands.html (дата обращения: 01.02. 2018).

Campbell S. China threatens to launch war on US over 'provocative acts' after saying it is inevitable // *Daily Express*. 2015. October 30. URL: https://www.express.co.uk/news/world/615725/South-China-Sea-war-US-provocative-acts-Admiral-Wu-Shengli-John-Richardson (дата обращения: 07.02.2018).

Carafano J. J. Why a U.S.-China "G2" Won't Work // *Cullom Davis Institute*. 2014. January 6th. URL: https://www.heritage.org/defense/commentary/why-us-china-g2-wont-work (дата обращения: 06.02.2018).

China International Analysis // *U.S. Energy Information Administration (EIA)*. 4/11/2016. URL: https://energy.gov/sites/prod/files/2016/04/f30/China_International_Analysis_US.pdf (Дата обращения: 07.02.2018).

China may stop buying US Treasury bonds // *China Economic Review*. 2018. January 11. URL: https://chinaeconomicreview.com/china-may-stop-buying-us-treasury-bonds/ (Дата обращения: 11.02.2018).

China may be mulling Treasuries slowdown, but options limited // *Reuters*. 2018. January 10. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-bonds-china/china-may-be-mulling-treasuries-slowdown-but-options-limited-idUSKBN1EZ2G6 (дата обращения: 11.02.2018).

China's New Spratly Island Defenses // *The Asia Maritime Transparency Initiative*. URL: https://amti.csis.org/about/ (дата обращения: 06.02.2018).

Israel-Egypt Peace Treaty, 26 Mar 1979 // *Israel Ministry of Foreign Affairs*. URL: http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/israel-egypt%20peace%20treaty.aspx (дата обращения: 11.02.2018).

Kristensen H. M. The Pentagon's 2017 Report On Chinese Military Affairs, Nuclear Weapons // *Federation of American Scientists (FAS)*. 2017. June 08. URL: https://fas.org/blogs/security/2017/06/china-report-2017/ (дата обращения: 07.02.2018).

Lalit K Jha. Obama calls Hu, asks for cooperation on Iran sanctions // *Business Standard*. 2010. April 2. URL: http://www.business-standard.com/article/economy-policy/obama-calls-hu-asks-for-cooperation-on-iran-sanctions-110040200153_1.html (дата обращения: 06.02.2018).

U.S. violated our sovereignty: China. URL: http://www.thehindu.com/news/international/us-violated-our-sovereignty-china/article22481903.ece#! (дата обращения: 07.02.2018).

McDonough D. S. Unveiled: China's New Naval Base in the South China Sea // *The National Interest*. 2015. March 20. URL: http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/unveiled-chinas-new-naval-base-the-south-china-sea-12452 (дата обращения: 07.02.2018).

Mai Thanh Hai – Vu Ngoc Khanh. Vietnamese soldiers remember 1988 Spratlys battle against Chinese // *Thanh Nien News*. 2016. March 14. URL: http://www.thanhniennews.com/politics/vietnamese-soldiers-remember-1988-spratlys-battle-against-chinese-60161.html (дата обращения: 06.02.2018).

Navy chief "deeply concerned" over U.S. patrol ship in S. China Sea // *Xinhua*. 2015-10-30. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2015-10/30/c_134766303.htm (дата обращения: 07.02.2018).

The Diversified Employment of China's Armed Forces. New Situation, New Challenges and New Missions. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2013-04/16/content_28556792.htm (дата обращения: 09.02. 2018).

The Permanent Court of Arbitration Press Release: The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. The People's Republic of China), 12 July 2016. URL: https://pca-cpa.org/en/news/pca-press-release-the-south-china-sea-arbitration-the-republic-of-the-philippines-v-the-peoples-republic-of-china/ (дата обращения: 06.02.2018).

Todd C. K. Vietnamese Claims to the Truong Sa Archipelago [Ed. Spratly Islands], Explorations in Southeast Asian Studies // *A Journal of the Southeast Asian Studies Student Association*. 1999. Vol. 3 URL: https://web.archive.org/web/20130402164512/http://www.hawaii.edu/cseas/pubs/explore/todd.html (дата обращения: 06.02.2018).

South China Sea Oil Shipping Lanes, Global Security. URL: https://www.globalsecurity.org/military/world/war/spratly-ship.htm (дата обращения: 07.02.2018).

中华人民共和国和马来西亚联合新闻声明（全文）2016/11/03.
URL: http://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/t1412634.htm (дата обращения: 10.02.2018).

中國未來 50 年裡必打的六場戰爭時間：發佈者：李秋悅 2013 年 7 月 08 日.
URL: http://info.wenweipo.com/index.php?action-viewnews-itemid-62404 (дата обращения: 07.02.2018).

首页 涉南海问题立场文件 中国坚持通过谈判解决中国与菲律宾在南海的有关争议.
URL: 2016/07/13 http://www.fmprc.gov.cn/nanhai/eng/snhwtlcwj_1/t1380615.htm (дата обращения: 06.02.2018).

中华人民共和国政府关于菲律宾共和国所提南海仲裁案管辖权问题的立场文件 (2014-12-07).
URL: http://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcwj/t1368888.htm (дата обращения 09.03.2018).

РЕЛИГИОЗНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ АДЫГЕЙСКОГО НАРОДА

С. Б. Филатов*

Статья посвящена проникновению суннизма в Адыгею, конкуренции с другими исламскими течениями и традиционными религиозными практиками, закрепленными в духовной жизни адыгского народа («хабзэ»). В советское время народ Адыгеи утратил веру в большей степени, чем какой-либо другой народ Северного Кавказа. Поэтому в возрождении исламской религиозности важную роль играют репатрианты из стран Ближнего Востока и Республики Косово. Власти республики Адыгея способствуют возрождению ислама, но противодействуют росткам салафизма. В то же время среди адыгов сильна приверженность доисламским традициям и ценностям. Существует и заметный интерес к христианств у (в первую очередь, к пятидесятничеству).

Ключевые слова: ислам в Адыгее, президент Джаримов, президент Тхакушинов, «хабзэ», Адыгэ хасэ (Черкесский конгресс), муфтий Аскарбий Карданов.

RELIGIOUS ESTABLISHMENT OF ADYG PEOPLE

Sergey B. Filatov

During the Soviet Period Adyg people experienced a greater loss of religious belief than any other peoples of the Northern Caucasus. Repatriates from Near East and Kosovo Republic therefore play an important role in the revival of Islamic religiosity. Authorities of the Adygea Republic support Islamic revival, but antagonize Salafits. At the same time, pre-Islamic values and traditions affect Adyg worldview very strongly. There is also notable interest among Adygs towards Christianity (mainly to Pentecostal confession).

Keywords: Islam in Adygea, President Zharimov, President Thakushinov, “habze”, Adige Hase, Mufti Kardanov.

За свою историю народ Адыгеи испытал заметное влияние многих религий. В VI–VII вв. языческие племена адыгов подвергались поверхностной христианизации византийцами, в XIII–XV вв. генуэзцами и венецианцами. К XVI в. адыги были народом двоеверов: поверхностное христианство уживалось с сохранившимся язычеством.

Исламизация Адыгеи, начавшись в XVI в., завершилась в XVIII в. Она явилась результатом доминирования в этот период на Северо-Западном Кавказе Османской империи и Крымского ханства, что обусловило распространение в Адыгее суннитского ислама ханифитского толка. Христианство было выкорчевано практически полностью: все церкви и монастыри разрушены, а христианское духовенство (шогени) истреблено. Следы христианского наследия присутствуют лишь в фольклоре – например, сохранилась песня в честь «Марии великой, великого Бога матери», а в качестве амулетов популярны кресты.

Ислам, однако, также не успел пустить в Адыгее глубоких корней: не возникло суфийских орденов, шариат фактически не соблюдался. Громадную роль играли пережитки язычества и «хабзэ» – системы горского этикета и моральных норм.

Контакты с Россией начались со времен Ивана Грозного. Были нередки случаи переселения адыгских князей в Россию на службу и принятия ими православия.

Адыгейцы, как и другие черкесские (адыгские) племена, населявшие регион, принимали участие в движении сопротивления кавказских горцев российской колонизации

* Сергей Борисович ФИЛАТОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва; sfilatov2006@yandex.ru

Sergey B. FILATOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; sfilatov2006@yandex.ru

Кавказа (XVIII – середина XIX вв.). Последствия Кавказской войны (1818–1864 гг.) и, прежде всего, массовое переселение адыгейцев в Турцию (50–60-е гг. XIX в.) сделали их меньшинством в составе населения нынешней Адыгеи.

Этот регион был сравнительно поздно освоен Россией – его заселение русскими началось в полной мере после окончания Кавказской войны в середине XIX в. Отдельной епархии в этом регионе никогда до 1994 г. не было. Согласно переписи 2010 г., адыгейцы составляют 25,8% населения республики (русские – 63,6%, армяне – 3,7%, украинцы – 1,4%).

Религиозная ситуация перед революцией 1917 г. была очень пестрой и определялась следующими основными факторами:

1. Массовое переселение из северных районов Прикубанья кубанских казаков обеспечило им политическое и культурное доминирование в регионе. В религиозном отношении в своем большинстве они были православными, но со всем своеобразием казачьего православия – демократизмом, переходящим в анархию, и большой ролью собственных традиций и фольклора.

2. Адыгейское меньшинство адаптировалось к российским порядкам, одновременно стремясь сохранить свою национально-религиозную идентичность.

В начале века юг нынешнего Краснодарского края представлял собой богатый, бурно осваиваемый поликонфессиональный регион, в котором доминировало кубанское казачество. Церковные структуры Российской православной церкви (приходы нынешней Майкопской епархии входили в Кубанскую епархию с центром в Екатеринодаре) не успели в полной мере развиться и утвердиться, новые религиозные движения находили для себя более благоприятную почву, чем в Центральной России.

В годы революции и Гражданской войны Кубань и кубанское казачество долго и упорно сопротивлялись большевикам, вследствие чего коммунистические репрессии на Кубани были чрезвычайно свирепы. В определенной степени с целью сломить сопротивление казаков коммунистическим порядкам советская власть в первые десятилетия своего существования опиралась на Кавказе на коренное горское население. В 1936 г. к югу от Краснодара, в районе, где сохранилось коренное черкесское население (народность адыги), была создана Адыгейская автономная область.

В 1930-х гг. в Адыгейской автономной области (образована в 1936 г. как автономная область в составе Краснодарского края; с июня 1991 г. – Советская Социалистическая Республика Адыгея; после распада СССР приняла название Адыгейской Республики) были закрыты и разрушены все мечети, полностью истреблено мусульманское духовенство. В отличие от некоторых других мусульманских республик Северного Кавказа, сопротивление политике насильственной атеизации было сравнительно слабым. В Адыгее не возникло подпольного ислама.

У адыгов национальные чувства развиты гораздо сильнее религиозных, среди них широко распространена благодарность советской власти за создание адыгской государственности и приверженность коммунистической идеологии (в ее горском понимании).

К началу перестройки на территории нынешней епархии имелось пять православных приходов, несколько протестантских и старообрядческих общин и ни одной мусульманской. Возрождение организованной мусульманской религиозной жизни началось в 1990–1991 гг.

Съезд мусульман Адыгеи состоялся в июне 1991 г. в ауле Адамия (последний съезд мусульман-адыгов в советское время прошел в этом же ауле в 1925 г.), на нем был образован Дин Хасэ – объединение мусульман. Съезд принял устав общины мусульман Адыгеи (позднее преобразованной в муфтият Адыгеи и Краснодарского края), следующий съезд избрал муфтия – престарелого знатока ислама из аула Козет Мос Ибрагимовича Чекиба. В 1994 г. Чекиб умер. Муфтием был избран Саид Хуако, до того советник муфтия, приехавший из Сирии в 1993 г., в 1996 г. его сменили коренные жители Адыгеи Арслан Евтыхов, а в 1999 г.

Эркен Шумафов. В 2002 г. муфтием был избран также коренной житель Адыгеи Нурбий Емиж. В 2012 г. муфтием был избран Аскарбий Карданов.

К началу 1990-х гг. исламская религиозность среди большинства адыгов была очень слаба: не соблюдались почти никакие требования ислама, за исключением крупнейших религиозных праздников. Громадное большинство не соблюдает намаз, диетические ограничения ислама. Построенные в последние годы мечети, по признанию самого исламского духовенства, стоят полупустые.

Между дисперсно разбросанными среди русских деревень адыгейскими аулами наблюдаются громадные различия и во влиянии, и в понимании ислама. Бывали случаи, когда старейшины отказывались пускать мусульманских миссионеров в аулы, заявляя, что ислам им не нужен – они чтут Ленина, а не Магомета. В некоторых аулах заметны обрядовые и фольклорные заимствования из христианства. Известны случаи, когда адыги из магических соображений крестят своих детей. В то же время есть аулы, в которых население придерживается «правильного» ислама.

На возрождение ислама в республике большое влияние оказали репатрианты-адыги из стран Ближнего Востока и Республики Косово, потомки вынужденных переселенцев времен Кавказской войны, приехавшие в Адыгею в 1990-е гг. (около 2,5 тыс человек). Они играют заметную роль в исламской общине Адыгеи. К репатриантам принадлежал бывший муфтий Адыгеи и Краснодарского края Саид Юнусович Хуако (адыг-репатриант из Сирии), а также некоторые другие имамы. Среди них выделяется репатриант из Боснии имам мечети в Адыгейске, организатор первого в республике медресе Азмет Ташу. Медресе это, правда, просуществовало недолго – из-за отсутствия желающих учиться оно быстро закрылось.

Первым по настоящему деятельным муфтием, оставившим после себя след в жизни адыгейских мусульман, стал Емиж. Емиж стремился как можно шире познакомить общественность с исламом. Имам часто выступает в государственных учреждениях, на частных предприятиях, в школах и вузах с лекциями об исламе. Емиж в любых ситуациях подчеркивал свою дружбу и солидарность с архиепископом РПЦ Пантелеймоном. Он считал, что тесное взаимодействие муфтията и православной епархии в Адыгее могут быть примером для остальной России. Среди российских религиозных движений и лидеров Емиж, в отличие от других муфтиев Северного Кавказа, в первую очередь ориентировался на московского муфтия Равиля Гайнутдина и Совет муфтиев.

Адыгейская элита и президент Аслан Джаримов (1991–2002 гг.) болезненно воспринимали тот факт, что малочисленный народ адыгов сильно разрознен в культурном и духовном отношении. Многие представители интеллигенции, бизнеса и религии не только адыги, но и кабардинцы, и черкесы также стремятся к консолидации близкородственных народов, пытаются выработать общие культурные нормы. При президенте Джаримове руководство Адыгеи, проводившее политику консолидации адыгейской нации, во многом поддерживало и направляло исламское возрождение. При финансовой поддержке правительства и давлении на предпринимательские структуры, побуждающем их к спонсорству, в 1991–1997 гг. в аулах на территории Адыгеи было построено более 20 мечетей и одна – в Лазаревском Краснодарского края (в районе проживания шапсугов, одного из адыгейских племен). Правительство республики энергично привлекало спонсоров исламского возрождения из-за рубежа. В 2000 г., в частности, на средства спонсоров из Объединенных Арабских Эмиратов в Майкопе была построена соборная мечеть. В конце 1990-х гг. некоторые иностранные исламские организации, действовавшие в Адыгее, были обвинены федеральными властями в поддержке экстремистской деятельности (в первую очередь, «Всемирный призыв») и были высланы из России.

Президент Джаримов поддерживал обучение адыгов исламу в ближневосточных странах. Несколько десятков юношей и девушек были посланы учиться исламу в Турцию, Сирию и Египет. После возвращения некоторые из них столкнулись с большими проблемами, т. к. их представления сильно расходились с тем, чего от них ждали земляки (не

того ислама, который перевернул бы их жизнь), и с тем, что считали допустимым правоохранительные органы. В 2002 г. был заключен договор с муфтиятом Карачаево-Черкесии об обучении в Исламском институте имени Абу-Ханифа в Черкесске студентов из Адыгеи. Как сказал автору муфтий Емиж, «принимают без ограничения, но желающих учиться очень мало – на имамстве с голода помрешь»[1]. Экспериментальное факультативное преподавание курса ислама в 1995–1996 гг. в Адыгейском университете окончилось провалом: не было желающих его посещать

Президент Джаримов несколько раз собирал мусульманское духовенство республики и призывал к унификации религиозной жизни, к отказу от дорогостоящих для населения форм проведения религиозных праздников и обрядов и осуждал радикально-националистические и сепаратистские настроения части мусульманской молодежи. В 1992–2002 гг. правительство Адыгеи оказывало энергичную поддержку движению шапсугов, стремящегося создать автономное образование на Черноморском побережье в районе города Туапсе (их численность 10 тыс. человек, что составляет менее 7% населения этого района).

Президент Адыгеи Хазрет Совмен (2002–2007 гг.) проводил политику, в меньшей степени направленную на вмешательство в жизнь уммы, продолжая финансово поддерживать (в т. ч. и из личных средств) исламские организации. При президенте Совмене и муфтии Емиже кадры исламского духовенства отправляли на обучение, в основном, в учебные заведения на территории России. В первую очередь, в Карачаево-Черкесию и Кабардино-Балкарию.

Исламская религиозность адыгов невысока. По данным социологического опроса 1999–2000 гг., только 35% адыгов «считают себя приверженцами ислама» [Ляушева, 2002, с. 151]. По мнению социолога С. А. Ляушевой, громадное большинство молодежи ориентируется либо на западные ценности, либо на традиционные адыгские и безразлично к мусульманской пропаганде. Другие социологи подвергают сомнению полученные С. А. Ляушевой данные. По данным Р. Ханаху, 70% адыгов (для кавказского народа даже эта цифра – самый низкий показатель) считают себя мусульманами, но только 4% хотя бы в минимальной степени являются практикующими мусульманами, 70% никогда не совершали намаз [Ханаху, 2012, с. 34]. Не удивительно, что значительная часть активистов исламского возрождения, кроме репатриантов – неадыги, представители других национальностей, проживающие в республике – чеченцы, кабардинцы, азербайджанцы, члены татарского общества «Дуслык», а также несколько (10–15) русских (наиболее известна среди них диктор телевидения Олейникова), принявших ислам. Как сказал автору один из активистов молодежного исламского движения, преподаватель исламоведения Адыгейкого университета Саид Мусаджиев: «скорее русский станет настоящим верующим мусульманином, чем адыг».

Для понимания религиозной ситуации в Адыгее необходимо отметить особую парарелигиозную роль в духовной жизни адыгейского народа «хабзэ» (или «адыгства») – системы правил этикета и моральных норм, выработанной веками и сохранявшейся и при доминировании язычества, и при доминировании христианства, и при доминировании ислама, и при доминировании коммунизма. Нормы «хабзэ» организуют всю жизнь адыга – хранят в традиции брачные и похоронные обряды, определяют отношения в семье, в обществе, на рабочем месте, устанавливают подчиненное положение женщины, обязывают к солидарности и круговой поруке членов семье, клана, рода, всего народа, формируют отношение к начальству и к иноплеменникам [Ханаху, 1998].

Другая важная составляющая нынешней религиозности адыгов – сохранение и возрождение домонотеистических практик: магии, оккультизма, гаданий, знахарства, ворожбы. Языческая мифология у адыгов почти не сохранилась, хотя кое-где почитают священные рощи, холмы, родники. Значение «хабзэ» и языческой магии прекрасно видно по публикациям, вышедшим после 1990 г. Изданы десятки книг, брошюр, статей о «народной медицине», обычаях, поверьях и сказаниях. В одной из таких работ [Савб, 1995], например,

[1] В интервью автору 12.09.2012 г., личный архив.

утверждается, что свод моральных заповедей, которым руководствуются адыги, аналогичный библейскому Декалогу, содержится в устной традиции «хабзэ» (а не в исламе). Некоторые видные представители адыгской интеллигенции высказывают озабоченность тем, что ислам может девальвировать ценности традиционной адыгской культуры, считают экспансию ислама опасной для адыгейского народа и призывают вернуться к традиционным «горским ценностям».

Среди адыгейской интеллигенции появились популяризаторы и пропагандисты адыгейского язычества во всей его полноте – с его мифологией и забытыми обрядами (Айдомир Зафесов и Нурбий Лафпоче из Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева в Майкопе, писательница Эмилия Шеуджен), но до сих пор это движение не имеет организации, не предпринимаются попытки кодификации возможного будущего учения.

В школах республики детей знакомят с национальным эпосом и «хабзэ». Хранителем и пропагандистом «хабзэ» в 2000-е гг. стала общественная организация «Адыгэ хасэ» (Черкесский конгресс). «Адэге хасэ» отстаивает общественные и политические интересы адыгейского народа, его культурную самобытность, но идейная платформа его – «хабзэ». В интервью автору 15.10.2012 г. глава «Адыгэ хабзэ» Адам Богос охарактеризовал идеологию и господствующее среди адыгов мировоззрение таким образом: «Хабзэ выше религии. Он объединяет все духовные традиции адыгов – ислам, христианство и язычество. Все они неотделимы от адыгской культуры. В Адыгэ хасэ представлены два аула адыгов-христиан, расположенные в Осетии. Но все же основная религия, сплачивающая адыгов, – ислам. Адыгский ислам – особый. Горские традиции для нас выше шариата. Например, адыгские женщины никогда не прячут лицо, мы едим свинину и храним некоторые обычаи, оставшиеся нам от христианства».

До конца 2000-х гг. адыгских активистов вполне устраивал муфтий Емиж. Емиж тесно сотрудничает и легко находит взаимопонимание с властями республики и с активистами Адыгэ хасэ. На заседаниях руководства «Адыгэ хасэ» Емиж заявлял, что Всевышний создал адыгов адыгами; долг адыгов развивать свое адыгство. В последние годы авторитет Емижа стал падать. Те особенности руководства Емижа, которые считались его достоинствами ранее – полная лояльность властям, некритическое отношение к «хабзэ», бесконфликтные отношения с православной епархией – стали вызывать среди части адыгской общественности недовольство. Отсутствие у него духовного образования, которое ранее ни у кого не вызывало нареканий, стали ставить ему в упрек.

Главная причина происходящего – разрушение норм традиционного, патриархального общества, которые консервирует «хабзэ» и которые имеют своего удобного исламского партнера в емижевском муфтияте. Адыгской молодежи претит соблюдать традиционные горские нормы, а ориентированный на них ислам (в версии нынешних официальных имамов) не находит отклика в их сердцах.

В то же время становятся все более заметными переходы адыгов в протестантизм (в основном в пятидесятничество). Особенно активно ведут работу среди адыгов харизматы, которые распространяют Евангелие на адыгском языке из станицы Ханской. По мнению пастора Андроновича, для церквей нет необходимости подстраиваться под особую адыгскую культуру, так как она во многом русифицирована. Однако сильны родовые адыгские традиции. Жертвенность, уважение к старшим, забота о земле, почтительное отношение к родине и взаимопомощь в рамках клана могут быть примером для христиан, считает Андронович. Одни новообращенные адыги говорят о том, что их народ был христианами еще в XVIII в., а другие говорят, что сегодняшние адыги – язычники. О своей мусульманской культуре адыги-христиане вспоминают нечасто. Адыги, пришедшие в церковь, прекращают приносить жертвы духам и поклоняться умершим. В то же время традиционное положение женщины в адыгских семьях пятидесятники не пытаются изменить – верующая женщина все равно не должна сидеть за одним столом с мужчинами. Пастор Роман Балановский

харизматической церкви «Исход» подчеркивает лояльное отношение к евангельским церквям со стороны адыгов. Толерантное отношение ко всем укоренено глубоко – в «адыгэ хабзэ».

По словам пятидесятников, адыги не склонны к агрессивному насаждению ислама. В народе много язычества. В церкви «Исход» в Адыгее сейчас еще нет полноценных пасторов – адыгов. Однако уже появились адыги – лидеры групп, которые из-за своей малочисленности еще нельзя именовать «общиной». Один адыг из таких лидеров групп стал пастором, но возглавил общину не в Адыгее, а в городе Орёл. Несмотря на непонимание со стороны семьи, больших проблем с миссией среди адыгов не возникало. В городе служение проводится на русском, так как на адыгском языке миссия нерезультативна. По мнению пастора, в определенных традициях и обычаях адыгов есть нравственный закон, как в Нагорной проповеди. Такие традиции, как почитание старших, церковь заимствовать может, а, например, поклонение камням – нет.

С другой стороны, социологи отмечают у некоторой части молодежи рост прозападных, секулярных настроений, отрицание «хабзэ» и любой организованной религиозности [Бабич, 2008].

В то же время, в середине 2000-х гг. в Адыгее возникает салафитское движение, противопоставляющее себя умеренному официальному муфтияту. Новоявленные салафиты назвали себя «джамаат». Джамаат впервые заявил о своем радикализме в 2009 г., когда был расстрелян милицейский пост на границе Адыгеи с Краснодаром. Ответственность взял на себя «эмир ваххабитов Адыгеи». Тогда же стало известно об участии в одном из джамаатов радикального толка такой известной фигуры, как Мурат Ристов (чемпион мира по боевому самбо). Всплеск радикального исламизма пришелся на президентство Аслангери Тхакушинова (2007–2017 гг.)[2]. Надо сказать, что власти отреагировали на исламистский вызов оперативно и решительно. После террористических акций 2009 г. больше ничего кровавого радикалы совершить не сумели. Как при президенте А. Джаримове, власти вновь стали плотно опекать и контролировать мусульманскую умму.

В новых условиях активистам «Черкесского конгресса» и другим националистически ориентированным деятелям стал требоваться более авторитетный лидер мусульман, чем Емиж. Постепенно в этих кругах наибольшим вес приобрел имам аула Мафахабель Мухамед Хасани. Аул Мафахабель создан специально для адыгов-переселенцев из Республики Косово (ставшими гражданами РФ) и заселен только ими. Мухамед Хасани возглавляет в ауле и светскую, и духовную власть – он и глава поселения, и имам. По отзывам активистов «Черкесского конгресса!, Хасани – профессионально образованный богослов, удачно сочетающий приверженность исламу и национальным традициям. Однако кандидатура Хасани не вызывала восторга у республиканских властей. 26 ноября 2012 г. мусульмане Краснодарского края и Адыгеи в ходе отчетно-выборного съезда избрали нового муфтия Аскарбия Карданова. Карданов – компромиссная фигура, удовлетворившая и властные кланы, и «силовиков», и «Черкесский конгресс», и бюрократию муфтията.

Остановить распространение исламистского экстремизма удалось не только благодаря разумной политике властей и профессионализму «силовиков», но и особому менталитету адыгейского общества. «Чистый» ислам укоренен в Адыгее сравнительно слабо, слабее, чем у любого другого горского народа. Кроме того, среди адыгов очень сильно чувство непрочности существования адыгейского народа, опасности вовлечения его в кровавые внутри – и вне – этнические конфликты, в результате которых народ погибнет. Это чувство самосохранения оберегает адыгов от участия в конфликтах и выражается в умеренности и традиционализме.

[2] Сменивший А. Тхакушинова на посту президента в 2017 г. Мурат Кумпилов продолжил религиозную политику своего предшественника.

Литература/ References

Ляушева С. А. *Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность*. Майкоп, 2002 [Lyausheva S. A. *Evolutsia religioznich verovaniy adigov: istoriya I sovremennost'*. Maikop, 2002].

Савб Р. Х. *Мудрость адыгского этикета*. Майкоп, 1995 [Savb R. H. *Mudrost' adigskogo etiketa*. Maikop, 1995].

Ханаху Р. Исламская община сегодня // *Вестник Адыгейского университета*. 2012. №12. С. 23–42 [Hanahu R. Islamskaya obstchina segodnya // *Vestnik adigeyskogo universiteta*. 2012. 12. Pp. 23–42].

Ханаху Р. Национальный менталитет: этнокультурологический анализ // *Этническая культура: проблемы самосохранения в современном контексте*. М., 1998 [Hanahu R. Natsional'niy mentalitet: etnokul'turologicheskiy analiz // *Etnicheskaya kul'tura: problemi samosochraneniya v sovremennom kontekste*. Moscow, 1998].

Электронные ресурсы

Бабич И. Л. Исламские духовные ценности народов современного Северо-западного Кавказа // *Русское ревью Кестонского института*. 2008. № 31. URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition31/01babich-kavkaz.html (дата обращения: 9.03.2018) [Babich I. L. Islamskie duchovnie tsennosti narodov Severo-Zapadnogo Kavkaza // *Russkoe rev'u Kestonskogo Instituta*. 2008. 31].

«КИТАБ-И ДЕДЕМ КОРКУТ» И ВИЗАНТИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Т. А. Аникеева*

Статья посвящена вопросу сюжетных взаимосвязей, которые обнаруживаются между тюркским огузским книжным эпосом «Китаб-и дедем Коркут» и некоторыми памятниками византийского фольклора.

Ключевые слова: тюрки-огузы, книжный эпос, византийский фольклор.

"KITAB-I DEDEM KORKUT" AND BYZANTINE FOLKLORE

Tatyana A. Anikeeva

The article is about subject interrelations between the Turkic Oguz written epic "Kitab-i dedem Korkut" and certain landmark pieces of the Byzantine folklore.

Keywords: Oguz Turks, written epic, Byzantine folklore.

Начало продвижения части огузских племен[1] на Запад из Средней Азии через Закавказье, Иран и Малую Азию принято связывать с первой половиной XI в. Примерно к этому периоду относится сложение сказаний-песен (*огузнаме*), позднее вошедших в состав «Китаб-и дедем Коркут» («Книга моего деда Коркута», полное название – «Книга моего деда Коркута на языке племени огузов»).

В 1077 г. на территории Малой Азии образуется государство Сельджукидов со столицей в Конье, которое прекратило свое существование в XIII в. в результате нашествия монголов: Конийский султанат сначала стал вассалом Хулагуидов (1243 г.), а потом распался на мелкие независимые владения-*бейлики*. В начале XIV в. один из этих бейликов под властью Османа, начавшего завоевательные походы против окружающих его немусульманских земель и соседних анатолийских бейликов, становится основой будущего османского государства. Приблизительно с этого же времени огузские сказания о подвигах бегов-богатырей, прошедшие определенную циклизацию, но дотоле бытовавшие преимущественно в устной форме, фиксируются письменно[2]. Таким образом, в «Книге моего деда Коркута» нашли отражение как события ранней тюркской полулегендарной истории, так и более поздние, связанные с распространением их могущества на территории Малой Азии и контактами с Византией.

«Книга моего деда Коркута» (по Дрезденскому списку) состоит из двенадцати сказаний, повествующих о подвигах огузских богатырей. Основным сюжетообразующим стержнем, вокруг которого группируются эти сказания, является борьба огузских племен против неверных, немусульман (*гяуров, кяфиров*) на землях Малой Азии, а также междоусобицы

---

* Татьяна Александровна АНИКЕЕВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tatiana.anikeeva@gmail.com

Tatiana A. ANIKEEVA, PhD (Philol.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tatiana.anikeeva@gmail.com

[1] В конце VIII в. огузы — конгломерат тюркских племен — были расселены на территории в низовьях Сыр-Дарьи и вокруг Аральского моря, постепенно продвинувшись туда из Южной Сибири, и далее на запад вплоть до Каспийского моря. Огузы не были однородны ни по своему составу, ни по языку, что подчеркивается многими средневековыми арабскими историками [Короглы, 1976, с. 9–10]. В Средней Азии кочевые племена огузов смешивались с другими тюркскими племенами и ираноязычными народами, на западе – вели войны с хазарами и волжскими булгарами.

[2] На сегодняшний день известно о двух рукописях «Китаб-и дедем Коркут» – это так называемые Дрезденский и Ватиканский списки. Согласно палеографическим данным, действительно, именно XVI в. является временем составления Дрезденского [Gökyay, 2000, С. V] и Ватиканского списков.

в среде самих огузов. Сказания, составляющие «Книгу моего деда Коркута», довольно четко группируются вокруг определенных героев этого эпоса — Салор-Казана, Бамси Бейрека, так называемых «младших богатырей» (Амрана, Иекенка). «Книга моего деда Коркута» неоднородна в хронологическом отношении[3]: к наиболее поздним сказаниям, составляющим памятник, относят V и VI сказание, сложившиеся уже на территории Малой Азии после переселения огузов в Закавказье.

Сюжет пятого сказания «Китаб-и Коркут» о Домруле («Рассказ об удалом Домруле, сыне Дука-коджи» в пер. В. В. Бартольда) в сюжетном отношении, вероятно, восходит к новогреческим сказаниям и песням о Дигенисе Акрите: Домрул пытается убить ангела смерти Азраила, но впоследствии раскаивается в своем обмане. Это сказание по своему сюжету стоит особняком от остальных сказаний «Книги Коркута» и в целом от традиции тюркского эпоса. По мнению исследователей, в нем объединено два мотива, распространенных, прежде всего, в новогреческом фольклоре: борьба богатыря со смертью, ангелом смерти, и жена, отдающая свою жизнь как выкуп у смерти за мужа – после того как это отказываются сделать мать и отец главного героя. Поэма «Дигенис Акрит» – памятник византийского героического эпоса, дошедший до нас в нескольких вариантах (известно о шести его версиях) и «единственный в своем роде эпический памятник, созданный на греческом языке после Гомера» [Сыркин, 1960, с. 131]; скорее всего, в основе ее лежит обработка фольклорного материала. Сказания о Дигенисе Акрите были чрезвычайно широко распространены на территории Малой Азии и Южного Кавказа. Первоначальная версия, по-видимому, восходила к концу X – началу XI в.; ряд напластований в сохранившихся версиях указывает на различные эпохи от второй половины XI и до XIV в. Известно также и об армянском сказании о Кагуан Арслане и его невесте Маргрит, представляющем собой вариант песни о Дигенисе и его борьбе с Хароном [Жирмунский, 1962, с. 199]. Образ Харона – демона смерти на вороном коне, – перешел в византийский фольклор из древнегреческой мифологии и долгое время сохранялся в греческом фольклоре и верованиях средних веков и даже нового времени [Дигенис Акрит, с. 213]. Мотив борьбы эпического героя с Хароном представлен в восьмой книге поэмы «Дигенис Акрит», а также в ряде песен т. н. «акритского цикла»[4]:

И много подвигов других, любви к тебе исполнен,
Я совершил, душа моя, стремясь владеть тобою,
Но цели не достиг своей, в надеждах обманулся, –
Конец мой приближается, – не сомневайся в этом:
Меня, непобедимого, Харон вот-вот осилит,
Аид лишить меня готов любви твоей великой,
В могиле скроюсь я навек, страдая нестерпимо,
Скорбя безмерно, что вдовой любимую оставлю.

[Дигенис Акрит, VIII, 124–125]

Здесь, в поэме о Дигенисе Акрите, о «поединке» эпического героя с Хароном, завершающемся смертью героя, говорится метафорически, тогда как в акритских песнях этот мотив получает большее развитие: Дигенис не раз вступает с ним в схватку [Попова, 1974, с. 90].

Сказание VI «Книги Коркута» («Песнь о Кан-Турали, сыне Канлы-Коджи») повествует о Кан-Турали и его сватовстве; оно, как и предыдущее сказание о Домруле, относится к наиболее поздним сказаниям «Книги Коркута», сложившимся уже на территории Закавказья. Отец Кан-Турали, «разумный муж» Казылык-Коджа, со своими джигитами отправляется на поиски подходящей невесты для сына: «Вошел в землю (внутренних) огузов, не мог найти девицу; обратился в другую сторону, вошел в землю (внешних) огузов, не мог найти девицу; обратился в другую сторону, пришел в Трапезунт». Кан-Турали решает сватать дочь

[3] Более подробно см.: [Аникеева, 2017].

[4] Произведения греческого фольклора, воспевающие ратные подвиги акритов – особого сословия воинов, возникшего в Византии приблизительно в IX–X вв. для обороны восточных границ империи.

трапезунтского *тагавора* Сельджан-хатун, и для того чтобы получить ее, он должен побороться с охраняющими ее свирепым львом, черным быком и черным верблюдом; после этого он вступает в битву и с самим тагавором. Победив при помощи Сельджан-хатун в битве войско *тагавора*, Кан-Турали вместе с ней возвращается в стан огузов к своему отцу. По словам В. В. Бартольда, «Песнь о Кан-Турали, сыне Казылык-Коджи» тесно связана с Трапезунтом[5] и Византией не только поворотами сюжета, но и с точки зрения литературной преемственности: по всей видимости, сюжет сватовства Кан-Турали соотносится со средневековыми европейскими рыцарскими романами, в которых прославлялась красота трапезунтских невест[6]. В этом отношении интересным представляется сопоставление «Песни о Кан-Турали» с возникшей в средневековом Трапезунте греческой песнью о Ксанфине[7]. С другой стороны, мотивы поиска невесты, борьбы со зверями, сна богатыря, сражения невесты вместе с ее женихом против отца, вышедшего в погоню, свойственны и всему тюркскому героическому эпосу, а роль отца как свата также восходит к древним тюркским обычаям.

VIII сказание «Китаб-и дедем Коркут» («Песнь о том, как Бисат убил Депегёза») повествует о битве огузского богатыря с Тепегёзом, одноглазым великаном. Этот сюжет выделяется своим содержанием во всей «Книге моего деда Коркута». Надо отметить, что существование самого сказания о Тепегёзе (Депегёзе) среди тюрков-огузов подтверждается, начиная приблизительно с XIV в. Собственно говоря, сам сюжет – богатырь уничтожает одноглазого великана-людоеда – является одним из самых широко распространенных сказочных сюжетов, существующих у многих народов мира (например, в «Тысяча и одной ночи» в сказке о Синдбаде-мореходе и о Сайф ал-Мулуке), в том числе и в нартовском эпосе на Северном Кавказе (у осетин, кабардинцев, абхазов), и у народов Средней Азии (у казахов, киргизов, туркмен). Однако, по всей вероятности, одним из самых древних и самых известных его отражений является рассказ о том, как Одиссей ослепил Полифема в «Одиссее» Гомера (VIII в. до н.э.).

Едва ли не первым исследованием, посвященным «Книге моего деда Коркута» как эпосу (конечно, после публикаций и предисловий к сказаниям «Книги Коркута» самого В. В. Бартольда[8]), в России является фрагмент (вступительная часть) неопубликованной работы П. А. Фалева[9], посвященная ногайскому эпосу «Едигей»[10]. П. А. Фалев сразу же помещает «Китаб-и Коркут» (хотя на тот момент он ознакомился только с четырьмя сказаниями этого эпоса в переводе В. В. Бартольда) в контекст всего тюркского эпического наследия (и шире – мирового фольклора). Интересным представляется и замечание Фалева о заимствовании сюжета об обманутом одноглазом великане-Депегёзе в фольклор тюрков-огузов. П. А. Фалев одним из первых сопоставляет сюжет восьмого сказания «Книги моего

[5] Трапезунтская империя — греческое государство на севере Малой Азии, просуществовавшее с 1204 по 1461 гг. со столицей в Трапезунте (Трапезунде). В 1204 г. потомки византийского императора Андроника I Комнина заняли Трапезунт и окрестные прибрежные земли. В 1461 г. Трапезунтская империя окончательно прекратила свое существование, будучи завоеванной Мехмедом II.

[6] См., например, «Калоандро» Джованни Амброджо Марини, где речь идет о сватовстве туркменского царевича Сафара к Леонильде, наследнице престола Трапезунта. [Жирмунский, 1962, с. 191].

[7] О ней см.: [Попова, 1974, с. 80–82; Дестунис, 1881].

[8] В. В. Бартольд в течение 1894–1904 гг. опубликовал четыре сказания «Книги моего деда Коркута», каждое – с кратким вступительным комментарием, и в 1922 г. им был закончен русский перевод всей рукописи.

[9] Павел Александрович Фалев (1888–1922) – российский тюрколог. Закончив факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета по разряду арабско-персидской-турецко-татарской словесности в 1912 г., был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию [Биобиблиографический словарь, 1989, с. 234]. Преподавание (на факультете восточных языков, в Практической восточной академии, Центральном институте живых восточных языков) совмещал с деятельностью в Восточном отделе РГО и ВОРАО, научными поездками к ногайцам и крымским татарам в Ставропольскую губернию (1914, 1916 гг.), участвовал в экспедиции Академии наук на Кавказ, организованной для охраны памятников (1916 г.). Позднее, с 1921 г., преподавал в Туркестанском восточном институте, работал одновременно в Туркестанской публичной библиотеке и Туркестанском отделе РГО.

[10] Рукопись этой работы П. А. Фалева хранится в Архиве востоковедов ИВ РАН (см.: АВ. Разряд 2, оп. 4, № 34). Подробнее см.: [Аникеева, в печати].

деда Коркута» и карачаевскую сказку (быличку), зафиксированную В. Прёле: «Если обратимся к другим произведениям тюркской словесности, то найдем еще больше черт, сближающих тюркского циклопа с греческим. В науке не использовано еще одно карачаевское предание, относящееся к циклу мотивов о Полифеме. По этому преданию, охотник встретился с "лесным человеком"[11]. Встреча вначале носила мирный характер. На вопрос "лесного человека" об имени, охотник ответил: "Мое имя — Прошлый год". Ночью охотником овладел страх. Он встал, одел свою бурку на чурбан, и сам влез на дерево. Вскоре "лесной человек" проснулся и бросился на чурбан, одетый в бурку. Охотник выстрелил и ранил его. Он закричал от боли. На его крик сбежались его собратья и спросили: "Кто это тебе сделал?" – "Прошлый год", сказал он. "Ну, где ж его теперь взять!" засмеялись "лесные люди". Это восточный вариант рассказа о хитрости Одиссея со словом "никто"».

«Китаб-и дедем Коркут», будучи единственным сохранившимся памятником книжного эпоса у тюркских огузских народов, всегда представлял особый интерес для тюркологов, а также ученых, занимающихся сравнительным исследованием и типологией фольклора. Очевидно, что на формирование нескольких сказаний «Книги моего деда Коркута» оказали сильнейшее влияние как современные им образцы византийского, греческого фольклора, так и архаические сюжеты более древнего периода.

Литература / References

Аникеева Т. А. «Китаб-и дедем Коркут» как памятник книжного эпоса // Неклюдов С. Ю., Петров Н. В. (сост. и ред.). *Памятники книжного эпоса Запада и Востока: монография.* М., 2017. С. 384–400 [Anikeeva T. A. "Kitab-i dedem Korkut' kak pamiatnik knizhnogo eposa // Nekliudov S. Y., Petrov N. V. (eds.). Pamiatniki knizhnogo eposa Zapada i Vostoka: monografiia. Moscow, 2017. Pp. 384–400].

Аникеева Т. А. Неопубликованные материалы об огузском книжном эпосе в архиве П. А. Фалева // *Тюркологический сборник.* М. (в печати) [Anikeeva T. A. Neopublikovannye materialy ob oguzskom knizhnom epose v arkhive P. A. Faleva // *Tiurkologicheskii sbornik.* Moscow (in print)].

Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период (под ред. Кононова А. Н.). М., 1989 [*Biobibliograficheskii slovar' otechestvennykh tyurkologov. Dooktiabr'skii period* (ed. Kononov A. N.). Moscow, 1989].

Дигенис Акрит (пер., статьи и коммент. Сыркина А. Я.) (серия «Литературные памятники»). М.–Л., 1960 [*Digenis Akrit (*per., stat'i i komment. Syrkin A. Y.) (seriya "Literaturnye pamyatniki"). Moscow, Leningrad, 1960].

Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // *Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос* (серия Литературные памятники). М.–Л., 1962 [Zhirmunskii V. M. Oguzskii geroicheskii epos i "Kniga Korkuta" // *Kniga moego deda Korkuta. Oguzskii geroicheskii epos.* (seriya Literaturnye pamiatniki). Moscow–Leningrad, 1962].

Короглы Х. *Огузский героический эпос.* М., 1976 [Korogly Kh. *Oguzskii geroicheskii epos.* Moscow, 1976].

О Ксанфине: Греческая трапезунтская былина византийской эпохи. Авт. вступ. ст., пер. и коммент. Дестунис Г. С. СПб., 1881 [*O Ksanfine: Grecheskaia trapezuntskaia bylina vizantiiskoi epokhi.* Avt. vstup. st., per. i komment. Destunis G. S. Saint-Petersburg, 1881].

Попова Т. В. Византийский народный и книжный эпос // Аверинцев С. С. (ред.). *Византийская литература.* М., 1974. С. 77–121 [Popova T. V. Vizantiiskii narodnyi i knizhnyi epos // Averintsev S. S. (ed.). *Vizantiiskaia literatura.* Moscow, 1974. Pp. 77–121].

Сыркин А. Я. Византийская эпическая поэма // *Дигенис Акрит* (пер., статьи и коммент. Сыркина А. Я.) (серия Литературные памятники). М.–Л., 1960 [Syrkin A. Y. Vizantiiskaia epicheskaia poema // *Digenis Akrit (*per., stat'i i komment. Syrkin A. Y.) (seriya "Literaturnye pamiatniki"). Moscow–Leningrad, 1960].

Dedem Korkudun Kitabı (ed. Orhan Şaik Gökyay). İstanbul, 2000.

Pröhle W. Karatschajische Studien // *Keleti Szemle. Kozlemenyek az Ural Altaji Nep-Es Nyelvtudomany Korebol (Revue Orientale pour les etudes Ouralo-Altaiques).* Redigee par dr. Kunos Ignacz, dr. Munkacsi Bernat. Vol. X. Budapest, 1909. Pp. 215–304.

[11] Keleti Szemle, X – прим. П. А. Фалева. Материалы очерка В. Прёле по карачаево-балкарскому языку, точнее, тексты, приведенные им во второй части данного очерка с переводом на немецкий, см.: [Pröhle, 1909, S. 278–280]. – *Т.А.*

ОГРАНИЧЕНИЕ РАЗНОСУБЪЕКТНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ ТУРЕЦКИХ КОНВЕРБОВ НА -(y)ArAk

О. М. Кадырова*

Статья посвящена особому синтаксическому свойству турецких конвербов на *-(y)ArAk* в сравнении с формами на *-(y)IncA, -(y)ken, -(y)Ip*. В работах некоторых тюркологов говорится либо о редкой встречаемости, либо о невозможности разносубъектных конструкций с *-(y)ArAk*. Автор уточняет правила употребления формы путем проведения исследований: поиск и анализ случаев употребления конвербов, в том числе на *-(y)ArAk,* в оригинальном нарративном тексте на турецком языке (роман современного автора), а также данные, полученные методом анкетирования носителей турецкого языка.

Ключевые слова: турецкий конверб, турецкие деепричастия, *-(y)ArAk*, субъект конверба, односубъектные конструкции, разносубъектные конструкции.

A RESTRICTION ON DIFFERENT-SUBJECT USE OF THE TURKISH CONVERBS WITH -(y)ArAk

Olga M. Kadyrova

The article describes a special sintactic characteristic of the Turkish converbs with *-(y)ArAk* in comparison with the forms *-(y)IncA*, *-(y)ken* and *-(y)Ip*. Some scholars assert that converbs with *-(y)ArAk* either rarely occur or cannot occur at all in different-subject constructions. The author clarifies the syntactic properties of the form using the results of analyzing converbial constructions, particularly forms with *-(y)ArAk*, used in a contemporary original narrative text written by a Turkish author, and data obtained from surveying native Turkish speakers. The special property makes converbs with *-(y)ArAk* rather different among other Turkish converbs.

Keywords: Turkish gerund, Turkish converb, subject of converb, same-subject construction, different-subject construction.

Эта работа написана в продолжение темы синтаксических свойств турецких конвербов, развиваемой в [Кадырова, 2017]. Турецкий язык богат разнообразными конвербиальными конструкциями, обладающими схожими синтаксическими свойствами. В частности, турецкие конвербы могут быть как односубъектными, так и разносубъектными, т.е. обладать собственным подлежащим, которое не совпадает с подлежащим основного предиката.

Пример односубъектной конструкции, где у конверба *iş görürken ‘работая’* и основного предиката *söylüyordu ‘пела’* общий субъект *anne ‘мама’*:

(1) Anne-m,	*iş gör-ür-ken*	*türkü-ler*	*söylü-yor-du.*
Мама-1sg	дело видеть-dur-CVB	тюркю-Pl	петь-dur-Pst3sg

[Aziz Nesin, 1997, s. 45]

‘Мама за работой пела тюркю.’

Пример разносубъектной конструкции, где у основного предиката *anladım* ‘*понял’* субъект *‘я’*, а у конверба *gidince‘как только ушел’* субъект *öğretmen ‘учитель’*:

* Ольга Михайловна КАДЫРОВА, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alfabem@yandex.ru

Olga M. KADYROVA, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alfabem@yandex.ru

(2) Öğretmen	*gid-ince,*	*rahat*	*yürü-ye-me-diğ-im-i*	*anla-dı-m.*
учитель	уйти-CVB	удобно	ходить-ab-neg-FN-1sg-Acc	понять-Pst-1sg

'Как только учитель ушел, я почувствовал, что хожу с трудом'.

[Aziz Nesin, 1997, s. 39]

Однако в тюркологической литературе встречаются замечания либо о редкой встречаемости разносубъектных конструкций с *-(y)ArAk* [Кузнецов, 2000, с. 297], либо о недопустимости таковых, кроме случаев, когда оба субъекта соотносятся как часть к целому [Иванов, 1977, с. 61].

Представляется необходимым уточнить правило о недопустимости vs. редкой встречаемости разносубъектных конвербов на *-(y)ArAk*.

В современном турецком языке среди наиболее встречаемых конвербиальных образований можно отметить формы на *-(y)Ip*, *-(y)ken*, *-(y)IncA*, *-(y)ArAk* и др. Мы провели исследование нарративного текста на турецком языке объемом около 109 тыс. слов [Pamuk, 2002]. По результатам исследования текста, разносубъектными оказались 50% конвербов на *-IncA*, 34% форм на *-ken*, 6% форм на *-Ip,* 0% форм на *-(y)ArAk*. Все конструкции, кроме тех, что с *-(y)Arak*, строятся по схеме:

Sub1/pro1 CVB, Sub2/pro2 V.

(3) *Kıvrıl-**arak** yüksel-en*	*yokuşlann birinde*	*birdenbire*	*bir at arabası*
петлять- CVB подниматься-PTSP	на одном из спусков	вдруг	Повозка
*belir-**ip*** *şoför*	*sıkı bir fren yap-**ınca***	*Ka*	*hemen uyan-dı.*
показаться- CVB шофер	резко тормоз сделать-CVB	Ка	сразу проснуться-PST3sg

'Когда на одном из спусков дороги, которая петляла, то поднимаясь, то спускаясь, шофер резко затормозил перед внезапно показавшейся повозкой с лошадью, Ка сразу проснулся.'

[Pamuk, 2002, s. 11]

В данном примере четыре субъекта разных предикатов: *'спуск'* (относится к двум предикатам, выраженным конвербом на *-(y)ArAk* и причастием), *'повозка'* (предикат выражен деепричастием на *-(y)Ip*), *'шофер'* (предикат выражен деепричастием на *-(y)IncA*), *'Ка'* (предикат – финитный глагол, основной предикат предложения).

В примере (3) конверб *kıvrılarak* не имеет собственного грамматического субъекта, являясь зависимым причастия *yükselen*. Субъект *yokuş 'спуск'* – это общий субъект для конверба и причастия. Конверб на *-(y)ArAk* в исследуемом тексте не встречается с собственным субъектом ни одного раза, кроме нескольких идиоматических выражений, где субъект конверба и субъект основного предиката соотносятся как часть и целое (пример 5).

Обычно предложение с конвербом на *-(y)ArAk* строится по схеме:

PRO1 CVB, Sub1/pro1 V.

(4) Ağla-yarak	*her şey-i*	*itiraf et-ti-**m**.*
плакать-CVB	*все-ACC*	*признание делать-PST-1sg*
CVB		pro V

*'Со слезами **я** признался ей во всем.'*

[Pamuk, 2002, s. 58]

В примере 4 у конверба и основного предиката предложения один общий субъект *'я'*, выраженный личным аффиксом основного предиката.

Но иногда встречаются идиомы с разносубъектными конструкциями:

(5) ...göz-ler-i öfkeyle parla-yarak söyle-di.
Глаз-PL-3sg с гневом сверкать-CVB сказать-Pst3sg
'...сказала, гневно сверкая глазами.'

[Pamuk, 2002, s. 271]

В примере (5) два субъекта разных предикатов: *'ее глаза'* с предикатом-конвербом и *'она'*, выраженный нулевым маркером финитного предиката. Однако по смыслу речь идет об одном и том же субъекте, причем связь двух субъектов оформлена грамматическими средствами – аффиксом принадлежности третьего лица. В турецком языке субъективные переживания часто выражаются посредством идиом: *душа субъекта сжимается, сердце горит, глаз насыщается* и т. д. Глагольная составляющая такой идиомы может выступать и как финитный глагол, и как нефинитная форма.

Результаты исследования текста наводят на мысль о недопустимости собственного субъекта для *-(y)ArAk*, исключения бывают в идиоматических выражениях со значением *'чувства субъекта', 'часть субъекта'*. Однако полученные результаты могут означать лишь редкую встречаемость разносубъектных конструкций. Поэтому мы обратились к пяти носителям языка с просьбой подтвердить или опровергнуть грамматичность разносубъектных примеров с *-(y)ArAk*. Все разносубъектные примеры были признаны носителями языка неграмматичными. Опрашиваемые предлагали следующие исправления:

*(6) *Ziya şarkı söyle-yerek Murat eğlen-iyor-du.*
Зия песни петь-CVB Мурат развлекаться-dur-Pst3sg
Ziya şarkı söyle-yerek Murad-ı eğlen-dir-di.
Зия песни петь-CVB Мурат-Acc развлекать-caus-Pst3sg

'Зия пел песни, развлекая Мурата.'

*(7) * Erol diploma al-arak baba-sı sevin - di.*
Эрол диплом получить-CVB, отец-3sg радоваться-Pst3sg

Erol diploma al - arak baba-sı-nı sevin - dir - di.
Эрол диплом получить-CVB, отец-3sg-Acc радоваться-caus-Pst3sg

'Эрол, получив диплом, обрадовал своего отца.'

*(8) * Bora çalış - ma-yarak öğretmen-i kız - dı.*
Бора работать-neg-CVB учитель-3sg злиться-Pst3sg

Bora çalış - ma-yarak öğretmen-i-ni kız - dır - dı.
Бора работать-neg-CVB учитель-3sg-Acc злиться-caus-Pst3sg

'Бора, не работая, злил своего учителя.'

Во всех исправлениях Sub2 превратился в прямое дополнение, а его действие, приняв форму каузатива, стало действием Sub1. Опрос носителей языка подтвердил, что в конструкциях с *-(y)ArAk* действие Sub1 не может быть обстоятельством для действия Sub2.

Что касается вышеупомянутых идиом, то неразрывная семантическая и синтаксическая

связь между субъектом идиомы и субъектом основного предиката ставит под сомнение правомерность отнесения таких конструкций к стандартным разносубъектным.

Можно говорить, что соответствующая конструкциям с *-(y)ArAk* формула <PRO1 CVBArAk, Sub1/pro1 V.> соответствует также схеме предложения с деепричастием русского языка:

(9) Получив диплом,	*Эрол*	*обрадовал*	*своего отца.*
PRO1 CVB,	Sub1	V	

О редкой встречаемости расзносубъектного варианта для формы на -араг/-әрәк в родственном азербайджанском языке говорят М. Ш. Ширалиев и Э. В. Севортян [Ширалиев, Севортян, 1971, с. 143–144]. В качестве разносубъектного примера приводится следующее:

(10) *Мин* ***караван*** кәләрәк *мин* ***караван*** *кедир. 'Тысячи караванов приходят, тысячи караванов уходят'*

Приводя данный пример, исследователи говорят о возможности разносубъектности «при однородных сказуемых». В примере два подлежащих и два сказуемых. Однако по смыслу сказуемые однородные: с точки зрения грамматики, они '*приходят*' и '*уходят*' каждый со своим '*караваном*', но речь идет об одном и том же субъекте, подобно вышеупомянутым турецким идиомам.

О. Дениз-Йылмаз приводит подобный пример на турецком языке из другого романа О. Памука:

(11) ***Onlar*** *konuş-**arak**,*	*ben konuş-madan*	*ye-di-**k**.*
Они разговаривать-CVB	мы разговаривать-CVBneg	кушать-PST-1pl

'Мы ели – они, разговаривая, а я молча.'

[Дениз-Йылмаз, 2006, с. 82]

В данном примере конверб на *-(y)ArAk* имеет свой грамматический субъект '*они*', а у основного предиката субъект '*мы*'. Однако в данном контексте сообщество '*они*' является частью сообщества '*мы*'. При этом на связь субъектов не указывают никакие грамматические показатели, как в примере 5. То есть для построения такой псевдо-разносубъектной конструкции маркеры связи необязательны, достаточно смыслового компонента.

Нам представляется, что на подлежащные свойства конструкций с *-(y)ArAk* ограничения накладывают не столько грамматические правила, сколько семантика образа действия, которую передают эти конвербы. Действие Sub1 не может быть образом действия Sub2. Временные конвербы на *-(y)IncA* и *-(y)ken* не имеют таких ограничений. Sub2 может совершать действие относительно времени действия Sub1. Формы на *-(y)Ip* могут передавать различные смыслы: временное соотношение событий, образ действия, однородное действие. Разносубъектность для этой формы возможна, но, судя по данным статистики, не часто встречается, что так же может быть связано с ограничениями по смыслу.

Турецкие конвербы на *-(y)ArAk*, передавая семантику образа действия, имеют ограничения на разносубъектное употребление и потому чаще всего бывают односубъектными. Собственный субъект данной формы может появляться только в том случае, если он представляет собой часть субъекта основного предиката (примеры 5 и 11). На этот факт необходимо указывать студентам при обучении турецкому языку. Кроме того, отметим, что указанное ограничение на разносубъектность является отличительным свойством конверба на *-(y)ArAk* в сравнении с формами на *-(y)IncA, -(y)ken, -(y)Ip.* Схемы

предложений большинства конструкций с *-(y)ArAk* совпадают со схемами предложений русского языка, содержащими деепричастия (пример 9).

Условные обозначения

ab – маркер возможности
ACC – аккузатив
caus – каузатив
CVB – конверб, деепричастие
dur– дуратив
PST – прошедшее вр.
neg – отрицание
Sub1 – субъект 1
Sub2 – субъект 2
pro – фонологически невыраженный субъект, который может быть выражен как отдельная сегментная единица
PRO – субъект, который не может быть выражен фонологически как отдельная сегментная единица
V – основной предикат
, – отделяет деепричастную и финитную клаузы
1/2/3sg – личный аффикс сказуемости, аффикс принадлежности ед. ч.
3sg – нулевой маркер сказуемости 3 л.ед.ч.
1/2/3pl – личный аффикс сказуемости, аффикс принадлежности мн. ч.

Литература / References

Гращенков П. В. Подлежащее в деепричастных конструкциях тюркских языков // *Вестник ТГГПУ*. 2011. №4 (26). С.182–185 [Grashchenkov P. V. Podlezhashchee v deeprichastnyh konstrukciyah tyurkskih yazykov // *Vestnik TGGPU*. 2011. 4 (26). Pp. 182–185].

Дениз-Йылмаз О. *Категория номинализации действия в турецком языке*. СПб., 2006 [Deniz-Jylmaz O. *Kategoriya nominalizacii dejstviya v tureckom yazyke*. Saint-Petersburg, 2006].

Иванов С. Н. *Курс турецкой грамматики*. Ч. 2. *Грамматические категории глагола*. Л., 1977 [Ivanov S. N. *Kurs tureckoj grammatiki*. Vol. 2. *Grammaticheskie kategorii glagola*. Leningrad, 1977].

Кадырова О. М. Фонологическое выражение субъекта действия в турецких и русских предложениях с конвербами // *Высшая школа*. 2017. №12. т. 2. С. 12–17 [Kadyrova O.M. Fonologicheskoe vyrazhenie su"ekta dejstviya v tureckih i russkih predlozheniyah s konverbami // *Vysshaya shkola*. 2017. 12/2. Pp. 12–17].

Кузнецов П. И. *Учебник турецкого языка. Начальный курс*. М., 2000. С. 295–298 [Kuznecov P. I. *Uchebnik tureckogo yazyka. Nachal'nyj kurs*. Moscow, 2000. Pp. 295–298].

Ширалиев М. Ш., Севортян Э. В. *Грамматика азербайджанского языка (фонетика, морфология, синтаксис)*. Баку, 1971 [Shiraliev M. S., Sevortyan 'E. V. *Grammatika azerbajdzhanskogo yazyka (fonetika, morfologiya, sintaksis)*. Baku, 1971].

Aziz Nesin. *Şimdiki çocuklar harika*. İstanbul, 1997.

Pamuk O. *Kar*. İstanbul, 2002.

От редакции: в 2011 г. в Институте востоковедения была создана Междисциплинарная проект-группа «Под небом Южной Азии»[1] (ПНЮА), которая ставит своей целью комплексное изучение, с опорой на предметно-проблемный подход, составных частей исторического и цивилизационного региона (Индия, Пакистан, Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланки и Мальдивы), где проживает одна пятая населения земли. За семь лет МПГ ПНЮА провела семь конференций (2011–2017 гг.), опубликовала четыре монографических тома («Портрет и скульптура», «Движение и пространство», «Территория и принадлежность» и «Хула и хвала») и работает еще над тремя томами («Стыд и гордость», «Вещь и польза» и «Слуга и хозяин»). Яркие книги – насыщенно-голубая, пронзительно-зеленая, густо-фиолетовая и вызывающе-оранжевая – отправились в самостоятельное путешествие по миру: их читают и обсуждают.

РЕЦЕНЗИЯ НА IV ТОМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОЕКТА ПНЮА: *ПОД НЕБОМ ЮЖНОЙ АЗИИ. ХУЛА И ХВАЛА: КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДАЛЬНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ*

В. У. Деков*

REVIEW OF VOL. IV OF THE INTERDISCIPLINARY PROJECT “UNDER THE SKIES OF SOUTH ASIA”: “CENSURE AND PRAISE: COMMUNICATIVE MODALITIES OF HISTORICAL AND CULTURAL SPECIFICITY”

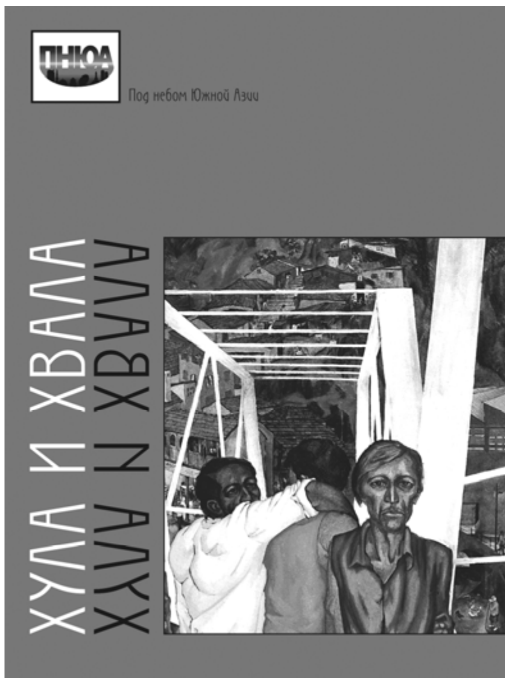
V. U. Dekov

И сказал Екклесиаст, сын Давидов, царь в Иерусалиме: «Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас». Одного только не учел мудрый Екклесиаст: «дьявол в деталях». Не знаю, сколько алмазов удалось обнаружить легендарному Садко в каменных пещерах «далекой Индии чудесной», сколько жемчужин попалось ему в морях, омывающих полуостров Индостан и шире – нынешнюю Южную Азию, но не вызывает сомнений, что ругани и оваций в перемещениях по многолюдным и шумным индийским базарам он наслышался предостаточно; наверняка и ему самому перепадало от падких на то и другое зазывал-торговцев или от толпящейся рыночной публики, если чужестранный гость ненароком кому-то помешал сбить цену на приглянувшийся товар. Кто-то проклинал, а кто-то радовался! Подобное для заморского купца не было запредельной неожиданностью: с бранью и похвалой он сталкивался и у себя на Руси, торгуя привезенными товарами. Нигде, однако, не видел он такой разношерстной, разноцветной, такой кипящей и плещущей во все стороны эмоциями базарящей толпы, которой славится Восток.

Конечно, Садко – это миф, завораживающая сказка, поэтому от сказочных персонажей и их открытий перейдем к некоторых реалиям современного мира, характерным

* Валерий Ушерович ДЕКОВ, кандидат философских наук, Кирьят-Бялик, Израиль; valerydekov@gmail.com
Valery U. DEKOV, PhD (Philosophy), Kiryat-Byalik, Izrael; valerydekov@gmail.com

[1] Подробнее о междисциплинарном проекте «Под небом Южной Азии» см.: URL: www.ivran.ru/pnua (дата обращения: 09.03.2018).

для региона Южной Азии в составе семи стран (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан, Мальдивы): именно они представлены любознательным читателям в междисциплинарном проекте «Под небом Южной Азии» (ПНЮА) Института востоковедения РАН. В моей вольной рецензии речь пойдет не о проекте в целом (он еще не завершен), а только о его IV томе[2], исследующем знакомые всем нам коммуникативные категории «хулы» и «хвалы», в их историческом и культурном своеобразии применительно к южноазиатским странам и народам. IV том состоит из трех книг-разделов: I. Современность, II. Колониализм и III. Средневековье. Я не стану утомлять читателя перечислением глав и их составляющих – многожанровый диапазон насчитывает более четырех десятков единиц увлекательного и полезного чтения. Все статьи исключительно научны, корректны в изложении и доказательны в выводах; строги, но не сухи в своей ясности по языку изложения; история перетекает в философию и завершается социологией на фоне лингвистических пояснений, а все вместе они образуют единое целое. Для меня диссонансом прозвучал только очерк писателя Бхишама Сахни «Эй, ублюдок! Ругань и ностальгия» из книги-раздела «Современность»; от него можно было бы избавиться, не нарушая оранжевого монолита.

Я долго живу в Израиле, который почти насквозь состоит из эмигрантов нескольких волн репатриации, продолжающейся и поныне. Есть среди них, как раз в моем городе, и переселенцы из Индии. Как правило, это чисто еврейские семьи, но попадаются и смешанные, когда один член семьи еврей(ка), а другой индус(ка). Живут они в стране чистенькой, демократической, экономически развитой в покое и достатке. В их глазах с характерными для жителей Индии желтоватыми белками ностальгии по оставленным индийским реалиям я никогда не замечал. Из-за этого рассказ Сахни о человеке, тоскующем по окрикам «Эй, ублюдок», многократно слышанным от друзей из его индийской юности, по окружавшей его неприкрытой бедности и грязи, показался мне каким-то искусственным, никчемным наростом, который можно безболезненно удалить, не разорвав при этом ткань научного повествования, целостность общей картины. Это, пожалуй, единственное крупное критическое замечание.

Но вернусь к началу IV тома – к трем обзорным статьям вводного характера, авторами которых являются руководитель проекта И. П. Глушкова и ответственный редактор Е. Ю. Ванина. Их – хотя бы краткий – анализ, обязателен, поскольку они задают вектор и определяют рамки исследования. В первом введении (И. Глушкова) с пространным названием: «Полярные категории межличностных, межрегиональных и межгосударственных модальностей взаимодействия. Прошлое, настоящее и будущее», состоящем из двух частей, меня несколько озадачило авторское желание начать разговор с большого очерка (кстати, великолепно написанного) об известном российском дипломате, чрезвычайном и полномочном после РФ в Индии А. М. Кадакине. Он так и называется: «Южная Азия и А. М. Кадакин» [с. 9–30]. Однако уже с первых страниц становится понятным, для чего это сделано: преждевременная кончина этого замечательного дипломата стала печальным поводом к разговору о коммуникативных стратегиях как прикладных методологиях в сложном клубке межгосударственных отношений и багаже профессионального дипломата.

[2] Глушкова И. П. (рук. проекта), Ванина Е. Ю. (ред.). *Под небом Южной Азии.* Т. IV. *Хула и Хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия.* М.: Наука – Восточная литература, 2017. 927 с.

Вторая часть вводной статьи И. Глушковой (о «непарламентских выражениях»), как и последующие две, принадлежащие перу Е. Ваниной, – «Хула и хвала: коммуникативные действия как точка пересечения гуманитарных дисциплин» и «Инвектива и комплимент на различных языках Южной Азии (попытка обобщения частностей)», – решают общие вопросы заявленной темы. В частности, исследуют значение этих полярных категорий в отношениях «субъект–объект», где «хула» и «хвала» соотносятся с «реалиями оценок», основанных на социально-историческом и культурном опыте индивида/сообщества; определяют их место в общей коммуникативной теории, тем самым дедуктивно предлагая читателю следовать от общего к частному, т.е. к главным книгам-разделам тома, где и выявляется «дьявол в деталях».

Один мудрый человек как-то сказал: «Времена меняются, люди остаются», имея в виду, что безотносительно времени природа человека воспроизводит все те же людские достоинства и недостатки. Как и во времена, отдаленные столетиями и тысячелетиями, людям и теперь свойственны жадность и щедрость, миролюбие и жестокость, прямота и уклончивость, честность и лживость. Ругань/брань и овации/похвала, или «хула» и «хвала» существовали с момента зарождения человеческого общества и продолжают существовать на уровне слов и поступков, жестов и мимики, выработанных социумом в его соприкосновении во времени и пространстве с другими социумами. Субъектом и объектом хуления и хваления, как верно отмечает Е. Ванина, являются индивидуум или сообщество, а также результаты их деятельности, которые придают «хуле» и «хвале» социальное содержание. Именно поэтому «хула» и «хвала» есть не что иное, как коммуникация между людьми на тему «что такое хорошо и что такое плохо» [с. 43].

Я читал и перечитывал огромный печатный массив IV тома, размышляя, в каком виде представить рецензию. Как постатейную оценку? Но тогда придется обозреть более 40 материалов разных авторов, написанных в разной манере: очерковой, научной, художественной, а затем соединить воедино, рискуя при этом запутаться и повторить пройденное. Я посчитал более правильным не членить отзыв на разделы и подразделы, которые присутствуют в книге, как и многочисленные статьи и параграфы, а попытаться оценить весь том сразу, на волне личных ощущений, перетекающих в вольную рецензию.

Живший в IV в. до н. э. китайский философ Сюнь-цзы писал: «То, что происходило тысячу лет назад, непременно возвращается; таково древнее постоянство». В подтверждение этой цитаты, во всех материалах тома красной нитью проходит мысль о преемственности, некой схожести употреблений «хулы» и «хвалы» в цепи коммуникативных действий людей/сообществ как в далеком прошлом и в средние века, так и в более близкие времена – эпоху колониализма и дня сегодняшнего. Поэтому, на мой взгляд, логичнее было бы сделать композиционную перестановку тома, начав со «Средневековья» и сделав «Современность» завершающим аккордом, подводящим итоги исследований. Но поскольку у авторов проекта на этот счет наблюдалось иное мнение, я принимаю его без возражений, не забыв школьное правило: «От перемены мест слагаемых сумма не меняется».

Теперь о самом исследовании – намного короче преамбулы, без детальных разборов, отлавливания блошек из ошибок, описок, неточностей, нарушений логики изложений, затянутости суждений и определения дефиниций. Все статьи, в какой бы жанровой вариации они ни были представлены, написаны достойно, с отличным знанием предмета, исключительно корректны в научном плане и не выходят за установленные темой рамки процесса исследования. Сделать это было сложно, поскольку «хула» и «хвала» – своеобразная конкретизация понятий Зла и Добра (в тексте тома они упоминаются три раза, хотя и вскользь), понятий очень вязких, при рассмотрении которых, волей-неволей попадаешь в топкие болота теодицеи и безуспешно в них барахтаешься, словно бы занимаясь религиоведением. Теология и каббала не в счет, поскольку к науке не имеют никакого отношения.

Читательский массив тома огромен, но «дьявол в деталях»! Можно было бы его уменьшить без вреда научной составляющей? Безусловно. Часть ответа содержится в самих названиях, а статьи, вставленные в соответствующие разделы, куда включены и другие жанры, подкрепленные резюмирующими выводами, могли доносить ту же мысль и при этом быть короче. Однако гуманитарные науки и, в частности, история, не описываются в строгих математических формулах, красота которых доступна лишь математикам, и к ним не применим в полной степени тезис «краткость – сестра таланта». Кажется, еще Демокрит высказал прогремевшую на тысячелетия мысль: «Прекрасна надлежащая мера во всем. Избыток и недостаток мне не нравятся». Но именно сдержанность и легкость стиля, столь редкие для нынешних научных опусов, стиля, не переходящего в крайности на протяжении всего тома, не лишила его привлекательности, когда-то свойственной историческим трудам таких научных титанов старших поколений, как Е. В. Тарле, А. З. Манфред и В. М. Хвостов, не говоря уже о дореволюционных В. О. Ключевском, С. М. Соловьеве, М. П. Погодине и Н. И. Костомарове, книги которых всегда научно основательны и одновременно занимательны, чем привлекали и привлекают читателей и поныне. IV том проекта читается также легко и не менее интересен, а для человека мало знакомого с историей Южной Азии любопытен вдвойне, поскольку через кажущиеся такими профанными понятиями как «хула» и «хвала» читатель знакомится со странами с более чем четырехтысячелетней культурной традицией, идущей со времен протоиндской цивилизации с центрами в Хараппе, Мохенджо-Даро и Лотхале, с их социально-демографическим и конфессиональным разнообразием, обычаями и традициями. За это мне хочется выразить благодарность руководителю проекта, ответственному редактору и всем его участникам одним коротким словом – спасибо из Кирьят-Белика.

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БЕНГАЛИИ И БИХАРА В VIII–XII ВВ. (ДИНАСТИИ ПАЛОВ, СЕНОВ И ИХ БЛИЖАЙШИХ СОСЕДЕЙ)

А. А. Столяров*

В статье дается краткий обзор публикаций с последней трети XIX в. до настоящего времени, авторы которых пытались реконструировать и описать политическую историю Бенгалии и Бихара в VIII–XII вв. Среди них – выдающиеся историки Индии, начиная с основателя Археологического управления Индии А. Каннингхэма, Ф. Килхорн, Х. Шастри, первооткрыватель Мохенджо Даро Р. Д. Банерджи, Р. Ч. Маджумдар и Д. Ч. Сиркар и большая группа историков из Бангладеш. Среди иностранных исследователей – С. Хантингтон из Университета штата Огайо и Р. Фуруи из Токийского университета.

Ключевые слова: историография, эпиграфические источники, надписи, раннесредневековая история Северной Индии, история Бенгалии, история Бихара.

FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF POLITICAL HISTORY OF BENGAL AND BIHAR IN 8TH–12TH CENTURIES (PALA AND SENA DYNASTIES, AND THEIR CLOSE NEIGHBOURS)

Alexander A. Stolyarov

This is a review of papers and monographs published since the last third of the 19th century. Authors of these works reconstructed and described political history of Bengal and Bihar in the 8th–12th centuries. Among them there are outstanding historians of India, from A. Cunningham, founder of the Archaeological Survey of India, to F. Kielhorn, H. P. Sastry, R. D. Banerji, the discoverer of Mohenjo Daro, R. C. Majumdar, and D. C. Sircar. Works of a large group of historians from Bangladesh are also reviewed. Among non-Indian historians, the article looks at the research of S. Huntington from the University of Ohio and R. Furui from Tokyo University.

Keywords: historiography, epigraphic sources, inscriptions, early mediaeval history of North India, history of Bengal, history of Bihar.

Исторические работы, посвященные истории Бенгалии и Бихара раннего средневековья и, в частности, династии Палов, стали появляться, начиная с последней трети XIX в. Вначале это были преимущественно публикации надписей отдельных правителей династии, однако уже тогда среди них встречались попытки связать воедино известные к тому времени сведения.

Одна из первых таких попыток была сделана более ста лет назад первым директором Археологической службы Индии, выдающимся историком и археологом Александром Каннингхэмом [Cunningham, 1873, p. 133–139], попытавшимся сопоставить генеалогические списки династии, взятые из нескольких надписей Палов, исторических сочинений ламы Таранатхи (1575–1634 гг.) и могольского историка Абу эль-Фазла (1551–1602 гг.). Несмотря на явную недостаточность эпиграфических свидетельств и крайнюю запутанность династийных списков в работах двух последних авторов, воссозданная Каннингхэмом генеалогия была достаточно близка к реальной: в списке указаны имена 17 правителей, 13 из которых были

* Александр Александрович СТОЛЯРОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; astol007@gattamelata.com
Alexander A. STOLYAROV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; astol007@gattamelata.com

действительными представителями династии, при этом порядок их перечисления совпадал с реальными данными.

Менее удачная попытка реконструировать генеалогию династии содержалась в появившейся в 1885 г. статье британского индолога немецкого происхождения Рудольфа Хёрнле (1841–1918 гг.) «Палы Бенгала» [Hoernle, 1885], предваряющей публикацию жалованной грамоты Виграхапалы III из Амгачхи (округ Динаджпур, Бангладеш). Хёрнле не смог продвинуться дальше Виграхапалы I – седьмого (в ту пору – четвертого) государя династии.

Более или менее корректно реконструировал генеалогию династии немецкий санскритолог Франц Килхорн (1840–1908 гг.), переиздавший в 1892 г. генеалогическую часть жалованной грамоты из Амгачхи [Kielhorn, 1892, Amgachhi] и опубликовавший тогда же жалованные грамоты Девапалы из Мунгера (округ Мунгер, штат Бихар) [Kielhorn, 1892, Mungir] и Махипалы I из археологического памятника Бангарх [Kielhorn, 1892, Dinajpur], расположенного в городе Гангарампур (округ Южный Динаджпур, штат Западная Бенгалия), а также надпись Нараянапалы на колонне из Бадала [Kielhorn, 1892-94], рядом с городом Мунгалбари (округ Богра, Бангладеш).

В 1910 г. выдающийся санскритолог, архивариус и историк бенгальской литературы Харапрасад Шастри (1853–1931 гг.), также известный как Харапрасад Бхаттачарья, обладатель почетного титула Махамахопадхъяя, опубликовал в третьем выпуске Мемуаров Азиатского общества Бенгалии санскритский текст поэмы «Рамачарита», сочинения Сандхъякаранандина, со своим предисловием к ней [Sastri, 1910, p. 1–17], где излагал не только генеалогию Палов, но и попытался кратко описать политическую историю Бенгалии и Бихара в период правления династии.

В 1915 г. в пятом выпуске Мемуаров Азиатского общества Бенгалии появилась работа молодого археолога и историка, будущего первооткрывателя Мохенджо-Даро, Ракхалдаса Банерджи (1885–1930 гг., настоящая фамилия – Бандьопадхъяя) «Палы Бенгала» [Banerji, 1915] – первое большое историческое исследование о времени правления династии. Р. Д. Банерджи привлек множество разнообразных источников: богатый эпиграфический материал, включающий надписи не только Палов, но и современных им других правителей, колофоны манускриптов, сочинения буддийской традиции, «Рамачариту». Значительное количество надписей и колофонов, имеющих непосредственное отношение к истории Палов, были впервые опубликованы здесь (включая факсимиле). Все это объясняет, почему, несмотря на столетие, прошедшее со времени публикации работы, она до сих пор остается в ряду основных сочинений, посвященных истории Бенгалии и Бихара эпохи Палов. Большое количество позднейших исследователей брали в качестве основных положений идеи, высказанные Р. Д. Банерджи в 1915 г.

Результаты начального периода изысканий были отражены в появившихся в первые десятилетия XX в. работах общего характера, таких как «Оксфордская история Индии» Винсента Смита [Smith, 1919] или «Краткая Кембриджская история Индии» коллектива английских авторов, где, в числе прочих, освещались также проблемы истории Палов [Allan, 1934].

В двадцатилетие, последовавшее после публикации «Палов Бенгала» Р. Д. Банерджи, появились работы, где содержались уточнения некоторых проблем политического характера (в основном, хронологии). В качестве примера можно назвать статьи Р. Ч. Маджумдара [Majumdar, 1921, Pala; Majumdar, 1921, Sena], Д. Ч. Бхаттачарьи [Bhattacharya, 1927] и Дж. Ч. Гхоша [Ghosh, 1933]. Из крупных работ, появившихся примерно в то же время, следует отметить докторскую диссертацию Х. Ч. Рая «Династическая история Северной Индии», защищенную им в Лондонском университете и опубликованную как монографию с предисловием Л. Д. Барнетта [Ray, 1931; 1973], где достаточно подробно описывалась политическая история Палов и Сенов и их связи с другими династиями Северной Индии.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. в Бенгалии был издан ряд крупных исследований, ставшим своеобразным итогом работы нескольких поколений индийских историков. Это труды П. Л. Пола [Paul, 1939–1940], Б. Ч. Сена [Sen, 1942] и коллективная монография «История Бенгалии: Т. 1» [History of Bengal, 1943], больше половины разделов которой были написаны ее редактором Р. Ч. Маджумдаром (1888–1980 гг.) в бытность его вице-канцлером Университета Дакки (1937–1942 гг.).

Все указанные работы в хронологическом отношении выходят далеко за рамки рассматриваемого периода; изложению событий конца I – начала II тысячелетий в них посвящено обычно несколько глав или разделов. Кроме того, под термином «Бенгал», присутствующим в названии каждого из этих трудов, подразумевалась территория не только Бенгалии, но также Бихара и Ассама. Несмотря на то, что в изложении событий политической истории названные работы принципиально не отличались друг от друга, каждая из них имеет некоторые особенности, свидетельствующие о своеобразии подхода авторов к проблемам.

Так, при описании политической истории Бенгала и Бихара П. Л. Пол отдавал предпочтение нарративным источникам, привлекая эпиграфику либо для подтверждения уже выявленных фактов, либо в тех случаях, когда наблюдалось отсутствие других свидетельств. Б. Ч. Сен, напротив, начав свою работу с подробного описания эпиграфического комплекса, имеющегося по Бенгалии и Бихару, дальнейшее изложение построил на интерпретации его данных, привлекая нарративный материал лишь в спорных случаях. «История Бенгала», будучи коллективной монографией, претендует на наиболее полный охват всех аспектов жизни общества изучаемого периода. Объем источников, используемых здесь, представляется наиболее полным. Однако стремление к всестороннему охвату исследуемых проблем в ряде случаев приводит к отсутствию глубины аргументации.

В каждой из этих работ имеются главы или разделы по «социальной жизни» и «экономике», основанные на изучении эпиграфики. При этом, если Б. Ч. Сен не идет дальше попыток описать административный аппарат Гуптов и Палов, то П. Л. Пол, помимо такого описания, пробует исследовать группы сельского населения, а также воссоздать систему налогов. Авторы «Истории Бенгала» старались отразить в монографии различные стороны социальной и экономической жизни тогдашнего общества. Вместе с тем, в столь обширной работе не нашлось места для описания категорий сельского населения, почти ничего не сказано о низших кастах, рассказ о сельскохозяйственном производстве свелся к описанию сортов возделываемых в тот период культурных растений и т. д.

В целом эти работы характеризует довольно высокий уровень реконструкции династической хронологии. Достижения в этой области впоследствии не были превзойдены, но только уточнялись. В десятитомном издании «История и культура индийского народа», начавшем печататься с середины 1950-х гг., тома, касающиеся политического развития Восточной Индии на рубеже I и II тысячелетий, были написаны Р. Ч. Маджумдаром [The Age…, 1965; The Struggle…, 1966], который в кратком виде повторил то, что было изложено им же в «Истории Бенгала», переизданной в 1970 г. без каких-либо изменений. В следующем, 1971 г. Маджумдар выпустил «Историю древней Бенгалии» [Majumdar, 1971], в которую с некоторыми дополнениями были включены разделы из «Истории Бенгала», написанные им самим. Труды Маджумдара не теряют актуальности и по сей день, их часто цитируют индийские и зарубежные исследователи. «История Бенгала», например, выдержала более десятка переизданий, что с одной стороны, говорит о ее ценности, а с другой – об отсутствии сопоставимых с ней современных работ и – отчасти – об определенной тяге к догматизму в индийской исторической науке.

Следует отметить, что авторам названных здесь работ был присущ своеобразный взгляд на характер социально-политического развития Бихара и Бенгалии в послегуптскую эпоху: они считали, что политическая раздробленность, наблюдавшаяся в этот период, сопровождалась дальнейшим развитием государственности, которое выразилось в

совершенствовании структуры государственного аппарата, отличавшейся (если это о структуре) иерархичностью и относительной регламентированностью должностей, а также в наличии хорошо отлаженной налоговой системы. Причину такого понимания следует искать в методологической установке считать упоминание любого титула или должности обозначением чиновника.

В соседнем с Индией Восточном Пакистане в 1967 г. появилась работа «Династическая история Бенгалии в 750–1200 гг.» Абдул Момина Чаудхури [Chowdhuri, 1967], содержащая критику ряда положений, высказанных Маджумдаром, и поддержанная индийскими историками. Речь идет, в частности, об обстоятельствах «избрания» Гопалы I и проч.

Начиная с последней трети XX в. наблюдается рост региональных исследований. Наибольших успехов достигли историки Ориссы (или Одиши), выпустившие к концу века фундаментальный двухтомник «Универсальная история и культура Ориссы» [Mishra, 1997], где каждый том издан в двух частях или книгах. Первый том, авторами которого стали около сорока ученых, повествует об истории Ориссы с древнейших времен до 1568 г. и состоит из 38 глав, охватывающих политическую, экономическую и культурную сферы во всем их многообразии.

История Бенгалии и Бихара освещена гораздо скромнее. Тем не менее, нельзя не упомянуть одну из последних работ великого Динешчандра Сиркара (1907–1985 гг.), много лет проработавшего на посту главного эпиграфиста Археологического управления Индии (1949–1962 гг.), – «Борьба Канауджа с Гаудом» [Sircar, 2011], – в основу которой положена лекция памяти д-ра Биман Бехари Маджумдара, зачитанная в 1982 г. В ней Д. Ч. Сиркар не соглашается, в частности, с бытующем в среде историков мнением о том, что три государственных объединения раннесредневековой Индии – Гурджаро-Пратихары, Палы и Раштракуты – вели целенаправленную борьбу за обладание имперским Канауджем [1]. В действительности, по его мнению, все обстояло не так прямолинейно.

В первой половине 1990-х гг. появился лишь труд Джуны Багчи по истории и культуре Палов Бенгала и Бихара [Bagchi, 1993].

В 1970–1980-х гг. было опубликовано несколько монографий американских исследователей, самой значительной из которых следует считать исследование Сьюзен Хантингтон о стиле Пала-Сена в индийском искусстве [Huntington, 1984], изданное лейденским издательством “Brill”. В книге дан краткий очерк хронологии правителей Палов, в котором сведены наиболее авторитетные реконструкции того периода, и в 50-страничном приложении – список всех опубликованных датированных скульптур.

Проблемы истории Восточной Индии привлекали внимание не только южноазиатских, но и ряда зарубежных исследователей. В 1970-х гг. американский археолог Б. М. Моррисон избрал в качестве объектов исследования найденные на территории Бенгалии жалованные грамоты, относящиеся к V–VII вв. [Morrison, 1970] Проанализировав типологию их формы, внутренней структуры, содержания, он выявил районы их распространения и преимущественной концентрации, по периодам проследил изменения характера их внутренней организации, сделав попытку увязать эти изменения с процессом формирования брахманской частной собственности, порайонно и в целом оказавшим воздействие на социально-экономическую организацию тогдашнего общества. Свое второе исследование Моррисон повел вглубь, существенно сузив территориальные границы: он подверг формальному сравнительно-типологическому анализу археологический и эпиграфический (состоящий исключительно из жалованных грамот) комплексы, найденные в районе Лалмаи-Майнамати [Morrison, 1974], холмистой местности, расположенной примерно в 13 км к западу от города Комилла, столицы одноименного округа (Бангладеш), где на относительно небольшом пространстве, простирающемся на 18,5 км с севера на юг и 4,5 км с запада на восток обнаружено около 50 буддийских археологических памятников. В то же

[1] Подробнее см.: [The Age…, 1965].

время выводы Моррисона, основанные на изучении исключительно археологического и эпиграфического материала, несмотря на очевидную объективность, носят предварительный, гипотетический характер и нуждаются в подтверждении другими видами источников.

Надо сказать, что район Лалмаи-Майнамати издавна привлекает внимание индийских и, в особенности, бангладешских исследователей. Публикации по большей части представляют собой отчеты о раскопках и обследованиях отдельных археологических комплексов [Khan, 1955; 1963; Alam Shamsul, 1982; Rahman, 1997; Alam Shafiqul, 1999; 2000]. Однако есть и исследования общего профиля, такие, как коллективная монография «Майнамати-Девапарвата», изданная под № 1 в серии «Обзор памятников и археологических комплексов Бангладеш» [Mainamati-Devaparvata, 1997], или докторская диссертация Биджоя Кришны Баника «Майнамати: исследование санскритских надписей и археологических памятников», защищенная им в 1998 г. и опубликованная десятью годами позже [Banik, 2009].

Крупным событием научной жизни Бангладеш стало открытие в 1995 г. Международного центра изучения бенгальского искусства. Его президентом стал бывший генеральный директор Национального музея Бангладеш проф. Энамуль Хак (р. 1936). С 1996 г. Центр стал издавать ежегодник «Журнал бенгальского искусства» (JBA). Ежегодник издается на высоком научном и полиграфическом уровне с привлечением крупных отечественных и зарубежных – азиатских, европейских и американских – ученых. На сегодняшний день вышел 21 выпуск.

С 2000 г. под редакцией Энамуль Хака начала выходить серия «Исследования бенгальского искусства». Первым выпуском стала антология из 55 статей Гурищвара Бхаттачарьи (р. 1924) «Заметки о буддийской, индуистской, джайнской иконографии и эпиграфике» [Bhattacharya, 2000], вторым – монография Абу Имама «Раскопки в Майнамати: поисковое исследование» [AbuImam, 2000]. В 2015 г. был опубликован 12 выпуск серии «Пахарпур или Сомапура Махавихара: объект Всемирного культурного наследия», куда включены все важнейшие научные публикации о Пахарпуре, начиная с 1933 г. [Haque, 2015]. Книга снабжена 504 иллюстрациями.

Представленный здесь обзор коснулся лишь части зарубежных исследований по политической истории Бенгалии и Бихара. В следующем выпуске будет представлен обзор зарубежных работ по социально-экономической истории региона.

Литература / References

Abu Imam. *Excavations at Mainamati: An Exploratory Study. Studies in Bengal Art Series*. No.2. Dhaka, 2000.

Alam A. K. M. Shamsul. *Mainamati*. Dacca, 1982.

Alam Md. Shafiqul, Miah Md. A. H., Nazimuddin A., Mohammed Ali. *Excavations at Ananda VIhara, Mainamati, Comilla (1979–1982)*. Dhaka, 1999.

Alam Md. Shafiqul. *Excavations at Rupban Mura, Mainamati, Comilla*. Dhaka, 2000.

Allan J., Haig T. W., Dodwell H. H. *The Cambridge Shorter History of India*. Cambridge, 1934.

Bagchi J. *The history and culture of the Pālas of Bengal and Bihar (cir. 750 A.D. – cir. 1200 A.D.)*. New Delhi, 1993.

Banerji R. D. The Palas of Bengal // *Memoirs of the Asiatic Society of Bengal*. 1915. 5.3. Pp. 43–113.

Banik B. K. *Mainamati: Sanskrit Inscriptional and Archaeological Study*. New Delhi, 2009.

Bhattacharya D. Ch. Dates of Early Historical Records of Bengal // *Indian Historical Quarterly*. 1927. 3. Pp. 571–591.

Bhattacharya G. Essays on Buddhist, Hindu, Jain Iconography and Epigraphy. Studies in Bengal Art Series, No 1. Dhaka, 2000.

Chowdhury A. M. *Dynastic History of Bengal (c. 750–1200 A.D.). Asiatic Society of Pakistan publication*. No.21. Dacca, 1967.

Cunningham A. *Archaeological Survey of India. Reports*. Vol. 3. *Report for the year 1872–73*. Calcutta, 1873. Pp. 479–490.

Haque E. (ed.). *Paharpur alias Somapura Mahavihara: A World Cultural Heritage Site. Studies in Bengal Art Series*. No.12. Dhaka, 2015.

History of Bengal. Vol. I: *Hindu period*. Dacca, 1943.

Hoernle A. F. R. The Palas of Bengal // *Indian Antiquary*. 1885. 14. Pp. 162–168.

Huntington S. L. *The 'Pāla-Sena' Schools of Sculpture. Studies in South Asian culture*. Vol. 10. Leiden, 1984.
Khan F. A. *Excavations at Salban Raja Palace Mounds on Mainamati-Lalmai Ridge, near Comilla, Jan.-March 1955*. Karachi, 1955.
Khan F. A. *Mainamati: a Preliminary Report on the Recent Archaeological Excavations in East Pakistan*. Karachi, 1963.
Kielhorn F. Badal Pillar Inscription of the Time of Narayanapala // *Epigraphia Indica*. 1892–1894. 2. Pp. 160–167.
Kielhorn F. The Amgachhi Copper-Plate Grant of Vigrahapaladeva III // *Indian Antiquary*. 1892. 21. Pp. 97–101.
Kielhorn F. The Dinajpur Copper-Plate Inscription of Mahipala // *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1892. 61, No.1. Pp. 77–87.
Kielhorn F. The Mungir Copper-Plate Grant of Devapaladeva // *Indian Antiquary*. 1892. 21. Pp. 253–258.
Mainamati-Devaparvata // Hussain A. B. M., Rashid M. H., Chowdhury A. M., Khan F. *A Survey of Historical Monuments and Sites in Bangladesh*. Dhaka, 1997.
Majumdar R. C. *History of Ancient Bengal*. Calcutta, 1971.
Majumdar R. C. The chronology of the Pāla kings // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*. 1921. 17. Pp. 1–6.
Majumdar R. C. The chronology of the Sena kings // *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*. 1921. 17. Pp. 7–16.
Mishra P. K. (ed.). *Comprehensive History and Culture of Orissa*. New Delhi, 1997.
Morrison B. M. *Lalmai, a Cultural Center in Bengal: An Archaeological Report and Historical Analysis*. Seattle, London, 1974.
Morrison B. M. *Political Centers and Cultural Regions in Early Bengal*. Tucson, 1970.
Paul P. L. *The Early History of Bengal: from the Earliest Times to the Muslim Conquest*. Vols. 1–2. Calcutta, 1939–1940.
Rahman H., Ahmed N. *Excavation report of Itakholamura, Mainamati, Comilla (1990–92)*. Dhaka, 1997.
Ray H. C. *The Dynastic History of Northern India (Early Medieval Period)*. Vol. I. Calcutta, 1931; 2nd ed.: Delhi, 1973.
Sastri M. H. (ed.). Ramacarita by Sandhyakara Nandi // *Memoirs of the Asiatic Society of Bengal*. 1910. 3.1. Pp. 1–56.
Sen B. Ch. *Some Historical Aspects of the Inscriptions of Bengal: Pre-Muhammadan Epochs*. Calcutta, 1942.
Sircar D. C. *The Kānyakubja-Gauḍa Struggle: from the Sixth to the Twelfth Century A.D. Dr. Biman Bihari Majumdar Memorial Lecture*, 1982. Kolkata, 1985. Repr.: Kolkata, 2011.
Smith V.A. *The Oxford History of India from the Earliest Times to the End of 1911*. Oxford, 1919.
The Age of Imperial Kanauj. The History and Culture of Indian People. Vol. 4. Bombay, 1964.
The Struggle for Empire. The History and Culture of Indian People. Vol. 5. Bombay, 1966.

МОНОГРАФИЯ Ю. Н. РЕРИХА «ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ У КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО ТИБЕТА»

А. М. Шустова*

Ю. Н. Рерих (1902–1960 гг.) – российский востоковед, тибетолог, автор монографий «Тибетская живопись», «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», «По тропам Срединной Азии», «История Средней Азии», Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями. Статья посвящена истории создания, а также анализу содержания монографии Ю. Н. Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета». Эта монография в свое время стала событием в мировой науке и явилась классическим исследованием в области евразийской исторической мысли.

Ключевые слова: Ю. Н. Рерих, искусство звериного стиля, кочевники Тибета, добуддийский период истории.

GEORGE ROERICH'S MONOGRAPH "THE ANIMAL STYLE AMONG THE NOMADS OF NORTHERN TIBET"

Alla M. Shustova

George Roerich (1902–1960) was a prominent Russian Orientalist and Tibetologist and the author of seminal works like "Tibetan Paintings", "The Animal Style among the Nomads of Northern Tibet", "Trails to Inmost Asia", "History of Central Asia" as well as the Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit parallels. This article looks at his book "The Animal Style among the Nomads of Northern Tibet", at the history of its creation and its main ideas. Upon its release, the book became a celebrated academic event and set a standard for studies in Euro-Asian history.

Keywords: George Roerich, animal style of art, nomads in Tibet, pre-Buddhist period of history.

В 1930 г. в Праге вышла работа Ю. Н. Рериха «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета»[1]. Она была опубликована в серии «Скифика» отдельным изданием сразу на двух языках: русском и английском [Рерих, 1930; Roerich, 1930]. Издание было осуществлено Семинарием Кондакова (Seminariun Kondakovianum) — научной группой, объединившей учеников известного византолога и знатока древнерусского искусства академика Петербургской Академии Наук Никодима Павловича Кондакова (1844–1925 гг.).

Публикация этой работы Ю. Н. Рериха именно Семинарием Кондакова была не случайной. Отец Юрия Николай Константинович был дружен с академиком Кондаковым, оба они участвовали в работе Императорского Русского Археологического Общества. Более того, Н. П. Кондаков представлял Н. К. Рериха при избрании его академиком в Академии Художеств.

Юрий, как и его отец, интересовался древней историей и проблемой корней русского искусства, поэтому идеи академика Н. П. Кондакова, а также его ученика, крупнейшего исследователя скифской культуры М. И. Ростовцева (1870–1952 гг.) были особенно близки ему. Отметим, что в своей монографии о зверином стиле Ю. Н. Рерих использовал результаты труда М. И. Ростовцева «Срединная Азия, Россия, Китай и "звериный стиль"»

* Алла Михайловна ШУСТОВА, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва; parinama@yandex.ru

Alla M. SHUSTOVA, PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; parinama@yandex.ru

[1] Переиздана в 1992 г. в Москве, а также в сборнике «Тибет и Центральная Азия» [Рерих, 1999].

[Ростовцев, 1929], изданного также Семинарием Кондакова в Праге, но только на год раньше, в 1929 году, в той же серии «Скифика». Этим он продолжил серию публикаций Семинария по вопросам изучения кочевой культуры.

М. И. Ростовцев входил в научный кружок под руководством Н. П. Кондакова. Именно этот кружок перерос в постоянно действующий семинар, а уже после смерти учителя в 1925 г. был официально оформлен сначала в Семинарий имени Н. П. Кондакова, а в 1931 г. – в Институт имени Н. П. Кондакова. На поприще изучения корней русской культуры и истории кочевых цивилизаций Азии некоторое время происходило сотрудничество Института имени Н. П. Кондакова в Праге и Института Гималайских исследований «Урусвати» в Кулу (Индия), который возглавлял Ю. Н. Рерих с 1928 г.

Ю. Н. Рерих в молодые годы в Петербурге изучал труды М. И. Ростовцева. Именно с именем М. И. Ростовцева связано начало скифологии как важной отрасли истории и археологии, а также изучения искусства звериного стиля, составлявшего неотъемлемую часть культуры многих народов Евразии в I тыс. до н. э. В Америке, куда временно переехала семья Рерихов, судьба снова свела его с русским ученым, эмигрировавшим туда в 1920 г. Во время учебы в Гарварде Ю. Н. Рерих посещал лекции М. И. Ростовцева о «Среднеазиатских влияниях на искусство юга России».

Так сложилось, что научные интересы трех принадлежащих к следующим друг за другом поколениям ученых – Н. П. Кондакова, М. И. Ростовцева и Ю. Н. Рериха, находились в русле одной большой темы, связанной с историей и культурой России и ее взаимодействием с Востоком. На примере их научного творчества можно проследить преемственность идей и то, как продолжала жить и развиваться русская научная школа, даже независимо от того, где находились сами ученые: Кондаков переехал в Чехословакию, Ростовцев в Америку, а Рерих в Индию.

«Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» – это вторая серьезная работа Ю. Н. Рериха по истории искусства Востока после книги «Тибетская живопись» [Roerich, 1925], в которой он исследовал историю буддийской иконографии. Интересно, что оба исследования базируются на собранных семьей Рерих коллекциях. Также отметим, что обе эти работы являют собой некоторую целостность, и в них делается попытка отразить большой исторический период развития тибетского искусства: а именно добуддийский период, отраженный искусством звериного стиля, и буддийский, отмеченный развитием живописи на стенах монастырей и религиозных знаменах (*тханках*).

Конечно же, темы исследования, взятые Ю. Н. Рерихом для этих двух своих монографий, были далеко не случайными. Дело в том, что интерес к восточному искусству у Юрия Николаевича пробудился очень рано. Петербург его юношеских лет буквально болел Востоком. Востоковедение было частью русской культуры. Культурная интеллигенция была хорошо осведомлена об открытиях ученых-востоковедов. Такие известные востоковеды, как египтолог Б. А. Тураев, буддолог Ф. И. Щербатской, индолог С. Ф. Ольденбург, монголовед А. Д. Руднев, часто бывали в гостях у Рерихов.

Будучи историком искусства, отец Юрия Николай Константинович Рерих не мог обойти вниманием развитие русского искусства. Поиск древних корней славянства и истоков русской культуры неизбежно уводили мысль на просторы Азии, где в древние времена существовала великая кочевая цивилизация. В особенности модной и притягательной оказалась тема скифского искусства, прекрасные образцы которого находились в Эрмитаже. Идеи взаимовлияния, взаимопроникновения культур были в то время близки многим исследователям, которые обсуждали их на примере скифского искусства. Все это сыграло свою роль в выборе направления научного исследования молодого Юрия.

На выбор темы, взятой Ю. Н. Рерихом для второй монографии, также повлияло и то, что одним из результатов Центрально-азиатской экспедиции Н. К. Рериха стало обнаружение целого ряда уникальных памятников, относящихся к древней культуре кочевников, а также собрание коллекции прекрасных изделий искусства звериного стиля.

Таким образом, идеи, положенные в основу работы Ю. Н. Рериха о зверином стиле, имели свою предысторию. Ученый во многом перенял их от своих учителей, к которым относился и его отец Николай Константинович, и, в свою очередь, развил и наполнил новым содержанием.

Для более полного понимания научного интереса Ю. Н. Рериха к теме искусства кочевников, будет не лишним напомнить, что же представляет собой художественное изображение животных, названное звериным стилем, и каковы его особенности.

Звериный стиль — это название оригинального направления в древнем искусстве, которое возникло в бронзовом веке и сохранялось вплоть до средневековья. Встречается он в основном среди кочевников Евразии, был развит также в искусстве древних германцев, кельтов, скандинавов-викингов, древних славян, но особенно у скифов и сарматов.

Такие животные, как олень, лошадь, горный козел, баран, кабан, лев, а также птицы и некоторые фантастические существа (грифоны), изображались на предметах из металла, дерева, кости, кожи, войлока. Делалось это методом литья и гравировки по металлу, резьбы по дереву и кости, аппликации на коже и войлоке. Характерные звериные мотивы обнаружены даже в татуировках на коже человека у сохранившихся скифских мумий, найденных на Алтае. Для звериного стиля характерны изображения животных в движении, например: скачущие, борющиеся или застывшие в особых позах: копытные нередко изображались с подогнутыми ногами, а хищники – свернувшимися в клубок. Частым сюжетом были динамические композиции, представлявшие борьбу зверей. В некоторых случаях художник выделял какую-нибудь часть животного, например, рога оленя, глаз птицы, голову, пасть, или когти хищника.

Искусство звериного стиля надо отличать от простого изображения зооморфных фигур. Звериный стиль – это именно художественный стиль, и выделяют его прежде всего особые приемы, которыми искусно пользовались древние художники. Во-первых, изображения всегда мастерски вписывались в конкретную форму того предмета, который они украшали. Умение составлять композиции — важнейшая черта звериного стиля. Именно поэтому в более позднее время своего развития звериный стиль перерос в искусную орнаментику. Во-вторых, особенно в скифском зверином стиле, применялся такой способ моделирования поверхности, при котором тело изображаемого животного оформлялось в виде нескольких плоскостей, сходящихся под углом. Такое изображение за счет игры света и тени воспринимается как многогранное, объемное. И, наконец, в-третьих, изображения звериного стиля всегда эмоционально окрашены и производят глубокое впечатление, им присуща большая жизненность, точность и выразительность в воссоздании внешнего вида зверей и передачи их особенностей. Мастера звериного стиля умели правдиво воспроизводить натуру, обладали большим чувством соизмеримости и сильным воображением.

Ю. Н. Рерих писал о древнем искусстве кочевников следующее: «Этот звериный стиль представляет собой декоративные мотивы из фигур животных, иногда образующих исключительно замечательные орнаментальные композиции. Некоторые из этих мотивов сильно стилизованы и являются результатом длительного процесса развития. Художники, создавшие эти произведения, отличались острой наблюдательностью и хорошо знали характер и повадки изображаемых ими животных. Этот стиль, широко распространенный на громадной территории, был общим для всех кочевых племен высокогорной Азии» [Рерих, 2012, с. 511]. Очень важна мысль о том, что звериный стиль имел длительное развитие, то есть являлся достаточно устойчивым культурным феноменом и не был случайным историческим фактом. Вероятно, более ранним этапом развития этого стиля было искусство изображения животных на каменной поверхности с теми же приемами акцентирования динамических поз и определенных частей тела.

Ю. Н. Рерих строит работу «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» по тому же принципу, что и свое первое исследование в области тибетского искусства «Тибетская

живопись». Во вступлении ученый ставит проблему исследования, затем дается краткий очерк истории кочевников в Тибете, и уже после — описание проведенных археологических исследований, а также анализ наиболее существенных находок. Кроме того, автор иллюстрирует работу рисунками, которые частично сделаны им самим, и собственными фотографиями, сделанными во время Центрально-азиатской экспедиции. Также приведены иллюстрации предметов, выполненных в зверином стиле и схематическая карта района Тибетского нагорья, где находятся исследованные памятники.

Как известно, Ю. Н. Рерих был участником Центрально-азиатской экспедиции (1925–1928 гг.) его отца Н. К. Рериха, которая вела исследования во Внутренней Азии. Одной из задач экспедиции было изучение археологических памятников древних центрально-азиатских цивилизаций.

В книге «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» Ю. Н. Рерих придерживается синтетического метода, когда из многих самых разнообразных фактов ученый пытается выстроить единую картину истории развития древнего кочевого мира. Не ограничиваясь простым рассмотрением археологических находок, он поднимает ряд широких вопросов, выводящих исследователя на новый уровень понимания проблемы развития искусства звериного стиля, существовавшего в течение продолжительного времени почти повсюду в Центральной Азии. В результате эта, в общем-то, небольшая по объему книга Ю. Н. Рериха вскрывает многомерный пласт историко-культурных проблем Центральной Азии и ее древних связей с Россией, хотя на первый взгляд может показаться посвященной довольно узкой теме.

В самом начале монографии, отмечая малую изученность истории центрально-азиатских империй, ученый ставит перед востоковедением масштабный вопрос «об исторической роли кочевых племен Центральной Азии и южнорусских степей и их влиянии на древние очаги культуры Средиземноморья и Дальнего востока» [Рерих, 1999, с. 29]. Цивилизации древних кочевников он не случайно называет «великими кочевыми империями» [Рерих, 1999, с. 29], потому что, несмотря на их, казалось бы, естественную разобщенность в силу огромности занимаемых ими географических пространств, у всех кочевых народов было и нечто объединяющее. Это единое идеологическое и культурное ядро, позволившее им не только оставить в истории заметный след, но и передать потомкам мощный культурно-исторический импульс. Согласно его мнению, изучение истории и культуры древних кочевников важно не только для того, чтобы знать их собственную историю, но и лучше понимать культуры сопредельных с ними народов, а также тех, кто пришел им на смену, вплоть до современности.

В продвижении изучения кочевых империй Ю. Н. Рерих отводит основную роль археологии, и при этом отмечает вклад именно русских археологов в исследование оставленных кочевыми племенами курганных погребений «от Венгерской равнины до Западного Китая» [Рерих, 1999, с. 29]. Он отмечает раскопки В. В. Радлова (1837–1918 гг.) и С. И. Руденко (1885–1969 гг.) в районе Семиречья и на русском Алтае, раскопки Ю. Д. Талько-Гринцевича (1850–1936 гг.) в Забайкалье и особенно П. К. Козлова (1863–1935 гг.) в Северной Монголии в горах Ноин-Ула, где были обнаружены ткани и металлические предметы в зверином стиле.

Исследовательская работа русских ученых не только пролила свет на далекое прошлое кочевников Евразии, открыв миру сокровища сибирских скифов, но и отодвинула границу распространения искусства звериного стиля к югу и юго-востоку.

Но все же лишь малая часть археологических памятников древней кочевой культуры, по мнению Ю. Н. Рериха, стала доступна исследователям. Ученый в своей монографии указывает и на другие места, богатые памятниками древней кочевой культуры. Он называет горные хребты Тарбагатая и Джаира, северные отроги Тянь-Шаня, Джунгарские степи, Монгольский Алтай, пустынные хребты Карлык-тага и их продолжения в пустыне Гоби, скалистый хребет Коко-тюмюртейин-ула, Урянхайские горы, горную систему Хангая в

Западной Монголии, долину реки Керулен в Восточной Монголии, где, по его мнению, необходимо провести тщательные археологические изыскания. Думается, не случайно он так подробно перечисляет эти географические названия. Все они, как считал Рерих, принадлежат к ареалу расселения древних кочевых народов, относящихся к культуре звериного стиля. И здесь следует ожидать интересных открытий.

Действительно, археологические исследования последнего времени подтвердили эту мысль. В особенности нужно отметить успехи новосибирских археологов В. И. Молодина [Молодин, 2000, с. 86–119], Н. В. Полосьмак [Полосьмак, 2001], В. Д. Кубарева [Кубарев, 1984, с. 86–100, Кубарев, 1987], открывших уникальные памятники скифской культуры на Алтае и в Монголии.

Еще больше отодвинуть границу культуры звериного стиля на юг, вплоть до северных склонов Трансгималаев, позволили исследования Центрально-азиатской экспедиции Н. К. Рериха. Так, Ю. Н. Рерих пишет: «Пустынные нагорья Тибета неожиданно оказались богаты остатками древней кочевой культуры, сохранившейся и в быту современных тибетских кочевников. Находки нескольких звериных мотивов, хорошо известных из скифо-сибирских курганов, еще раз подчеркнули древнюю связь, когда-то существовавшую между Тибетом и богатым кочевым миром Внутренней Азии» [Рерих, 1999, с. 31].

Ю. Н. Рерих отмечает, что на севере и северо-востоке Тибета располагаются высокогорные травянистые равнины, приспособленные для обитания людей. Именно здесь с доисторических времен селились кочевые племена. Тибетцы эти травянистые нагорья называли словом «*док*», что значит пастбище, отсюда слово «*док-па*» – кочевник, скотовод. В настоящее время здесь обитают племена, сохранившие примитивную кочевую культуру и архаичные формы речи. Однако, несмотря на примитивный образ жизни, в этих народностях можно распознать черты древнейшего населения этих нагорий, и их исследование поможет пролить свет на историю и культуру древнейших тибетцев.

По мнению Ю. Н. Рериха, высокогорное плато Кукунора и окружающие горы являлись очагом расселения древних кочевников, которые впоследствии расселились по двум направлениям. Во-первых, они прошли в Центральный и Юго-восточный Тибет, где осели и занялись земледелием, а впоследствии образовали тибетское государство с его уникальной теократической культурой. Вторая волна переселенцев, по мнению ученого, обтекая мощный хребет Ньенчен-Тангла, прошла далеко на запад Тибетского нагорья и проникла даже в Китайский Туркестан и северо-западную Индию.

Именно этой западной кочевой дорогой, известной также как северный паломнический путь к священной горе Кайлас, ведущий в долину реки Брахмапутры, прошла и экспедиция Н. К. Рериха, которой на этом отрезке пути удалось открыть целый ряд уникальных памятников далекого прошлого кочевников.

Ю. Н. Рерих делит эти памятники на три группы. Во-первых, это погребения, которые представляют собой каменные могилы, курганы. Причем, как отмечает ученый, современные тибетцы не делают могил, они расчленяют тела мертвых и оставляют их на съедение грифам. Открытые рериховской экспедицией погребения соответствуют аналогичным могилам в Северной Монголии, Забайкалье и на Алтае, что свидетельствует о том, что в этих районах Центральной Азии обитал единый народ с единой погребальной культурой. Ю. Н. Рерих отмечает еще одну интересную деталь – тот факт, что, несмотря на похожесть погребальных памятников Тибета и Северной Монголии, в Тибете не обнаружено таких сооружений, как могилы с грудой камней на вершине и каменной оградой, или *керексуры*, которых много в Монголии и которые принадлежат тюркскому периоду ее истории (VII–VIII вв. н. э.). Из этого факта он делает вывод, что аналогия по погребениям в Тибете, Монголии и Алтае справедлива лишь для самой ранней истории этих мест.

Могилы Северного Тибета, как констатирует Ю. Н. Рерих, сильно разрушены, единственное, что удалось обнаружить, — это наконечники стрел. Насколько это возможно, он провел их исследование, и сделал заключение, что часть из них, а именно бронзовые

трехлопастные наконечники, можно отнести к архаическому периоду.

Ю. Н. Рерих проводит мысль, что было бы полезно сопоставить каменные могилы Северного Тибета с так называемыми дардскими могилами в Ладакхе. Он пишет: «Мы придерживаемся того мнения, что ладакхские захоронения находятся в прямой связи с каменными могилами, найденными в Северном Тибете, и что принадлежат они древней долихоцефальной расе, когда-то населявшей нагорья Тибета и чьи следы обнаруживают по всей Центральной Азии и в приграничных сибирских землях» [Рерих, 1999, с. 36]. Становится понятно, что, несмотря на недостаточное количество археологических находок, Ю. Н. Рерих старается провести параллели между древними каменными могилами Тибета, Монголии и России. Он считает, что в будущем археологам обязательно удастся найти достаточное количество доказательств о единстве культуры народов, населявших эти территории. Он указывает, что в этой связи важным является район Кукунора и верховьев реки Хуанхэ.

Вторым важным видом археологических памятников древности Северного Тибета, по мнению Ю. Н. Рериха, являются мегалитические сооружения, которые представлены менгирами, кромлехами, а также рядами менгиров. Помимо каменных алтарей (*lha-tho*), представляющих собой две каменные плиты, покрытые сверху третьей плитой, удалось обнаружить интересное мегалитическое сооружение. Ученый пишет: «В Доринге, в тридцати милях к югу от Большого соленого озера Пангонг чо-ча, экспедиция открыла группу менгиров, состоящую из восемнадцати рядов каменных плит, расположенных параллельно в направлении восток–запад. У западной оконечности группы находился кромлех, состоявший из двух концентрически расположенных кругов менгиров, или каменных плит. В центре внутреннего кромлеха стояли три менгира с расположенным перед ними необработанным камнем-столом (lha-tho) или алтарем. Центральный менгир, высотою в 2,75 м, носил следы возлияния маслом» [Рерих, 1999, с. 38]. Кроме того, «мегалитические сооружения Доринга имеют огромную фигуру в виде стрелы, выложенной из каменных плит и расположенной у восточной оконечности рядов менгиров. «Стрела, – пишет Ю. Н. Рерих, – является важным символом древнего культа Природы в Тибете и связана с культом Солнца и небесного огня в виде молнии, которую она символизирует. <…> Аналогичные мегалитические сооружения были открыты экспедицией еще в нескольких местах к югу от Великих озер: Рати (к югу от Нганце-чо), Лапчунг и Цукчунг в Трансгималаях, на высоте 17000-18000 футов. Все открытые мегалиты построены по одному и тому же плану: кромлех – ряды менгиров – каменная фигура стрелы» [Рерих, 1999, с. 39].

Конечно же, ряды менгиров в Тибете побуждают сравнить их со знаменитыми мегалитическими сооружениями во французском Карнаке, которые также расположены рядами. Оказывается, что эти древние памятники схожи, только тибетский имеет еще выложенную из камней с восточной стороны рядов менгиров фигуру стрелы. Именно эта стрела, как символ древнего культа солнца, по мнению Рериха, может пролить свет также и на культовое назначение памятников в Карнаке.

На пути экспедиции встречались и кромлехи с несколькими менгирами в центре, а также одиночные высокие (свыше 4 метров) менгиры. Как отмечает Рерих, мегалиты часто связаны с культом женского божества, но чтобы лучше узнать, какие все же ритуалы здесь совершались, необходимо тщательное исследование традиции добуддийской религии бон. Он пишет: «Огромное собрание священных текстов бон, всего около трехсот томов, остается для нас закрытой книгой. Несомненно, из некоторых имеющихся там текстов о ритуалах мы узнали бы точное назначение менгиров, кромлехов и рядов менгиров. Литература бон является сокровищницей древних верований, относящихся к эпохе переселений, когда предки современных тибетских племен хлынули в горную страну Тибет и принесли свою родовую религию» [Рерих, 1999, с. 40].

Ю. Н. Рерих отмечает интересную деталь: район распространения мегалитических памятников совпадает с районом обнаружения предметов, украшенных в зверином стиле. Думается, это его замечание возникает не случайно, ученый пытается таким образом связать

эти два явления, как принадлежащих единому культурному пространству. Таким образом, он выделяет целый культурный комплекс, характеризующий древних кочевников. Это, во-первых, единый погребальный культ, выразившийся в возведении курганов и каменных могил. Во-вторых, это религиозный культ, выразившийся в возведении мегалитических сооружений. И, в-третьих, это искусство звериного стиля. Эти три фактора характеризуют, по мнению Ю. Н. Рериха, единую культуру древней кочевой цивилизации Центральной Азии, имевшую свой расцвет в архаичные времена, а теперь мы находим лишь угасающие остатки этой некогда великой культуры. Ученый отмечает, что хотя современные кочевые мастера и продолжают использовать звериную орнаментику в украшении металлических изделий, но предметы в зверином стиле все больше становятся редкостью, так как они усиленно вытесняются вещами, украшенными в китайском или тибетском буддийском стилях.

Ю. Н. Рерих указывает, что, согласно исследованиям Центрально-азиатской экспедиции, центром распространения звериного стиля в древнем искусстве Тибета является область Хор. Эта «страна покрытых травой холмов, широких долин с болотистой почвой и несколькими значительными горными хребтами, тянущимися с запада на восток» [Рерих, 1999, с. 41], с самых древних времен была заселена кочевыми народами. В настоящее время кочевое население Хора заметно отличается от остальных тибетских кочевников. О происхождении этих людей среди исследователей шли споры. Одни из них утверждали, что население Хора – это тюрко-монгольские племена, предки которых пришли сюда из Туркестана и Монголии. Однако, как указывает Ю. Н. Рерих, сами тибетцы четко различают отибетившихся монголов (*дамсог*) и более древнее население северных тибетских нагорий. Он пишет: «Это различие вполне подтверждается при сравнительном изучении физических типов хоров и дамсог. Среди племен хор нередко встречаются типы с длинноголовыми черепными индексами, прямым разрезом глаз, орлиным носом и невыдающимися скулами. Примесь чужой крови хорошо заметна, и мы легко различаем монголоидный, тюркский типы и даже homo alpinus, последний, вероятно, благодаря примеси иранской или скифской крови. Присутствием этой чужеродной примеси, быть может, объясняется сохранение звериного стиля среди хор-па» [Рерих, 1999, с. 42]. В далеком Тибете рериховская экспедиция обнаружила следующий интересный факт: местные женщины носили головной убор в виде кокошника, украшенного бирюзой, драгоценными камнями и медными пластинками в зверином стиле, который сильно походил на аналогичные головные украшения русских женщин.

То, что Тибетское нагорье становилось пристанищем различных иноземных племен, известно по древним китайским хроникам. Самое раннее упоминание об этом можно найти у знаменитого древнего китайского историка Сыма-Цяня (145/135 гг. до н. э. – ок. 86 г. до н. э.). Ю. Н. Рерих исследует древние китайские хроники, где находит историю проникновения индоиранских племен, так называемых малых юэчжей, на Тибетское нагорье. По его мнению, именно эти племена принесли с собой свою кочевую культуру, в которой главенствовало искусство звериного стиля. Они также имели характерные длинные тяжелые мечи, которые стали излюбленным оружием кочевников Тибета. Также в связи с этим можно отметить и характерное конское снаряжение.

В книге «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» Ю. Н. Рерих описывает вооружение кочевников, среди которого длинные прямые мечи, сабли и копья. В этой части работы он предстает как знаток древнего вооружения, что позволяет ему делать сравнения тибетских мечей с подобным вооружением сарматов, иранцев и индо-скифов, а также скандинавов. Говоря о вооружении, Ю. Н. Рерих кратко касается тактики ведения боя древними кочевниками.

Ученый анализирует предметы в тибетском зверином стиле, обнаруженные экспедицией, при этом замечая, что мотивы изображений на них близки соответствующим трактовкам, характерным для скифо-сибирских древностей. Особенно он выделяет

изображения двуглавого орла в круге, бегущего и лежащего оленей, льва с головой, повернутой влево. Искусство звериного стиля было настолько сильной компонентой культуры ранних кочевников, что, как отмечает Ю. Н. Рерих, и поныне звериная орнаментация продолжает быть в ходу у кочевников хор-па.

В завершении работы Ю. Н. Рерих пишет, что все рассмотренные предметы «неопровержимо доказывают существование древнего центрально-азиатского кочевого искусства в Тибете. Горный характер страны с ее труднодоступными долинами помог сохранить многое из далекой древности, и ее кочевое население хранит как сокровище свое прошлое. До сих пор внимание уделялось только религиозному искусству Тибета, его ярко окрашенным знаменам и прекрасным изделиям из бронзы. Теперь открыта новая область тибетского народного искусства, а именно добуддийское искусство тибетских кочевых племен, след далекого прошлого» [Рерих, 1999, с. 49–50].

Список литературы / References

Рерих Ю. Н. *По тропам Срединной Азии.* М, 2012 [Roerich Yu. N. *Po tropam Sredinnoy Azii.* Moscow, 2012].

Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета // *Тибет и Центральная Азия.* Самара, 1999. С. 29–55 [Roerich Yu. N. Zverinyi stil' u kochevnikov Severnogo Tibeta // *Tibet i Tsentralnaya Asia.* Samara, 1999. Pp. 29–55].

Рерих Ю. Н. *Звериный стиль у кочевников Северного Тибета.* Прага, 1930 [Roerich G. *Zverinyi stil' u kochevnikov Severnogo Tibeta.* Prague, 1930].

Ростовцев М. И. *Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль.* Прага, 1929 [Rostovtzeff M. I. *Sredinnaya Aziya, Rossiya, Kitai i zverinyi stil'.* Prague, 1929].

Кубарев В. Д. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Кубарев В. Д., Черемисин Д. В. *Археология юга Сибири и Дальнего Востока.* Новосибирск, 1984 [Kubarev V. D. Obras ptitzy v iskusstve rannih kochevnikov Altaya // Kubarev V. D., Cheremisin D. V. *Arheologiya yuga Sibiri i Dalnego Vostoka.* Novosibirsk, 1984].

Кубарев В. Д. *Курганы Уландрыка.* Новосибирск, 1987 [Kubarev V. D. *Kurgany Ulandryka.* Novosibirsk, 1987].

Молодин В. И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // *Феномен алтайских мумий.* Новосибирск, 2000 [Molodin V. I. Kul'turno-istoricheskaya haracteristika pogrebal'nogo kompleksa kurgana № 3 pamyatnika Verh-Kal'djin II // *Fenomen altayskih mymiy.* Novosibirsk, 2000].

Полосьмак Н. В. *Всадники Укока.* Новосибирск, 2001 [Polosmak N. V. *Vsadniki Ykoka.* Novosibirsk, 2001].

Roerich G. *Tibetan Painting.* Paris, 1925.

Roerich G. *Animal style among the nomad tribes Of Northern Tibet.* Prague: Seminarium Kondakovianum, 1930.

Rostovtzeff M. I. *Le centre de L`Asie, La Russie, La Chine et style animal.* Prague, Seminarium Kondakovianum, 1929.

ДУРГА БХАГВАТ «ИРАВАТИ КАРВЕ»
МЕЖВИДОВАЯ БОРЬБА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ
ПОД НЕБОМ ЮЖНОЙ АЗИИ. ЧАСТЬ I

И. П. Глушкова*

Скрупулезно комментированный перевод с маратхи эссе Дурги Бхагват (1991 г.), индийского фольклориста, социолога и санскритолога, предлагает субъективный взгляд на деятельность д-ра Иравати Карве, широко известного и более удачливого (чем автор эссе) антрополога и социолога. Фактически реконструирует научный, социальный и гендерный контекст формирования в Западной Индии XX в. современных дисциплин еще в период существования антропологии и социологии как единого направления.

Ключевые слова: Индия, Махараштра, социология, антропология, каста, полевая работа, университеты, конкуренция, гендерные исследования.

"IRAWATI KARVE" BY DURGA BHAGWAT
UNDER THE SKIES OF SOUTH ASIA:
INTRASPECIFIC COMPETITION IN THE ACADEMIC WORLD. PART I

Irina Glushkova

This richly commented translation from Marathi of the essay authored by Durga Bhagwat (1991), an Indian folklorist, sociologist and sanskritologist, offers a personal evaluation of the achievements of Dr. Irawati Karve, an anthropologist and sociologist arguably more acclaimed and successful than the author. It factually reconstructs the academic, social and gender context of the introduction of modern disciplines of anthropology and sociology in 20th-century Western India when both were still treated as one field.

Keywords: India, Maharashtra, sociology, anthropology, caste, field work, universities, competition, gender studies.

Это эссе[1] было впервые опубликовано в 1991 г., через 20 лет после смерти его эпонимической героини – известного индийского социолога и антрополога Иравати Карве (1905–1970), когда Дурге Бхагват было за 80. Оно субъективно, изобилует неологизмами, сумбурно по стилю, вероятно, отражая возраст автора, чья память сохранила и/или намеренно отобрала острые моменты из собственной жизни, наполненной эмоциональными переживаниями профессионального характера и вплетенной в культурную историю Махараштры XX века. Кроме Иравати Карве, в эссе фигурирует множество представителей интеллектуальной, прежде всего, научной, элиты Западной Индии, что превращает персоналистский текст в универсалистский первоисточник при изучении природы ненависти, зависти, ревности, отвращения, презрения, унижения и других – преимущественно негативных – чувств, весьма распространенных в академической среде в

* Ирина Петровна ГЛУШКОВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; iri_glu@hotmail.com

Irina GLUSHKOVA, PhD (Linguistics), DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; iri_glu@hotmail.com

[1] Дурга Бхагват (1910–2002) – маратхский литератор, санскритолог, буддолог и фольклорист; политический активист; ярый критик введенного в 1975–1977 гг. премьер-министром Индирой Ганди чрезвычайного положения, во время которого подверглась тюремному заключению [Bhagwat, 2014]. Перевод с маратхи и примеч. И. П. Глушковой. Вторая часть титула добавлена переводчиком.

целом. Не мимолетное ощущение, но настоянное десятилетиями жгуче-аффективное месиво-настроение, обретшее концентрированное вербальное выражение, не только не утратило силы и остроты, но наглядно демонстрирует, сколь живуча именно эмоциональная озлобленность, взнузданная (не)заслуженным признанием другого.

Исследовательница Нандини Сундар в главе «Во имя антропологии. Жизнь и работа Иравати Карве» из труда, посвященного основоположникам индийской антропологии и социологии, признает, что «судя по всему, она была одновременно невероятно интересной и тяжелой, мгновенно решавшей – нравится ей человек или нет; часто грубой или в такой степени откровенной, что это граничило с грубостью; со склонностью кричать на студентов, которые ее беспокоили и злили». Не вступая в полемику с Бхагват, Сундар мимоходом – в пристраничной сноске, которую легко пропустить, – замечает: «Дурга Бхагват работала над диссертацией на степень PhD под руководством Гхуръе, но дело до конца не довела. Тем не менее, она продолжила заниматься исследованиями в области филологии, философии и фольклора. Она и Иравати Карве считались ведущими интеллектуалками среди маратхских женщин своего времени. Эссе Бхагват об Иравати Карве в *Āṭhavle tase* («Как я это помню»), написанное автором к концу жизни, уже после смерти Карве, содержит ряд претензий в адрес последней, включая обвинения в плагиате, карьеризме, манипулировании коллегами и в зажиме их работ. Сколько бы ни было правды в этих утверждениях, они не делают Бхагват чести» [Nandini, 2007, p. 371, 374 (footnote 30)]. Как эмоциональный человек, со студенческой поры глубоко вовлеченный в махараштранское «нутро» – учебу/работу в пунских и бомбейских университетах и колледжах, а также личное знакомство с рядом упомянутых в эссе персонажей, я имею собственный взгляд почти на все затронутые в эссе сюжеты. Как переводчик я не имею права занимать чью-либо сторону – героини эссе или ее автора – и обязана сохранять нейтралитет.

Илл. 1. Дурга Бхагват. Рисунок Васанта Сарвате

ИРАВАТИ КАРВЕ

С Иравати-баи[2] Карве я была знакома поверхностно. Ей удалось взрастить в моей душе такую к себе ненависть, что никакого шанса углубить знакомство не оставалось. Всю свою жизнь я вынужденно подвергалась последствиям ее «героических поступков». Сейчас расскажу.

Баи была лет на шесть-семь старше меня. Несомненно красива. Очень красива и светлокожа. Высока и стройна. С устойчивой репутацией относительно своей сообразительности и – вследствие весьма скудного в те дни женского образования – ума. О

[2] *Баи*, букв. «женщина», здесь употребляется в качестве гонорифика. Используется в прямом значении как имя нарицательное и как апеллятив, а также закрепляется за доминирующими в определенном кругу персонами (школьная учительница, женщина-режиссер и т. д.).

репутации я упоминаю не потому, что хочу сказать, мол, она была неумна. Полученные ею награды, стипендии и первые места вовсе не были фальшивками, но подлинного, преданного знанию, интеллекта в ней не было. Подпиткой ее интеллекту служила потребность покрасоваться. Она воспользовалась редкими для любого другого смышленого студента из Пуны преимуществами – в том числе, благосостоянием своего отца[3], добродетелью Карве[4] и несколькими годами общения с Рэнглером Парандзпе[5].

Я хорошо помню парочку историй о ее поведении в школе «Хузур-Пага»[6], которые мне пересказала моя тетка Сита-баи. В «Хузур-Пага» в одном с ней классе училась двоюродная сестра моего отца Шанта Парандзпе (впоследствии Шанта-баи К. Кале). Она тоже была умницей. С чувством юмора. Работящей. Блистательно писала сочинения. Изумительно всех копировала. Прекрасно пела. Но имела три недостатка: была дурнушкой, из-за ранней кончины отца стесненной в средствах и, вследствие этого, без прочного положения. Естественно, она стремилась подружиться с воспитанницей Рэнглэра и Шакунталой. Шаку – простодушна. Непрактична. Иравати точно наоборот. Если кто протянет руку, она подобно крокодилу тотчас в нее вцепится, утянет на глубину и к тому же еще вдоволь наиздевается. Она-то и приспособила Шанту писать за нее сочинения. А та, бедняжка, сносила это молча. В какой-то раз, из-за помощи Иравати, у нее не хватило времени на свои задания. Сита-баи, которая учительствовала в «Хузур-Пага», это заметила и сказала Шанте: « Зачем ты, Шанта, пишешь за нее сочинения? Для собственных тебе снова придется что-то изобретать. Иравати хитрющая. Все главное у тебя заимствует, там-сям чуть подправит и хвастается – вот какая, мол, ученая. Хоть раз она спросила, а тебе что-то нужно? От Иравати и Шаку тебе ничего не перепадет. Не дружи с такими девочками».

В дальнейшем Шанта прекратила ишачить на Иравати, а потом они и вовсе не стали общаться. Даже перестали узнавать друг друга.

Вот еще история, рассказанная теткой. Иравати весьма кичилась тем, что она воспитанница Рэнглера Парандзпе. А подруга Шаку на все смотрела ее глазами, перенимала и повторяла ее манеры. Обе высокомерны. Среди девочек в классе такое вызывающее поведение сходило с рук, но они дерзили и учителям. Они не сомневались, что у них есть право на нарушение дисциплины, и когда обе входили в раж, то – даже странно! – учителя их побаивались. Однажды на уроке как раз у Сита-баи они распустились вовсю. Та выгнала обеих из класса. Директрисой была англичанка, и они ей нажаловались. Сита-баи объяснила, что их поведение совершенно нетерпимо. Тогда директриса встала на ее сторону, а Иравати-баи отругала. Потом жалоба дошла и до ушей Рэнглера Парандзпе, и он сам передал директрисе, что Сита-баи поступила совершенно правильно. Если честно, то обеих нужно было просто выдрать. С того момента их выходки в школе прекратились.

Впервые я увидела *баи* году этак в 1927, в нашем же доме в Насике[7]. В те времена она носила *наувари*[8] и уже была замужем. В Бомбее работала над диссертацией о читпаванах[9]. Для

---

[3] Отец Карве (в девичестве Кармаркар), обеспеченный брахман-читпаван (см. примеч. 10), служащий «Бирманской хлопковой компании». Назвал дочь в честь бирманской реки Иравади; возрасте семи лет отправил ее учиться в школу-интернат в Пуну.

[4] Речь идет о свекре Иравати – Дхондо Кешаве Карве, или Махарши («Мудрец») Карве (1858–1962), известном социальном реформаторе, поборнике прав женщин, в том числе, на повторное замужество, основателе в пригороде Пуны приюта для вдов и оставшихся без материальной поддержки женщин (1896). Лауреат премии «Бхарат ратна» («Сокровище Индии»), высшей гражданской награды государства.

[5] Сэр Рагхунатх Пурушоттам Парандзпе (1876–1966) – первый индиец, получивший в Кембридже звание Senior Wrangler, считавшееся вершиной интеллектуальной оценки успехов студента в области математики. В дальнейшем – профессор математики в Фергюссон-колледже (Пуна) и его директор, вице-канцлер Пунского и Лакхануского университетов. Удостоен рыцарского звания в 1942 г. С его дочерью Шакунталой Иравати училась в одном классе и вследствие дружбы с ней некоторое время проживала в доме у Парандзпе.

[6] Школа, открытая «Махараштранским обществом по обучению девочек» в 1884 г. в районе Хузур-Пага (в Пуне), т. е. «правительственных конюшен». Существует до сих пор.

[7] После ранней смерти матери Дурга и ее сестра жили у тетки по отцу, переезжая с ней из города в город в зависимости от перевода Сита-баи из одной школы в другую.

этого ей нужно было проводить какие-то антропометрические исследования, для чего она приехала в Насик. Сита-баи как раз работала там директрисой средней школы для девочек, и она заглянула повидаться с ней. К тому моменту Иравати-баи уже настроилась на современный лад. Говорит: «Баи, религия – опиум для народа». Этот лозунг из марксистского обихода тогда оказывал гипнотическое воздействие на так называемую продвинутую молодежь, и они, снисходительно считая других простаками, бравировали им, чтобы ошеломить и показать свое превосходство.

Сита-баи верила в бога, и эти слова ей пришлись не по нраву. «Ты что несешь, Иравати?», отреагировала она. А та в ответ: «Баи, у вас устарелый подход. Без отказа от религии прогресс общества немыслим».

В нашем семействе мой отец, дядя и многие другие богом не интересовались. Нам была по душе идеология агностицизма. Но все-таки в доме были и верующие. Поэтому обе позиции мы считали равными. Заявление Иравати-баи тогда дошло до моих ушей, но впечатления не произвело – ни положительного, ни отрицательного. Под видом личного мнения она произнесла ходульную фразу в том же запале, как и многие из новаторов того периода. Но вот запал-то я как раз не забыла. И всегда задавалась вопросом – отрицание религии для *баи* было конъюнктурой? Именно поэтому, отталкиваясь от того заявления, я обратила некоторое внимание на ее последующие мысли и работы. Мне показалось, что глубокого смысла в нем заложено не было, потому что во всем своем творчестве Иравати-баи больше к вышеупомянутому лозунгу не прибегала и нигде и никогда не исследовала вытекающие из него последствия. Возможно, это сказалось навеянное молодостью зазнайство? Вообще, в таких случаях нет необходимости в установлении преемственности между высказываниями и поступками. А уж Иравати-баи точно никогда не утруждала себя поисками соответствия между словами и делами. Она просто брала все, что ей было нужно, – тем или иным способом. Колебания ей были неизвестны.

Когда эта самая *баи* в дальнейшем стала писать, ни в одной из ее работ не обнаружилось ни малейшего намека на марксизм. Ее эссе о *вари* в Пандхарпур [10] стопроцентно пропитано религиозным духом. Но дух этот вовсе не простодушная вера варкари – это ясно каждому, кто прочитает эссе. Виттхал для нее – «бой-френд», к стопам которого она время от времени склоняет голову. Можно было бы принять за чистую монету ее преклонение, тогда что делать с «религией-опиумом»? Многие люди меняли свои взгляды, но при таких метаморфозах что-то же должно и в характере меняться. Однако если такая высокообразованная личность, как Иравати-баи, и отказалась от марксистского лозунга, то на ней это никак не отразилось. Она лишь примерила на себя маску варкари, но внутри осталась прежней. Ей не удалось, подобно Рагхунатху Карве [11], ни привнести мощный интеллектуальный заряд, ни поднять голос против устоявшихся норм; что там говорить о ее деятельности. Однако она усвоила: интеллектуал должен что-то произносить и писать наперекор, так сказать, сотрясать общественное мнение, обеспечивая тем самым рост собственного авторитета. Вот, например, лет двадцать тому назад в журнале *Strī* («Женщина») шла дискуссия на тему «Должны ли женщины получать высшее образование без всяких ограничений?» Тогда *баи* написала: «Женщины с головой уходят в семейную жизнь и не

---

[8] Наувари – традиционное махараштранское сари длиной около 9 ярдов, один конец которого просовывается между ног и крепится сзади на талии.

[9] Читпаваны – подкаста маратхских брахманов, выходцы из который – *пешвы* (главные министры) – стали фактическими правителями Маратхской конфедерации (XVIII в.). Стереотипное представление о читпаванах включает, помимо высокого интеллекта, черты, приписываемые Бхагват ее героине. Бхагват также брахманка, но из подкасты кархаде.

[10] *Вари* – ежегодное коллективное шествие приверженцев – варкари – бога Виттхала/Витхобы в священный город Пандхарпур [Karve, 1988 (1); 1988 (2)]. См. также: [Глушкова, 2000].

[11] Рагхунатх Дхондо Карве (1882–1953) – старший сын Д. К. Карве, профессор математики и социальный реформатор, пропагандист женского равноправия и нетрадиционных для индийского общества взглядов на семью и потомство; основатель первой в Индии клиники по планированию семьи и контролю за рождаемостью (1921 г.).

используют свое образование для заработка. Поэтому большинству девочек, которые к тому же не блещут умом, школьного аттестата достаточно». Однажды в том же самом журнале она высказалась в том смысле, что неправильно при живой жене заводить вторую, высмеяла брошенку и встала на сторону другой, приписав, что та, новая, принимает на себя весь общественный гнев. Прочитав это, я удивилась и даже про себя полюбопытствовала (правда, ненадолго): а что бы сама Иравати-баи делала, если бы такое с ней случилось? Вряд ли, правда, у супруга женщины, которая заправляла всем в доме, хватило бы на это смелости. Вот уж действительно приверженность новым веяниям! *Кум-кум* на лоб она не ставила, *мангалсутру*[12] не носила, но таким, как мы, это не казалось странным. Мы считали это делом личного вкуса. Однако в глазах людей она являла собой образец современной женщины, пренебрегавшей внешними условностями и традициями. Эту позу впоследствии пришлось поменять, потому что еще через десяток-другой лет все пунские индуски, получившие образование, перешли на такую же моду. В любой компании, при любых обстоятельствах, Иравати-баи стремилась собственным способом и по рангу занимаемого ею поста подчеркнуть свою особость и в дальнейшем, не боясь упреков в непоследовательности, навсегда определила свой внешний вид, усвоив канон, распространяемый *хиндутвой*[13]. Она живописала образы замужней женщины и вдовы, счастливой супруги, отвергнутой или находящейся в разлуке с милым возлюбленной, но при этом, напуская на себя жалость к несчастной, всегда победоносно демонстрировала собственный брачный статус. «Дорогие бедняжки», т. е. известный на Западе и ставший объектом насмешек способ выражения дистанционного сочувствия, по-разному, но непременно характеризовал все, что она писала. Посыл «я – счастливая состоявшаяся женщина» чувствовался во всех ее работах, которые мне доводилось читать. Но и этого было мало. Не приходилось сомневаться, что и во всем другом ей привалило «счастья» выше головы. Только вот воспитанный человек постеснялся бы кичиться своим превосходством особенно перед теми, кто был чего-то лишен. Этой изумительной скромности в *баи* не было ни на грош. Я от души повеселилась, когда в последнее десятилетие своей жизни *баи* с глубочайшим женским смирением в посвящении положила вдруг свой литературный труд к ногам супруга. Эта ее арийско-женская глубина потрясла людей. Как иначе, если гордость за арийское происхождение буквально переполняло каждую ее клеточку! Во что это вылилось – расскажу попозже. Во всяком случае, этот ее преисполненный духовности переход от безбожницы к примерной арийке никоим образом не приподнял морально ее личность. Извечная корысть оставалась при ней непоколебимо. *Баи* только словами демонстрировала свою идеальность, уж мне-то это прекрасным образом известно.

Далее я встретила Иравати-баи году в 1936 или 1937, в кабинете у д-ра Г. С. Гхуръе[14], куда она заглядывала по работе. Но доктор Гхуръе нас не представил друг другу. Иравати-баи же и головой не повела, чтобы взглянуть на меня: они оба были поглощены своим обсуждением. Гхуръе был очень доволен ею, говаривал: «Вот такой должна быть *баи*. Работать. Ребенок (тогда у нее был один) на попечении у бабушки. Вот это и есть супружество». А я-то всегда считала, что если ребенком женщины занимается ее мать, то это какое-то второстепенное материнство. Тогда же я просто восприняла эту ремарку как некое мужское новомыслие по поводу современного статуса женщины.

Иравати-баи занимала должность регистратора в колледже им. Натхи-баи Тхакерси, но подала в отставку, не поладив с Тхакерси-баи[15]. Та испытала на себе ее снисходительное

---

[12] *Кум-кум* – красная точка на лбу, *мангалсуттра* – особым образом нанизанные вперемешку с золотыми вкраплениями бусы; и то, и другое – символ замужнего статуса.

[13] *Хиндутва* – здесь (в узком значении): намеренное внешнее подчеркивание всех символов индусскости.

[14] Говинд Садашив Гхуръе (1893–1982) – профессор социологии; с 1924 по 1958 г. возглавлял факультет социологии Бомбейского университета, основанный шотландским урбанистом и биологом Патриком Геддесом. Учредитель Индийского социологического общества.

[15] Основанный в 1916 г. Д. К. Карве женский колледж в Пуне в дальнейшем получил финансовую поддержку бомбейского промышленника сэра Витхалдаса Тхакерси и имя его матери, а в 1930-х гг. переехал в Бомбей.

пренебрежение, а Иравати-баи и ее команда усмотрели в поведении Тхакерси-баи гуджаратское высокомерие. Ее пунская подруга Камла-баи Дешпанде[16], с которой она познакомилась в Германии, также рассердившись, потом покинула это учебное заведение. В автобиографии она рассказала, что проявила солидарность, поддержав «бедняжку» Иравати. Карве, однако, это не тронуло, что укололо Камла-баи, поэтому она высказалась в том духе, что когда нужно было отреагировать на несправедливость в отношении нее самой, Карве этого не сделала. Я потом еще скажу пару слов об их дружбе[17]. Теперь же я расскажу, как Иравати-баи пыталась мне подставить подножку, как причиной этого стал Гхуръе и что из этого получилось. Иравати-баи хотела заполучить место на факультете социологии в Декан-колледже. С. Н. Вакил[18], у которого не складывались отношения с Гхуръе, тоже сначала метил на это место. Зарплата в Декан-колледже, однако, оказалась не той, на какую он рассчитывал. А Иравати-баи была с радостью согласна и на 500 рупий. Из-за этой ситуации между ними возникла некоторая вражда, но внешне оба светились взаимными улыбками.

В принципе в Иравати-баи любви к знаниям не было, и подтверждением моего умозаключения является то, что после защиты в Германии диссертации, она ничего в области социологии не написала – ни в одном журнале ни одной публикации. Исключением стала единственная статья о читпаванском диалекте, которую она сделала для *Vidyāsevak* («Служитель знания») д-ра Кеткара[19]. Д-р Кеткар очень ее похвалил, и о нашей переписке по поводу этой статьи я расскажу далее.

После защиты диссертации Иравати-баи получила должность регистратора в колледже им. Натхи-баи Тхакерси, но жить в Бомбее ей не пришлось, хотя административное здание находилось именно там. Бомбейские преподаватели того времени поговаривали, что послабление вышло, поскольку она была невесткой Карве. Я до сих пор удивляюсь, как за 11 лет эта ученая *баи* не написала ни одной статьи. Радзваде[20] или Кеткар никогда не сидели без дела. Интересно, чего специалисту по костям высиживать место в социологии? Понятно, конечно, что служба приносит финансовые удобства, налаживаются нужные связи – это так. И написанное проще опубликовать. Но все-таки не надо уравнивать службу и научное творчество. Я поражалась, как Иравати-баи преспокойненько провела 11 лет без научных исследований и публикаций, но это было тогда, не сейчас. Потому что она была не образцовым исследователем, а карьеристкой. Служба, повышение в должности, еще повышение – вот все, о чем она мечтала. Это она и получила. Ближе к концу у нее осталось только одно пожелание – заполучить место вице-канцлера Пунского университета.

Причина, по которой я это рассказываю, в том, что под открытую ставку в Декан-колледже Иравати-баи подала заявление. Ее вовсю поддержал Дхананджай-рав Гадгил[21]. Впрочем, была одна сложность: для приема на работу требовалось, по крайней мере, две опубликованные статьи, которые следовало предъявить в течение шести месяцев. Вот так

Теперь известен как Shrimati Nathibai Damodar Thackersey Women's University (SNDT). Registrar – чиновничья должность в колледжах и университетах, связанная преимущественно с работой со студентами. «Тхакерси-баи», из-за которой И. Карве подала в отставку, вероятно, жена сэра В. Тхакерси.

[16] Камла-баи Дешпанде (1898 – [около] 1950) – писательница, санскритолог, просветитель, поборник женского равноправия. Ее автобиография – *Smaraṇ sākhḷī* («Звенья памяти», 1943) – рассказывает о жизни вдовы, отправившейся получать образование за границу. Бхагват ошибается: Камла-баи защитила диссертацию в Немецком университете в Праге.

[17] Здесь и еще в нескольких местах Бхагват, обещая изложить какие-то сюжеты, в дальнейшем упускает это из виду.

[18] Чандулал Нагиндас Вакил (1895–1979) – основатель факультета экономики в Бомбейском университете.

[19] Шридхар Въянкатеш Кеткар (1884–1937) – экономист и историк; учредитель, ответственный редактор и автор 23-томной «Махараштранской энциклопедии» (*Maharaṣṭriy dnyankoś*, 1916–1928); писатель.

[20] Вишванатх Кашинатх Радзваде (1863–1926) – историк и писатель; основоположник махараштранской школы исторических исследований; собиратель и издатель 22 томов «Источников по истории маратхов» и т. д.

[21] Дхананджай Рамчандра Гадгил (1901–1971) – экономист, директор-основатель Института политики и экономики им. Г. К. Гокх(а)ле (1930, г. Пуна; см. ниже), вице-президент Плановой комиссии Индии, участник и идеолог кооперативных движений в Махараштре.

незадача! У *баи*-то не было ни-че-го. Тогда она стала наносить визиты Гхурье. Тот как раз работал над терминологией родства, которую обсуждал со всеми нами. Ну разве Иравати-баи могла остаться в стороне? Всем нам Гхурье наказал собирать по разным кастам и общинам термины, и на эту тему *баи* написала статью. Ее нужно было срочно опубликовать. В то время факультет искусств Бомбейского университета готовил ежегодник, главным редактором которого был проф. Х. Д. Веланкар[22]. Моя статья «Монархизм в Древней Индии», которую я подготовила для этого тома, ему понравилась, и он принял ее к публикации. Я как раз сидела в кабинете у Гхурье, когда туда со скорбным лицом зашла Иравати-баи. Только я намеревалась ретироваться, как Гхурье сказал: «Загляните снова через пару минут». С *баи* я так и не была знакома, она сидела тихо-тихо. Я вышла, а после ухода *баи*, Гхурье снова меня вызвал и сказал: «Статью Иравати-баи нужно опубликовать в университетском журнале немедленно, поэтому свою статью из него заберите».

Заметив на моем лице недовольство, он сказал: «Вы еще молоды. Куда спешить с публикациями? У нее – другая ситуация. Делов-то для вас! И не забывайте, что вам назначена стипендия». Что это за неприличный намек на стипендию? В душе я просто взбесилась. Но делать-то что? Гхурье сказал: «А теперь поезжайте к Веланкару».

Я покорно села на трамвай и поехала к Веланкару. Тот был дома, и у него уже – скромненько – сидела Иравати-баи. При моем появлении она встала и удалилась.

Я пересказала Веланкару беседу с Гхурье. Тот ответил: «Так вот Иравати как раз за этим и приходила. Но меня удивляете вы – с какой стати из-за нее отзывать свою статью?» «У меня – стипендия, а Гхурье мой научный руководитель. Он хочет, чтобы я отозвала свою статью». «Да? А у меня не может быть желаний? Я отказал Иравати. Не собираюсь принимать ее статью. Вашей вины в том нет. Редактор – я, а не Гхурье. А ваша будет опубликована». То есть и Веланкар встал в позу.

В душе я, конечно, очень обрадовалась. От Веланкара вернулась домой, а на следующий день сообщила Гхурье о решении Веланкара. Он разозлился: «Должно быть, все не так ему передали».

Как раз в этот момент кто-то еще сообщил ему решение Веланкара, и стало понятно, что оно спровоцировано не мною. Но именно из-за этого получилось, что Гхурье вроде унизили, а они вместе с Иравати-баи к тому времени уже обмусолили мою статью. Тут как раз она сама вошла. И вместо того, чтобы сказать простенькое «спасибо» той, которую она вынуждала отозвать свою статью и которая не стала ей чинить в этом препятствий, она повернувшись к стенке и не глядя на меня, произнесла: «Все-таки проявите упорство и статью отзовите». Я разозлилась страшно и, никак не ответив, вышла из кабинета. В дальнейшем этот ее опус опубликовал П. К. Годе в Бхандаркарском ежегоднике[23], а в следующий номер он же включил другую ее статью.

История с той, другой, статьей тоже весьма интересна и занимательна. Я ее потом расскажу. Но после публикации первой на нашем факультете социологии просто взорвалась бомба, чьей безвинной жертвой пала я. Произошло это так: после публикации первой статьи Иравати-баи Гхурье резко изменился. Она – без упоминания имени – пересказала его взгляды на систему родства. Ей весьма пригодились различные положения, которые он излагал в своих лекциях. Гхурье посчитал это воровством. С того момента и проявилась его неприязненность и ревность к читпаванам, чьи функции он стал передавать другим брахманским кастам[24]: «Мы, сарасваты, имеем право на веды. Включение в пищевой рацион

---

22 Хари Дамодар Веланкар (1893–1967) – бомбейский индолог и санскритолог.

23 Паршурам Кришна Годе (1891–1961) – санскритолог и пракритолог, первый куратор рукописной коллекции в Институте востоковедческих исследований им. Р. Г. Бхандаркара (1917, г. Пуна); ABORI – *Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute.*

24 Гхурье принадлежал к брахманской подкасте сарасватов, единственной из категории «гаудских», распространенных в Северной Индии, а не «дравидских», как все остальные брахманские касты Махараштры. Иногда сарасватов считают «не вполне» брахманами из-за их нарушения норм вегетарианства вследствие их приверженности к рыбной диете.

рыбы никак не принижает брахманский статус; даже наоборот, в нынешнем мире подлинные защитники древности как раз сарасваты», – вот, что он стал приговаривать. Также он абсолютно перестал мне доверять. Его просто накрыло сомнениями. В нем и раньше присутствовала убежденность, что ученики не должны его превосходить. Но теперь, когда Иравати-баи перехватила его положения, изложив их в письменном виде, в этом вопросе – в глазах внешнего мира – он уже не был первооткрывателем. Ведь никаких доказательств не было. Вот с того-то момента он и начал собирать всякие мельчайшие свидетельства сразу против всех. А Иравати-баи работу получила и заглядывать стала реже, но все-таки заглядывала.

Как только у нас с Гхуръе разладились отношения, он мне заявил: «До защиты вас не допущу. Вы меня превзойдете, а я не люблю, когда мои студенты оказываются лучше меня. Иравати я не завидую, а вам – завидую. Вы, брахманы, намного хуже сарасватов. Эту боль, причиненную брахманами, я не забуду».

Нет необходимости говорить, что в число этих брахманов входила и Иравати-баи. С тех пор их отчужденность только возрастала. Иравати-баи рассказывала, что в Англии пошла на встречу с Гхуръе, а тот отказался ее принять. Вот так случай с Иравати-баи отразился на мне.

Историю с другой статьей Иравати-баи мне пересказали, но я лично убедилась в том, что это правда. Моя подруга из Нагара[25] – Сулочна Саптарши – старшая сестра д-ра Шанты Саптарши (теперь Дзоши), была ужасно хилой. Ее мать умерла от туберкулеза, и Сулочна ожидала того же. Вообще трудно сказать, где у нее не болело, из-за чего ее учеба постоянно прерывалась. В Нагаре она и Шанта учились в одном классе вместе с моей младшей сестрой, т. е. классом ниже меня. У нас с сестрой были общие подруги, поэтому и с ними обеими я тоже подружилась. Прошло уже лет двадцать, как Сулочна умерла, а с Шантой мы по-прежнему крепко связаны.

Сулочна была в Нагаре. Шанта в то время в Гиргаве[26] открыла собственную клинику. Поскольку Сулочне стало хуже, как только сестра обзавелась жильем, она приехала лечиться в Бомбей. Шанта тогда позвала меня – мы уже много лет не виделись: уехали из Нагара в 1924-м, а был уже 1938-й. В промежутке отец Сулочны женился на Маи, и мои нагарские подруги быстро убедились в ее исключительной доброте: хотя у Маи появилось четверо своих детей, она относилась к сестрам с удивительной нежностью. И очень сблизилась с Сулочной.

Когда я заехала к ним, то Сулочна еще вставала и садилась. Слово за словом – так и перебрали все нагарские события. Вот что мне тогда рассказали Сулочна и Маи: за последние лет семь Сулочна накопила огромное количество фольклорных образцов из Копаргава в Ахмаднагарском округе, общаясь с тамошними женщинами. Я удивилась: такая слабенькая – а ведь еще степень получила от Университа им. Натхибаи Тхакерси! Воспользовавшись тем, что в Копаргаве у Саптарши был свой дом, она потихоньку и насобирала весь этот фольклор. Кому же не захочется увидеть свой труд грамотно оформленным и напечатанным?

Как раз в это время Иравати-баи получила место в Декан-колледже. И отправилась в Нагар проводить антропометрию. Маи Саптарши тоже была со степенью[27]. Она открыла в Нагаре школу и приобрела вес в учительских кругах, а потом и на поприще служения обществу. Все семейство обрадовалось, что в доме оказалась такая редкая гостья. Старались ей угодить изо всех сил. Один юноша – тоже уже с какой-то степенью – начал тогда помогать ей проводить антропометрические замеры. Сулочна тоже рьяно включалась в проявление гостеприимства. Тогда же она, обращаясь за советом, и показала Иравати-баи свои папки. Иравати-баи проявила исключительную любезность и со словами «Времени сейчас нет, заберу с собой – внимательно прочитаю и скажу, что и как делать» увезла их. Из этих папок

[25] Нагар – разговорное наименование Ахмаднагара.
[26] Гиргав – район Бомбея.
[27] Под «степенями» могут подразумеваться бакалаврские и магистерские степени.

она выбрала нужные *ови*[28] и на их основе написала статью, которую опубликовала в Бхандаркарском ежегоднике. В этой статье даже нет пометки, из какого диалекта эти *ови*. Сане-гуруджи[29], к слову, разве сообщал, откуда заимствовал *ови*? Но между его сочинениями и этой статьей была разница: первый иллюстрировал духовные положения, а вторая выстраивала систему родства. В рукописи у Сулочны все было четко: название деревни, *ови*, поговорки, ритуальные загадки, обязательно имя информанта и все прочее, каста тоже указывалась. И ничего этого – ни на капельку – не было в статье Иравати-баи. Мало того, она даже не удосужилась спросить Сулочну – можно ли это использовать? Что там, если даже опубликованную статью не посчитала нужным ей отправить! Сулочна, конечно, не получила полного образования, работать не собиралась, не рассчитывала на какое-либо повышение, была фактически прикована к постели и даже чтение для нее было адским трудом. В такой ситуации то, что известная исследовательница без упоминания ее имени опубликовала ее находки, могло бы выглядеть и как благодеяние – как иначе это увидело бы свет? Сулочна раздобыла статью, когда узнала, что она вышла, к тому же на английском, и прочитала. И ужасно расстроилась. А кому жаловаться? И где доказательства? Ведь все рукописные материалы укатили в Пуну. Время от времени она пыталась себя утешить тем, что ее находки пригодились Иравати-баи. Маи понимала, как это отравляет ей жизнь. Потом Сулочна даже написала письмо в Пуну с вопросом о своих материалах, но ответа на него не получила.

Когда Маи мне это поведала, я ей сказала: «Любым способом надо забрать у Иравати-баи эту папку. Я помогу Сулочне опубликовать ее наработки в каком-нибудь журнале».

У Сулочны как раз намечались две одновременные операции – удаление желчного пузыря и аппендицита, поэтому все ужасно тревожились. Маи сказала: «Ты, конечно, права. Но посмотри на нее... Давай сначала разберемся с операциями, и если выкарабкаемся из них, то займемся бумагами. Сейчас не до того».

Операции прошли успешно, Сулочна выиграла схватку со смертью и даже начала ходить. После этого они потребовали у Иравати-баи вернуть папки. Прошел месяц. За это время Иравати-баи уже вполне закрепилась на новом месте. Вместе с д-ром Х. Д. Санклией[30] она участвовала в раскопках в Гуджарате, когда там был обнаружен знаменитый скелет человека каменного века. Она там и обмеры черепов проводила. По поводу одного женского черепа она написала статью «Ты это я, а?» в *Abhiruci* («Вкус»). Это ее продвинуло в самые высшие академические и литературные круги Махараштры. О «спектакле», который разыгрывался за «сценой» этого исследования мне потом рассказал ее первый ученик – д-р Мадхав Вагх[31]. Я об этом расскажу позднее.

Теперь у Сулочны появилась уверенность в том, что ее работу я опубликую. Потому что в Бомбее было создано Общество фольклора, и я в него вошла. Позже, после неоднократных просьб, материалы к ней вернулись. Хорошо, что, кроме упомянутых выше *ови*, ничего не пропало. К тому моменту у Иравати-баи уже не было причин суетиться по поводу таких мелочей, как фольклор: она забрала все нужное ей для структуры родства, а остальное, вероятно, посчитала нестоящим. Папку она вернула – надо ли уточнять, что выразив при этом возмущение?

В дальнейшем все исследования Сулочны я опубликовала в двух выпусках фольклорной серии. С первым пришлось намучиться, поскольку власти обрушились с обвинениями в непристойностях, и пришлось отбиваться. Тем временем к Сулочне вернулись все ее болезни, и она скончалась в Бомбее. Второй выпуск вышел уже после ее смерти, а гонорар я переправила ее отцу.

Окончание следует

[28] *Ови* – размер фольклорной поэзии, характерный для женских песнопений.

[29] Пандуранг Садашив Сане, известный как Сане-гуруджи («Сане-уважаемый учитель»; 1899–1950) – учитель, литератор, общественный деятель.

[30] Хашмукх Дхираджлал Санкалия (1908–1989) – археолог, профессор прото- и древней истории в Декан-колледже.

[31] Сведений о М. Вагхе я не нашла.

Литература / References

Глушкова И. П. *Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры*. М., 2000 [Glushkova I. P. *Indiiskoe palomnichestvo. Metafora dvizheniya i dvizhenie metafory*. Moscow, 2000].

Bhagwat D. Irawati Karve // *Āṭhavle tase*. Pune, (1991) 2014.

Karve I. "On the Road": A Maharashtrian Pilgrimage // Zelliot E., Berntsen M. (eds.). *The Experience of Hinduism: Essays on Religion in Maharashtra*. Albany, 1988.

Karve I. "Boy-friend?": An Essay // Zelliot E., Berntsen M. (eds.). *The Experience of Hinduism: Essays on Religion in Maharashtra*. Albany, 1988.

Sundar N. In the Cause of Anthropology. The Life and Work of Irawati Karve // Uberoi P., Sundar N., Deshpande S. *Anthropology in the East: Founders of Indian Sociology and Anthropology*. New Delhi, 2007.

Заказ № 04119

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 230-20-52